

М. Бондаренко

ВЕРГИЛИЙ

ХЗЛ

ВЕРГИЛИЙ

Михаил
Бондаренко

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Эта книга рассказывает о жизни древнеримского поэта Публия Вергилия Марона, автора знаменитых «Буколик», «Георгик» и «Энеиды». Уже современники сравнивали Вергилия с великим Гомером, а спустя века он стал самым известным, самым популярным и самым читаемым древнеримским поэтом. Произведения Вергилия были переведены почти на все языки мира и заняли почётное место в золотом фонде мировой литературы.

- [Вергилий](#)
  -
  - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
  - [Глава первая](#)
    - [Детство и юность](#)
    - [На краю бездны](#)
    - [«Appendix Vergiliana»](#)
    - [Первые покровители](#)
  - [Глава вторая](#)
    - [Погружение в бездну](#)
    - [«Буколики»](#)
    - [Литературный кружок Мecenата](#)
  - [Глава третья](#)
    - [Противостояние](#)
    - [Сельские будни поэта](#)
    - [«Георгики»](#)
  - [Глава четвёртая](#)
    - [Создание шедевра](#)
    - [«Энеида»](#)
    - [Смерть](#)
    - [Бессмертие](#)
  - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)

- [СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ЛИЧНЫХ ИМЕН](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУБЛИЯ ВЕРГИЛИЯ МАРОНА](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)

- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)

- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)

- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)

- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)

- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)

- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)

- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)

- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)

- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)

- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)

- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)

- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)

- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)

- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)

- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)

- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)

- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)

- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)

- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)

- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)

- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)

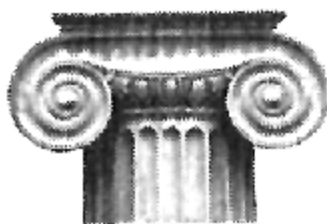
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)

- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)

- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)

- [967](#)
  - [968](#)
  - [969](#)
  - [970](#)
  - [971](#)
  - [972](#)
  - [973](#)
  - [974](#)
  - [975](#)
  - [976](#)
  - [977](#)
  - [978](#)
  - [979](#)
  - [980](#)
  - [981](#)
  - [982](#)
  - [983](#)
  - [984](#)
  - [985](#)
  - [986](#)
  - [987](#)
  - [988](#)
  - [989](#)
  - [990](#)
  - [991](#)
  - [992](#)
  - [993](#)
  - [994](#)
  - [995](#)
-

Вергилий

ЖИЗНЬ® ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1890

(1690)

*Светлой памяти моего учителя
доктора исторических наук
заслуженного профессора МГУ
Василия Ивановича Кузицина
посвящается эта книга*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лето 694 года от основания города Рима, или лето 60 года до н. э. В предрассветных сумерках широкая река Минций, что в северной Италии, лениво катит свои воды по живописной зелёной равнине. Над рекой стоит туман, мягко обволакивая заболоченные берега, густо поросшие ивами, камышом и тростником. Наступает рассвет. Первые лучи солнца освещают землю. Огромный оранжевый диск медленно поднимается над долиной. Туман над рекой постепенно рассеивается, и вода начинается сверкать и искриться под лучами восходящего солнца.

Недалеко от реки располагается небольшая сельская усадьба. Жители её уже проснулись и приступили к своим повседневным делам. Слышатся блеяние коз и мычание коров. Вот из ворот усадьбы устремляется на волю с гордым видом небольшое стадо коз, погоняемое мальчиком-пастушком. Путь их лежит к близлежащим холмам, обильно покрытым густым лесом.

Добравшись до холмов, козы разбредаются в поисках сочной росистой травы, нежных побегов ольхи, ивы или тёрна. Маленький пастушок устраивается на небольшом пригорке в тени раскидистого дуба и, пожёвывая травинку, с любопытством наблюдает за дракой двух крупных козликов, сражающихся за благосклонность стройной козочки.

Когда уже близится полдень, пастушок созывает коз и гонит их на водопой к небольшому ручью, впадающему в Минций. Каменистое ложе ручья устлано зелёным мхом и водорослями, которые нежно шевелит быстротекущая вода. Сгрудившись на бережке, козы жадно пьют холодную, кристально чистую воду.

Солнце поднимается всё выше и выше, своими горячими лучами нагревая землю. Наступает зной, и пастушок загоняет коз в тенистую рощу на берегу реки. Здесь им предстоит пастись до самого вечера, пока не спадёт жара. Пастушок усаживается на мягкой траве под тенистым деревом, достаёт свирель и начинает наигрывать нехитрый сельский мотив. Утомлённые зноем козы располагаются вокруг него на траве под деревьями. А вокруг природа живёт своей жизнью: шумят и поют в кронах деревьев многочисленные птицы, громко стрекочут цикады, квакают лягушки. На растущем поблизости дубе находится гнездо пчёл. Эти маленькие создания наполняют воздух своим негромким гудением и роятся над небольшой полянкой, сплошь заросшей нежными лесными цветами.

Подходит время обеда, и пастушок, решив подкрепиться, развязывает свою котомку и достаёт несколько лепёшек и сушёных смокв. Между тем небо темнеет и хмурится, собираются тяжёлые, будто налитые свинцом, грозовые тучи. Мальчик спешит укрыть стадо в небольшой, увитой лозами дикого винограда пещере в склоне ближайшего холма. И вовремя! Едва он успевает со стадом достичь пещеры, как налетает первый резкий порыв свежего ветра и падают первые капли дождя. Раздаётся первый удар грома, и тут же на иссушенную зноем землю с грохотом обрушиваются потоки ливня. Притихшие козы, сгрудившись в глубине пещеры, с беспокойством шевелят ушами и поглядывают на своего хозяина. Пастушок же, устроившись на большом валуне недалеко от входа в пещеру, насвистывая, с восторгом смотрит на сверкание молний в небе и на потоки воды, заливающие долину.

Наконец гроза ослабевает, и ливень превращается в простой летний дождик, который быстро кончается. В воздухе разливается неповторимая свежесть. Капли

воды стекают по листьям деревьев и мерно падают на влажную землю. Одна из молодых козочек, видимо от испуга, рождает козлёнка, которого мальчик бережно заворачивает в свою одежду. Он выгоняет стадо из пещеры и вновь отправляет его пастись.

Близится вечер. Начинают сгущаться сумерки, и туман от реки постепенно окутывает окружающие холмы. Солнце медленно скрывается за горизонтом, и пастушок вновь созывает пасущихся коз на водопой. Когда в небе зажигаются первые звёзды, он, бережно взяв новорождённого козлёнка на руки, гонит сытых и довольных животных по направлению к усадьбе, где его уже ждут родители и приготовлен нехитрый сельский ужин.

Ночь медленно опускается на речную долину, затихают птицы, и только стрекот цикад продолжает раздаваться во тьме. Звёздное небо раскрывается во всём своём великолепии. То тут, то там с небосвода падают метеоры, оставляя за собой длинный огненный след. Маленький пастушок незаметно выбирается из усадьбы и, устроившись на ближайшем пригорке, с любопытством наблюдает за звездопадом.

Этого пастушка зовут Публий Вергилий Марон. Пройдут десятилетия, и он создаст свои знаменитые стихотворные труды — «Буколики», «Георгики» и «Энеиду», и славой своей сравняется с великим греческим поэтом Гомером. Пройдут столетия, и его произведения переведут на все языки мира. Он станет самым известным, самым популярным и самым читаемым древнеримским поэтом. Христиане будут почитать его как предсказателя рождения Иисуса Христа и опасаться как волшебника и чернокнижника. На протяжении двух тысяч лет школьники и студенты многих стран мира будут прилежно изучать его бессмертные произведения, а учёные напишут о нём сотни книг и тысячи статей. Но всё это будет потом...

Глава первая
«В ДНИ БЛАГОДАТНОЙ ВЕСНЫ,
КОГДА РАСПУСКАЮТСЯ
ПОЧКИ...»[\[1\]](#)

Детство и юность

Публий Вергилий Марон (*Publius Vergilius Maro*) родился в деревушке Анды (*Andes*, современная Пьетоле) близ Мантуи в октябрьские иды^[2], в первое консульство Гнея Помпея Магна и Марка Лициния Красса^[3], то есть 15 октября 70 года^[4]. «Публий» — это обычное римское личное имя (*praenomen*). «Вергилий» — указывает на происхождение из рода Вергилиев (*nomen gentile*). «Марон» — это семейное прозвище (*cognomen*), которое на этрусском языке (*maru*) обозначает городского чиновника со жреческими функциями и близко по своему значению к римскому термину «эдил» (*aedilis*)^[5].

Рождение поэта со временем было овеяно легендами. Историк Гай Светоний Транквилл сообщает, что «матери его во время беременности приснилось, будто она родила лавровую ветвь, которая, коснувшись земли, тут же пустила корни и выросла в зрелое дерево со множеством разных плодов и цветов. На следующий день, направляясь с мужем в ближнюю деревню, она свернула с пути и в придорожной канаве разрешилась от бремени»^[6]. Эту канаву, в которой родился Вергилий, особо почитали и показывали в Пьетоле ещё в XI веке, точно так же как и скромный домик с прилегающим полем, некогда принадлежавший семье поэта^[7].

Другим предзнаменованием счастливой судьбы Вергилия «было то, что ветка тополя, по местному обычаю сразу посаженная на месте рождения ребёнка, разрослась так быстро, что сравнялась с тополями, посаженными намного раньше; это дерево было названо «деревом Вергилия» и чтилось как священное

беременными и роженицами, благоговейно дававшими перед ним и выполнявшими свои обеты»^[8].

В соответствии с римскими обычаями спустя девять дней после рождения младенца приносили очистительные жертвы богам, и только потом новорождённому давали имя. Счастливые родители приглашали ближайших родственников и соседей, которые дарили младенцу защитные амулеты и игрушки. Иногда, если это было по средствам родителям, гостям предлагалось небольшое угощение. Забота о ребёнке возлагалась на его мать или рабыню-няньку.

Семья Вергилия была скромной и неродовитой. Иногда считается, что отец будущего поэта — Вергилий Марон — начинал простым ремесленником-горшечником. Однако «по мнению же большинства, он служил сперва подёнщиком у рассыльного Магия, благодаря усердию вскоре стал его зятем и потом, скупая добротные леса и разводя пчёл, сильно приумножил небольшое состояние»^[9]. Мать Вергилия звали Магия Полла^[10]. Много споров вызывает национальность Вергилия. Кем только его не считали — и потомком римских колонистов, и этруском, и венетом, и кельтом!

Усадьба отца Вергилия располагалась близ деревушки Анды. В первом стихотворении (эклоге) своего сборника «Буколики» Вергилий упоминает Мانتую, не указывая, впрочем, её названия^[11], а также описывает знакомые с детства берега реки Минций (ныне Минчо) и окрестности деревни Анды:

Счастье тебе, за тобой под старость земля
остаётся —

Да и довольно с тебя, хоть пастбища все

окружает
Камень нагой да камыш, растущий на иле
болотном.
Не повлияет здесь корм непривычный на маток
тяжёлых,
И заразить не сможет скота соседское стадо.
Счастье тебе, ты здесь на побережьях будешь
знакомых
Между священных ручьёв наслаждаться
прохладною тенью.
Здесь, на границе твоей, ограда, где
беспрестанно,
В ивовый цвет залетя, гиблейские трудятся
пчёлы,
Часто лёгким ко сну приглашать тебя шёпотом
будет.
Будет здесь петь садовод под высокой скалой,
на приволье.
Громко — любимцы твои — ворковать будут
голуби в роще,
И неустанно стенать на соседнем горлинка
вязе^[12].

Судя по словам поэта, явно относящимся к отцовским владениям в Андах, их усадьба была небольшой и располагалась в речной долине, богатой обильными пастбищами, орошаемыми многочисленными ручьями и родниками. С одной стороны усадьба примыкала к низким холмам, поросшим буками, дубами и соснами, а с другой стороны — подступала к болотистому берегу Минция, густо заросшему ивами, камышом и тростником^[13].

Соседи отца Вергилия, свободные крестьяне-землевладельцы, жили в небольших и довольно

простых домах. Семьи были многодетными. Например, сам Вергилий имел двух родных братьев — младшего Силона и старшего Флакка^[14]. Обычно крестьяне обрабатывали принадлежавшую им землю силами своей семьи, но была сильна и соседская взаимовыручка: во время сенокоса, жатвы или уборки винограда соседи всегда стремились помогать друг другу^[15]. Лишь зажиточные крестьяне могли позволить себе иметь нескольких рабов. Считается, что размер крестьянского надела колебался от двух до тридцати югеров, но в основном был около 10-20 югеров. Средний же размер земельного надела зажиточного крестьянина составлял примерно 20-30 югеров.

Крестьяне занимались в основном земледелием, используя как трёхпольную, так и двухпольную систему^[16]. Им были известны особенности обработки жирных и рыхлых почв, важность применения удобрений (золы или навоза)^[17]. Среди сельскохозяйственных орудий, использовавшихся итальянскими крестьянами, были плуг с железным лемехом, борона, мотыга, молотильный каток, двурогие вилы, серп, всевозможные плетёнки^[18]. Сеяли пшеницу, полбу, ячмень, просо, овёс, чечевицу, бобы, горох, вику, люпин, лён, мак^[19].

Большую роль в хозяйстве играл скот, который держали даже самые бедные семьи. На волах пахали землю и перевозили готовый урожай^[20]; овцы и козы давали мясо, молоко, сыр, шерсть и шкуры, а свиньи — мясо и кожу. Кроме того, непременно разводили кур или гусей. Тем не менее мясо крестьяне ели довольно редко, в основном по религиозным праздникам, во время жертвоприношений богам — покровителям сельского хозяйства^[21].

Почти в каждом крестьянском хозяйстве имелся хотя бы небольшой виноградник, поскольку вино играло

важнейшую роль в пищевом рационе. При этом крестьяне предпочитали устраивать не шпалерный виноградник, а небольшой *arbustum* — своего рода виноградный сад, где рядом с лозами сажали деревья, которые виноградные побеги обвивали до самой верхушки^[22]. Правда, сбор винограда в этом случае был сопряжён с определёнными трудностями, так как деревья со временем достигали большой высоты.

Сажали также фруктовые и оливковые деревья, не требующие особого ухода^[23]. По словам древнеримского агронома Колумеллы, сушёные фрукты, особенно яблоки и груши, составляли «немалую часть зимнего пропитания, являясь для сельского населения приправой к хлебу, так же как и винные ягоды (смоквы. — *М. Е.*), которые, будучи высушены впрок, служили зимой подспорьем для селян»^[24]. Иногда из фруктов, например из яблок, груш, смокв, даже делали вино. Маринованные маслины также были важной частью рациона, как, впрочем, и разнообразные овощи. Рядом с любым крестьянским домиком обычно находился небольшой огорожок, где выращивали капусту, лук, чеснок, щавель, салат, свёклу, морковь, укроп, сельдерей и прочее^[25].

Детство Вергилия проходило на лоне природы и, вероятно, мало чем отличалось от детства других детей из небогатых крестьянских семей. Уже с ранних лет они приучались помогать родителям во время сельскохозяйственных работ, пасти скот, полоть сорняки, собирать урожай, ухаживать за молодняком. Тем не менее мальчишки не забывали о всевозможных детских забавах и играх: в прятки, в войну, в суд, в кости, в орехи, в орёл или решку, в чет или нечет, в мяч, который перекидывали друг другу или бросали о стену, в кубарь — небольшой деревянный конус, обычно из букса (самшита), который вращали на земле с помощью

специального ремня. Вот как описывал игру в кубарь сам Вергилий:

Так от ударов бича кубарь бежит и кружится,
Если дети его на дворе запускают просторном;
Букс, гонимый ремнём, по дуге широкой
несётся,
И, позабыв за игрой обо всём, глядит и дивится
Дружно проворству его толпа простодушных
мальчишек,
Пуще стараясь взбодрить кубарь ударами [\[26\]](#).

Сочинять стихотворения Вергилий начал довольно рано. Уже в подростковом возрасте он написал стишок про школьного учителя Баллисту, которого, как разбойника, побили камнями:

Здесь, под грудой камней, лежит погребённый
Баллиста,
Путник, и ночью и днём стал безопасен твой
путь [\[27\]](#).

Не всем крестьянским детям удавалось получить образование. Тем не менее начальные школы имелись в каждом, даже самом захолустном, итальянском городке, и учились в них дети из небогатых городских или крестьянских семей, в том числе и Вергилий. Такие школы были исключительно частными заведениями, и открывали их обычно образованные бедняки (вольноотпущенники, бывшие солдаты, разорившиеся

крестьяне и ремесленники) по своему желанию, без какой-либо регламентации со стороны Римского государства. Школы располагались, как правило, в тесных, неудобных помещениях, а иногда и просто на улице, под портиками городского форума. Обстановка была очень скудная: стул учителя, скамьи учеников. Занятия начинались с восходом солнца и длились почти до вечера, с перерывом на послеполуденный завтрак. Каникулы продолжались с 15 июня по 15 октября, то есть от июньских до октябрьских ид; по праздникам школы тоже не работали.

Обучение мальчиков обычно начиналось с семилетнего возраста. Перед учителем стояла непростая задача научить детей чтению, письму и счёту. Писали ученики острыми стилями (костяными или железными палочками) на покрытых тонким слоем воска деревянных дощечках-табличках, которые держали на коленях; для счёта использовали собственные пальцы и счётную доску (абак). За малейшее неповиновение учеников наказывали розгами. Поэт Марк Валерий Марциал едко высмеивает крики рассерженных учителей, раздававшиеся по утрам и ставшие притчей во языцех:

Что донимаешь ты нас, проклятый школьный
учитель,
Невыносимый для всех мальчиков, девочек
всех?
Ночи молчанья петух хохлатый ещё не нарушил,
Как раздаются уже брань и побои твои.
Так наковальня гремит, когда с грохотом бронза
куётся,
Если сажать на коня стряпчего станет кузнец.
Тише неистовый шум в огромном амфитеатре,
Коль победителя щит кликами встречен толпы.

Часть хоть ночи проспять нам дай, — умоляют соседи, —
Ладно, коль будят пять раз, вовсе ж не спать тяжело.
Учеников распусти! Не желаешь ли с нас, пустомеля.
Сколько за ругань берёшь, ты за молчание взять?^[28]

Образование детей бедняков продолжалось около пяти лет и ограничивалось начальной школой. Дети из богатых семей, напротив, продолжали учиться дальше и в 12-13 лет переходили в специальные грамматические школы, где оттачивали свои знания латинского и греческого языков, изучали труды прославленных греческих и латинских писателей. В 15-16 лет мальчики достигали совершеннолетия и надевали белую мужскую тогу, являвшуюся символом полноправного римского гражданина. Вместе с родителями они отправлялись в ближайший храм и приносили благодарственные жертвы богам.

Последней ступенью образования являлась школа ритора. Здесь юноши примерно с шестнадцатилетнего возраста обучались ораторскому искусству и готовились к политической или судебной деятельности (в качестве адвокатов или обвинителей). Это был своего рода «университет» того времени, и обучение у ритора стоило очень дорого. Ученики штудировали произведения известных ораторов, постигали особые ораторские приёмы, сочиняли речи на заданные темы. Окончившие риторскую школу, как правило, делали успешную карьеру и обеспечивали себе безбедную жизнь.

Благодаря своему отцу, который накопил значительные средства на обучение сына, Вергилий прошёл все три ступени образования. Начальную школу он посещал, очевидно, в родной Мантуе, замечательную природу которой не раз описывал в своих произведениях^[29].

В I веке до н. э. Мантуя была уже довольно крупным городом в Цизальпинской Галлии. Располагалась она первоначально на небольшом острове, омываемом тихими водами реки Минций. Древнейшее поселение на месте Мантуи основали этруски ещё в VI веке до н. э. Вергилий так писал об этом в поэме «Энеида»:

Также и Окн привёл отряд из отчего края,
Тибра этрусского сын и Манто, провидицы
вещей;
Стены тебе он, Мантуя, дал и матери имя.
Мантуя, предки твои от разных племён
происходят:
Три здесь народа живут, по четыре общины в
каждом;
Кровью этрусской сильна, их столицей Мантуя
стала^[30].

Позднее этрусков изгнали прибывшие с севера галлы-ценоманы, а около 220 года римляне полностью подчинили Мантую своей власти и основали здесь колонию. Тем не менее ещё очень долгое время этот город продолжал считаться этрусским^[31].

Точно неизвестно, как выглядела Мантуя во времена Вергилия. Скорее всего, она мало отличалась от других провинциальных италийских городов, как правило, окружённых мощными крепостными стенами. Благодаря

близости реки проблем с водоснабжением у жителей не было. Главным центром общественной жизни Мантуи, как и в других италийских городах, был форум — центральная площадь, на которой находились общественные здания и храмы. Обычно здесь заседал городской совет, проводились выборы городских магистратов, совершались официальные жертвоприношения богам города, разбирались судебные дела, заключались торговые сделки. Окружавшие форум каменные портики служили защитой от непогоды и жары^[32].

Окончив начальную школу в Мантуе, будущий поэт был отправлен отцом в 58 году в грамматическую школу в Кремоне^[33]. Эта старинная римская колония, основанная в 218 году, находилась недалеко от Мантуи и являлась одним из важнейших оплотов римской власти в регионе. Известно, что в Кремоне некоторое время проживал отец поэта^[34], поскольку он имел статус римского гражданина.

В 55 году Вергилий достиг совершеннолетия и переехал в Медиолан (современный Милан), где продолжил учёбу уже в риторической школе^[35]. Наконец, почувствовав себя достаточно подготовленным, юный Вергилий в конце 54 или в 53 году прибыл в Рим и поступил в риторическую школу Эпидия^[36]. Это была одна из самых известных и дорогих школ того времени. Достаточно сказать, что у Эпидия учился юный Октавий (63 до н. э. — 14 н. э.) — будущий император Август, а также Марк Антоний^[37]. Обучаясь в Риме, Вергилий большое внимание уделял не только гуманитарным наукам, но и медицине, математике и астрономии^[38].

Римская столица располагалась в области Лаций на берегу реки Тибр на небольших холмах, которых всего семь: Капитолий, Палатин, Квиринал, Виминал,

Эсквилин, Целий, Авентин. На противоположном берегу Тибра высятся холмы Яникул и Ватикан, ныне находящиеся на территории города. На Капитолийском холме помещались крепость и большая площадь, на которой возвышались самые известные и почитаемые римские святилища — храмы Юпитера Сильнейшего Величайшего (Капитолийского), Юпитера Феретрия, Верности, Чести и Мужества и другие.

Именно на холмах, где воздух был чище и шума было меньше, жили в своих роскошных дворцах богачи и аристократы. Между холмами, в сырых низинах располагались жилые дома простых людей, а также форум, Коровий рынок, Большой цирк и основные торговые улицы. Форум был центром общественной и государственной жизни Рима. Здесь, например, находились храмы Сатурна, Согласия, Кастора и Поллукса, несколько базилик, где заседали судьи и размещались торговцы, курия для собраний сенаторов, специальная трибуна для ораторов (Ростры). К форуму примыкали главные городские улицы, известные своими торговыми лавками и ремесленными мастерскими. Это прежде всего Священная дорога, на которой торговали золотыми украшениями, драгоценными камнями, цветами и фруктами; Аргилет, где в книжных лавках можно было купить произведения известнейших писателей; Субура, где продавали различные продукты, ткани, одежду, обувь и туалетные принадлежности; Этрусская улица, славившаяся своими парфюмерными лавочками, дорогими тканями и роскошной одеждой. Последняя вела к Велабру и Коровьему рынку — двум самым известным римским рынкам. Велабр поражал разнообразием предлагаемых вин, масел, сыров, рыбы, мяса и прочей снеди, а на Коровьем рынке некогда шла бойкая торговля скотом.

Как же протекала повседневная жизнь в столице в то время? Рим в середине I века до н. э. был весьма

тесным и шумным городом. В центре, на форуме и на основных торговых улицах постоянно кипело и клокотало людское море. Днём Рим переполняли невыносимый гул и шум от ремесленных мастерских, вопли детей и ругань школьных учителей, крики многочисленных торговцев, зазывающих клиентов в свои лавки, разносчиков и цирюльников.

Городские улицы, за редким исключением, были кривыми и узкими, на них с трудом могли разъехаться две повозки. Самая большая ширина, зафиксированная археологами, составляла не более семи-восьми метров. Вот как описывал сатирик Ювенал уличное столпотворение в Риме:

...а нам, спешащим, мешает
Люд впереди, и мнёт нам бока огромной толпою
Сзади идущий народ: этот локтем толкнёт, а тот
палкой
Крепкой, иной по башке тебе даст бревном иль
бочонком;
Ноги у нас все в грязи, наступают большие
подошвы
С разных сторон, и вонзается в пальцы военная
шпора.
Видишь дым коромыслом? — Справляют в
складчину ужин:
Сотня гостей, и каждый из них с своей
собственной кухней;
Сам Корбулон не снесёт так много огромных
сосудов,
Столько вещей, как тот маленький раб, прямой
весь, бедняга,
Тащит, взяв на макушку, огонь на ходу
раздувая.
Туники рвутся, едва зачиненные; ёлку шатает

С ходом телеги, сосну привезла другая повозка;
Длинных деревьев шатанье с высот угрожает
народу.

Если сломается ось, что везёт лигурийские
камни,

И над толпой разгрузит эту гору, её опрокинув,
—

Что остаётся от тел? кто члены и кости отыщет?

[\[39\]](#)

Не было покоя и ночью: громыхали по уличным
мостовым многочисленные телеги, везущие различные
товары и продукты, поскольку по закону Цезаря от 45
года им был воспрещён въезд днём на территорию
города (для ввоза строительных материалов при
постройке общественных зданий было сделано
исключение), кричали бурлаки на Тибре, тянувшие
баржи с зерном, и грузчики, разгружавшие суда в
гавани[\[40\]](#). Позднее поэт Марциал жаловался, что ему
даже приходится на ночь уезжать из Рима в
пригородное имение, чтобы выспаться:

Зачем, ты хочешь знать, в сухой Номент часто
На дачу я спешу под скромный кров Ларов?
Да ни подумать, Спарс, ни отдохнуть места
Для бедных в Риме нет: кричит всегда утром
Учитель школьный там, а ввечеру — пекарь;
Там день-деньской всё молотком стучит медник;
Меняло с кучей здесь Нероновых денег
О грязный стол гремит монетой со скуки,
А там ещё ковач испанского злата
Блестящим молоточком стёртый бьёт камень.
Не смолкнет ни жрецов Беллоны крик дикий,

Ни морехода с перевязанным телом,
Ни иудея, что уж с детства стал клянчить,
Ни спичек продавца с больным глазом.
Чтоб перечислить, что мешает спать сладко,
Скажи-ка, сколько рук по меди бьют в Риме,
Когда колхидской ведьмой затемнён месяц?
Тебе же, Спарс, совсем и невдомёк это,
Когда ты нежишься в Петильевом царстве
И на вершины гор глядит твой дом сверху,
Когда деревня — в Риме, винодел — римский,
Когда с Фалерном винограда сбор спорит,
А по усадьбе ты на лошадях едешь,
Где сон глубок, а голоса и свет солнца
Покой нарушить могут, лишь когда хочешь.
А нас толпы прохожих смех всегда будит,
И в изголовье Рим стоит. И вот с горя
В изнеможение я на дачу спать езжу [\[41\]](#).

Ночью Рим страдал не только от шума, но и от бандитизма. Улицы города не освещались и, если на небе не было луны, погружались в непроглядную тьму. Люди крепко запирались в своих домах и лавках и старались без серьёзной надобности не показываться на улицах. Если всё же нужно было выйти, то богачи обычно передвигались по ночному городу в сопровождении многочисленных вооружённых рабов с факелами, а беднякам оставалось только уповать на свою удачу при встречах с грабителями или убийцами [\[42\]](#).

Богатые римляне жили в особняках и дворцах, защищённых от городского шума. Все остальные жители Рима, в том числе и большинство писателей, могли только мечтать о тишине, поскольку обитали в многоэтажных доходных домах — инсулах (*insula*).

Первые инсулы появились в Риме в IV веке до н. э., а в III веке до н. э. они стали настолько распространены, что уже не вызывали любопытства. В I веке до н. э. высота римских инсул стала превышать все мыслимые размеры. Императору Августу даже пришлось издать закон, согласно которому запрещалось строить многоэтажные дома выше 20 метров^[43]. Основной причиной роста инсул в высоту была серьёзная перенаселённость города. Как писал в то время архитектор Витрувий, «при настоящей же значительности Рима и бесконечном количестве граждан имеется необходимость в бесчисленных жилых помещениях. Поэтому, раз одноэтажные постройки не в состоянии вместить такое множество жителей Рима, пришлось тем самым прибегнуть к помощи увеличения высоты зданий»^[44]. Кроме того, поскольку городская земля была весьма дорога, будущий домовладелец стремился приобрести земельный участок подешевле и выстроить на нём инсулу повыше.

В инсулах, как правило, было три, четыре или пять этажей. На каждый этаж с улицы вела своя лестница; окна инсулы обычно смотрели и во двор, и на улицу; на этажах иногда устраивались лоджии или балкончики, украшавшиеся растениями в горшках. На первом, самом привилегированном этаже селились зажиточные люди или размещались торговые лавки, а на остальных этажах находились квартиры. Количество комнат в квартирах варьировалось, поскольку все инсулы по величине и плану отличались друг от друга и предназначались для различных слоёв населения. Были инсулы для небогатых людей с одно- или двухкомнатными квартирами, а были и для богачей с многокомнатными квартирами. В больших квартирах обычно имелась «парадная» комната, со стенами,

покрытыми росписью, где хозяин принимал гостей, а также кухня, где рабы готовили еду.

Тем не менее жильцы инсул постоянно испытывали бытовые неудобства и даже рисковали жизнью. Например, инсулы часто обваливались по причине непрочности стен, при возведении которых домовладельцы экономили на строительных материалах. Сатирик Ювенал так писал об этом:

Тот, кто в Пренесте холодной живёт, в лежащих
среди горных
Лесом покрытых кряжей Вольсиниях, в Габиях
сельских,
Там, где высокого Тибура склон, — никогда не
боится,
Как бы не рухнул дом; а мы населяем столицу
Всю среди тонких подпор, которыми держит
обвалы
Домоправитель: прикрыв зияние трещин
давнишних,
Нам предлагают спокойно спать в нависших
руинах^[45].

Настоящим бедствием для Рима были пожары, и первыми загорались как раз инсулы, при строительстве которых широко применялось дерево (балки перекрытий, стропила, перегородки, лестницы, дверные и оконные переплёты). В связи с этим Ювенал с горькой иронией заметил:

Жить-то надо бы там, где нет ни пожаров, ни страхов.

Укалегон уже просит воды и выносит пожитки,
Уж задымился и третий этаж, — а ты и не
знаешь:
Если с самых низов поднялась тревога у
лестниц,
После всех погорит живущий под самою
крышей,
Где черепицы одни, где мирно несутся
голубки...[\[46\]](#)

Зимой в инсулах было очень холодно. Горячим воздухом от специальной печи-гипокауста можно было обогреть только первый этаж инсулы, да и то не всегда была такая возможность. Верхние же этажи вообще не отапливались, и согреться можно было только с помощью переносных жаровен, на которых ещё и разогревали пищу.

Искры и горячие угли от жаровен часто становились причиной пожаров. Потушить начавшийся пожар в инсуле было очень сложно, поскольку отсутствовал водопровод. Если во двор или на первый этаж инсулы некоторые хозяева ещё могли провести воду, то на верхние этажи её приходилось таскать со двора, из ближайшего колодца или фонтана[\[47\]](#).

Канализации в римских инсулах тоже не было, и жильцы были вынуждены пользоваться соседней выгребной ямой, навозной кучей или ближайшей общественной уборной. Однако частенько отходы и мусор просто выбрасывали в окна:

...Как часто из окон открытых
Вазы осколки летят и, всей тяжестью
брякнувшись оземь,

Всю мостовую сорят. Всегда оставляй
завещанье,
Идя на пир, коль ты не ленив и случайность
предвидишь:
Ночью столько смертей грозит прохожему,
сколько
Есть на твоём пути отворенных окон неспящих;
Ты пожелай и мольбу принеси униженную, дабы
Был чрез окно ты облит из горшка ночного
большого^[48].

При дефиците воды, необходимой для влажной уборки, отсутствии канализации и мусоропровода верхние этажи инсул быстро зарастали грязью, становились рассадниками инфекций, обиталищем клопов и тараканов.

Поскольку оконные стёкла были дороги и использовались в инсулах очень редко, защититься от холода, ветра и ливня можно было, лишь плотно закрыв окна деревянными ставнями. При этом жильцы оказывались в темноте и были вынуждены пользоваться чадившими масляными светильниками, неосторожное обращение с которыми нередко тоже приводило к пожарам.

Несмотря на всё вышесказанное, квартирная плата в Риме была очень высока из-за большого спроса на жильё^[49]. Бедняки могли позволить себе лишь каморки на самых верхних этажах, «под черепицей», или же несколько семей снимали небольшую квартирку в складчину. Самые бедные довольствовались сырыми подвалами или грязными каморками под лестницами. В случае задержки квартплаты хозяин имел право наложить арест на имущество жильца и вынудить покинуть квартиру.

Обстановка в небольшой квартирке «под черепицей» была весьма простой: деревянная кровать с тюфяком, набитым сушёными водорослями или сеном, сундук для одежды, столик, пара табуреток, жаровня, немного посуды^[50].

Поэт Марциал так описал выселение из инсулы за долги бедной семьи со всем её имуществом:

Позор Календ июльских, я тебя видел,
Вакерра, видел я и всю твою рухлядь.
Весь скарб, в уплату за два года не взятый,
Тащила мать седая и сестра-дылда
С женой твоею рыжей о семи космах.
Как будто Фурий видел я из тьмы Дита!
За ними следом ты дрожащий шёл, тощий,
Бледнее древесины старого букса,
Собой напоминая наших дней Ира.
На Арицийский холм как будто ты ехал.
С трёхногой койкой плёлся стол о двух ножках,
А рядом с фонарём и роговой плоской
Горшок мочился битый в трещину с края;
А под жаровней ржавой был кувшин с шейкой:
Что был пескарь там иль негодная килька,
Оттуда шедший мерзкий выдавал запах,
Каким едва ли из садков несёт рыбных.
Был и огрызок там толосского сыра,
Пучок порея чёрный, четырёхлетний,
От чеснока и лука голые перья,
Старухи банка со смолой на дне гадкой,
Какой выводят волос под Стеной жёнки.
Зачем, ища жилья, тревожить зря старост
Тебе, Вакерра, раз ты мог бы жить даром?
На мост бы к нищим лучше шла твоя свита^[51].

Поскольку молодой Вергилий не имел богатых родственников в столице, ему, очевидно, как и многим другим молодым людям, приехавшим из провинции, приходилось вместе со своими рабами снимать небольшую квартиру или даже комнатку в инсуле.

Несмотря на шумные ночи, жителям Рима приходилось очень рано вставать с постели — почти на рассвете. Искусственное освещение в ту эпоху было крайне несовершенным (масляные лампы, факелы) и затратным делом, поэтому дневным светом весьма дорожили. Поднявшись с кровати, сначала обувались, а потом уже одевались и умывались.

Одежда горожан делилась на верхнюю и нижнюю. К мужской верхней одежде относилась тога, которую был обязан постоянно носить каждый римский гражданин. Тoga представляла собой большой овальный кусок белой шерстяной материи (примерно 6х2 метра), в который ещё нужно было уметь завернуться. Дети и высшие магистраты носили тогу, окаймлённую пурпурной полосой. Тoga была весьма характерной и традиционной одеждой, что позволило Вергилию именовать римлян как «облачённое тогою племя»^[52]. К верхней одежде относились ещё несколько видов плащей, надевавшихся по разным случаям. Основной нижней одеждой и для мужчин, и для женщин служила шерстяная туника — нечто вроде длинной рубахи с короткими рукавами, доходившей до икр. Её носили под тогой на голое тело и обязательно подпоясывали. У сенаторов и всадников туники имели пурпурные вертикальные полосы как знак их достоинства. Характерной женской верхней одеждой служила стoла — длинное и широкое одеяние со множеством складок, доходившее до пят и перепоясанное под грудью и ниже талии.

После завершения несложного утреннего туалета мужчины отправлялись бриться (иногда и стричься) к цирюльнику, поскольку самостоятельно никто этого не делал. Бритьё являлось весьма неприятной процедурой, поскольку цирюльники брили железными лезвиями, наточить которые до нужной остроты было практически невозможно. Более того, римляне не знали мыла, и кожа лица, соответственно, ничем не умягчалась и её лишь слегка споласкивали обычной водой. В силу этого большую роль при бритье играли навыки цирюльника, который старался брить не спеша, чтобы ненароком не порезать клиента. Однако способных цирюльников было мало, и римлянам иной раз приходилось испытывать подлинные мучения, над чем не преминул посмеяться поэт Марциал:

Кто не стремится ещё спуститься к теням
стигийским,
От Антиоха тогда пусть брадобрея бежит.
Бледные руки ножом не так свирепо терзают
Толпы безумцев, входя в раж под фригийский
напев;
Много нежнее Алкон вырезает сложную грыжу
И загрубелой рукой режет осколки костей.
Киников жалких пускай и бороды стоиков бреет,
Пусть он на шее коней пыльную гриву стрижёт!
Если бы стал он скоблить под скифской скалой
Прометея,
Тот, гологрудый, свою птицу бы звал — палача;
К матери тотчас Пенфей побежит, Орфей же —
к менадам,
Лишь зазвенит Антиох страшною бритвой своей.
Все эти шрамы, в каких ты видишь мой
подбородок,
Эти рубцы, как на лбу у престарелых борцов,

Сделала мне не жена в исступлении диком
ногтями:

Их Антиох мне нанёс бритвою в наглой руке.

Лишь у козла одного из всех созданий есть
разум:

Бороду носит и тем от Антиоха спасён [\[53\]](#).

Тем не менее в тот период римляне брились постоянно, и только очень серьёзные обстоятельства могли заставить их уклониться от этого традиционного утреннего ритуала.

После часа мучений у цирюльника следовал лёгкий завтрак (*jentaculum*), который состоял обычно из хлеба, воды, сыра, солёных маслин, сухофруктов. Затем римляне полностью погружались в свои хозяйственные дела по дому или же шли на службу, в суд, на рынок, к друзьям или родственникам, чтобы поприсутствовать на свадьбах или похоронах, праздниках в честь совершеннолетия и т. п. Клиенты же устремлялись к дверям своих патронов, чтобы первыми их поприветствовать и получить желанную подачку.

К полудню все старались закончить свои дела и приступить ко второму, более обильному, чем утренний, послеполуденному завтраку (*prandium*), состав которого был уже более значительным: вино, сыр, хлеб, холодное мясо, солёная рыбёшка, яйца, различные овощи и фрукты. Затем следовал небольшой послеполуденный отдых (вроде современной сиесты в южных странах). Отдохнув, обыватели часто отправлялись на прогулку по крупнейшим торговым улицам Рима или же на Марсово поле, лежащее в излучине реки Тибр. На Марсовом поле обычно проводились народные голосования, спортивные соревнования и военные смотры, а под великолепными мраморными портиками,

украшенными картинами и статуями известнейших мастеров, собиралась самая разнообразная гуляющая публика и велась торговля предметами роскоши.

Важным местом досуга и отдыха римлян были городские бани. Они получили широкое распространение в Риме ещё во II веке до н. э., так что к концу I века до н. э. их насчитывалось в городе уже около двух сотен. Первые большие городские общественные бани (термы) были возведены во второй половине I века до н. э. по инициативе Марка Випсания Агриппы, ближайшего соратника Августа.

Как правило, римляне посещали бани около двух часов дня, незадолго до обеда, уже закончив все свои насущные дела. Богачи приходили в термы в сопровождении своих многочисленных рабов, помогавших им раздеваться и стороживших одежду. Бедняки же обслуживали себя сами и иной раз испытывали неудобства. Раздевались в специально предназначенном для этого помещении — аподитерии, затем шли в натопленный тепидарий — своеобразную сухую парилку, где подготавливали тело к горячим или холодным ваннам. После этого направлялись либо в кальдарий с его горячими ваннами, либо во фригидарий, где находился бассейн с прохладной водой. В термах обычно работали массажисты и цирюльники, предлагавшие свои услуги платёжеспособным посетителям, а также торговцы сладостями и прочей снедью. Иногда рядом с банями размещались палестры, а также залы для бесед и отдыха. Здесь занимались гимнастикой, чтобы размяться перед мытьём, а также играли в мяч, заводили полезные знакомства, читали книги или слушали поэтов. Омовение в термах имело очень важное гигиеническое значение, поскольку одевались римляне в шерстяную одежду и в жарком южном климате постоянно обливались потом.

Описание весёлой атмосферы, царившей в банях, сохранилось в одном из писем философа Сенеки: «Сейчас вокруг меня со всех сторон — многоголосый крик: ведь я живу над самой баней. Вот и вообрази себе всё разнообразие звуков, из-за которых можно возненавидеть собственные уши. Когда силачи упражняются, выбрасывая вверх отягощённые свинцом руки, когда они трудятся или делают вид, будто трудятся, я слышу их стоны; когда они задержат дыхание, выдохи их пронзительны, как свист; попадётся бездельник, довольный самым простым умощением, — я слышу удары ладоней по спине, и звук меняется смотря по тому, бьют ли плашмя или полую ладонью. А если появятся игроки в мяч и начнут считать броски — тут уж всё кончено. Прибавь к этому и перебранку, и ловлю вора, и тех, кому нравится звук собственного голоса в бане. Прибавь и тех, кто с оглушительным плеском плюхается в бассейн. А кроме тех, чей голос, по крайней мере, звучит естественно, вспомни про выщипывателя волос, который, чтобы его заметили, извлекает из гортани особенно пронзительный визг и умолкает, только когда выщипывает кому-нибудь подмышки, заставляя другого кричать за себя. К тому же есть ещё и пирожники, и колбасники, и торговцы сладостями и всякими кушаньями, каждый на свой лад выкликающие товар»^[54].

На вторую половину дня, на время после прогулки и бани, приходился обед (*септа*) — главный приём пищи. На него помимо родственников часто приглашались друзья и знакомые хозяина. Начинался обед около трёх-четырёх часов пополудни и занимал почти всю вторую половину дня до заката солнца, а иногда затягивался до поздней ночи, то есть длился от трёх-четырёх до семи-восьми часов.

В зажиточных домах обедающие устраивались обычно в специальной столовой (*triclinium*) и принимали пищу лёжа, расположившись на трёх специальных деревянных или каменных ложах, каждое из которых вмещало по три человека^[55]. Ложа, предварительно покрытые специальными матрасами и покрывалами, расставлялись в форме подковы вокруг обеденного стола, уставленного блюдами с едой и кувшинами с вином. Четвёртая сторона стола, таким образом, оставалась открытой, что позволяло беспрепятственно обслуживать гостей и менять блюда. Самым привилегированным считалось среднее ложе, которое предназначалось для почётных гостей, и самым лучшим на нём было правое («консульское») место. Каждое место для гостя на ложе отделялось от соседнего подушками или пуфиками. Гость ложился на своё место наискось, головой к столу, опираясь на левый локоть и возвышающееся изголовье ложа, где также лежала подушка. Если гостей было больше девяти, хозяева ставили новый стол и ещё три ложа вокруг него и так далее. В инсулах же было всё намного проще, и хозяин с приятелями вполне мог принимать пищу сидя.

Ели римляне руками, поэтому каждому обедающему полагалась салфетка или специальное полотенце. Очень часто гости брали с собой свои салфетки и собирали в них куски лакомых блюд, которые по окончании пиршества уносили домой. В качестве обеденной посуды использовали большие блюда, тарелки и сосуды для питья. Ножи и вилки не употреблялись, так как лёжа пользоваться ими было сложно; жидкие блюда ели ложками. Прислуживали за столом рабы, которые меняли блюда, наливали вино, резали мясо, раскладывали пищу по тарелкам, уносили грязную посуду и объедки.

Что же входило в меню римских званых обедов? Прежде всего это были всевозможные мясные блюда, для приготовления которых использовались свинина, кабанятина, оленина, баранина, козлятина, зайчатина; намного реже телятина и говядина. Среди птиц популярностью пользовались куры, каплуны, гуси, утки, пулярки, фазаны, рябчики, цесарки, куропатки, павлины, журавли, аисты, голуби, дрозды, вяхири, иволги, горлицы, винноягодники и даже соловьи. Благодаря близости моря римляне потребляли большое количество рыбы и морепродуктов. Из рыб предпочитали угря, мурену, осётра, тунца, камбалу, кефаль, форель, барвену (иначе краснобородка, мулл, барабулька), морского карася, морского окуня, сардины, скара, лаврака, зубатку, скумбрию, треску. Нередко рыбу выращивали в специальных садках или бассейнах. Из морепродуктов на столах присутствовали устрицы, мидии, морской гребешок, морские ежи, морские жёлуди, кальмары, каракатицы, осьминоги, креветки, раки, лангусты и омары. Охотно употребляли и сухопутных улиток. И, конечно, нельзя не упомянуть знаменитый гарум — соус, для изготовления которого обычно использовали мелкую рыбу: её густо засаливали в специальных ваннах или чанах и оставляли под палящим солнцем на два-три месяца, периодически перемешивая деревянными лопатками. Когда рыба превращалась в единую массу, в ванну опускали специальную корзину частого плетения, в которую набиралась густая рыбная жидкость.

Мясо, птицу и рыбу готовили по-разному: варили, жарили, запекали, тушили, коптили, сушили, солили и мариновали. Почти всегда при готовке римляне добавляли значительное количество приправ и пряных трав. Среди самых известных назовём перец, сельдерей, тмин, кориандр, укроп, петрушку, горчицу, пастернак, фенхель, мальву, мяту, руту, любисток,

портулак, тимьян, майоран, мангольд, бузину, ягоды мирта и можжевельника. Самой дорогой приправой считался лазерпициум, получаемый из сильфия — редкого растения, произраставшего в Северной Африке, в Киренаике.

Безусловно, нельзя было представить римскую кухню также без оливкового масла и маслин. Пригородные поместья обеспечивали огромный выбор овощей на римских рынках: лук репчатый, лук-порей, чеснок, капуста, спаржа, салат-латук, кресс-салат, щавель, репа, редька, свёкла, морковь, огурцы и т. п. Лакомством считались грибы: трюфели, шампиньоны, белые, цезарские грибы. Из фруктов назовём яблоки, груши, сливы, вишню, виноград, айву, шелковицу, гранаты, смоквы, финики, лимоны, абрикосы. На десерт подавали арбузы и дыни, мёд в сотах, различные орехи (миндаль, фундук, лесные орехи, грецкий орех), каштаны. Пекари и кондитеры готовили всевозможные пироги, пирожные и печенье, для чего использовали специальные фигурные формы в виде различных животных, птиц, рыб, венков, кренделей. Начинкой для пирогов и пирожных чаще всего служил мёд, а также сыр, творог, миндаль, различные сухофрукты. Присутствовали на столе и молочные продукты — молоко, творог, сыр овечий и козий.

После обеда обычно начиналась попойка (*comissatio*). Её участники надевали на себя венки и умащались благовониями. Затем выбирали главу попойки, который определял, сколько каждый должен выпить. Участники попойки произносили многочисленные тосты, пили за здоровье друг друга и за здоровье отсутствующих, вели приятные беседы, обсуждали политику и политиков, обменивались свежими новостями и шутками. Вина, которые употребляли римляне, были самых разных сортов, белые и красные, но исключительно сухие, крепостью

не более 14-16 градусов. Кроме того, перед употреблением вино обязательно смешивали с водой в определённой пропорции^[56]. Весьма ценилось старое выдержанное вино, особенно цекубское или фалернское. Популярностью пользовался мультс (*mulsum*) — свежий виноградный сок, смешанный с мёдом и водой и настоянный в тёплом месте.

Римские богачи частенько устраивали роскошные застолья, поражая гостей обилием яств, сложностью приготовленных блюд и кулинарным искусством своих поваров. В качестве примера можно упомянуть сумасбродный пир Трималхиона, описанный в «Сатириконе» Петрония^[57]. Вряд ли Вергилий был в восторге от неумеренности и излишеств в еде, царивших на пирах у богачей.

В противовес роскошным застольям богачей римская интеллигенция предпочитала скромные и короткие обеды, на которые приглашались только ближайшие друзья и домочадцы, а меню отличалось простотой и непритязательностью. Смысл такого обеда заключался не столько в утолении голода, сколько в приятной беседе на философские или литературные темы^[58].

Например, поэт Гораций так пишет о простом обеде:

...не надо ни лукринских устриц мне,
Ни губана, ни камбалы,
Хотя б загнал их в воды моря нашего
Восточный ветер с бурей;
И не прельстят цесарки африканские
Иль рябчики Ионии
Меня сильнее, чем оливки жирные,
С деревьев прямо снятые,
Чем луговой щавель, для тела лёгкая

Закуска из просвирника,
Или ягнёнок, к празднику заколотый,
Иль козлик, волком брошенный [\[59\]](#).

Ему вторит поэт Ювенал:

Блюда у нас каковы, не с рынка мясного,
послушай:
Из Тибуртинской страны будет прислан
жирнейший козлёнок.
Самый то нежный из стада всего, молоко лишь
сосавший,
Он и травы не щипал, не обгладывал веток у
ивы
Низкой, и в нём молока ещё больше, чем крови.
На смену —
Горная спаржа: её собрала старостиха от
прялки.
Крупные, кроме того, ещё тёплые (в сене
лежали)
Яйца получим и кур; затем виноград,
сохранённый
С прошлого года таким, как он на лозах
наливался;
Сигнии груши, Тарента (сирийские); в тех же
корзинах
Яблоки с запахом свежим, нисколько не хуже
пиценских,
И для тебя не вредны: после холода стала сухая
Осень, и в них уже нет опасности сока
сырого [\[60\]](#),

А вот меню скромного обеда у писателя Плиния Младшего: «...по кочанчику салата, по три улитки, по два яйца, пшеничная каша с медовым напитком и снегом, маслины, свёкла, горлянка»^[61]. Но самые красочные описания простых и скромных обедов дал, бесспорно, поэт Марциал:

Если скучно тебе обедать дома,
У меня голодать, Тораний, можешь.
Если пьёшь пред едой, закусок вдоволь:
И дешёвый латук, и лук пахучий,
И солёный тунец в крошенных яйцах.
Предложу я потом (сожжёшь ты пальцы)
И капусты зелёной в чёрной плошке,
Что я только что снял со свежей грядки,
И колбасок, лежащих в белой каше,
И бобов желтоватых с ветчиною.
На десерт подадут, коль хочешь знать ты,
Виноград тебе вяленый и груши,
Что известны под именем сирийских,
И Неаполя мудрого каштаны,
Что на углях медленно пекутся;
А вино станет славным, как ты выпьешь.
Если ж после всего, как то бывает,
Снова Вакх на еду тебя потянет,
То помогут отборные маслины,
Свежесобранные с пиценских веток,
И горячий горох с лупином тёплым.
Не богат наш обед (кто станет спорить?),
Но ни льстить самому, ни слушать лести
Здесь не надо: лежи себе с улыбкой^[62].

Или:

Ключница мальв принесла, что тугой облегчает
желудок,
И всевозможных приправ из огородов моих.
И низкорослый латук нам подан, и перья порея,
Мята, чтоб легче рыгать, для сладострастья
травя.
Ломтики будут яиц к лацерте, приправленной
рутой,
Будет рассол из тунцов с выменем подан
свиным.
Это закуска. Обед будет скромный сразу нам
подан:
Будет козлёнок у нас, волком зарезанный злым,
И колбаса, что ножом слуге не приходится
резать,
Пища рабочих — бобы будут и свежий салат;
Будет цыплёнок потом с ветчиной, уже
поданной раньше
На три обеда. Кто сыт, яблоки тем я подам
Спелые вместе с вином из номентской бутылки
без мути,
Что шестилетним застал, консулом бывши,
Фронтин.
Шутки без желчи пойдут и весёлые вольные
речи:
Утром не станет никто каяться в том, что
сказал^[63].

Основную часть дня юный Вергилий проводил в риторической школе. Но было у него, безусловно, и свободное время. Юноша мог не только беззаботно

слоняться по городу, знакомясь с городской архитектурой, но и время от времени посещать разнообразные общественные зрелища — лошадиные бега, гладиаторские игры, театральные представления. Римская столица была полна соблазнов, перед которыми трудно было устоять, особенно неопытному провинциалу.

Лошадиные бега изначально являлись религиозным ритуалом, впрочем, как и гладиаторские игры. Впоследствии их истинное значение забылось, и они превратились в популярное развлечение. Большой цирк, где проводились бега, был сооружён в Риме ещё в царскую эпоху в узкой долине Мурции, лежащей между Палатином на севере и Авентином на юге. По сообщению историка Дионисия Галикарнасского, царь «Тарквиний воздвиг и величайший из ипподромов, который находится между Авентином и Палатином, первым соорудив вокруг него крытые сидения на помостах (до тех пор ведь смотрели стоя), причём под деревянными навесами. Распределив места между тридцатью куриями, каждой курии отвёл одну часть, так чтобы каждый следил за зрелищем, сидя в полагающемся ему секторе. И этому творению со временем суждено было стать одним из поистине прекрасных и удивительных сооружений города. Ведь длина ипподрома составляла три с половиной стадия (около 647 метров. — *М. Б.*), а ширина — три плетра (около 90 метров. — *М. Б.*), а вокруг него вдоль длинных сторон и одной из коротких был прорыт канал для подачи воды глубиной и шириной в десять футов (примерно 3 метра. — *М. Б.*). А за каналом были возведены трёхъярусные портики. И на нижних ярусах были каменные сидения, немного возвышавшиеся друг над другом, как в театре, а на верхних — деревянные. Длинные стороны сближаются и соединяются между собой короткой стороной, которая имеет форму

полукруга, так что в целом все три стороны образуют единый портик-амфитеатр в восемь стадиев (около 1480 метров. — *М. Б.*), способный вместить сто пятьдесят тысяч человек. А на меньшей противоположной стороне, оставленной открытой, находятся арочные стартовые ворота, которые открываются все одновременным снятием стартовой верёвки. И рядом с ипподромом, снаружи, есть другой, одноярусный портик, в котором располагаются лавки и над ними жилища, и около каждой лавки для тех, кто приходит на зрелище, имеются входы и выходы, поэтому нет никакого беспокойства, что столь многие люди входят и выходят»^[64].

Через весь ипподром тянулась продольная каменная платформа, разделявшая арену на две части. На платформе размещались статуи, алтари, семь больших деревянных «яиц», которыми отмечали этапы состязаний. Специальные тумбы-меты, вокруг которых поворачивали колесницы, возвышались на концах платформы.

Перед лошадиными бегами проводилась торжественная процессия, которую возглавлял организатор цирковых игр, облачённый в триумфальные пурпурные одежды, с золотым венком на голове и скипетром из слоновой кости в руках. За ним шли его клиенты и родственники, а также музыканты, возницы и жрецы; на специальных носилках несли изображения богов. После завершения процессии начинались соревнования. Колесницы запрягались обычно четвёркой (квадриги) или парой (биги) лошадей. В день проводилось десять или двенадцать заездов, в каждом из которых участвовало четыре или шесть колесниц. Каждый заезд начинался по специальному знаку организатора игр и включал семь кругов по арене. Победителем становился тот, кто первым достигал

белой финишной черты. На фаворитов делались ставки, и часто богатая молодёжь полностью спускала на бегах свои состояния.

Колесницы и лошади принадлежали беговым обществам, владевшим конюшнями и племенными заводами, которые обслуживал огромный штат различных специалистов. Первоначально существовало два беговых общества или «партии» (*factid*), называвшихся по цвету туник возниц «красные» и «белые». При Империи сформировалось ещё два общества: «синие» и «зелёные».

Возницами становились обычно люди очень низкого происхождения. За победу они получали не только венок, но и большие денежные суммы, так что со временем могли разбогатеть. Однако лошадиные бега были весьма рискованным делом, поскольку колесницы часто сталкивались друг с другом или разбивались о тумбы-меты при повороте, что нередко вело и к гибели возниц. Известно, что очень многие возницы уходили из жизни в юности, редко доживая до зрелого возраста. Тем не менее возницы-чемпионы, одержавшие тысячу и более побед, порой сколачивали миллионные состояния и всегда были окружены толпой почитателей. Поэт Марциал даже сочинил эпиграмму на смерть одного из самых прославленных возничих — 27-летнего Скорпа:

В горе пусть сломит свои идумейские пальмы
Победа,
Голую грудь ты, Успех, бей беспощадной рукой!
Честь пусть изменит наряд, а в жертву пламени
злому
Слава печальная, брось кудри с венчанной
главы!
О преступление! Скорп, на пороге юности
взятый,

Ты умираешь и вот чѐрных впрягаешь коней,
На колеснице всегда твой путь был кратким и
быстрым,
Но почему же так скор был и твой жизненный
путь?[\[65\]](#)

Юный Вергилий, без сомнения, с большим удовольствием посещал лошадиные бега в период своего обучения в Риме. Об этом свидетельствуют замечательные строки из его поэмы «Георгики»:

...Так происходит, когда, из темниц вырываясь,
квадриги
Бега не в силах сдержать и натянуты тщетно
поводья;
Кони возницу несут и вожжей не чувствуют в
беге.

...

Или не видел ты? — вот безудержно кони лихие
Мчатся вскачь, и вослед из затворов гремят
колесницы.

Напряжены упованья возниц, и бьющийся в
жилах

Страх их выпил сердца, но ликуют они,
изгибают

Бич и вожжи, клонясь, отдают, и ось,
разогревшись,

Их, пригнувшихся, мчит, а порой вознесѐнных
высоко;

Что-то их гонит вперѐд — и несутся в пустое
пространство.

Не отдохнуть ни на миг. Песок лишь взвивается
жѐлтый.

Мочит их пена, кропит дыханье несущихся
сзади.
Это ль не жажда хвалы, не страсть к одержанью
победы!
Первым посмел четверню в колесницу впрячь
Эрехтоний
И победителем встать во весь рост на быстрых
колёсах.
Повод и кругом езда — от пелефронийцев
лапифов,
И на коня, и с коня научивших наездника
прыгать
В вооруженье, сгибать непокорные конские
ноги^[66].

Большой популярностью пользовались и гладиаторские игры. Они произошли от поминальных игр, некогда устраивавшихся этрусками во время похорон знатных людей. Согласно древним верованиям усопший, созерцая бьющихся насмерть людей, не только упивался зрелищем схватки, но и приобретал после этого преданных спутников в подземном мире. Самые первые гладиаторские игры в Риме состоялись в 264 году на похоронах Брута Перы, когда сыновья покойного заставили сражаться насмерть три пары бойцов на Коровьем рынке^[67]. Следующие игры, по сообщению историка Тита Ливия, были устроены только в 215 году: «Трое сыновей Марка Эмилия Лепида, бывшего консулом и авгуром, — Луций, Марк и Квинт — устроили погребальные игры в честь отца и вывели на форум двадцать две пары гладиаторов»^[68]. Гладиаторские игры очень понравились римлянам. Известный драматург Теренций жаловался, что на

представлении его комедии «Свекровь» внезапно разнёсся слух:

Что будут гладиаторы; народ бежит,
Шумят, кричат, дерутся за места вокруг.
На сцене удержаться я не мог тогда^[69].

В 105 году гладиаторские игры были включены в число официальных общественных зрелищ. Они были столь популярны у народа, что магистраты нередко специально устраивали их, дабы заручиться поддержкой избирателей. Гай Юлий Цезарь, будучи эдилом, «устроил и гладиаторский бой, но вывел меньше сражающихся пар, чем собирался: собранная им отовсюду толпа бойцов привела его противников в такой страх, что особым указом было запрещено кому бы то ни было держать в Риме больше определённого количества гладиаторов»^[70]. Чтобы заполучить гладиаторов, магистраты, как правило, обращались к ланистам — хозяевам гладиаторских школ, которые за установленную сумму продавали или сдавали внаём своих хорошо обученных бойцов. Кроме того, многие знатные римляне устраивали собственные гладиаторские школы, поскольку это было весьма прибыльное предприятие.

В гладиаторские школы попадали в основном осуждённые преступники, военнопленные, рабы, не угодившие хозяину, а также свободные, но крайне бедные люди, желавшие получить пропитание и жильё. Если в гладиаторскую школу добровольно поступал свободный человек, то он получал от ланисты в качестве платы ничтожную сумму в размере двух тысяч сестерциев, а также произносил перед народным

трибуном и ланистой страшную клятву: «Даю себя жечь, вязать и убивать железом»^[71]. Таким образом, он отказывался от свободы и фактически становился рабом, передавая свою жизнь в полное распоряжение ланисты.

Тем не менее жизнь гладиаторов казалась многим неискушённым молодым людям довольно привлекательной. Действительно, гладиаторы неплохо зарабатывали: из рук устроителя игр победители получали ценные награды и большие денежные суммы. Гладиаторы привлекали к себе восхищенные взоры женщин, об их мастерстве спорили не только уличные мальчишки, но и знатные люди, их изображения украшали здания и предметы обихода. Однако за славу и богатство очень часто приходилось расплачиваться жизнью.

Когда новичок попадал в гладиаторскую школу, он сначала проходил особый курс подготовки у мастеров по разным видам оружия и выбирал для себя наиболее подходящее снаряжение. В гладиаторских школах было принято хорошо заботиться о здоровье и питании бойцов, но при этом держали их всегда под строгим надзором и не выпускали за пределы школы, чтобы они не сбежали. А побег, надо сказать, были весьма часты. Нередко гладиаторы предпочитали даже покончить жизнь самоубийством, нежели сражаться на арене. Философ Сенека сообщает о нескольких таких случаях: «Недавно перед боем со зверями один из германцев, которых готовили для утреннего представления, отошёл, чтобы опорожниться — ведь больше ему нигде было спрятаться от стражи; там лежала палочка с губкой для подтирки срамных мест; её-то он засунул себе в глотку, силой перегородив дыхание, и от этого испустил дух... Когда бойцов везли под стражей на утреннее представление, один из них, словно клюя

носом в дремоте, опустил голову так низко, что она попала между спиц, и сидел на своей скамье, пока поворот колеса не сломал ему шею: и та же повозка, что везла его на казнь, избавила его от казни»^[72].

Гладиаторские игры обычно устраивались в специально построенных для таких целей амфитеатрах, старейший из которых сохранился в Помпеях. В Риме амфитеатры долгое время были деревянными и лишь в 29 году близ Марсова поля был возведён первый каменный амфитеатр Тита Статилия Тавра. Перед самыми играми на стенах домов появлялись особые «афиши» — надписи, сообщавшие о дате и организаторе игр. Образцы таких надписей сохранились в Помпеях: «Гладиаторы Н. Попидия Руфа будут биться с двенадцатого дня до майских календ; будет звериная травля», «Гладиаторы эдила А. Суетия Церта будут драться накануне июньских календ»^[73].

Начинались игры с парада гладиаторов, облачённых в самые роскошные свои одеяния. Затем бойцы бросали жребий, разбивались на пары и, получив оружие, начинали сражаться насмерть. Снаряжение гладиаторов было очень разным, и поэтому бойцы носили различные названия: «самниты» (с мечом и большим четырёхугольным щитом), «фракийцы» (с кинжалом и маленьким круглым щитом), «ретиарии» (с сетью и трезубцем), «галлы» или «мурмиллоны» (тяжеловооружённые бойцы, на шлеме у них изображалась рыбка) и другие. Привлекали внимание толпы «бестиарии» и «венаторы» — гладиаторы, сражавшиеся со свирепыми дикими зверями, привезёнными из Африки или Азии.

Раненого гладиатора, бросившего оружие и просящего пощады, подняв вверх левую руку, или добивали, или оставляли в живых по желанию толпы. Трупы с арены убирала специальные служители,

облачённые в костюмы перевозчика мёртвых Харона или проводника душ в подземный мир Меркурия. Победитель получал пальмовую ветвь и торжественно обходил арену. Затем ему вручали ценные дары и золотые монеты. Но самой желанной наградой был тонкий деревянный меч (*rudis*), вручавшийся по требованию публики за неоднократные победы и символизировавший отпуск на свободу. Если гладиатору посчастливилось выжить в течение трёх лет, его избавляли от обязанности сражаться на арене. Он становился мастером, обучающим новичков в гладиаторской школе, а ещё через два года приобретал полную свободу.

Вергилий наверняка посещал в юности гладиаторские игры. Не исключено, что именно яркие впечатления, которые он получил, наблюдая кровавые поединки на арене амфитеатра, легли в основу весьма натуралистичных батальных сцен в его знаменитой поэме «Энеида».

Бывал Вергилий, очевидно, и на театральных представлениях. Возникновение римского театра восходит к 364/363 году, когда в Риме разразилась эпидемия и государственные власти, отчаявшись остановить мор, решили учредить сценические игры, дабы умиловить богов. По сообщению историка Тита Ливия, «предприятие это было скромное, да к тому же иноземного происхождения. Игрецы, приглашённые из Этрурии, безо всяких песен и без действий, воспроизводящих их содержание, плясали под звуки флейты и на этрусский лад выделявали довольно красивые коленца. Вскоре молодые люди стали подражать им, перебрасываясь при этом шутками в виде нескладных виршей и согласовывая свои телодвижения с пением. Так переняли этот обычай, а от частого повторения он привился. Местным своим умельцам дали имя «гистрионов», потому что по-

этрusco и грeц звался «истёр»; теперь они уже не перебрасывались, как прежде, неуклюжими и грубыми виршами, вроде фесценнинских, — теперь они ставили «сатуры» с правильными размерами и пением, рассчитанным на флейту и соответствующие телодвижения. Несколько лет спустя [Луций] Ливий [Андроник] первым решился бросить сатуры и связать всё представление единым действием, и говорят, будто он, как все в те времена, исполняя сам свои песни, охрип, когда вызовов было больше обычного, и испросил позволения рядом с флейтщиком поставить за себя певцом молодого раба, а сам разыграл свою песню, двигаясь много живей и выразительней прежнего, так как уже не надо было думать о голосе. С тех пор и пошло у гистрионов «пение под руку», собственным же голосом вели теперь только диалоги. Когда благодаря этому правилу представления отошли от потех и непристойностей, а игра мало-помалу обратилась в ремесло, то молодые люди, предоставив гистрионам играть подобные представления, стали, как в старину, опять перебрасываться шутками в стихах; такие, как их называли позже, «эксодии» исполнялись главным образом вместе с ателланами — а эти заимствованные у осков игры молодёжь оставила за собою и не дала гистрионам их осквернить. Вот почему и на будущее осталось: не исключать исполнителей ателлан из их триб и допускать их к военной службе как непричастных к ремеслу игроков»^[74].

Первую пьесу на латинском языке, созданную по греческому образцу, поставил поэт и драматург Луций Ливий Андроник на «Римских играх» в 240 году^[75]. Ныне эта дата считается началом римской литературы. В дальнейшем на римской сцене ставили не только переведённые с греческого языка или написанные по греческому образцу «трагедии котурна» («котурнаты»)

и «комедии плаща» («паллиаты»), где актёры играли в греческих одеждах, но и исконно римские драматические произведения с сюжетами из местной жизни. Например, в конце III века до н. э. появляется трагедия «претекста», где главные действующие лица были облачены в одеяния римских магистратов — тоги с красной каймой (претексты), а во II веке до н. э. — «комедия тоги» («тогата»), где артисты носили римские тоги. Величайшими римскими драматургами республиканского времени были Гней Невий, Тит Макций Плавт, Квинт Энний, Цецилий Стаций, Публий Теренций, Марк Пакувий, Луций Акций, Луций Афраний.

Ателлана появилась в Риме во второй половине III века до н. э.; в начале I века до н. э. она получила литературную обработку. Ателлана представляла собой одноактную комедию, с традиционными действующими лицами (масками): хвастун-глупец Буккон, дурак-обжора Макк, старик-простофиля Папп и хитрец-горбун Доссен. Своим происхождением ателлана обязана, очевидно, оскскому городу Ателла (современная Аверса). Сюжеты ателлан в основном были связаны с городской или деревенской жизнью.

Не менее популярным являлся мим, пришедший в Рим из греческих колоний Южной Италии в конце III века до н. э. Мим также представлял собой комедию, но ещё более короткую, чем ателлана, и не имеющую традиционных масок, так как актёры выступали с открытыми лицами. Основную смысловую нагрузку несли танец и жест. По сути это были сценки из реальной городской жизни, иногда с острым политическим подтекстом, с грубыми и непристойными шутками.

В I веке до н. э. в Риме получила распространение пантомима — сценическое представление, содержание которого выражалось только танцами и жестами солиста, без слов, а о ходе действия возвещал хор.

Знаменитыми актёрами пантомимы были Пилад, Бафилл, Гилас. Поэт Ювенал с юмором описывает поведение римских женщин во время выступлений популярных актёров-пантомимов:

Видя Бафилла, как он изнеженно Леду танцует,
Тукция вовсе собой не владеет, а Апула с
визгом,
Будто в объятиях, вдруг издаёт протяжные
стоны,
Млеет Тимела (она, деревенщина, учится
только);
Прочие всякий раз, когда занавес убран,
пустынно
В долго закрытом театре и только на улицах
шумно
(После Плебейских игр — перерыв до игр
Мегалезских), —
Грустно мечтают о маске, о тирсе, переднике
Акка^[76].

Как и в Греции, в Риме существовали труппы актёров, во главе каждой из которых стоял своего рода «художественный руководитель». Он сам набирал актёров в свою труппу, выплачивал им вознаграждение, наказывал за неповиновение, обучал новичков актёрскому мастерству. Именно с ним договаривались о проведении представлений эдилы, отвечавшие за программу празднеств. Для римского гражданина играть на сцене за деньги было не только позорно, но и чревато потерей гражданских прав, поэтому в актёры шли только рабы. Со временем, благодаря своему таланту и щедрости поклонников, некоторые актёры-

рабы могли выкупиться на свободу и стать вольноотпущенниками.

Римские актёры первоначально выступали на временных деревянных подмостках или во временных же деревянных театрах, которые разбирали по окончании представлений. Театральные представления проводились по определённым праздничным дням в период с апреля по ноябрь. Первый большой деревянный театр в Риме был возведён по инициативе Марка Эмилия Скавра в 58 году, а уже в 55-м был торжественно открыт первый каменный театр, сооружённый по приказу Гнея Помпея Магна и вмещавший около десяти тысяч зрителей. Образцом для последнего стал театр греческого города Митилены на острове Лесбос^[77].

В отличие от греческого римский театр располагался не на склоне холма, а на ровной поверхности. Сцена (здание для переодевания актёров и хранения реквизита, стоявшее позади орхестры) была отделана с большим искусством и роскошью, богато украшена колоннами и барельефами. Орхестра (круглая площадка для выступлений хора, находящаяся между скамьями зрителей и сценой) была полукруглой и меньше по размеру; часть её занимали места для сенаторов. Хор, актёры и музыканты все вместе выступали на проскении (площадке перед сценой). Характерной особенностью римского театра был занавес, который поднимался из особой щели в полу в антрактах и по окончании представления. От палящего солнца или дождя зрителей защищал специальный тент или постоянная кровля.

На краю бездны

Было бы заблуждением думать, что юность и молодость Вергилия протекали безоблачно, без тревог и волнений. К сожалению, поэту выдалось родиться в эпоху смут и гражданских войн, в эпоху гибели Римской республики.

В I веке до н. э. Римская республика представляла собой огромное, непомерно разросшееся средиземноморское государство, включавшее в себя множество провинций. Власть официально принадлежала римскому народу (квиритам), управляли которым, во-первых, сенат, во-вторых, народное собрание, и в-третьих, государственные магистраты, главными из которых были два консула.

В 70 году, когда родился Вергилий, римскими консулами были два самых могущественных человека того времени — Гней Помпей Магн (106—48) и Марк Лициний Красс (115—53). Одно время они враждовали, но народ заставил их примириться^[78]. Во многом именно благодаря Помпею началась отмена многих одиозных законов, установленных в период кровавой диктатуры Луция Корнелия Суллы.

В 67 году римляне вплотную столкнулись с пиратской проблемой. Из-за ослабления Римского государства пиратство широко распространилось по всему Средиземноморью и стало серьёзной угрозой не только для мореплавателей и торговцев, но и резко осложнило снабжение Рима хлебом, что неизбежно должно было привести к голоду. По сообщению античного учёного Плутарха, «могущество пиратов зародилось сперва в Киликии. Вначале они действовали отважно и рискованно, но вполне скрытно.

Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города. Уже многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почёт. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и лёгкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла. Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро вёсла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями.

Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, — всё это являлось позором для римского владычества. Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырёхсот городов»^[79].

По решению народного собрания чрезвычайными полномочиями для борьбы с пиратами был наделён Гней Помпей. Ему передавалась полная власть над морем и всей береговой полосой Средиземноморья почти на 75 километров в глубину, а также флот и

войска. Плутарх пишет, что «он снарядил пятьсот кораблей, набрал сто двадцать тысяч тяжёлой пехоты и пять тысяч всадников. Помпей выбрал двадцать четыре сенатора в качестве подчинённых себе начальников; ... Помпей разделил всё Средиземное море на тринадцать частей; в каждой части он сосредоточил определённое число кораблей во главе с начальником. Таким образом, распределив свои силы повсюду, Помпей тотчас захватил как бы в сеть большое количество пиратских кораблей и отвёл их в свои гавани. Успевшие спастись корабли, гонимые со всех сторон, начали прятаться в Киликии, как пчёлы в улье. Против них выступил в поход сам Помпей с шестьюдесятью кораблями. До этого похода он за сорок дней, благодаря своей неутомимой деятельности и рвению начальников, совершенно очистил от пиратских кораблей Тирренское и Ливийское моря, а также море вокруг Сардинии, Корсики и Сицилии»^[80].

Разбив основные силы пиратов в сражении у Коракесия, Помпей затем уничтожил все пиратские гнёзда в Киликии и захватил в плен 20 тысяч человек. Многих пиратов он пощадил и расселил по малонаселённым городам Киликии и Греции, заставив заниматься земледелием^[81]. Всего три месяца ушло у Помпея на почти полное искоренение пиратства в Средиземноморье.

В начале 66 года по предложению народного трибуна Манилия Помпею была передана власть над всеми провинциями и войсками, которыми управлял Луций Лициний Лукулл (118—56). Этот талантливый военачальник в то время вёл войну (III Митридатова война, 74—63) против понтийского царя Митридата VI Евпатора, но из-за конфликта с армией потерял доверие римлян. Лукуллу было предписано, несмотря на его недовольствие, передать власть Помпею и

возвратиться в Рим. Помпей же отбыл на Восток и возобновил военные действия против понтийского царя. В том году ему удалось разбить армию Митридата в битве в верховьях реки Евфрат и заставить царя бежать сначала в Армению, а потом в Боспорское царство, где он и погиб в 63 году. В результате побед Лукулла и Помпея под власть Рима перешла большая часть Малой Азии; некогда могущественное Селевкидское царство было официально упразднено и превратилось в римскую провинцию.

В это же самое время в Риме разразился очередной политический кризис. Луций Сергий Каталина (108—62), талантливый политик и бывший соратник диктатора Суллы, собрал вокруг себя недовольных властью сулланцев и организовал заговор. Он намеревался получить должность консула, чтобы в дальнейшем установить своё единоличное правление. В 64 году Каталине, наконец, удалось выдвинуть свою кандидатуру на консульских выборах, но он провалился, и консулами 63 года стали знаменитый оратор и философ Марк Туллий Цицерон (106—43) и Гай Антоний Гибрида.

Тем не менее Катилина не отказался от своих притязаний и решил выставить свою кандидатуру на выборах консулов на 62 год. Он обещал избирателям отменить все их долги, если будет избран. В итоге к нему примкнули не только обедневшие аристократы-сулланцы, но и многие сулланские ветераны, а также представители городской и сельской бедноты. Благодаря счастливой случайности Цицерон узнал о заговоре и сделал всё от него зависящее, чтобы Катилина вновь потерпел поражение на выборах. Взбешённый Катилина послал своих соратников в Этрурию и приказал им набирать воинов, чтобы организовать вооружённый мятеж. Когда об этом стало известно, Цицерон созвал сенат 21 октября 63 года и

добился введения чрезвычайного положения. Через несколько дней в Этрурии действительно началось восстание приверженцев Каталины, и сенат спешно стал собирать войска. Обеспокоенный Катилина 7 ноября тайно собрал в доме Порция Леки находившихся в Риме заговорщиков и убедил их совершить покушение на Цицерона, которое, по счастью, не удалось. 8 ноября Цицерон созвал сенат и выступил со своей знаменитой первой речью против Каталины, после чего последний посчитал разумным немедленно убраться из Рима. В начале декабря остававшиеся в городе заговорщики были разоблачены, арестованы и казнены по решению сената. Прибыв в Этрурию, Катилина возглавил войско, состоявшее из бывших ветеранов Суллы, и двинулся на Рим. В сражении при Пистории 5 января 62 года армия Каталины была полностью разгромлена правительственными войсками, а сам он бесславно погиб в бою^[82].

Известия о заговоре Каталины дошли, вероятно, и до тихой деревушки Анды. И детские впечатления Вергилия, вызванные этими известиями, возможно, легли в основу образа знаменитого заговорщика, представленного в поэме «Энеида». Поэт поместил изображение Каталины на щите троянского героя Энея, изобразив его в виде грешника, терпящего страшные муки в Тартаре:

Здесь, Катилина, и ты, прикованный к шаткому
камню,
В лица фурий глядишь, неотступным терзаемый
страхом^[83].

В конце 62 года в Италию из Азии возвратился Помпей со своей армией. Сенат с тревогой ждал его прибытия, опасаясь, что прославленный полководец не распустит легионы и попытается захватить власть. Тем не менее, высадившись в Брундизии (современный Бриндизи), Помпей, как и положено, распустил свои войска и с небольшой свитой отправился в Рим. Он потребовал от сената права на триумф, а также утверждения всех его распоряжений на Востоке и разрешения наделить землёй его ветеранов. Опасаясь растущей популярности Помпея, сенат всячески затягивал решение этих вопросов. Тем не менее право на триумф полководец получил и постарался сделать так, чтобы этот праздник надолго запомнился римлянам^[84].

Римский триумф представлял собой чрезвычайно пышное зрелище. Провозглашённый «императором» своими солдатами и удостоенный триумфа, полководец облачался в роскошные пурпурные одежды бога Юпитера Капитолийского, расшитые золотыми нитями; лицо его покрывали киноварью (красной краской). В одну руку он брал лавровую ветвь, а в другую — скипетр из слоновой кости с изображением орла. Затем триумфатор садился в особую золотую колесницу. Рядом с ним стояли его дети, а сзади — государственный раб, который держал над его головой золотой венок и время от времени говорил ему: «Помни, что ты смертный человек». Шествие открывали магистраты и сенаторы, а за ними шли трубачи. Непосредственно перед колесницей везли трофеи и добычу, захваченную у противника; шли знатные пленники. За колесницей шествовали офицеры и легионеры триумфатора, участвовавшие в битвах. Вся эта пышная процессия медленно вступала в Рим и

двигалась к Капитолию, где триумфатор торжественно приносил жертву Юпитеру^[85].

Согласно сообщению Плутарха «триумф Помпея был столь велик, что, хотя и был распределён на два дня, времени не хватило и многие приготовления, которые послужили бы украшению любого другого великолепного триумфа, выпали из программы зрелища. На таблицах, которые несли впереди, были обозначены страны и народы, над которыми справлялся триумф: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, альбаны, Сирия, Киликия, Месопотамия, племена Финикии и Палестины, Иудея, Аравия, а также пираты, окончательно уничтоженные на суше и на море. В этих странах было взято не менее тысячи крепостей и почти девятьсот городов, у пиратов было захвачено восемьсот кораблей, тридцать девять опустошённых городов были заселены вновь. Кроме того, на особых таблицах указывалось, что доходы от податей составляли до сих пор пятьдесят миллионов драхм, тогда как завоёванные им земли принесут восемьдесят пять миллионов. Помпеи внёс в государственную казну чеканной монеты и серебряных и золотых сосудов на двадцать тысяч талантов, не считая того, что он роздал воинам, причём получившему самую меньшую долю досталось тысяча пятьсот драхм. В триумфальной процессии, не считая главарей пиратов, вели как пленников сына Тиграна, царя Армении, вместе с женой и дочерью, жену самого Тиграна, Зосиму, царя иудеев Аристобула, сестру Митридата, пятерых его детей и скифских жён; затем вели заложников, взятых у альбанов, иберов и царя Коммагены. Было выставлено множество трофеев, в целом равное числу побед, одержанных самим Помпеем и его полководцами. Но что больше всего принесло славы Помпею, что ни одному римлянину ещё не

выпадало на долю, это то, что свой третий триумф он праздновал за победу над третьей частью света. До него и другие трижды справляли триумф, но Помпей получил первый триумф за победу над Африкой, второй — над Европой, а этот последний — над Азией, так что после трёх его триумфов создавалось впечатление, будто он некоторым образом покорил весь обитаемый мир»^[86].

Отпраздновав в 61 году великолепный триумф, Помпей не отказался от намерения обеспечить своих ветеранов земельными наделами и утвердить все свои распоряжения на Востоке. Сенаторы продолжали этому противодействовать и, чтобы сломить их сопротивление, Помпей в 60 году заключил негласный союз с двумя крупнейшими политическими деятелями — Марком Лицинием Крассом, желавшим укрепить власть всадников в провинциях, и Гаем Юлием Цезарем (100—44), который незадолго до этого провёл крупную военную кампанию по усмирению испанских племён и намеревался добиваться должности консула. Этот союз вошёл в историю как «первый триумвират»^[87].

При поддержке Помпея и Красса Юлий Цезарь был избран консулом на 59 год. Это позволило триумвирам не только расширить своё политическое влияние, но и провести несколько важнейших законов в свою пользу, в том числе те, которые полностью удовлетворяли все требования Помпея. Вторым консулом Кальпурний Бибул, являвшийся представителем сенатской олигархии, фактически был лишён какого-либо влияния и власти. Он безуспешно пытался противодействовать Цезарю, но столкнулся с мощным отпором со стороны триумвиров. Как пишет Плутарх, «во время этих событий Бибул сидел взаперти в своём доме; в течение восьми месяцев он не появлялся для выполнения своих обязанностей консула, а лишь издавал указы, полные злобных

обвинений против его противников — Помпея и Цезаря»^[88]. Благодаря этому консульство Цезаря фактически превратилось в единоличное правление. По истечении срока консульских полномочий Цезарь смог добиться для себя пятилетнего наместничества в провинциях Цизальпинская Галлия, Нарбонская Галлия и Иллирик, что открывало огромные возможности для обогащения^[89].

Отбывая в провинции, Цезарь позаботился о сохранении своего политического влияния в Риме и привлёк на свою сторону одного из самых популярных среди народа политиков — народного трибуна Публия Клодия Пульхра (92—52). Однако Клодий отличался весьма неуравновешенным характером, крайней беспринципностью и авантюризмом^[90]. Проведя несколько важных законов в пользу плебса в начале 58 года, Клодий обеспечил себе полную поддержку народа и добился временного изгнания из Рима Цицерона — крупнейшего представителя сенатской олигархии и противника Цезаря. После этого он принялся нападать на Помпея и, возбудив несколько судебных процессов против его друзей, вынудил триумвира присутствовать на них. Однажды, как сообщает Плутарх, чуть было не дошло до прямого столкновения: «Когда Помпей лично выступил на одном из таких процессов, Клодий в окружении толпы бесстыдных негодяев поднялся на возвышение и задал такие вопросы: «Кто разнузданный тиран? Кто этот человек, ищущий человека? Кто почёсывает одним пальцем голову?» На каждый вопрос толпа громко и стройно, словно хорошо обученный хор, выкрикивала, едва лишь Клодий встряхивал краем тоги, — «Помпей»»^[91]. Всё это, безусловно, не могло не сказаться на сплочённости триумвирата. Помпей начал сближаться с олигархами, подозревая, что выпады

Клодия против него осуществляются не без согласия Цезаря.

В 58 году Юлий Цезарь покинул Италию и с большой свитой друзей и приближённых отправился в Галлию. Эта страна в основном охватывала современные территории Франции и Бельгии и была населена многочисленными кельтскими племенами, находившимися на разных ступенях развития, нередко воевавшими друг с другом и нападавшими на владения римлян. Практически сразу по прибытии Цезарь был вынужден начать военные действия. Благодаря его полководческому таланту, в 58—56 годах римские войска разбили племя гельветов, отразили нашествие германских племён, покорили племена бельгов, венетов и др.^[92] В итоге под властью Рима оказалась огромная территория от реки Рейн до Пиренейских гор. Сам же Цезарь, благодаря большому количеству военных трофеев, попавших в его руки, стал одним из самых богатых римлян.

В период отсутствия Цезаря политическая ситуация в Риме резко обострилась. Между Помпеем и Крассом вновь вспыхнула старая вражда, и триумvirат готов был распасться, что было крайне невыгодно для Цезаря, боявшегося потерять крепкий тыл в период войны против галлов. Желая примирить Помпея и Красса, а также продлить свои полномочия в Галлии, он предложил триумвирам весной 56 года устроить встречу в городе Луке в Северной Этрурии. Предложение было одобрено, и в Луку прибыли не только триумвиры, но и многие римские сенаторы. Состоялся большой совет, на котором было принято несколько важнейших решений: во-первых, Цезарю ещё на пять лет продлевается наместничество в Галлии, во-вторых, Помпей и Красс становятся консулами 55 года, а по истечении полномочий Помпей получает на пять

лет Испанию и Африку, а Красс — Сирию^[93]. Решения триумвиров в Луке были негативно восприняты не только плебеями во главе с Клодием, но и олигархами под руководством Катона Младшего. Тем не менее, несмотря на их противодействие, консулами 55 года всё же были избраны Помпей и Красс, а полномочия Цезаря были пролонгированы.

В 55 году Цезарь предотвратил очередное вторжение германских племён в Галлию, а затем предпринял не совсем удачный поход в Британию, носивший скорее разведывательный характер. В 54 году он подготовился более основательно и с большим флотом отплыл к берегам Британии. Покорив несколько племён, Цезарь обложил их данью, а потом возвратился на материк^[94]. В 54—53 годах в Галлии произошло несколько восстаний местного населения, недовольного новыми римскими порядками. И хотя римляне успешно подавили эти восстания, они не подозревали, что это только начало войны.

Красс же, собрав огромное войско, отправился в конце 55 года в назначенную ему провинцию Сирия. Он намеревался завоевать Парфию, поскольку ему, вероятно, не давали покоя лавры Помпея. В 54 году легионы Красса форсировали пограничную реку Евфрат и овладели несколькими городами. Эти победы заставили полководца забыть об осторожности. Весной 53 года, вместо того чтобы следовать безопасным путём через города Месопотамии, он двинулся по бесплодной пустыне вслед за отступавшей парфянской конницей, которая заманивала римлян всё дальше и дальше вглубь страны.

В начале мая легионы Красса были внезапно атакованы основными силами парфянской конницы близ города Карры. Римский полководец едва успел построить легионы в боевой порядок. Плутарх пишет,

что «первым намерением парфян было прорваться с копьями, расстроить и оттеснить передние ряды, но, когда они распознали глубину сомкнутого строя, стойкость и сплочённость воинов, то отступили назад и, делая вид, будто в смятении рассеиваются кто куда, незаметно для римлян охватывали каре кольцом. Красс приказал легковооружённым броситься на неприятеля, но не успели они пробежать и нескольких шагов, как были встречены тучей стрел; они отступили назад, в ряды тяжёлой пехоты и положили начало беспорядку и смятению в войске, видевшем, с какой скоростью и силой летят парфянские стрелы, ломая оружие и пронзая все защитные покровы — и жёсткие и мягкие — одинаково. А парфяне, разомкнувшись, начали издали со всех сторон пускать стрелы, почти не целясь (римляне стояли так скученно и тесно, что и умышленно трудно было промахнуться), круто сгибая свои тугие большие луки и тем придавая стреле огромную силу удара. Уже тогда положение римлян становилось бедственным: оставаясь в строю, они получали рану за раной, а пытаясь перейти в наступление, были бессильны уравнивать условия боя, так как парфяне убегали, не прекращая пускать стрелы»^[95].

Красс послал на прорыв своего сына Публия с большим отрядом, но парфяне заманили его в ловушку. Сделав вид, что отступают, враги заставили Публия преследовать их, а затем, окружив его отряд превосходящими силами, «выстроили против римлян лишь своих броненосных конников, остальную же конницу не построили в боевой порядок, а пустили скакать вокруг них. Взрывая копытами равнину, парфянские кони подняли такое огромное облако песчаной пыли, что римляне не могли ни ясно видеть, ни свободно говорить. Стиснутые на небольшом пространстве, они сталкивались друг с другом и,

поражаемые врагами, умирали не лёгкою и не скорою смертью, но корчились от нестерпимой боли, и, катаясь с вонзившимися в тело стрелами по земле, обламывали их в самих ранах, пытаясь же вытащить зубчатые острия, проникшие сквозь жилы и вены, рвали и терзали самих себя. Так умирали многие, но и остальные не были в состоянии защищаться. И когда Публий призывал их ударить на броненосных конников, они показывали ему свои руки, приколотые к щитам, и ноги, насквозь пробитые и пригвождённые к земле, так что они не были способны ни к бегству, ни к защите»^[96]. Тогда Публий попытался отбросить парфян с помощью своей конницы, но безуспешно. Остатки его отряда укрылись на близлежащем песчаном холме и были уничтожены парфянами, а сам он покончил с собой. Отрубленную голову Публия парфяне водрузили на пику и продемонстрировали римскому войску, пришедшему от этого в глубокое уныние.

Бой утих лишь с приходом ночи. Враги отошли в пустыню, а Красс приказал легионерам немедленно отступать к Каррам. Бросив на произвол судьбы 4000 раненых, римляне закрепились в городе и напрасно стали ждать подкрепления. После попытки парфян взбунтовать деморализованных солдат Красс отдал приказ оставить Карры и отступать. С остатками армии он решился идти через горную Армению, выбирая труднопроходимые для конницы противника места. Близ горного местечка Синнака парфяне вызвали Красса на мирные переговоры и коварно убили 9 июня 53 года^[97]. Отрезанная голова римского полководца была отправлена ко двору парфянского царя. Огромная армия Красса была почти полностью уничтожена. Чудом уцелел лишь отряд Гая Кассия, квестора Красса, отступавший по старой дороге к Евфрату и добравшийся в конце концов до римской провинции.

Со смертью Красса триумвират перестал существовать. Цезарь потерял своего самого преданного союзника, а Помпей всё больше стал тяготиться альянсом с Цезарем, склоняясь к союзу с олигархами.

Юный Вергилий, который в это время уже учился в Риме, очевидно, скорбел вместе со всем римским народом о гибели доблестного полководца и его армии. Спустя много лет в четвёртой книге поэмы «Георгики» поэт сравнил вылетающий рой пчёл с тучей парфянских стрел, некогда погубивших армию Красса:

И, наконец, словно дождь, из летней
пролившийся тучи,
Вон вылетают иль как с тетивы натянутой
стрелы
В час, когда на поле бой затевают быстрые
парфы^[98].

Не менее драматично разворачивались события в Галлии. В 52 году вспыхнуло самое мощное и грозное общегалльское восстание, идейным вдохновителем которого стал молодой вождь племени арвернов Верцингеториг. Это был неординарный во всех отношениях человек, сумевший объединить под своим руководством многочисленные галльские племена. Борьба была долгой и упорной, и не раз римские войска терпели поражение. В конце концов Цезарю удалось захватить главный оплот восставших — укреплённый город Алезию, где укрылся Верцингеториг со своей армией. По сообщению Плутарха, «во время осады этого города, казавшегося неприступным из-за высоких стен и многочисленности осаждённых, Цезарь подвергся

огромной опасности, ибо отборные силы всех галльских племён, объединившихся между собой, прибыли к Алезии в количестве трёхсот тысяч человек, в то время как число запёршихся в городе было не менее ста семидесяти тысяч. Стиснутый и зажатый меж двумя столь большими силами, Цезарь был вынужден возвести две стены: одну — против города, другую — против пришедших галлов, ибо было ясно, что если враги объединятся, то ему конец. Борьба под Алезией пользуется заслуженной славой, так как ни одна другая война не даёт примеров таких смелых и искусных подвигов. Но более всего удивительно, как Цезарь, сразившись с многочисленным войском за стенами города и разбив его, проделал это незаметно не только для осаждённых, но даже и для тех римлян, которые охраняли стену, обращённую к городу. Последние узнали о победе не раньше, чем услышали доносящиеся из Алезии плач и рыдания мужчин и женщин, которые увидели, как римляне с противоположной стороны несут в свой лагерь множество щитов, украшенных серебром и золотом, панцирей, залитых кровью, множество кубков и галльских палаток. Так мгновенно, подобно сну или призраку, была уничтожена и рассеяна эта несметная сила, причём большая часть варваров погибла в битве. Наконец сдались и защитники Алезии — после того, как причинили немало хлопот и Цезарю, и самим себе. Верцингеториг, руководитель всей войны, надев самое красивое вооружение и богато украсив коня, выехал из ворот. Объехав вокруг возвышения, на котором сидел Цезарь, он соскочил с коня, сорвал с себя все доспехи и, сев у ног Цезаря, оставался там, пока его не заключили под стражу, чтобы сохранить для триумфа»^[99]. К концу 51 года все оставшиеся очаги восстания были подавлены, и Галлия окончательно перешла под власть римлян.

Пока Красс сражался с парфянами, а Цезарь — с галлами, Помпей пребывал в Риме и, заручившись поддержкой сенатской олигархии, постепенно усиливал своё влияние на государственную политику. После смерти Красса он стал стремиться к единоличной власти. Цезарь же стал восприниматься им не как союзник, а как опасный соперник, от которого необходимо избавиться^[100]. Цезаря тревожило возросшее могущество Помпея, но он не стремился к открытой вражде со своим прежним союзником. В отличие от Помпея, за которым стоял сенат, Цезарь мог опираться только на свои верные легионы да на несметные богатства Галлии. Он с успехом использовал полученные в качестве трофеев галльские сокровища для подкупа известных римских политиков, стремясь подорвать влияние Помпея.

28 февраля 52 года по причине массовых беспорядков, охвативших Рим после убийства любимца плебеев Клодия, Гней Помпей был избран консулом без коллеги по должности. Почти год он являлся единоличным правителем Рима, практически диктатором. При этом Помпей сохранил своё наместничество в испанских провинциях и, самое главное, продлил его срок ещё на пять лет» Он быстро навёл порядок в Риме, издал ряд важных законов и провёл несколько громких судебных процессов против организаторов беспорядков и взяточников^[101]. Кроме того, Помпей протащил через сенат закон, в соответствии с которым Цезарь по окончании срока наместничества должен был не только распустить свои легионы, но и отчитаться перед сенатом обо всех своих действиях в провинциях. Это давало возможность привлечь покорителя Галлии к суду^[102].

1 марта 50 года истекли наместнические полномочия Цезаря в Галлии. Он попытался их

продлить, но безуспешно. Тогда один из его сторонников, народный трибун Курион, решился провести через сенат довольно смелое предложение, согласно которому Цезарь и Помпей одновременно снимают все свои чрезвычайные полномочия, дабы не создавать в государстве нежелательного политического дисбаланса и не допустить возвышения одного человека. Народ и часть сенаторов одобрили это предложение, но олигархи, выступавшие на стороне Помпея, сорвали его утверждение, требуя, чтобы Цезарь первым распустил свои войска и явился в Рим.

1 декабря этого же года состоялось очередное заседание сената, на котором снова был поднят вопрос о прекращении полномочий Цезаря. Сенат опять склонился к предложению Куриона, но сторонники Помпея сорвали заседание. 1 января 49 года сенат проголосовал за лишение Цезаря всех полномочий и приказал ему немедленно распустить свои легионы. В случае отказа он объявлялся врагом отечества. 7 января сенат, наконец, объявил Цезаря вне закона и приказал Помпею, наделённому неограниченными полномочиями, набирать войска [\[103\]](#).

Цезарь оказался перед весьма сложным выбором: либо война с сенатом и Помпеем, то есть, по сути, со всей Римской республикой, либо забвение и смерть. После долгих и мучительных размышлений он выбрал войну и выступил с пламенной речью перед своими легионерами. У Цезаря была прекрасная, дисциплинированная, закалённая в кровопролитных боях с галлами армия. Войска же Помпея были раздроблены, находились в основном в провинциях и более десяти лет не участвовали в сражениях. Кроме того, на стороне Цезаря были некоторые представители римской политической элиты, на которых он мог опереться.

В ночь с 10 на 11 января 49 года Юлий Цезарь форсировал со своими войсками пограничную реку Рубикон, которая являлась рубежом между Цизальпинской Галлией и Италией, и тем самым объявил войну Римской республике, ибо вступление проконсула с армией на территорию Италии воспринималось как военный мятеж^[104]. По свидетельству Плутарха, когда Цезарь приблизился к реке, «он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимая то одно, то другое решение. Затем он поделился своими сомнениями с присутствовавшими друзьями, среди которых был и Азиний Поллион; он понимал, началом каких бедствий для всех людей будет переход через эту реку и как оценит этот шаг потомство. Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнёс слова обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий!» — и двинулся к переходу»^[105].

Перейдя через Рубикон, Цезарь уверенно двинулся вглубь Италии, захватывая по пути близлежащие города, которые сдавались ему практически без боя. Серьёзное сопротивление он встретил лишь у города Корфиния, где в середине февраля три легиона Помпея попытались преградить ему путь, но затем перешли на его сторону. Ещё в конце января Помпей принял решение об эвакуации и покинул Рим. За ними последовали консулы, многие сенаторы и магистраты, бросив на произвол судьбы народ и государственную казну. Узнав об этом, Цезарь двинулся к порту Брундизий, где собрались бежавшие помпеянцы. В начале марта он подошёл к городу и осадил его, рассчитывая пленить Помпея. Однако 17 марта Помпею

удалось отплыть из Брундизия в Грецию, где он намеревался собрать большую армию и подготовиться к решающему сражению с Цезарем^[106].

Увидев, что Помпей ускользнул, Цезарь направился со своими войсками в Рим и без сопротивления вошёл в столицу 1 апреля 49 года. Он конфисковал государственную казну, хранившуюся в храме Сатурна, и немедленно объявил набор в армию, дабы пополнить свои легионы. После этого Цезарь со свежими силами двинулся в Испанию, навстречу стоявшим там легионам Помпея. Их необходимо было обезвредить, чтобы обеспечить крепкий тыл перед военной экспедицией в Грецию. В битве при Илерде 2 августа 49 года Цезарь разбил деморализованные помпеянские легионы, часть которых перешла на его сторону. Кроме того, ещё весной полководцы Цезаря подчинили острова Сардинию и Сицилию, высадка же в Африке обернулась крупной неудачей^[107].

Вернувшись в Рим в конце ноября 49 года, Цезарь, ранее провозглашённый диктатором, был избран консулом 48 года. Получив официальные полномочия, он решил не дожидаться, пока Помпей накопит значительные силы, и со своими легионами отплыл в Грецию. В январе 48 года Цезарь высадился около города Орик и, захватив его и ещё несколько населённых пунктов, двинулся к портовому городу Диррахию — основной базе помпеянцев, но путь ему преградили легионы Помпея. В начале июля, после нескольких месяцев бесплодного маневрирования и позиционной войны, Цезарь потерпел серьёзное поражение в бою при Диррахии. От неминуемой гибели его спасла лишь удивительная нерешительность Помпея, прекратившего преследование^[108].

После поражения у Диррахии Цезарь начал отступать в Фессалию. Помпей же двинулся за ним

следом, намереваясь измотать обессиленного врага, тесня и преследуя его. Соратники Помпея, желавшие как можно быстрее уничтожить Цезаря и закончить войну, требовали от командующего более решительных действий. Они были так уверены в победе, что уже заранее стали распределять должности и награды. Именно они заставили колебавшегося Помпея устроить генеральное сражение^[109].

9 августа 48 года армии Цезаря и Помпея встретились близ города Фарсала в Фессалии и вступили в сражение^[110]. Несмотря на то что численность войск Помпея была почти в два раза больше, в битве главную роль сыграл именно полководческий талант Цезаря. По словам Плутарха, «когда Помпей с противоположного фланга увидел, что его конница рассеяна и бежит, он перестал быть самим собою, забыл, что он Помпей Магн. Он походил скорее всего на человека, которого божество лишило рассудка. Не сказав ни слова, он удалился в палатку и там напряжённо ожидал, что произойдёт дальше, не двигаясь с места до тех пор, пока не началось всеобщее бегство и враги, ворвавшись в лагерь, не вступили в бой с караульными. Тогда лишь он как бы опомнился и сказал, как передают, только одну фразу: «Неужели уже дошло до лагеря?» Сняв боевое убранство полководца и заменив его подобающей беглецу одеждой, он незаметно удалился»^[111].

Армия Помпея была полностью разбита, а сам он бежал. Добравшись до города Митилены на острове Лесбос, Помпей воссоединился с семьёй и отплыл в Киликию. Здесь, посоветовавшись с друзьями, воспрянувший духом полководец принял решение отправиться с флотом в Египет и просить помощи у юного царя Птолемея XIII, отца которого он некогда восстановил на троне. Помимо большого флота у

Помпея ещё оставалось несколько легионов, стоявших в Африке. Узнав о прибытии римского полководца, советники египетского царя решили, что лучше всего избавиться от него, нежели ссориться с Цезарем. При высадке на берег 29 сентября 48 года Помпей был предательски убит^[112].

Плутарх сообщает, что «убийцы отрубили Помпею голову, а нагое тело выбросили из лодки, оставив лежать напоказ любителям подобных зрелищ. Филипп (вольноотпущенник Помпея. — *М. Б.*) не отходил от убитого, пока народ не насмотрелся досыта. Затем он обмыл тело морской водой и обернул его какой-то из своих одежд. Так как ничего другого под руками не было, он осмотрел берег и нашёл обломки маленькой лодки, старые и трухлявые; всё же их оказалось достаточно, чтобы послужить погребальным костром для нагого и к тому же изувеченного трупа. Когда Филипп переносил и складывал обломки, к нему подошёл какой-то уже преклонного возраста римлянин, который ещё в молодости участвовал в первых походах Помпея. «Кто ты такой, приятель, — спросил он Филиппа, — коли собираешься погребать Помпея Магна?» Когда тот ответил, что он вольноотпущенник Помпея, старик продолжал: «Эта честь не должна принадлежать одному тебе! Прими и меня как бы в участники благочестивой находки, чтобы мне не во всём сетовать на своё пребывание на чужбине, которое после стольких тяжких превратностей даёт мне случай исполнить, по крайней мере, хотя одно благородное дело — коснуться собственными руками и отдать последний долг великому полководцу римлян». Так совершалось погребение Помпея»^[113].

Некоторые учёные полагают, что Вергилий в 48 году участвовал в походе Цезаря в Грецию и, возможно, даже сражался в битве при Фарсале. Считается, что на

это могут указывать первые строки стихотворения ХШ из сборника «Смесь»:

Ты думаешь, я слаб, что не под силу мне,
Как встарь, пускаться по морю,
По всем путям и в зной, и в стужу следуя
Знамёнам победителя?
Силён, силён я выношенной яростью,
И к бою рвётся речь моя^[114].

Действительно, упоминание о том, что поэт «встарь пускаться по морю» и «следовал и в зной, и в стужу за знамёнами победителя», может указывать на то, что Вергилий в качестве легионера отплыл на одном из кораблей Цезаря, а затем участвовал в его походе в Грецию. Цезарь в 49 году набирал новобранцев по всей Италии, и Вергилий, вероятно, вступил в его армию.

Для Вергилия Юлий Цезарь всегда оставался объектом восхищения и поклонения. В пятой эклоге «Буколик» поэт воспевает апофеоз божественного пастуха Дафниса, под маской которого, как принято считать, скрывается именно Цезарь, а в конце первой книги «Георгик» описывает страшные знамения, связанные с убийством Цезаря^[115].

Восторженное отношение Вергилия к Цезарю объясняется, возможно, тем, что последний долгие годы являлся наместником Цизальпинской Галлии — родины поэта, и пользовался чрезвычайной популярностью у местных жителей, поскольку много сделал для процветания этого края. Известно, что, когда он посещал в 50 году муниципии и римские колонии на территории Цизальпинской Галлии, «придумывалось всё возможное для украшения ворот,

дорог и всех мест, где должен проходить Цезарь. Навстречу ему выходило всё население вместе с детьми, повсюду закалялись (то есть закалывались. — *М. Б.*) жертвы, на площадях и перед храмами установлено было множество столов с яствами для богов, точно это было предвкушением радостного и желанного триумфа. Так велики были пышная щедрость людей богатых и восторг народа»^[116]. Более того, именно из мужчин этой провинции в основном комплектовались легионы Цезаря. В знак благодарности Цезарь предоставил в 49 году права римского гражданства всем жителям Цизальпинской Галлии. Поэтому неудивительно, что Вергилий мог с готовностью отозваться на призыв знаменитого полководца и записаться в легионеры.

Что же представляла собой римская армия во времена Цезаря?

Основой армии был легион, формировавшийся из тяжеловооружённой пехоты. Численность легиона в различные периоды римской истории колебалась. Обычно легион состоял из десяти когорт, каждая из которых делилась на три манипулы, а манипула, в свою очередь, на две центурии, примерно по сотне человек в каждой. Таким образом, в состав легиона входило около шести тысяч человек. Однако легион Цезаря насчитывал не более трёх-четырёх тысяч.

Каждый легион имел свой номер и название, обладал определённым количеством боевой техники (метательные орудия) и вспомогательных войск (лёгкая кавалерия, лёгкая пехота), имел оружейные мастерские. Любимым легионом Цезаря был десятый. Набирались легионы из свободных римских граждан низкого достатка, поскольку богачи либо уклонялись от службы, либо предпочитали служить в качестве офицеров или ординарцев полководца. Основную часть

жизни легионеры проводили на военной службе, что позволяло им за счёт приличного жалования и военной добычи содержать свою семью в достатке. Вспомогательные войска формировались из солдат союзных государств. Кроме того, в состав армии входили знаменосцы, трубачи, врачи, писцы, гадатели, разведчики, курьеры, слуги-рабы и другие.

Набор в армию проводился по указанию сената или по приказу наместника той или иной провинции. Римский новобранец должен был пройти весьма сложный курс обучения, прежде чем ему доверяли оружие. На первом этапе обучения его учили ходить в строю, бегать, прыгать, ориентироваться на местности, преодолевать препятствия и даже ездить верхом. Только после того, как становилось ясно, что новобранец вынослив и подходит для военной службы, начинался второй этап. Теперь молодого солдата обучали искусству метать копье, владеть мечом, отражать удары щитом, сражаться врукопашную. Кроме того, он должен был уметь обращаться с лопатой, киркой, топором и пилой для того, чтобы в нужный момент принять участие в сооружении военного лагеря со рвами, валами и палисадами, а также моста через реку при переправе легиона на другой берег или специальных сооружений при осаде города.

Во главе каждой центурии легиона стоял центурион, на должность которого обычно назначали опытного и закалённого в боях солдата. Самым старшим по рангу центурионом был примипил — центурион первой центурии первой когорты. Легионом командовали шесть военных трибунов, набравшихся из всаднического сословия. Однако при Цезаре общее командование легионом брал на себя легат — непосредственный помощник полководца, исполнявший наиболее важные его поручения. Войсковой кассой и

финансами ведал квестор, который в случае необходимости мог принять командование легионом.

Возможно, именно во время воинской службы Вергилий, по причине ранения или болезни, приобрёл заболевание желудка и заразился туберкулёзом (очаговый туберкулёз лёгких?)^[117]. Условия, в которых оказались легионеры Цезаря во время осады лагеря Помпея у Диррахия, были ужасающими. По словам Плутарха, «солдаты Цезаря уже с самого начала испытывали недостаток в продовольствии, а потом из-за отсутствия самого необходимого стали есть какие-то коренья, кроша их на мелкие части и смешивая с молоком. Иногда они лепили из этой смеси хлебцы и, нападая на передовые караулы противника, бросали эти хлебцы, крича, что не прекратят осады Помпея до тех пор, пока земля будет рождать такие коренья... Страдая от тяжких трудов вследствие телесной слабости, они теряли и бодрость духа. К тому же, как тогда говорили, дурное питание вызвало в армии Цезаря какую-то повальную болезнь»^[118]. Вероятно, уже после битвы при Фарсале Вергилий был вынужден демобилизоваться и вернуться в Рим, где возобновил своё обучение.

После поражения и бегства Помпея Цезарь устремился за ним следом и отправился в Египет. Прибыв в Александрию, он узнал о смерти Помпея и не смог сдержать слёз. В то время в Египте шла вооружённая борьба за трон между двумя соправителями — малолетним царём Птолемеем XIII и его старшей сестрой Клеопатрой VII. Цезарь поначалу попытался примирить брата и сестру, дабы они вновь стали царствовать вместе согласно завещанию Птолемея XII. Советникам царя это было невыгодно, и они вызвали в Александрию царское войско, которое заняло город и осадило дворец Птолемеев и

прилегающие кварталы, где закрепился Цезарь со своими легионерами. Клеопатра VII, влюбившаяся в Цезаря, была целиком на его стороне, чего нельзя было сказать о юном царе. В ходе переговоров Цезарь опрометчиво выдал Птолемея XIII царскому войску, и юноша немедленно возглавил борьбу против римлян. Только благодаря прибывшим подкреплениям Цезарь сумел прорвать блокаду, вступил в сражение с царской армией на реке Нил и разгромил основные силы юного царя 27 марта 47 года. Во время переправы через реку лодка Птолемея XIII перевернулась, и он утонул. На египетский трон была возведена Клеопатра VII вместе со своим младшим братом Птолемеем XIV, от которого она впоследствии избавилась, отравив его [\[119\]](#).

После окончания «Александрийской войны» любовный роман Цезаря и Клеопатры получил дальнейшее развитие. Впоследствии египетская царица даже родила от римского полководца сына, получившего имя Птолемей Цезарь (или Цезарион). В 44 году он стал соправителем своей матери и получил царский титул — Птолемей XV.

Однако пока Цезарь, очарованный египетской царицей, отдыхал на берегах Нила, его противники в Риме вновь стали собираться с силами. Кроме того, большую угрозу представляли находившиеся в провинции Африка помпеянские легионы во главе со Сципионом. В Испании же взбунтовались бывшие легионы Помпея, ранее сдавшиеся Цезарю, и призвали к себе сыновей погибшего полководца. Наконец, боспорский царь Фарнак, сын понтийского царя Митридата VI Евпатора, вероломно захватил огромные территории в Малой Азии и стал угрожать римским интересам в этом регионе.

Первым противником, с которым решил покончить Цезарь, стал царь Фарнак. Переправившись в Малую

Азию, римские войска 2 августа 47 года в битве при Зеле полностью разгромил армию боспорского царя. Это была лёгкая победа, так что, упоминая о ней в письме к сенату, Цезарь лишь написал: «Пришёл, увидел, победил»^[120].

После разгрома Фарнака и улаживания дел на Востоке, Цезарь прибыл в Рим. Здесь он провёл серию реформ, подавил мятеж нескольких легионов, отправил в отставку своих солдат (ветеранов), обещав после войны выплатить им щедрые награды и наделить земельными участками. Собрав свежие силы, Цезарь уже в конце 47 года высадился в провинции Африка. После нескольких месяцев боёв он, наконец, полностью разбил легионы помпеянцев в сражении при Тапсе 6 апреля 46 года. Африка была полностью освобождена и перешла под контроль Цезаря. Поскольку на стороне помпеянцев воевал нумидийский царь Юба, Нумидийское царство было упразднено, превратившись в римскую провинцию^[121].

Возвратившись 25 июля 46 года в Рим, Юлий Цезарь в начале августа торжественно отпраздновал четыре триумфа — галльский, египетский, понтийский и нумидийский. Однако не все помпеянцы были побеждены. Два сына Помпея, Гней и Секст, собрали в Испании огромное войско, которое представляло большую угрозу для Рима. В этой ситуации Цезарь осенью 46 года принял решение отправиться со своими легионами в испанские провинции. 17 марта 45 года состоялась знаменитая битва при Мунде, в которой Цезарю удалось ценой невероятных усилий одержать победу над Гнеем Помпеем-младшим^[122]. По словам историка Аппиана, «когда войска пришли в столкновение, на армию Цезаря напал страх, а к страху присоединилась какая-то нерешительность. Цезарь умолял всех богов, простирая руки к небу, не пятнать

этим одним сражением столько им совершённых блестящих подвигов, увещевал, обегая солдат, и, сняв шлем с головы, стыдил их в глаза, призывая их приостановить бегство. Но страх солдат нисколько не унимался, пока Цезарь сам, схватив щит одного из них и воскликнув вокруг него стоящим командирам: «Да станет это концом для меня — жизни, а для вас — походов», — выбежал вперёд из боевого строя навстречу врагам настолько далеко, что находился от них на расстоянии десяти футов. До двухсот копий было в него брошено, но от одних он отклонился, другие отразил щитом. Тут уже каждый из его полководцев, подбегая, становился рядом с ним, и всё войско бросилось в бой с ожесточением, сражалось весь день с переменным успехом, но к вечеру, наконец, одолело. Как передают, Цезарь сказал, что ему приходилось вести много битв за победу, но в этот день он вёл битву за жизнь»^[123].

Это была последняя военная кампания Гая Юлия Цезаря. В октябре 45 года он вернулся в Рим, где торжественно отпраздновал испанский триумф. Цезарь стал единоличным правителем Римского государства. Сенат провозгласил его пожизненным диктатором и «отцом отечества». Диктатором именовалось высшее должностное лицо с чрезвычайными полномочиями, назначавшееся на срок не более шести месяцев. Обычно диктатор назначался консулами (по указанию сената) только в чрезвычайных обстоятельствах, например, в условиях войны, грозившей нарушением территориальной целостности государства. Диктатор обладал практически неограниченной властью, и ему были обязаны беспрекословно подчиняться все магистраты. Он выбирал себе помощника (заместителя) — «начальника конницы». Появление же пожизненного диктатора в Риме было из ряда вон выходящим

событием. Однако управлять на основе республиканских принципов той огромной средиземноморской империей, в которую превратилась Римская республика после присоединения к ней обширных территорий, завоёванных римскими полководцами, было уже невозможно.

Помимо «вечной» диктатуры Цезарь получил пожизненные полномочия народного трибуна, должность цензора, сан великого понтифика (верховного жреца), постоянный проконсульский империй, то есть постоянную власть над провинциями. Временное почётное воинское звание «император», ранее не дававшие никаких властных полномочий, стало его постоянным титулом, то есть теперь Цезарь рассматривался как постоянный носитель «империя» — высшей военно-административной власти, и стал именоваться «Император Гай Юлий Цезарь».

Несколько раз Цезаря даже пытались провозгласить царём, но он с возмущением отказывался. Возможно, диктатор лукавил и выжидал подходящего случая, когда это можно будет сделать без ущерба для своего авторитета, поскольку титул царя ассоциировался у римлян с крайней тиранией^[124]. Тем не менее враги Цезаря распускали упорные слухи, что его провозглашение царём неминуемо, особенно в преддверии грандиозного похода против Парфии, задуманного диктатором. Как пишет Аппиан, даже «распространился слух, что Сивиллины книги предсказывают: парфяне не раньше будут побеждены римлянами, как против них будет воевать царь»^[125].

Абсолютная власть Цезаря не нравились многим представителям римской политической элиты. Весной 44 года против диктатора был организован заговор. Лидерами заговорщиков стали Гай Кассий Лонгин, Марк Юний Брут и Децим Юний Брут. Они считали своим

идейным вдохновителем Цицерона, боровшегося с Каталиной, и наивно полагали, что убийство «тирана» Цезаря приведёт к полному восстановлению республиканского строя^[126].

На 15 марта 44 года было назначено очередное заседание римского сената. Заговорщики выбрали именно этот день для покушения на Цезаря, но их замысел едва не сорвался, поскольку диктатор, встревоженный неблагоприятными предзнаменованиями, решил остаться дома. Тогда Децим Брут, проявив недюжинное коварство, пришёл домой к Цезарю и уговорил его отправиться в сенат. По пути в курию Цезаря попытались предупредить о заговоре и даже вручили свиток с доносом на заговорщиков, но диктатор не успел его прочитать. Кроме того, по свидетельству Плутарха, «какой-то гадатель предсказал Цезарю, что в тот день месяца марта, который римляне называют идами, ему следует остерегаться большой опасности. Когда наступил этот день, Цезарь, отправляясь в сенат, поздоровался с предсказателем и шутя сказал ему: «А ведь мартовские иды наступили!», на что тот спокойно ответил: «Да, наступили, но не прошли!»»^[127].

Войдя в курию Помпея, где должно было состояться заседание сената, Цезарь сел в своё кресло. Марка Антония, ближайшего соратника Цезаря и консула 44 года, Децим Брут нарочно задержал на улице, вступив с ним в длительный разговор. Сидящего Цезаря тут же окружила толпа заговорщиков, и один из них, Луций Тиллий Цимбр, стал слёзно молить о помиловании своего брата, а остальные горячо поддержали его просьбу. Когда Цезарь отказал, Цимбр внезапно схватился за тогу диктатора и потянул её на себя. Это стало сигналом для заговорщиков^[128].

Как пишет Плутарх, «Каска первым нанёс удар мечом в затылок; рана эта, однако, была неглубока и не смертельна: Каска, по-видимому, вначале был смущён дерзновенностью своего ужасного поступка. Цезарь, повернувшись, схватил и задержал меч. Почти одновременно оба закричали: раненый Цезарь полатыни — «Негодяй Каска, что ты делаешь?», а Каска по-гречески, обращаясь к брату, — «Брат, помоги!» Непосвящённые в заговор сенаторы, поражённые страхом, не смели ни бежать, ни защищать Цезаря, ни даже кричать. Все заговорщики, готовые к убийству, с обнажёнными мечами окружили Цезаря: куда бы он ни обращал взор, он, подобно дикому зверю, окружённому ловцами, встречал удары мечей, направленные ему в лицо и в глаза, так как было условлено, что все заговорщики примут участие в убийстве и как бы вкусят жертвенной крови. Поэтому и Брут нанёс Цезарю удар в пах. Некоторые писатели рассказывают, что, отбиваясь от заговорщиков, Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута с обнажённым мечом, накинуд на голову тогу и подставил себя под удары. Либо сами убийцы оттолкнули тело Цезаря к цоколю, на котором стояла статуя Помпея, либо оно там оказалось случайно. Цоколь был сильно забрызган кровью. Можно было подумать, что сам Помпей явился для отмщенья своему противнику, распростёртому у его ног, покрытому ранами и ещё содрогавшемуся»^[129].

«Appendix Vergiliana»

События гражданской войны и убийство Цезаря, безусловно, сильно повлияли на мировоззрение Вергилия. На его глазах рушился привычный для всех римлян миропорядок, и было непонятно, какое будущее ждёт Римское государство. Однако вернёмся на несколько лет назад, в то время, когда Вергилий только начал своё обучение в Риме и вступил на путь серьёзного поэтического творчества.

Свободное от занятий время будущий поэт посвящал не только театру или лошадиным бегам, но и посещению литературных кружков «поэтов-неотериков», то есть «новых» поэтов, «новаторов», как презрительно называл их Цицерон^[130]. Школа «поэтов-неотериков», испытавшая сильное влияние греческой, александрийской поэзии с её элегантностью и ироничностью, появилась в Риме во второй четверти I века до н. э. «Поэты-неотерики», в число которых входили Публий Валерий Катон, Гай Валерий Катулл, Гай Лициний Кальв, Гай Гельвий Цинна, Квинт Корнифиций, Марк Фурий Бибакул, Тицида, Гай Азиний Поллион, Квинтилий Вар и некоторые другие, пытались «обновить» римскую поэзию, избавить её от архаизмов, грубости и однообразия; подражали виднейшим александрийским поэтам: Каллимаху, Феокриту, Аполлонию Родосскому. В своём творчестве «неотерики» отдавали предпочтение любовной лирике, мифологическим «учёным» сюжетам и небольшим стихотворным формам (эпиллий, элегия, эпиграмма). Кроме того, большое внимание они также уделяли личным переживаниям человека, любовной страсти и повседневной жизни.

Основателем школы «неотериков» считался Публий Валерий Катон (около 95—?). Родился он в Галлии; в правление Суллы лишился отцовского наследства и перебрался в Рим, где занялся поэзией и грамматикой, собрал вокруг себя многих молодых римских поэтов, обсуждал и комментировал их стихотворения. В связи с этим о нём с иронией писали: «Лишь грамматик Катон, сирена римлян, / И читает, и создаёт поэтов»^[131]. В древности было известно несколько поэтических произведений Катона, например, «Лидия» и «Диана», а также автобиографическая книжка «Негодование»^[132].

Ещё один блестящий представитель школы «неотериков» — Гай Валерий Катулл (84—54). Он родился в Цизальпинской Галлии в городе Вероне, в состоятельной аристократической семье. Отец его находился в дружеских отношениях с самим Юлием Цезарем^[133]. В юности Катулл переехал в Рим, где вёл довольно беззаботную жизнь. Он даже влюбился в замужнюю красавицу Клодию, сестру скандально известного народного трибуна Публия Клодия Пульхра, которую в своих стихотворениях называл Лесбией. В 57—56 годах в свите пропретора Гая Меммия поэт совершил поездку в Вифинию и на обратном пути посетил могилу своего брата^[134]. Дружил со многими «неотериками», в особенности с Лицинием Кальвом. Сохранился сборник произведений Катулла — 116 стихотворений на разные темы^[135].

Гай Лициний Кальв (82—47), один из ближайших друзей Катулла^[136], прославился прежде всего как оратор. По сообщению Тацита, он оставил после себя двадцать одну речь^[137]. Из поэтических произведений Кальва в древности были известны несколько лирических и эротических стихотворений, эпиграммы на злобу дня и эпиллий (малая эпическая поэма) под названием «Ио», рассказывающий об аргосской

царевне, обращённой богиней Юноной в тёлку. До нашего времени дошли лишь небольшие фрагменты его стихов^[138].

Ещё один друг Катулла — «поэт-неотерик» Гай Гельвий Цинна (85—44). В 57 году он вместе с Катуллом побывал в Вифинии. Известно, что в течение девяти лет Цинна писал эпиллий «Смирна» о преступной любви царевны Смирны к своему отцу Киниру, царю Кипра^[139]. Кроме того, он сочинил также несколько лирических стихотворений, эпиграмм и стихотворное напутствие Азинию Поллиону, отправляющемуся в путешествие по Греции. Цинна был довольно знаменит уже при жизни, что позволило Вергилию в девятой эклоге своих «Буколик» написать:

Знаю, что песни мои недостойны Вария с
Цинной —
Право, как гусь гогочу посреди лебединого
пенья^[140].

В 44 году Гельвий Цинна занимал должность народного трибуна и, по свидетельству Плутарха, был растерзан толпой во время похорон Юлия Цезаря, поскольку его спутали с Корнелием Цинной, одним из участников заговора против диктатора: «Жил в Риме некий Цинна, поэт, не имевший к заговору ни малейшего отношения, напротив — верный друг Цезаря. Ему приснилось, будто Цезарь зовёт его на обед, он отказывается, а тот упорно настаивает и, в конце концов, берёт его — изумлённого и испуганного — за руку и силою ведёт в какое-то обширное и тёмное место. После этого сна его лихорадило всю ночь до рассвета, но утром, когда начался обряд погребения,

Цинна постыдился остаться дома и вышел. Толпа между тем уже бушевала, его увидели и, приняв не за того, кем он был на самом деле, но за другого Цинну, который недавно поносил Цезаря на форуме, растерзали в клочья»^[141]. К сожалению, от произведений Цинны сохранились только небольшие фрагменты^[142].

Квинт Корнифиций (79—41) изначально блестяще проявил себя на политическом поприще. Будучи сторонником Юлия Цезаря, занимал высшие государственные и военные должности. Увлекался поэзией и прозой, которым посвящал свободное от государственных дел время. Кроме того, он считался неплохим оратором. Дружил с поэтом Катуллом и некоторыми другими «поэтами-неотериками». Корнифицию принадлежал эпиллий «Главк», а также несколько любовных стихотворений, к сожалению, не сохранившихся^[143].

Поэт Марк Фурий Бибакул (103—?), уроженец Кремоны, часто вращался в литературном кружке Валерия Катона и находился в дружеских отношениях с поэтом Катуллом^[144]. Бибакулу принадлежала большая, не дошедшая до нас поэма «Анналы», повествовавшая о галльских походах Юлия Цезаря, а также несколько десятков едких эпиграмм на злобу дня, в том числе против Цезаря и Августа. Из эпиграмм сохранились лишь две, посвящённые главе школы «неотериков» Валерию Катону:

Друг мой Галл, а Катонovo именье
Всё с торгов распродал заимодавец!
Удивительно, как такой наставник,
Знаменитый грамматик, стихотворец,
Находивший решенья всех вопросов,

Не нашёл поручителя себе же, —
То-то ум Зенодота, дух Кратеса!

Кто увидит у нашего Катона
Домик, крытый раскрашенной дранкой,
С парой грядок под стражею Приапа, —
Подивится, какой такой наукой
Он дошёл до великого уменья
Полуфунтом муки да кочерыжкой
Да двумя виноградными гроздьями
Пропитаться до старости глубокой^[145].

Именно у «поэтов-неотериков» и учился юный Вергилий мастерству стихосложения. Принято считать, что практически все ранние произведения Вергилия, входящие в так называемый сборник «Appendix Vergiliana» («Приложение к Вергилию»), были написаны именно в духе римской школы «неотериков». Однако Вергилию удалось намного превзойти своих учителей в поэтическом мастерстве.

Юношеские и мелкие произведения Вергилия после его смерти были бережно сохранены и составили небольшой сборник, в который изначально входили стихотворения «Комар» (*Culex*), «Кирис» (*Ciris*), «Проклятия» (*Dirae*), «Приапеи» (*Priapea*), «Смесь» (*Catalepton*), «Этна» (*Aetna*) и не сохранившиеся эпиграммы (*Epigrammata*)^[146]. Позднее в него были также включены стихотворения «Трактирщица» (*Copa*), «Завтрак» (*Moretum*), «Лидия» (*Lydia*) и заведомо не принадлежащие Вергилию «Элегия о Меценате» (*Elegiae in Maecenatem*), «*De est et pop*» и некоторые другие. В XVI веке этот сборник получил название «Appendix Vergiliana».

До сих пор между учёными многих стран идут бесплодные споры о датировке и принадлежности Вергилию произведений из «Appendix Vergiliana». Вероятно, некоторые из них являются подложными и не имеют отношения к творчеству великого поэта.

Наиболее известным из ранних произведений юного Вергилия является эпиллий «Комар» (*Culex*), написанный им примерно в шестнадцатилетнем возрасте^[147] (или, как принято считать, не позднее июня 44 года). «Комар» посвящён юному Октавию — будущему императору Августу. Вергилий несколько раз обращается к нему в тексте^[148] и, более того, называет его «мальчиком святым»:

Чтимый Октавий, к моим начинаньям будь
благодарен!

Мальчик святой, для тебя эта песня...^[149]

Как известно, Вергилий в юности учился вместе с Октавием в очень престижной риторической школе Марка Эпидия^[150] и, хотя между поэтом и будущим императором была заметная разница в возрасте, они вполне могли подружиться ещё в период ученичества. Полагают также, что Вергилий в «Комаре» удачно спародировал стиль ратора Эпидия.

Вергилий начинает своё повествование с описания счастливой и мирной жизни пастуха-козопаса на лоне природы: весна, жаркое южное солнце уже согрело землю, козы разбрелись по лесам и долинам в поисках сочной травы и нежных побегов, шумят прохладные горные ручьи, весело щебечут птицы. В полдень пастух сгоняет коз к ручью на водопой, а затем располагается вместе со стадом в тенистой прохладной роще, чтобы

защитить животных от палящего солнца. Утомлённый полуденной жарой, он безмятежно засыпает под стрекотание цикад на берегу прохладного потока, устроившись на мягкой траве под тенистыми деревьями. В это время к реке подползает ужасная змея и готовится наброситься на пастуха. Кажется, что беда неизбежна. На счастье пастуха, его жалит комар, и он просыпается, вскакивает, убивает комара, замечает огромную змею, хватает тяжёлый дубовый сук и убивает её тоже. Вечером пастух благополучно возвращается с козами домой. Глубокой ночью к нему является призрак комара, жалуется на жестокую судьбу и рассказывает о том, как он попал в подземное царство и что там увидел. Проснувшись утром, растроганный пастух воздвигает комару земляную гробницу на берегу ручья и сажает на ней цветы:

...Здесь и аканф поднимется скоро,
Будут и розы цвести, стыдясь своей прелести алой,
Здесь и фиалок семья взойдёт; спартанские мирты
И гиацинт зацветёт, и крокус с полей киликийских,
И олеандр, и возвышенный лавр, украшение Феба,
Лилия и розмарин, полей недалёких питомец,
Рядом с сабинской травой, фимиам заменявшей у древних,
И златоцвет, и блистающий плющ с верхушкою бледной,
И амаранфы, и бокх, о ливийском царе не забывший,
И крупногроздный бумаст, и латук в постоянном цветенье;

Здесь расцветёт и нарцисс, в чьём теле
прекрасном когда-то
Был Купидонов огонь своей же зажжён
красотою;
Все остальные цветы, которым весеннее время
Снова велит расцвести, над могилой посажены
будут.
Надпись надгробная здесь да гласит
начертаньем безмолвным:
«Милый комар, тебе по заслугам стада
хранитель
В поминовенье воздвиг сей дар за спасение
жизни»^[151].

Эпиллий «Комар» был весьма популярен у римской публики. Позднее молодой поэт Марк Анней Лукан (39—65 н. э.), автор грандиозной поэмы «Фарсалия», посвящённой гражданской войне между Цезарем и Помпеем, сравнивая свои произведения с ранними сочинениями Вергилия, воскликнет: «Но как далеко мне до «Комара!»»^[152]. А поэт Марциал даже посвятит отдельному изданию «Комара» специальную эпиграмму:

Красноречивого здесь Марона «Комар»
любомудру:
После орехов нельзя «Брани и мужа» читать^[153].

Следующее произведение из «Appendix Vergiliana» — это поэма «Кирис» (*Ciris*). Она посвящена юному аристократу Мессале Корвину^[154], с которым Вергилий

познакомился ещё в период своего обучения в Риме. Исследователи полагают, что Вергилий начал писать «Кирис» в 48 году, но не закончил, а впоследствии неизвестный поэт завершил его труд. Об этом свидетельствуют некоторые строки поэмы, перекликающиеся с самыми поздними произведениями Вергилия.

В поэме «Кирис» Вергилий повествует о Сцилле, вероломной дочери мегарского царя Ниса. Царь Минос осадил Мегару, но жители не уstraшились мощи воинственного критянина, поскольку у Ниса на голове имелся пурпурный волос, обеспечивавший царское бессмертие, неприступность города и благосостояние государства. Сцилла же, охваченная любовной страстью к Миносу, решила предать город и срезала волшебный волос с головы отца. В итоге царь захватил город, но отверг любовь Сциллы и, в наказание за предательства отца, решил её казнить, привязав к плывущему по морю кораблю. Испытывая ужасные мучения, Сцилла превратилась в птицу кирис (скопу?), а её отец Нис — в морского орла (орлана). Непримируемая вражда, издревле существовавшая между этими птицами, была хорошо известна античным мореплавателям:

Словно, средь горних сфер в хороводе звёздном
сияя
Блеском двойным, Скорпион сверкающий с неба
ночного
Гонит в условленный час Ориона ясного светоч
—
Так со скопою орлан, взаимной скованы злобой,
Вечно былую судьбу воскрешают в новых
рождениях:
Всюду, где лёгкий эфир скопа рассекает
крылами,

Следом за ней в небесах, взгляни! жестокий и грозный
С клёкотом гонится Нис — и когда взмывает он к тучам,
В бегстве поспешном она эфир рассекает крылами.^[155]

Стихотворение «Трактирщица» (*Cora*) было включено в список ранних произведений Вергилия позднеантичным комментатором Сервием^[156]. Это произведение довольно забавно по своему содержанию: подвыпившая Сириска, очевидно, вольноотпущенница, пускается в пляс перед своей таверной, зазывая утомлённых полуденной жарой путников, которым сулит хорошую выпивку, свежие цветы, фрукты и овощи:

Что за радость брести без сил средь пыли и зноя?
Право же, лучше за стол, жадный до выпивки, лечь!
Есть тут навесы в саду, кубки, розы, флейты и струны,
Тут и беседки, и тень тонких прохладных ветвей,
Тут на пастушеский лад звучит деревенская дудка,
Что под Аркадской горой сладко в пещерке поёт.
Тут недавно вино по смолёным кувшинам разлито,
Тут говорливый журчит светлой струёю ручей.
Есть из аттических тут фиалок свитые веночки,

Много в гирляндах тут есть жёлтых и
пурпурных роз,
Есть и лилии тут, что, собрав над потоком
девичьим,
Ахелоида несёт в белых корзинках гостям.
Влагу много сыров тут сочит сквозь прутья
корзинок,
Много и слив восковых есть тут в осенние дни.
Много каштанов у нас и сладких рдеющих
яблок,
С чистой Церерою здесь Бромий и юный Амур.
Есть и шелковица тут, и гроздь на вьющихся
лозах,
И на жердях не один тёмный висит огурец [\[157\]](#).

Тем не менее концовка стихотворения имеет явно философский характер, напоминающий о том, что Вергилий в юности был приверженцем учения Эпикура:

Надо ль душистый венок беречь для холодного
пепла?
Иль под увенчанным сам камнем желаешь
лежать?
Кости бери и вино. Сгинь, кто завтрашним днём
озабочен!
За ухо смерть ущипнёт, скажет: «Живите! Я
здесь» [\[158\]](#).

Стихотворение «Завтрак» (*Moretum*) по праву считается маленьким шедевром и представляет собой прелестную бытовую зарисовку из сельской жизни.

Крестьянин-бедняк Симил, «пахатель малого поля», встав поутру и зажёгши светильник, начинает готовить себе нехитрый завтрак. Взяв в кладовке зерна, он начинает его молоть на ручной мельнице, сопровождая свой труд «деревенским напевом». Затем он зовёт свою единственную рабыню-негритянку Скибалу и приказывает ей растопить почти потухшую печь, чтобы согреть на огне воду. Сам же, просеяв полученную муку через сито, наливает тёплую воду, замешивает тесто и формирует хлеб, который сажает в печь, накрыв глиняной миской и насыпав сверху углей. Поскольку к хлебу необходима закуска, Симил отправляется в свой огородик, о котором он заботится в свободное время и где:

Всякая зелень здесь есть: и свёкла с пышной ботвою,
И плодовый щавель, девясил, и поповник, и мальвы,
Есть и порей — такой, что обязан репке названьем,
Есть и приятный латук — от изысканных яств передышка,
Плети ползут огурцов и растёт заострённая редька,
Тыквы лежат тяжело, на толстый живот привалившись.
Не для хозяина, нет, — ибо кто воздержней Симила? —
А для других этот рос урожай: ведь каждый девятый
День за плечами носил на продажу он овощи в город.
И возвращался домой налегке, но с тяжёлой мошною,

Редко когда захватив с мясного торга товару.
Грядка, где лук и зелёный порей, утолит его
голод,
Горький крес, который куснуть невозможно, не
морщась,
Или гулявник, чей сок Венеру вялую будит [\[159\]](#).

Недолго думая, Симил выдёргивает на огороде
четыре головки чеснока, рвёт листья кудрявого
сельдерея, зелёной руты, стебли кориандра.
Вернувшись в лачугу, он берёт каменную ступку, кладёт
в неё щепотку соли, кусочек твёрдого сыра, несколько
очищенных зубчиков чеснока, порезанную зелень, и всё
это толчёт и растирает пестиком. В образовавшуюся
зелёную массу он добавляет немного масла и несколько
капель уксуса, а затем:

Вновь начинает тереть, чтобы лучше все части
смешались.
Пальцами после двумя обойдя всю ступку по
стенкам,
Он собирает стряпню и комок из месива лепит:
По завершенье оно справедливо зовётся
«толчёнкой».
Той порою раба усердная хлеб вынимает.
С радостью в руки его берёт Симил: на сегодня
Голод не страшен ему. На обе ноги обмотки
Он надевает затем, покрывает голову шляпой,
Дружных быков запрягает в ярмо, опутав
ремнями,
Гонит на ниву их и лемех в землю вонзает [\[160\]](#).

Стихотворение «Проклятия» (*Dirae*) определённо датируется 41 годом, когда Вергилий в результате массовых земельных конфискаций лишился своего родового имения. Об этом произведении речь пойдёт ниже. Стихотворение «Лидия» (*Lydia*) следует в «Appendix Vergiliana» сразу за «Проклятиями». В нём Вергилий рассказывает о своей любви к некоей Лидии и о внезапной разлуке с ней. Речь о Лидии идёт уже в конце «Проклятий»^[161], так что некогда эти два произведения даже объединяли в одну поэму. Кто была эта Лидия, неизвестно; вполне вероятно, что это вымышленный персонаж.

В «Appendix Vergiliana» входят также «Приапеи» (*Priapea*) — три стихотворения, которые часто объединяют со сборником «Смесь». Главным действующим лицом в этих произведениях выступает малоазийский бог плодородия Приап, которому преподносят различные жертвы в соответствии со временем года. Статуи этого бога, снабжённые огромным красным фаллосом, обычно помещались в садах и виноградниках, чтобы отпугивать воров и птиц.

«Смесь» (*Catalepton*) состоит из четырнадцати произведений и действительно представляет собой неупорядоченное собрание стихотворных безделушек, написанных в разное время и по самым разнообразным случаям. Несколько стихотворений «Смеси» посвящены друзьям-поэтам Вергилия — Марку Плотию Тукке (I), Октавию Музе (IV, XI) и Луцию Барию Руфу (VII). Эпиграмма II направлена против ритора Тита Анния Кимвра, совершившего братоубийство. Стихотворение III посвящено либо Гнею Помпею Магну, либо понтийскому царю Митридату, либо Марку Антонию, одинаково угрожавшим существованию Римского государства. Эпиграмма V была написана Вергилием

после окончания обучения в риторской школе, когда он собирался бросить поэзию и отправиться изучать философию в школе эпикурейца Сирона. Стихотворения VI, XII, XIII весьма жестоко высмеивают, вероятно, Марка Антония и его родственников. Эпиграмма VIII появилась в 41 году, когда Вергилий лишился своего имения и нашёл приют в усадьбе своего учителя Сирона. Достаточно большое стихотворение IX написано, вероятно, в честь военных побед Мессалы Корвина. Стихотворение X представляет собой пародию на произведение поэта Катулла (IV) и направлено против Публия Вентидия Басса, соратника Марка Антония.

Почти все стихотворные безделушки «Смеси» были сочинены Вергилием в молодости. Лишь стихотворение XIV, обращённое к богине Венере и завершающее «Смесь», относится к тому времени, когда Вергилий уже приступил к созданию «Энеиды». Поэт обещает Венере богатые жертвоприношения, если ему удастся закончить свой нелёгкий труд.

Следующее произведение из «Appendix Vergiliana» — это поэма «Этна» (*Aetna*). Поэт очень ярко и подробно описывает Этну — знаменитый действующий вулкан, расположенный на острове Сицилия. Однако эта поэма вряд ли относится к творчеству Вергилия, поскольку была создана не раньше I века н. э. Её приписали великому поэту, вероятно, потому, что у него есть весьма красочное описание этого вулкана в поэме «Энеида»:

Бухты огромной покой никогда не тревожат там ветры,
Но гроыхает над ней, словно рушась, грозная Этна:
То извергает жерло до неба тёмную тучу —
Дым в ней, чёрный как смоль, перемешан с

пеплом белёсым, —
И языками огня светила высокие лижет,
То из утробы гора изрыгает огромные скалы,
С силой мечет их ввысь, то из недр, бурлящих
глубоко,
С гулким рёвом наверх изливает расплавленный
камень.
Там Энкелада лежит опалённое молнией тело,
—
Так преданья гласят, — громадой придавлено
Этны:
Через разрывы горы гигант огонь выдыхает,
Если же он, утомлён, с боку на бок вдруг
повернётся, —
Вздрогнет Тринакрия вся, небеса застелятся
дымом [\[162\]](#).

«Элегия о Меценате» (*Elegiae in Maecenatem*) традиционно завершает «Appendix Vergiliana». Это произведение появилось на свет несколько лет спустя после смерти Мецената в сентябре 8 года и поэтому никак не может относиться к творчеству Вергилия.

Первые покровители

Желая опубликовать своё произведение, римский писатель обычно обращался к издателю-книготорговцу. Если издателя заинтересовывало произведение, он покупал у автора за небольшую сумму его рукопись (папирусный свиток) и поручал рабам-переписчикам сделать с неё несколько копий, которые выставлялись на продажу в книжной лавке.

Книжная торговля в Риме процветала. Одним из первых и самых известных римских издателей-книготорговцев был Тит Помпоний Аттик, лучший друг Цицерона. Он содержал большой штат рабов-переписчиков, оперативно выполнявших необходимое количество копий того или иного произведения. Известностью пользовались также книготорговцы братья Сосии, державшие собственную лавку на форуме и являвшиеся прямыми издателями произведений поэта Горация^[163]. Поэт Марциал, чьи произведения продавались в книжных лавках Секунда и Атректа, даже сочинил «рекламную» эпиграмму:

Всякий раз, что меня, Луперк, ты встретишь,
«Не послать ли мне малого, — ты скажешь, —
Чтоб ему эпиграмм ты отдал книжку?
Как прочту я её, верну обратно».
Нет, мальчишку гонять, Луперк, не стоит:
Далеконько идти, пожалуй, к Груше
И по лестницам трём ко мне взбираться.
То, что ищешь, достать поближе можно.
Постоянно ты ходишь Аргилетом:
Против форума Цезаря есть лавка,

Косяки у неё все в объявленьях,
Там ты мигом прочтёшь о всех поэтах.
И спросить не успеешь ты Атректа
(Так зовётся хозяин этой лавки),
С первой иль со второй подаст он полки
Отскобленного пемзой и в порфире,
Пять динариев взявши, Марциала.
«Да не стоишь того!» Ты прав, не спорю!^[164]

Однако никаких «авторских прав» в современном понимании не существовало, и поэтому весь доход от копий произведения поступал к издателю. Более того, любой человек, который покупал в книжной лавке папирусный свиток с произведением того или иного писателя, мог сделать с него сколько угодно копий и, в свою очередь, безнаказанно продать их. Таким образом, римский писатель практически не получал дохода от своего творчества. Если он не был материально обеспечен, его ожидали нищета и полуголодное существование. Поэтому, чтобы иметь кусок хлеба и свободно заниматься творчеством, бедные римские поэты и прозаики искали себе богатых покровителей-интеллектуалов из высшего общества и становились их клиентами. Пришлось стать клиентом и Вергилию.

Первым покровителем (патроном) молодого поэта стал Гай Азиний Поллион (76 до н. э. — 5 н. э.). Это был очень известный и популярный человек в Риме. Происходил он из семьи богатых всадников. Уже в молодости Поллион увлёкся политикой: в 56 году поддержал Корнелия Лентула Спинтера, а в 54-м выступил в суде против трибуна Гая Порция Катона, который, однако, был оправдан^[165]. В дальнейшем он примкнул к Гаю Юлию Цезарю, участвовал в его многочисленных военных походах и стал ближайшим

соратником диктатора. Например, Азиний Поллион был среди тех, с кем советовался Цезарь перед знаменитым переходом через пограничную реку Рубикон в январе 49 года. Позднее он отважно сражался при Фарсале, отличился в Африканской и Испанской кампаниях^[166].

После убийства Цезаря в 44 году Поллион некоторое время колебался, а затем решил присоединиться к Марку Антонию^[167]. В 41 году он был назначен наместником Цизальпинской Галлии и вместе с Альфеном Варом и Корнелием Галлом курировал распределение между ветеранами земель, конфискованных у местных жителей. Когда у Вергилия отобрали отцовское имение, именно Поллион оказал ему поддержку^[168]. Позднее он как консул 40 года и представитель со стороны Марка Антония участвовал в заключении Брундизийского договора в октябре 40 года^[169]. В 39 году Азиний Поллион отправился в военный поход в Далмацию и был удостоен триумфа за победу над племенем парфинов^[170].

На средства, полученные от военной добычи, Поллион восстановил храм Свободы на Авентинском холме и в 38 году пристроил к нему здание библиотеки — первой публичной библиотеки в Риме^[171], содержавшей книги латинских и греческих авторов. Первым библиотекарем стал известный учёный Марк Теренций Варрон. В специальном помещении Поллион собрал большое количество произведений искусства и организовал нечто вроде музея, где хранились творения знаменитейших греческих скульпторов, в том числе и грандиозная скульптурная группа, известная ныне под названием «Бык Фарнезе»^[172].

После этого Азиний Поллион вышел в отставку и предался творчеству. Когда Октавиан, будущий император Август, пытался привлечь его для участия в сражении против Антония и Клеопатры при Акции, он

ответил отказом, заявив: «Услуги, оказанные мною Антонию, слишком велики, а его благоволение ко мне слишком известно. Поэтому я уклонюсь от вашего спора и лучше стану добычей победителя»^[173].

Более того, в дальнейшем Азиний Поллион достаточно скептически относился к деятельности Октавиана и даже оказывал покровительство его ярким критикам. Например, философ Сенека в своём трактате «О гневе» сообщает, что Поллион приютил у себя историка Тимагена, который в своих сочинениях весьма злобно нападал на Октавиана. При этом сам Октавиан, разгневанный на Тимагена, воспринял это спокойно, и «лишь один раз он заметил Азинию Поллиону: «Кормишь зверя»; но когда тот начал было оправдываться, остановил его со словами: «Наслаждайся, дорогой мой Поллион, наслаждайся!» — «Если прикажешь, Цезарь, — сказал Поллион, — я сию минуту откажу ему от дома». На что Цезарь отвечал: «Неужели ты думаешь, что я на это способен? Кто восстановил вашу дружбу, как не я?» В самом деле, в своё время Поллион был разгневан на Тимагена и помирился с ним лишь потому, что на того стал гневаться Цезарь»^[174].

По свидетельству античного писателя Макробия, ещё раньше «Поллион, так как Август написал на него фесценнины, — а это было во времена триумвиров — сказал: «Но я молчу. Не легко ведь написать фесценнины на того, кто может объявить тебя вне закона»»^[175].

Азиний Поллион был не только блестящим военачальником, но и талантливым поэтом, оратором, драматургом, критиком и историком. Ещё в юности он поддерживал дружеские отношения с поэтом Катуллом^[176] и другими «поэтами-неотериками», писал буколические и эротические стихотворения, а затем и

трагедии, которые шли на сцене и пользовались некоторым успехом^[177]. Но более всего Поллион был известен как знаменитейший оратор своего времени^[178]. Сохранились названия примерно восьми его речей, среди которых наиболее известны следующие: «В защиту наследников Урбинии», «В защиту Скавра», «Против Луция Мунация Планка», «В защиту Луция Иония Аспрената».

По мнению философа Сенеки, Поллион — «незаурядный» оратор, но слог у него «неровный, скачущий, обрывающийся на тех местах, где меньше всего ждёшь», а речь «летит стремглав, за изъятием немногих мест, построенных по заданной мере и единому образцу»^[179]. Историк Тацит, указывая на его архаический стиль, писал, что «Азиний, хотя и родился уже не в столь отдалённое от нас время, кажется мне трудившимся в пору Менения и Аппия. А уж Пакувию и Акцию он подражал не только в своих трагедиях, но и в речах, — настолько он угловат и сух»^[180]. Ему вторит ритор Марк Фабий Квинтилиан, считавший, что «в Азинии Поллионе много изобретения; рачительность в высочайшей степени, так что некоторые находят её уже безмерною: довольно расположения и силы; но от красоты и сладости Цицерона отстоит он так далеко, как будто жил прежде его целым веком»^[181].

Азиний Поллион был известен и как историк. Главный его труд — это «История» в семнадцати книгах, от которой, к сожалению, сохранились лишь небольшие отрывки. В этом произведении излагалась история гражданских войн начиная с 60-го и примерно до 42 года^[182]. Поэт Гораций, друживший с Поллионом, посвятил ему одну из своих од, в которой так пишет об этом произведении:

Времён Метелла распри гражданские,
Причина войн, их ход, преступления,
Игра судьбы, вождей союзы,
Страшные гражданам, и оружие,
Неотомщённой кровью залитое, —
Об этом ныне с гордой отвагою
Ты пишешь, по огню ступая,
Что под золою обманно тлеет [\[183\]](#).

Действительно, поскольку Поллион как очевидец писал о гражданской войне, многие участники которой были ещё живы, ему нужно было быть очень осторожным. Однако известно, что он в своём сочинении старался подойти максимально объективно к описанию недавних событий, даже невзирая на лица. Например, он положительно оценивал деятельность Марка Брута и Кассия — убийц Цезаря и личных врагов Октавиана. Впоследствии его «История» пользовалась популярностью и служила источником для Светония, Тацита, Аппиана, Плутарха и других античных писателей [\[184\]](#).

Известно, что Азиний Поллион увлекался литературной критикой. В основном его интересовали исторические труды Саллюстия, Юлия Цезаря, Тита Ливия, а также сочинения Цицерона [\[185\]](#). Особенно критиковал он «Записки» Цезаря. По словам Светония, «Азиний Поллион находит, что они написаны без должной тщательности и заботы об истине: многое, что делали другие, Цезарь напрасно принимал на веру, и многое, что делал он сам, он умышленно или по забывчивости изображает превратно; впрочем, Поллион полагает, что он переделал бы их и исправил» [\[186\]](#).

Поллион вёл обширную переписку, от которой, к сожалению, сохранилось всего три письма Цицерону, написанные в Испании в городе Кордубе весной 43 года^[187]. Из их содержания видно, что Поллион был сторонником республиканцев и ярым противником единовластия, несмотря на то, что ранее являлся соратником Юлия Цезаря. «Если дело идёт к тому, чтобы всё снова было во власти одного, объявляю себя недругом ему, кто бы он ни был, и не существует опасности, которую бы я, сражаясь за свободу, стал избегать или отвращать мольбами», — писал он Цицерону в марте 43 года^[188].

Фигура Азиния Поллиона замечательна ещё и тем, что он первым ввёл в моду так называемую «рецитацию» (*recitatio*) — публичное устное чтение авторами своих произведений^[189]. Проходили рецитации следующим образом: автор устраивался перед публикой, сообщал, что за произведение он будет читать, а затем со скромным видом разворачивал свиток и начинал чтение. Особую роль играли правила произношения, понижение или повышение тона в нужных местах. В процессе чтения автор исподволь следил за реакцией публики, чтобы по мимике и жестам понять, как на самом деле принимают его сочинение. Кроме того, приличие требовало, чтобы он, прочитав достаточно большой кусок, периодически останавливался и объявлял, что хочет закончить чтение, тем самым заставляя публику просить его продолжать. По окончании чтения публика различными способами выражала свой восторг, а затем начиналось обсуждение услышанного. Каждый мог безбоязненно выражать своё мнение и указывать автору на его ошибки^[190].

Однако уже столетие спустя публичные чтения стали делом обыденным и скучным. В одном из своих

писем известный литератор Плиний Младший жаловался близкому другу на безразличие публики: «Большой урожай поэтов в этом году; в апреле не было почти ни одного дня без публичных чтений. Я радуюсь оживлению литературной деятельности и выступлениям талантливых людей, публично о себе заявляющих. Слушатели, однако, собираются лениво. Большинство сидит в портиках, тратит время на болтовню и время от времени приказывают сообщить себе, вошёл ли чтец, произнёс ли вступление, свернул ли уже значительную часть свитка. Только тогда они собираются, и то медленно, с задержками и уходят, не дожидаясь конца, — одни тайком и прячась, а другие свободно, без стеснения»^[191].

Желая помочь начинающим писателям, Азиний Поллион основал литературный кружок, в который входили, например, поэты Корнелий Галл, Гораций, Вергилий. Последний познакомился с Поллионом ещё в период своего обучения в Риме, возможно, в школе ритора Эпидия, или же через кого-то из общих друзей. Есть также мнение, что Азиний Поллион был знаком через Цицерона с философом-эпикурейцем Сироном, у которого учился Вергилий.

После знакомства с Азинием Поллионом Вергилий приступил к работе над историческим эпосом, в котором он намеревался воспеть деяния легендарных царей древней Альба Лонги. Впоследствии в «Буколиках» он кратко упомянул об этом: «Стал воспевать я царей и бои...»^[192]. Однако материал оказался для молодого поэта очень сложным, и он, по словам комментатора Сервия, не решился продолжить это дело, «испугавшись грубости имён»^[193].

Во время своего обучения в Риме Вергилий познакомился ещё с несколькими влиятельными людьми. Один из них — Марк Валерий Мессала Корвин

(64 до н. э. — 8 н. э.). Этот человек прожил непростую жизнь. В юности он обучался в Риме, вероятно, вместе с Вергилием. В 45 году он отправился для продолжения учёбы в Афины, как это было принято среди отпрысков знатных семей^[194]. После убийства Юлия Цезаря в 44 году Мессала примкнул к республиканцам, а в июле 43 года уехал в Македонию к Бруту и был назначен легатом^[195]. После этого он был проскрибирован в Риме — внесён в список людей, подлежащих уничтожению. Позднее, по сообщению историка Аппиана, «опасаясь его высокомерия, триумвиры издали следующий эдикт: «Поскольку Мессала, как доказали нам его родственники, даже и не был в Риме, когда убит был Гай Цезарь, он исключается из списков осуждённых». Однако Мессала не воспользовался этим прощением»^[196]. В 42 году он участвовал в битве при Филиппах и командовал легионом на правом фланге войска Кассия^[197]. По словам Аппиана, «когда же Брут и Кассий пали во Фракии, а войско их было ещё многочисленно, был и флот и деньги, были и большие надежды, войско избрало полководцем Мессалу; но последний, отклонив это избрание, убедил их покориться непреодолимой судьбе и присоединиться к армии Антония. Он был с Антонием в дружеских отношениях до тех пор, пока не завладела Антонием Клеопатра; тогда он в неудовольствии на него перешёл на сторону Цезаря (то есть Октавиана. — М. Б.)»^[198].

В период войны с Секстом Помпеем Мессала в 36 году был назначен помощником Агриппы и принимал активное участие в битве за Сицилию^[199]. В 34 году участвовал в Иллирийской войне и успешно подавил восстание салласов^[200]. За заслуги перед отечеством Октавиан назначил его консулом 31 года, как пишет Аппиан, «вместо самого Антония, смещённого по постановлению народа, когда он вторично был

объявлен врагом отечества. После того как Мессала был командиром военных кораблей в битве при Акции против Антония (в 31 году. — *М. Б.*), Цезарь послал его против отложившихся галлов (в Аквитанию. — *М. Б.*) и после одержанной им победы даровал ему триумф (в 27 году. — *М. Л.*)»^[201]. Ранее, в 30—29 годах, Мессала занимал должность наместника Сирии и успешно расправился с оставшимися сторонниками Марка Антония^[202]. Однако, несмотря на лояльность к Августу, Мессала оставался верен своим республиканским взглядам. Как пишет Плутарх, когда император «хвалил его за то, что он выказал так много рвения при Акции, хотя прежде, при Филиппах, храня верность Бруту, был столь ревностным в своей непримиримости врагом, — Мессала отвечал: «Да, Цезарь, я всегда стоял за тех, кто лучше и справедливее»»^[203]. В 26 году Мессала был назначен первым префектом города Рима. Правда, через шесть дней он оставил эту должность «как неспособный справиться с нею»^[204]. В 11 году Мессала получил должность куратора водопроводов Рима и занимал её до самой смерти^[205].

Тем не менее прославился Мессала не как военачальник или крупный государственный деятель, а как один из самых талантливых ораторов своего времени^[206]. Сам Цицерон с похвалой отзывался о его речах: «Едва ли уместно восхвалять его красноречие, которым он дивно превосходит других, — хотя в нём больше проявляется сама мудрость: так он усовершенствовался путём строгого суждения и большого искусства в самом истинном роде красноречия; он так трудолюбив и неусыпен в своём рвении, что больше всего следует быть благодарным не его дарованию, которое у него чрезвычайно велико»^[207]. По мнению историка Тацита, как оратор «Корвин мягче и доступнее Цицерона, и к тому же

требовательнее к себе в выборе выражений»^[208]. Квинтилиан считал, что «Мессала чист, ясен, а слог его некоторым образом благородное происхождение Писателя обнаруживает: но не довольно силён»^[209]. К сожалению, от его речей сохранились лишь небольшие отрывки.

Кроме ораторского искусства Мессала увлекался также буколической и эротической поэзией, много переводил с греческого языка^[210]. Он написал знаменитые мемуары о гражданской войне, которыми впоследствии пользовались многие историки, в том числе Светоний, Плутарх, Аппиан^[211]. Ему принадлежали также несколько трактатов, посвящённых некоторым вопросам грамматики и генеалогии^[212].

Со временем Мессала даже организовал литературный кружок, в который входили поэты Альбий Тибулл, Лигдам, Эмилий Макр, Овидий^[213], поэтесса Сульпиция и некоторые другие. Наиболее близок к Мессале был поэт-элегик Альбий Тибулл (около 60—19), который служил под его началом во время нескольких военных походов. Тибулл посвятил своему покровителю ряд элегий^[214] и, возможно, панегирик. С большим восторгом он описал триумф Мессалы над племенем аквитанов:

День этот так предрекли нам Парки, прядущие
судьбы
(Нитей же их перервать даже богам не дано):
«В день этот явится тот, кто сразит племена
аквитанов,
И пред отважным бойцом трепетный ляжет
Атак»,
Ныне свершилась судьба, и римские юноши

видят
Цепи пленённых вождей, новый встречая
триумф.
Ты же, Мессала, с челом, увенчанным лавром
победы,
Ты в колеснице летишь на белоснежных конях.
Так! Не без Марса ты славу стяжал: Пиренеев
тарбельских
Знает об этом хребет, моря Сантонского брег,
Знают Арар, Гаронны поток и стремительный
Родан,
Лигера чистая синь — рыжих карнутов
страна^[215].

В кружке Мессалы бывал и Вергилий, посвятивший своему другу поэму «Кирис» и девятое стихотворение из сборника «Смесь»^[216]. Кроме того, Вергилий был дружен и с поэтом Эмилием Макром (? — 16), родом из Вероны. Макр был известен как автор несохранившихся дидактических поэм «Происхождение птиц», «Противоядия» и «О целебных травах», которые, возможно, послужили образцом для Вергилия при создании «Георгик»^[217].

Ещё один новый знакомый Вергилия — известный римский поэт-элегик Гай Корнелий Галл (69—26). Поэт Овидий считал его первым среди римских поэтов, писавших в жанре любовной элегии:

...Парка скупая
Времени мне не дала дружбу с Тибуллом свести.
Галл, он тебе наследником был, а Тибуллу —
Проперций,
Был лишь по времени я в этой четвёртым

чреде^[218].

Родился Галл в 69 году в городе Форум Юлия (современный Фрежюс) в Цизальпинской Галлии. Семья его была незнатной и небогатой, однако нашла средства, чтобы отправить юношу учиться в Рим. Во время обучения в школе ритора Эпидия Галл подружился с Вергилием и Октавианом^[219]. Поддержав последнего после смерти Юлия Цезаря, он быстро стал продвигаться по карьерной лестнице, вошёл в сословие римских всадников. В 41 году Галл был назначен в комиссию по распределению конфискованных земель в Цизальпинской Галлии и оказал значительную помощь Вергилию, лишившемуся отцовского имения.

Как ближайший соратник Октавиана Галл принимал активное участие в войне против Марка Антония и Клеопатры. В 31 году во главе нескольких легионов он двинулся из провинции Африка на территорию Египта и в дальнейшем даже участвовал в пленении египетской царицы^[220]. В 30 году Октавиан назначил его первым префектом провинции Египет. Занимая эту должность, Галл полностью подчинил римской власти всю территорию Египта, наладил дипломатические отношения с царством Куш и в целом проявил себя как твёрдый и суровый правитель. Однако скромностью он не отличался и буквально усеял весь Египет своими статуями и хвалебными надписями в свою честь. Естественно, всё это вызвало зависть, клевету и доносы. Галл был очернён в глазах Октавиана, и в 26 году тот отстранил его от должности и запретил являться во дворец.

Сенат привлёк Галла к суду по нескольким обвинениям, приговорил к изгнанию и конфискации

всего имущества. Не вынеся этого, Галл покончил жизнь самоубийством, бросившись на меч^[221].

Как поэт Корнелий Галл принадлежал к младшему поколению «неотериков». В четырёх книгах своих любовных элегий, опубликованных примерно в 40 году, он воспел под именем Ликориды известную мимическую актрису Кифериду, отличавшуюся весьма лёгким поведением^[222]. При этом Квинтилиан характеризовал его слог как «грубый»^[223]. К сожалению, произведения Галла до нас почти не дошли, за исключением нескольких отрывков и мелких стихотворений. Известно, что в своём творчестве он подражал греческому поэту Эвфориону Халкидскому (III век до н. э.), произведения которого прилежно переводил с греческого^[224]. Был знаком Галл и с жившим в Италии известным греческим поэтом Парфением, который посвятил ему сборник мифологических сказаний под названием «Любовные страдания». Кроме того, Галл считался одарённым оратором^[225].

Галл был близким другом Азиния Поллиона^[226] и, вероятно, вместе с Вергилием входил в его литературный кружок. Вергилий весьма дорожил дружбой с Галлом и специально посвятил ему десятую эклогу «Буколик». Кроме того, по сообщению Сервия, Вергилий также уделил Галлу несколько стихов в четвёртой книге «Георгик», но Август впоследствии потребовал изъять их^[227].

Глава вторая
«В СОЛНЦЕСТОЯНЬЕ СТАДА
ЗАЩИТИТЕ, —
ЛЕТО ПОДХОДИТ...»

Погружение в бездну

Годы жизни и обучения в Риме не пропали даром, но в конце концов риторика разочаровала Вергилия. Вероятно, сказался и неудачный опыт первого выступления в суде: когда он вёл дело, то говорил так медленно, что его посчитали полным невеждой^[228]. Примерно за год до убийства Юлия Цезаря, в начале 45 года, Вергилий решил бросить риторику, бросить поэтическое творчество и всю свою дальнейшую жизнь посвятить изучению философии. С этой целью он покинул Рим и отправился в Неаполь постигать тайны философии в школе эпикурейца Сирона, о чём сочинил следующую эпиграмму:

Прочь, риторы! Напыщенные прочь речи,
Что не росой ахейской, а водой полны!
Стилон, Варрон, Тарквитий — все вы прочь,
племя
Грамматиков, заплывшее давно жиром!
Младенческие погремушки, прочь все вы!
Прощай и ты, о Секст, моих всех дум дума,
Сабин и все красавцы: паруса лодки
В блаженную направил я теперь гавань,
Ищу великого Сирона слов мудрых
И жизнь от всех забот освободить жажду.
Ступайте прочь, Камены, прочь, хоть мне милы
Всегда вы были прежде, признаюсь прямо,
Камены милые, и впредь в мои свитки
Заглядывайте лишь исподтишка, редко^[229].

Камены, как известно, издревле почитались италийцами в качестве божеств водных источников, но позднее были отождествлены с греческими музами, покровительницами искусств. Вергилий изгоняет камен и тем самым отрекается от поэзии.

Неаполь в I веке до н. э. был большим и процветающим портовым городом, куда стекались товары со всех уголков Средиземноморья. История города уходит своими корнями в глубокую древность. Ещё в середине VII века до н. э. греки из города Кумы основали на берегу Неаполитанского залива город Партенопею (так звали юную сирену, завлекавшую Одиссея, могила которой якобы находилась на том месте). В первой половине V века до н. э. кумские греки построили рядом с Партенопеей ещё один город — Неаполь (Новый город). Со временем оба города разрослись и слились в один процветающий полис. Известно, что в Неаполе имелись форум, театр, театр-одеон, термы, гимнасий для занятий спортом, храм Диоскуров. Город окружала внушительная крепостная стена^[230].

Основателем философской школы в Неаполе, где намеревался обучаться Вергилий, являлся грек Сирон (? — 42) — известный последователь философа Эпикура (341—271) и близкий друг оратора Марка Туллия Цицерона^[231]. Именно в школе Сирона Вергилий познакомился с поэтами Луцием Барием Руфом и Марком Плотием Туккой, критиком Квинтилием Варом^[232], а также, возможно, и с юристом Публием Альфеном Варом. Все они со временем стали самыми близкими его друзьями.

Публий Альфен Вар (I век до н. э.) был земляком Вергилия, уроженцем соседней Кремоны. Происходил он из незнатной семьи, владевшей обувной мастерской,

за что его впоследствии часто попрекали^[233]. В молодости Вар дружил с поэтом Катуллом, который даже посвятил ему несколько своих стихотворений^[234]. Переехав в Рим, Вар получил блестящее юридическое образование. Известно, что он успешно обучался у Сервия Сульпиция Руфа^[235] — прославленного политика и правоведа. Со временем Вар стал известным юристом и написал «Дигесты» в сорока книгах, которые впоследствии были использованы при составлении знаменитого свода законов императора Юстиниана I.

В находившемся поблизости от Неаполя городе Геркулануме располагалась ещё одна эпикурейская школа, руководителем которой был философ Филодем Гадарский (около 110—40). При раскопках Геркуланума, погибшего во время извержения Везувия в 79 году н. э., на одной из вилл («Вилла папирусов») была обнаружена большая библиотека, содержащая папирусные свитки с сочинениями этого философа. На одном из папирусов учёным удалось прочесть обращение к Плотию, Варию, Вергилию и Квинтилию [Вару]^[236]. Следовательно, Вергилий с друзьями посещал, вероятно, не только школу Сирона, но и школу Филодема.

В середине I века до н. э. эпикурейская философия переживала в Италии подлинный расцвет. В городах Кампании в тот период существовали многочисленные эпикурейские кружки, самые известные из которых располагались в Неаполе (школа Сирона) и Геркулануме (школа Филодема). Многие римские аристократы, политики и деятели культуры были приверженцами эпикурейской философии. Однако со временем на италийской почве произошла вульгаризация эпикурейской этики, и многие важнейшие постулаты Эпикура были отброшены. Под эпикурейским наслаждением римляне стали понимать банальные удовольствия, например обжорство и пьянство. Эпикур

же, напротив, подчёркивал: «...когда мы говорим, что наслаждение есть конечная цель, то мы разумеем отнюдь не наслаждения распутства или чувственности, как полагают те, кто не знают, не разделяют или плохо понимают наше учение, — нет, мы разумеем свободу от страданий тела и от смятений души. Ибо не бесконечные попойки и праздники, не наслаждение... рыбным столом и прочими радостями роскошного пира делают нашу жизнь сладкою, а только трезвое рассуждение, исследующее причины всякого нашего предпочтения и избегания и изгоняющее мнения, поселяющие великую тревогу в душе»^[237].

Считается, что Вергилий постигал основы подлинной эпикурейской философии в школе Сирона примерно с весны 45 до середины 42 года. В Неаполе он также совершенствовал свой древнегреческий язык, обучаясь у жившего здесь известного греческого поэта Парфения^[238]. Вести об убийстве Юлия Цезаря 15 марта 44 года, очевидно, ошеломили многих неаполитанцев, в том числе, вероятно, и Вергилия. Тем не менее он не поехал в столицу, благоразумно решив продолжить своё обучение у Сирона.

Как же разворачивались события в Риме? Сразу после убийства Цезаря Марку Бруту не удалось выступить перед сенаторами, которые в панике разбежались из курии Помпея. Тогда заговорщики с криками, что они убили тирана и вернули римлянам свободу, ринулись на форум, но затем, испугавшись, что за ними никто не последовал, укрепились с отрядами преданных рабов и гладиаторов на Капитолии. В городе начались сумятица и неразбериха, люди не понимали, что происходит, и стремились укрыться в своих домах. Когда на следующий день, 16 марта, к заговорщикам присоединились некоторые сенаторы, Марк Брут спустился с Капитолия и выступил перед толпой на

форуме с пламенной речью, призывая восстановить подлинно республиканское правление. Но его речь не встретила сочувствия у растерянного народа, и Брут вновь скрылся с товарищами на Капитолии^[239].

Марк Антоний (82—30), ближайший соратник Цезаря и консул 44 года, и Марк Эмилий Лепид (90—12), начальник конницы, хотели немедленно отомстить за убийство диктатора, но побоялись, что сенат встанет на сторону заговорщиков. После переговоров между ними и сторонниками заговорщиков было решено созвать сенат и совместно решить все вопросы. Тем не менее к утру 16 марта Лепид ввёл в Рим верные ему войска и занял форум^[240].

17 марта в храме Земли открылось заседание сената, но заговорщики на него не явились. Было внесено предложение объявить Цезаря «тираном» и наградить его убийц. Однако Марк Антоний, внимательно следивший за ходом заседания, внезапно взял слово и заявил, что коль скоро Цезарь будет объявлен «тираном», то необходимо отменить все его законы и назначения. Его слова резко охладили пыл сенаторов, поддерживавших заговорщиков. Антоний прекрасно знал, что многие из них получили свои должности как раз из рук «тирана» и, безусловно, не захотят с ними расставаться. Пока сенаторы спорили, у храма Земли собралась огромная толпа, требовавшая мести за убийство Цезаря, и Марку Антонию пришлось на время покинуть заседание, чтобы успокоить народ. В итоге сенат выработал компромиссное решение, устроившее всех: амнистировать заговорщиков, но не объявлять Цезаря «тираном», не одобрять его убийство, оставить в силе все его распоряжения, а тело диктатора торжественно захоронить на Марсовом поле^[241].

По требованию Луция Кальпурния Пизона, тестя Цезаря, 19 марта было оглашено завещание покойного диктатора, хранившееся у весталок — жриц римской богини Весты. Особа весталок была священна и неприкосновенна, поэтому им очень часто передавали на — хранение ценные документы, в том числе завещания. В своём завещании Цезарь, помимо всего прочего, объявлял главным наследником Гая Октавия, внука своей сестры, усыновлял его и передавал ему своё имя. Народу он завещал свои сады за Тибром и по 300 сестерциев каждому гражданину^[242]. То, что в завещании был упомянут Децим Брут — один из убийц Цезаря, вызвало явное возмущение граждан и сильно поколебало авторитет заговорщиков.

Похороны Юлия Цезаря состоялись 20 (или 22) марта 44 года. По сообщению историка Светония, «на Марсовом поле близ гробницы Юлии (дочери Цезаря. — *М. Б.*) был сооружён погребальный костёр, а перед ростральной трибуной — вызолоченная постройка наподобие храма Венеры-Прародительницы; внутри стояло ложе слоновой кости, устланное пурпуром и золотом, в изголовье — столб с одеждой, в которой Цезарь был убит. Было ясно, что всем, кто шёл с приношениями, не хватило бы дня для процессии: тогда им велели сходитьсь на Марсово поле без порядка, любыми путями. На погребальных играх, возбуждая негодование и скорбь о его смерти, пели стихи из «Суда об оружии» Пакувия — «Не я ль моим убийцам был спасителем?» — и из «Электры» Ацилия сходного содержания. Вместо похвальной речи консул Антоний объявил через глашатая постановление сената, в котором Цезарю воздавались все человеческие и божеские почести, затем клятву, которой сенаторы клялись все блюсти жизнь одного, и к этому прибавил несколько слов от себя. Погребальное ложе принесли

на форум должностные лица этого года и прошлых лет. Одни предлагали сжечь его в храме Юпитера Капитолийского, другие — в курии Помпея, когда внезапно появились двое неизвестных, подпоясанные мечами, размахивающие дротиками, и восковыми факелами подожгли постройку. Тотчас окружающая толпа принялась тащить в огонь сухой хворост, скамейки, судейские кресла, и всё, что было принесённого в дар. Затем флейтисты и актёры стали срывать с себя триумфальные одежды, надетые для такого дня, и, раздирая, швыряли их в пламя; старые легионеры жгли оружие, которым они украсились для похорон, а многие женщины — свои уборы, что были на них, буллы и платья детей»^[243]. Затем разъярённый народ с факелами кинулся к домам заговорщиков и попытался поджечь их. По ошибке был убит встретившийся на пути толпы поэт Гай Гельвий Цинна, которого спутали с истинным заговорщиком Луцием Корнелием Цинной^[244]. Испуганные народным буйством, многие заговорщики в начале апреля спешно покинули Рим и бежали: Децим Брут — в Цизальпинскую Галлию, ранее назначенную ему по приказу Цезаря, Тиллий Цимбр — в Вифинию, а Марк Брут и Кассий — в италийские поместья своих друзей.

Марк Антоний как самый близкий соратник Цезаря решил занять место погибшего диктатора. Ещё в ночь с 15 на 16 марта он распорядился перенести к себе домой архив Цезаря, содержащий важные секретные документы, а также все денежные суммы, хранившиеся у диктатора. От имени Цезаря Антоний стал издавать законы, якобы найденные среди бумаг покойного, отдавать распоряжения и назначать своих людей на высшие должности. Он пытался руководить Римским государством единолично и даже заставил сенат разрешить ему иметь личную охрану, численность

которой довёл до шести тысяч человек^[245]. Однако в сенате были сильны позиции сторонников заговорщиков, и Антоний не мог с этим не считаться.

В конце апреля 44 года в Рим прибыл Гай Октавий Фурии — наследник Юлия Цезаря, будущий император Август. В момент убийства диктатора он находился с друзьями в эпирской Аполлонии, где собирались римские войска перед предстоящим походом против Парфии. Узнав о смерти Цезаря, восемнадцатилетний Октавий, посоветовавшись с друзьями, отправился с небольшой свитой в Италию. Высадившись в порту маленького городка Лупии в Калабрии, он узнал все подробности об убийстве Цезаря и о содержании его завещания. Затем Октавий прибыл в Брундизий, где его горячо приветствовали стоявшие здесь легионы. В соответствии с завещанием он принял новое имя — Гай Юлий Цезарь Октавиан^[246]. Последнее прозвище (Октавиан), являвшееся изменённым вариантом его родового имени (Октавий), указывало на усыновление.

Заручившись, благодаря содействию своих родственников, поддержкой Цицерона и стоявших за ним заговорщиков, желавших столкнуть его с Антонием, Октавиан отправился в Рим. В соответствии с правилами того времени он явился к претору Гаю Антонию, брату Марка Антония, и заявил о принятии наследства Цезаря. 9 мая 44 года Октавиан был представлен народному собранию и произнёс небольшую речь о своём вступлении в наследство, а также торжественно обещал безотлагательно выплатить народу по 300 сестерциев в соответствии с завещанием Цезаря^[247]. После этого он отправился к консулу Марку Антонию, который, желая унижить юношу, заставил его долго ждать приёма у ворот. Когда же Октавиан, наконец, встретился с Антонием, то стал укорять его в потворстве заговорщикам, а затем

потребовал вернуть бумаги Цезаря и дать отчёт о потраченных деньгах из запасов диктатора. В ответ Антоний лишь нагрубил Октавиану, заявив, что не обязан перед ним отчитываться, что власть путём завещания не передаётся и что все деньги Цезаря потрачены^[248].

Поскольку денег для раздачи народу Октавиан достать не смог, он продал всё своё имущество, в том числе унаследованное, а также имущество матери и отчима, чтобы, согласно завещанию Цезаря, раздать каждому римлянину по 300 сестерциев^[249]. Антоний же стал всячески препятствовать официальному оформлению усыновления Октавиана Цезарем, а также начал распространять по Риму порочащие юношу слухи. Одновременно в город стали стекаться толпы ветеранов — сторонников Октавиана, требовавших мести за смерть Цезаря. Всё это во многом способствовало росту популярности Октавиана среди народа.

3 июня 44 года Антоний провёл через народное собрание закон, предоставлявший ему пятилетнее наместничество в Цизальпинской Галлии и Иллирике. Однако Децим Брут, уже ранее получивший власть над Цизальпинской Галлией, отказался передать провинцию Антонию даже в обмен на Македонию. Сторонники заговорщиков не доверяли Антонию, хотя он всячески препятствовал Октавиану во всех его начинаниях. Цезарианцы же неоднократно пытались примирить своих лидеров, но безрезультатно. Окончательный разрыв отношений произошёл, когда Антоний сорвал попытку Октавиана стать народным трибуном^[250].

На фоне раздоров между лидерами цезарианцев республиканцы наращивали свои силы и влияние. Их лидером стал сенатор и знаменитый оратор Марк Туллий Цицерон, который полностью одобрял убийство

Цезаря и активно поддерживал его убийц. Осенью 44 года он пришёл к выводу, что настало время вступить в открытую борьбу против Антония. Цицерон обрушился на консула в сенате с несколькими разгромными речами — «филиппиками», в которых обвинял его во многих, по большей части надуманных злодеяниях, издевался над ним, выставляя пьяницей и развратником. В ответных речах Антоний яростно защищался от нападков Цицерона, но не добился никакого эффекта, так как общественное мнение было на стороне оратора.

Поскольку сенат отвернулся от него, Марк Антоний понял, что столкновение с республиканцами неизбежно, и начал собирать войска. В октябре 44 года к нему из Македонии должны были прибыть четыре легиона, и он отправился их встречать в Брундизий. Одновременно Октавиан тоже решил покинуть Рим и отправился со своими соратниками в Кампанию вербовать ветеранов Юлия Цезаря и набирать армию^[251].

Собрав свои легионы, Антоний двинулся к Риму, но Октавиану удалось его опередить и 10 ноября 44 года первым вступить в столицу. На форуме он обратился с речью к ветеранам Цезаря и попытался склонить их к борьбе против Антония. Вzbешённый поведением Октавиана, Антоний прибыл в Рим в конце ноября. Он намеревался немедленно выступить против зарвавшегося юноши в сенате и объявить его вне закона. Однако при входе в сенат ему донесли, что два его легиона перешли на сторону Октавиана. Не желая потерять оставшиеся войска, Антоний спешно покинул сенат и со своими легионами 28 ноября отправился в Цизальпинскую Галлию^[252].

Децим Брут отказался подчиниться Антонию и передать ему провинцию Цизальпинская Галлия. Собрав все свои легионы, он укрылся в хорошо укреплённом городе Мутина (современная Модена), который Антоний

подверг осаде в декабре 44 года. Ситуация в Римской республике накалилась до предела. Западные римские провинции контролировали цезарианцы. Так, например, Лепиду подчинялись Нарбонская Галлия и Ближняя Испания, Азинию Поллиону — Дальняя Испания, Мунацию Планку — Трансальпийская Галлия^[253]. Восточные же провинции захватили республиканцы: Марк Брут оккупировал Македонию, а Кассий активно завоёвывал Сирию.

Чтобы продолжить борьбу против Антония, Октавиану необходима была не только армия, но и легальное положение. Ведь он продолжал оставаться частным лицом, фактически незаконно на вербовавшим армию. 1 января 43 года началось судьбоносное заседание сената, которое длилось три дня. Было решено отказать Антонию в передаче ему провинции Цизальпинская Галлия и одобрить все действия Децима Брута. Кроме того, Октавиан по предложению поддерживавшего его Цицерона получил сенаторское достоинство, был возведён в ранг пропретора и получил право на десять лет раньше срока добиваться высших магистратур^[254]. Поскольку он приобрёл официальные полномочия, его частная армия превратилась в государственную.

Кроме того, сенат решил отправить к Антонию посольство, чтобы уговорить его отказаться от Цизальпинской Галлии в обмен на Македонию. В феврале 43 года с ним были проведены переговоры, которые, к сожалению, закончились безрезультатно. Тогда сенат послал на помощь Дециму Бруту армию под руководством консулов 43 года Авла Гирция и Гая Вибия Пансы. Вместе с ними сенат отправил и Октавиана, который был вынужден передать несколько своих легионов под командование консулов^[255]. Началась новая гражданская война.

14 апреля 43 года состоялось первое сражение у Галльского Форума, недалеко от Мутины. Республиканские войска нанесли значительный урон армии Антония, но консул Панса получил смертельное ранение и вскоре умер. 21 апреля во втором сражении у Мутины Антоний потерпел сокрушительное поражение и с остатками армии отступил в Нарбонскую Галлию. Однако в бою погиб второй консул Авл Гирций, и Октавиан оказался единственным командующим большой республиканской армией^[256].

В Риме республиканцы торжествовали победу. По решению сената за Марком Брутом окончательно закреплялась провинция Македония, за Кассием — Сирия, а Сексту Помпею передавалась власть над морем. Сенат также предписал Октавиану передать свои войска Дециму Бруту, который должен был настигнуть и уничтожить отступавшие легионы Антония. Однако Октавиан категорически отказался выполнять этот приказ, заявив, что его солдаты не желают служить убийце Цезаря. Октавиан прекрасно понимал, что теперь, когда Антоний повержен, сенат будет пытаться отстранить его от власти, лишит республиканской армии и уничтожит^[257].

29 мая 43 года Антоний с остатками своих легионов подошёл к военному лагерю Лепида в Нарбонской Галлии. Он легко склонил его воинов на свою сторону, хотя Лепид и пытался противодействовать этому. В результате переговоров полководцы объединили свои легионы, и Антоний встал во главе достаточно большой армии. Легионеры Децима Брута стали переходить на сторону цезарианцев, так что он был вынужден бежать из Галлии и по дороге был убит по приказу Антония^[258].

В этой ситуации сенат вновь задумал использовать легионы Октавиана против Антония и Лепида. Однако солдаты Октавиана отказались воевать с бывшими

соратниками Юлия Цезаря. Понимая, что сенат мечтает избавиться от него, Октавиан решил пойти на переговоры с Антонием и Лепидом. Но сперва ему нужно было укрепить свой статус, и поэтому он стал претендовать на вакантную должность консула. Чтобы склонить сенат на свою сторону, необходимо было заручиться поддержкой Цицерона. Плутарх пишет, что Октавиан «убеждал Цицерона домогаться консульства для них обоих вместе, заверяя, что, получив власть, править Цицерон будет один, руководя каждым шагом мальчика, мечтающего лишь о славе и громком имени. Цезарь (то есть Октавиан. — *М. Б.*) и сам признавал впоследствии, что, боясь, как бы войско его не было распущено и он не остался в одиночестве, он вовремя использовал в своих целях властолюбие Цицерона и склонил его искать консульства, обещая своё содействие и поддержку на выборах. Эти посулы соблазнили и разожгли Цицерона, и он, старик, дал провести себя мальчишке — просил за него народ, расположил в его пользу сенаторов»^[259].

Тем не менее сенат яростно сопротивлялся, поскольку в силу юного возраста Октавиан никак не мог претендовать на высшую государственную должность. Тогда в Рим прибыли центурионы Октавиана и в грубой форме потребовали от сената консульской должности для него. Поскольку испуганные сенаторы тянули время и медлили с ответом, «центурион Корнелий, глава посольства, откинув плащ и показав на рукоять меча, сказал в глаза сенаторам: «Вот кто сделает его консулом, если не сделаете вы!»»^[260]. Однако даже после такой демонстрации силы сенат ответил решительным отказом. Тогда легионеры потребовали, чтобы Октавиан повёл их на Рим. В городе началась паника, сенат спешно объявил набор в армию, и ему даже удалось вызвать несколько легионов из Африки,

которые, впрочем, сразу же перешли на сторону Октавиана^[261].

Без всякого сопротивления Октавиан вступил в Рим. 19 августа 43 года, в возрасте двадцати лет, он и его родственник Квинт Педий были провозглашены консулами. Кроме того, был утверждён закон об усыновлении Октавиана Юлием Цезарем, и юный консул уже официально стал именовать себя Гаем Юлием Цезарем Октавианом. Против убийц Цезаря начались судебные процессы, все они были объявлены вне закона. После этого Октавиан решил, наконец, примириться с Антонием и со своими легионами покинул Рим^[262].

Поздней осенью 43 года Антоний, Октавиан и Лепид встретились близ Бононии, на маленьком островке посреди реки Лавиния и на виду у войск совещались три дня подряд. В итоге был сформирован «второй триумвират»: комиссия трёх мужей «для устройства и приведения в порядок государства»^[263]. Соглашение триумвиров было утверждено сенатом и стало законом 27 ноября 43 года. По нему триумвиры на пять лет получали неограниченную власть над Римским государством с правом издавать любые законы. Октавиан сложил свои консульские полномочия, дабы не выделяться среди триумвиров. Все провинции они поделили между собой: Октавиан получил Африку, Нумидию, Сардинию и Сицилию, Антонию отошла Цизальпинская и Трансальпийская Галлия, Лепиду — вся Испания и Нарбонская Галлия. Антоний и Октавиан должны были вести войну против Брута и Кассия, а Лепид оставался управлять Римом и Италией. Кроме того, Октавиан в знак примирения и установления родственных связей женился на падчерице Антония Клодии. Для того чтобы наделить своих ветеранов земельными участками, триумвиры постановили

отобрать землю у жителей восемнадцати крупнейших италийских городов^[264].

Триумвиры решили также избавиться от всех своих политических противников. С этой целью были составлены проскрипционные списки, в которые включили около трёхсот сенаторов (в том числе престарелого Цицерона) и свыше двух тысяч всадников, подлежащих уничтожению. За голову каждого проскрибированного триумвиры обещали щедрую награду: для свободного — деньги, для раба — деньги, свободу и гражданские права. Поскольку триумвиры нуждались в денежных средствах, всё имущество проскрибированных конфисковывалось в их пользу. Поэтому в списки попали не только их непосредственные враги, но и просто богатые люди^[265].

После обнародования проскрипционных списков по всей Италии началась настоящая охота за людьми. По свидетельству историка Аппиана, «отсекали головы, чтобы их можно было представить для получения награды, происходили позорные попытки к бегству, переодевания из прежних пышных одежд в непристойные. Одни спускались в колодцы, другие — в клоаки для стока нечистот, третьи — в полные копоты дымовые трубы под кровлю; некоторые сидели в глубочайшем молчании под сваленными в кучу черепицами крыши. Боялись не меньше, чем убийц, одни — жён и детей, враждебно к ним настроенных, другие — вольноотпущенников и рабов, третьи — своих должников или соседей, жаждущих получить поместья. Прорвалось наружу вдруг всё то, что до тех пор таилось внутри; произошла противоестественная перемена с сенаторами, консулами, преторами, трибунами, кандидатами на все эти магистратуры или состоявшими в этих должностях; теперь они бросались к ногам своих рабов с рыданиями, называли слугу спасителем и

господином. Печальнее всего было, когда и такие унижения не вызывали сострадания»^[266].

Проскрипции ужаснули республиканцев. Марк Брут и Гай Кассий стали собирать войска и деньги для борьбы с триумвирами. Секст Помпей не только захватил Сицилию, но и укрывал у себя беглых рабов и проскрибированных, из которых сформировал армию. Он специально посылал свои военные корабли курсировать вдоль берегов Италии, чтобы они брали на борт людей, искавших спасения от карающей руки триумвиров^[267].

Вергилий же, продолжавший обучение философии в Неаполе в период самых ужасных событий гражданской войны, так и не смог бросить поэзию, как ранее намеревался. Вероятно, в середине 42 года, уже после смерти философа Сирона, он покинул Неаполь и отправился на родину, в отцовское имение близ деревушки Анды. Очевидно, в период кровавых проскрипций он посчитал для себя наиболее правильным воссоединиться с семьёй.

Летом 42 года армия Брута объединилась с легионами Кассия у города Сарды в Малой Азии, чтобы затем вместе переправиться через Геллеспонт на Балканы и уничтожить основные силы триумвиров, двигавшиеся в Македонию. По свидетельству Плутарха, перед самой переброской войск в Европу Бруту явился призрак Юлия Цезаря: «Была самая глухая часть ночи, в палатке Брута горел тусклый огонь; весь лагерь обнимала глубокая тишина. Брут был погружен в свои думы и размышления, как вдруг ему послышалось, будто кто-то вошёл. Подняв глаза, он разглядел у входа страшный, чудовищный призрак исполинского роста. Видение стояло молча. Собравшись с силами, Брут спросил: «Кто ты — человек или бог, и зачем пришёл?» Призрак отвечал: «Я твой злой гений, Брут, ты увидишь

меня при Филиппах». — «Что ж, до свидания», — бесстрашно промолвил Брут»^[268].

Огромные армии республиканцев и цезарианцев встретились близ города Филиппы в Македонии и стали лагерем друг против друга. Первое сражение началось 3 октября 42 года с внезапного нападения Брута, который командовал правым флангом республиканской армии, на левый фланг триумвиров и их лагерь и уничтожения нескольких отборных легионов Октавиана. Положение спас Марк Антоний, ударивший в центр и по левому флангу республиканцев.

Легионы Брута выстояли, а вот левый фланг, которым командовал Кассий, был отброшен. Потеряв контроль над легионерами и не зная, что происходит на правом фланге, Кассий покончил с собой. На этом сражение кончилось. Брут отвёл свои войска и остатки войск Кассия в лагерь^[269].

Следующие несколько недель обе армии бесцельно стояли друг против друга. Погода испортилась, в лагере цезарианцев всё сильнее ощущался недостаток продовольствия. Генеральное сражение состоялось только 23 октября. Как пишет Плутарх, накануне ночью «Бруту вновь явился призрак. С виду он был такой же точно, как в первый раз, но не проронил ни слова и молча удалился»^[270]. День выдался ненастным, пасмурным и дождливым. Первыми на правом фланге нанесли удар легионы Брута, однако левый фланг, которым должен был командовать погибший Кассий, фактически бездействовал. Этим не преминули воспользоваться триумвиры^[271].

По свидетельству историка Аппиана, «нападение было неистовым и жестоким. Стрел, камней, метательных копий у них было несколько меньше, чем это было обычно на войне; не пользовались они и другими приёмами военного искусства и строя.

Бросившись с обнажёнными мечами врукопашную, они рубили и были рубимы, вытесняли друг друга из строя, одни скорее, чтобы спастись, чем чтобы победить, другие, чтобы победить, а также под влиянием убеждений полководца, вынужденного ими к сражению. Много было крови, много стонов; тела убитых уносились и на их места становились воины из резерва. А полководцы, объезжая и осматривая ряды, поднимали настроение войска, убеждали работавших потрудиться ещё, а изнурённым ставили смену, так что бодрость передних рядов всё время обновлялась притоком новых сил. Наконец, войско Цезаря или от страха перед голодом — оно боролось особенно энергично — или благодаря счастью самого Цезаря — и воинов Брута не за что было бы упрекнуть — сдвинуло с места вражеские ряды, как если бы опрокинуло какую-то тяжёлую машину. Сначала враги отступали шаг за шагом осторожно, но когда боевой порядок их стал нарушаться, они начали отступать быстрее, а когда с ними вместе стали отступать также и стоявшие во втором и третьем рядах, они, смешиваясь все вместе, в беспорядке теснились и своими, и врагами, непрерывно налегавшими на них, пока наконец не обратились в бегство»[\[272\]](#).

Узнав, что его легионы разгромлены, Брут бежал в горы и покончил с собой, бросившись на меч. Республиканцы потерпели страшное поражение, оправиться от которого было уже невозможно. После гибели Кассия и Брута не нашлось больше в Римском государстве людей, способных возглавить борьбу против самодержавной власти триумвиров. Римская республика пала.

Однако триумвиры не могли в полной мере торжествовать победу, поскольку оставался ещё Секст Помпей, младший сын Гнея Помпея Магна. Он обладал

огромным флотом и значительной армией, контролировал Сицилию, Сардинию и Корсику. Совершая частые пиратские рейды к берегам Италии, Помпей не только занимался грабежом и мародёрством, но и активно препятствовал подвозу зерна в Рим, что не раз вызывало голод в городе.

Поскольку в битве при Филиппах основную роль сыграл Антоний, он настоял на новом распределении провинций, которое победители устроили сразу же после разгрома республиканцев. Антоний получил всю Галлию, все восточные провинции и Африку; последнюю, впрочем, позднее передали Лепиду. Октавиану же досталась Испания, а также Сицилия и Сардиния, оккупированные Помпеем [\[273\]](#).

Распределив сферы влияния, Антоний сразу же отправился наводить порядок в восточных провинциях. В Киликии, в городе Таре, он встретился с царицей Египта Клеопатрой VII, которую вызвал туда дать ответ на многочисленные обвинения против неё [\[274\]](#). Как пишет Плутарх, она приплыла к нему по реке Кидн «на ладье с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребрёнными вёслами, которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшийся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какою изображают её живописцы, а по обе стороны лежа стояли мальчики с опахалами — будто эроты на картинах. Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых вёсел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам» [\[275\]](#). Антоний был очарован Клеопатрой и вместе с ней отправился в Александрию, где всю зиму 41/40 года предавался праздности.

Октавиан же прибыл в Италию и стал распределять земли между ветеранами, для чего ему пришлось согнать с насиженных мест жителей многих богатых и процветающих италийских городов. Как писал историк Аппиан, «солдаты просили дать им те города, которые как лучшие были им выбраны ещё до войны; города же требовали, чтоб колонии были распределены по всей Италии или чтобы они получили наделы в других городах, а за землю требовали платы с получающих её в дар. А денег не было. Тогда все обиженные, молодёжь, старики, женщины с детьми, стали стекаться в Рим, сходясь с группами на форуме или в храмах, они с плачем говорили, что, не совершив никакого преступления, они, жители Италии, изгоняются со своих земель и от своих очагов, словно они проживали во вражеской стране»^[276]. Ветераны же получали лучшие наделы, причём вместе с постройками, скотом и даже рабами. Очень часто они захватывали намного больше земли, чем им полагалось, вступая в конфликты со своими соседями. Согнанные с родной земли, лишённые домов и пропитания, крестьяне со своими семьями были вынуждены переселяться в далёкие провинции или же в города, где они пополняли собой городской плебс, требовавший только «Хлеба и зрелищ!»

Вдобавок флот Секста Помпея блокировал подвоз зерна, так что Рим и многие италийские города оказались на грани голода. Недовольство народа увеличивалось с каждым месяцем, а кое-где вспыхивали настоящие мятежи. Этой ситуацией тут же воспользовались ближайшие родственники Антония — его жена Фульвия и брат, консул Луций Антоний, которые стали в 41 году подбивать народ на восстание, желая уничтожить Октавиана чужими руками. Когда это не удалось, Луций Антоний при поддержке сената собрал несколько легионов и начал военные действия.

Он захватил Рим и заявил, что будет добиваться полной ликвидации триумvirата даже вопреки интересам брата^[277]. Были отправлены посольства от обеих сторон к Антонию, однако тот колебался, не зная, что предпринять.

Вскоре Луций Антоний со своими войсками покинул Рим и двинулся на север, стремясь соединиться с верными Марку Антонию легионами. Благодаря успешным действиям полководцев Октавиана он был вынужден отступить и укрыться в Перузии (современная Перуджа). Октавиан начал осаду города, которая длилась довольно долго и закончилась лишь в марте 40 года из-за начавшегося голода в рядах осаждённых. Луций Антоний и Фульвия по политическим соображениям были помилованы, а вот с жителями Перузии Октавиан поступил очень сурово: город был отдан на разграбление озверевшей солдатне и сожжён, а все члены городского совета были публично казнены^[278]. Фульвия бежала в Грецию, где вскоре умерла, а Луцию Антонию было позволено удалиться в Испанию.

Антоний был весьма обеспокоен произошедшими в Италии событиями и стал подумывать об устранении своего соперника. Желая не допустить дальнейшего усиления власти Октавиана, он даже начал переговоры с Секстом Помпеем. В ответ Октавиан полностью подчинил все галльские провинции, находившиеся под юрисдикцией Антония. Кроме того, он женился на Скрибонии, сестре Луция Скрибония Либона, который являлся одним из ближайших соратников Секста Помпея. Более того, дочь Либона была женой самого Секста Помпея, и таким образом Октавиан породнился с врагом^[279].

Взбешённый потерей галльских провинций, Антоний летом 40 года прибыл с большим флотом в Брундизий.

Горожане отказались впускать его корабли в порт, и тогда триумвир осадил город. Узнав об этом, Октавиан немедленно направил свою армию на помощь брундизийцам. Однако легионеры Октавиана и Антония не желали сражаться друг против друга и настоятельно требовали от триумвиров начать переговоры^[280].

При посредничестве Гая Цильния Мецената и Азиния Поллиона переговоры были успешно проведены, и в октябре 40 года триумвиры заключили Брундизийский договор, по которому обе стороны примирялись и продлевали триумвират. Были заново поделены провинции: Октавиану отходили все западные провинции, Антонию — все восточные, а Африка оставалась за Лепидом. Октавиану поручалась война с Секстом Помпеем, а Антонию — с Парфией. Кроме того, Антоний по требованию войск, желавших закрепить новый союз, женился на Октавии, сестре Октавиана, недавно потерявшей мужа^[281].

Для Вергилия и его семьи 41—40 годы были, пожалуй, самыми трудными. В 41 году земли шестнадцати процветающих италийских городов, в том числе и Кремоны, поддержавшей Брута и Кассия, были отобраны у местных жителей и переданы ветеранам. Земли Мантуи, расположенной по соседству с Кремоной, не подлежали конфискации, но поскольку ветеранам не хватило земель Кремоны, было решено отдать им соседние владения мантуанцев^[282]. Получилось, что мантуанцы были виноваты лишь в том, что, как писал Вергилий, «Мантуя, слишком, увы, к Кремоне близкая бедной»^[283]. Имение отца Вергилия конфисковали в пользу одного из ветеранов Октавиана — центуриона Аррия^[284], а самому поэту вместе с отцом и братьями пришлось искать убежища у друзей. По данным же комментатора Проба, явно преувеличенным, имение Вергилия было поделено между шестьюдесятью

ветеранами^[285], хотя сам поэт называет отцовские владения «клочком земли», «именьицем»^[286].

Об этих событиях Вергилий впервые упомянул в восьмой эпиграмме «Смеси», написанной как раз в 41 году. Из её содержания становится ясно, что после потери имения Вергилий нашёл приют для себя и своей семьи в усадьбе своего покойного учителя Сирона близ Неаполя:

Был ты Сиронов, клочок земли при бедной
усадьбе
(Впрочем, хозяин такой был и тобою богат),
Ныне тебе и себя, и всех, кто мною любимы,
Если о родине вдруг вести услышу грустней,
Я поручаю: прими всех прежде отца и Кремоной
Новою стань для него, новою Мантуей стань^[287].

К этому же времени относится ещё одно стихотворение Вергилия — «Проклятия» (*Dirae*). Поэт проклинает землю, которую у него отняли, и некоего солдата Ликурга, к которому она перешла. Учёные предполагают, что под именем Ликурга, возможно, подразумевается Октавиан. Дело в том, что это имя некогда принадлежало знаменитому спартанскому законодателю, который, подобно Октавиану, поделил землю и был устроителем государства. Всё произведение буквально дышит негодованием и ненавистью, а проклятия сыплются одно за другим:

Ныне, Ликург, о тебе леса услышат и горы!
Пусть для тебя во прах обратятся улады
земные,

Пусть зыбучим песком покроется тучная пашня,
Хлеб не взойдёт на полях, луга оскудеют
травую,
Плод недозрелый падёт, лоза до срока увянет,
Высохнут русла ручьёв и осыплются листья с
деревьев!

...

Пусть в твоей борозде сгниёт непроросшее
семя,
Пусть губительный жар спалит луга заливные,
Пусть омертвелая ветвь стряхнёт червивую
завязь,
Роща сбросит листву, источник горный
иссякнет...[\[288\]](#)

Поэт поочерёдно призывает силы природы, требуя, чтобы они обрушились на «злосчастную землю», на «растерзанные наши владенья»[\[289\]](#). Пусть ароматы полей и дуновения ветерка «грозной повеют чумой, наполнятся гибельным ядом»[\[290\]](#). Пусть прекрасные леса, «богатые убором», поля и виноградники испепелит своими молниями грозный бог Юпитер и «да опустеет земля, покрытая пеплом могильным!»[\[291\]](#). Пусть из морских глубин поднимутся чудища, «Нептун да хлынет на пашни» и «седые валы затопят тлеющий пепел»[\[292\]](#). Пусть выйдет из берегов пенный речной поток, ручьи затопят пашню и «пепелища полей обратятся в топи гнилые»[\[293\]](#). И наконец:

Пусть оденут дожди туманами горные склоны,
Пусть на поля потоп дождевую влагу обрушит,
Пахарю горем грозя, за собой оставляя трясины!

...

Больше проклясть не могу — всё Дитовым будет по праву!

О, злополучный надел, осуждённый несправедливым словом!

О, гражданский Раздор, Справедливости враг вековечный!

Скоро родимый приют я покину, изгнанник безвинный,

Дабы мзду получил за брани кровавые воин [\[294\]](#).

Стихотворение представляет большой интерес, поскольку в нём достаточно подробно описывается место, где находилось родовое имение Вергилия. Судя по тексту «Проклятий», это была прелестная речная долина, в окружении холмов, покрытых густыми лесами; посреди долины протекала полноводная река Минций. Здесь имелись поля, на которых выращивали хлеб, заливные луга, где пасли скот, тенистые леса, фруктовые сады и виноградники, текли ручьи, питающие своей влагой землю [\[295\]](#).

Вергилий не смирился с потерей имения и, желая добиться справедливости и вернуть землю, по совету друзей отправился в Рим. Только благодаря содействию Азиния Поллиона, бывшего в то время наместником Цизальпинской Галлии, и его помощника Корнелия Галла, которые вступились за Вергилия перед Октавианом, имение было возвращено семье поэта [\[296\]](#). Тем не менее, когда счастливый Вергилий возвратился из Рима на родину, чтобы получить землю обратно, его чуть было не убил новый хозяин имения, центурион Аррий, так что поэту пришлось даже броситься в реку Минций, чтобы спасти свою жизнь [\[297\]](#).

После этого случая Вергилий недолго наслаждался покоем на вновь обретённой вилле, поскольку уже в 40 году опять возникли споры из-за земли и ветераны захватили его имение^[298]. По сообщению Проба, на территорию усадьбы поэта ворвалась разгневанная толпа ветеранов во главе с командиром триариев примипилом Милиеном Тороном^[299]. Комментатор Сервий отмечает, что солдат Клодий едва не зарубил поэта, которому удалось спастись в лавке угольщика^[300]. Вдобавок в это время умер слепой престарелый отец Вергилия; ещё раньше он потерял мать и двух родных братьев — маленького Силона и взрослого Флакка^[301]. Вергилию пришлось обратиться за помощью к преемнику Азиния Поллиона и своему другу Публию Альфену Вару^[302] и снова хлопотать о возвращении земли. Однако Вар не смог помочь поэту и, вероятно, посоветовал ему вновь отправиться в столицу.

В Риме Вергилию удалось пробиться к могущественному соратнику Октавиана, Гаю Цильнию Меценату, который не только оказал поэту помощь, но и ввёл его в круг своих друзей^[303]. Понимая, что Вергилию будет сложно ужиться с неотёсанными и беспокойными соседями-ветеранами, и не желая понапрасну беспокоить Октавиана, Меценат не стал содействовать возвращению разорённого отцовского имения поэту. Вместо этого он подарил Вергилию небольшую сельскохозяйственную виллу близ Нолы в Южной Кампании^[304], где можно было уединиться и полностью отдаться творчеству.

«Буколики»

«Буколики» (*Bucolica*, «Пастушеские песни») являются первым крупным произведением Вергилия, написанным им в самые тяжёлые годы гражданской войны. Состоят «Буколики» из десяти эклог («отобранных» стихотворений), над которыми поэт работал около трёх лет — с осени 42-го и до конца 39 года^[305]. Эклоги написаны в форме гекзаметра.

Идею писать в буколическом жанре подал Вергилию его друг и покровитель Гай Азиний Поллион. Молодой поэт, «рождённый деревенскими родителями, воспитанный среди лесов и кустарников»^[306], и поэтому весьма склонный ко всему деревенскому, с радостью последовал его совету. Городская жизнь ничуть не вытравила из его души ни тоски по родным местам, ни воспоминаний о счастливом детстве на лоне природы. В восьмой эклоге, обращаясь к Поллиону, Вергилий просит его: «...прими ж эти песни! / Сам ты велел их начать...»^[307]

Буколическая поэзия берёт своё начало от песен греческих пастухов Южной Италии и Сицилии (*boukolos*, в переводе с греческого — «волопас», «пастух быков»). Уже в древности существовали весьма забавные предположения о происхождении этого жанра: «Одни передают, что во время нашествия царя Ксеркса на Грецию, когда население укрылось в городах, и священнодействия в честь Дианы невозможно было совершать по заведённому обычаю, к лаконским городам пробрались крестьяне и пропели гимн в честь богини. Рождённая таким образом пастушеская песнь подверглась тщательной обработке в устах последующих поколений. По словам других, Орест,

когда вёз из Скифии похищенное изображение Дианы Фацелитиды, был во время бури заброшен в Сицилию. По истечении года он созвал своих моряков и нескольких пастухов и пением гимнов прославил Диану. С тех пор пастухи хранят этот обычай. Третьи утверждают, что эта поэзия посвящена не Диане, а Аполлону Номию, пасшему скот царя Адмета. Некоторые уверяют, что пастухи посвятили эту песнь таким сельским божествам, как Пан, фавны, нимфы, сатиры»^[308].

По свидетельству античного писателя Элиана^[309], впервые использовал в своих произведениях сюжеты пастушеских песен, в частности миф о пастухе Дафнисе, ещё древний сицилийский поэт Стесихор (630 — около 555). Однако основателем жанра считается всё же поэт Феокрит. Именно его буколические стихотворения («идиллии») и послужили образцом для Вергилия^[310].

Феокрит (около 310 — около 260) родился и вырос в городе Сиракузы на острове Сицилия, некоторое время жил на острове Кос, а затем перебрался в Александрию Египетскую ко двору царя Птолемея II. Со временем он был причислен к блестящей плеяде александрийских поэтов, коим впоследствии подражали римские «поэты-неотерики». Феокрит оставил после себя 30 крупных стихотворений («идиллий»), из которых, правда, лишь 12 относятся к буколическому жанру, а также 26 эпиграмм. Основным источником его творчества послужили местный сицилийский фольклор и пастушеские песни Южной Италии, откуда поэт и почерпнул весьма интересный материал для своих «идиллий». В Риме произведения Феокрита стали известны только в начале I века до н. э. и пользовались большой популярностью в литературных кругах.

Буколический жанр предполагал максимальное обращение поэта к сельской жизни, подробные описания сценок пастушеского быта, любовных переживаний пастухов, идиллической жизни на лоне природы. Героем буколик часто выступал юный покровитель пастухов Дафнис, сын бога Гермеса и сицилийской нимфы, умерший от несчастной любви. Важным признаком буколического жанра являлась также общая музыкальность поэзии, которая выражалась в сольном или состязательном (поочерёдном, «амебейном») пении пастухов, что весьма характерно для эклог Вергилия.

Создавая свои «Буколики», Вергилий не только заимствовал сюжеты, образы и мотивы у Феокрита, но и переводил отдельные строки и даже значительные куски из его произведений и включал их в свои эклоги. В отличие от Феокрита он избрал местом действия «Буколик» не Сицилию или остров Кос, а область Аркадию, расположенную на греческом полуострове Пелопоннес и считавшуюся пастушеским раем, местом беззаботной жизни. Именно из Аркадии за 60 лет до Троянской войны прибыл в Италию легендарный царь Эвандр, основавший город на Палатинском холме и гостеприимно принявший у себя Энея. При этом Вергилий изобразил не реальную, а мифическую Аркадию, некий утопический идеал, где смешались времена года и географические ориентиры Греции и Италии. И населил эту Аркадию идеализированными, весьма чувствительными и ранимыми пастухами-козопасами, живущими в полной гармонии с природой и поющими о чистой, незамутнённой любви. При всём этом в «Буколиках» содержатся подлинные биографические данные, имеются достоверные описания итальянской природы и упоминаются реальные исторические лица.

Приступая к созданию «Буколик», Вергилий решил удалиться в родные Анды, чтобы в отцовском поместье найти убежище от гражданских междоусобиц. Здесь он намеревался безмятежно жить в созданном им воображаемом мире, где сладко благоухают цветы и травы, весело щебечут птицы и стрекочут цикады, тихо журчат прозрачные ручьи, в тени раскидистых деревьев мирно пасётся скот, а юные пастухи состязаются в пении, предаются веселью и любви со своими подружками. Однако Вергилию не удалось убежать от суровой действительности.

По мнению ряда учёных, первыми были созданы вторая, третья, пятая и седьмая эклоги, которые датируются, соответственно, концом 42 года. Затем в 41 году на свет появилась первая эклога. В 40 году поэт закончил девятую, четвёртую и шестую эклоги, а в 39-м — восьмую и десятую эклоги^[311]. Первоначально эклоги издавались по отдельности, и каждая имела своё заглавие^[312]. В конце 39 года Вергилий составил из них сборник, в котором поместил эклоги совершенно не в том порядке, в каком они появлялись на свет^[313]. Эклоги, написанные в повествовательной форме (в форме монологов), размещены им как чётные, а созданные в форме диалогов — как нечётные.

Первая эклога под названием «Титир»^[314] посвящена Октавиану в качестве благодарности за возвращённое родовое поместье, конфискованное в 41 году в пользу солдат-ветеранов у семьи Вергилия. Эта эклога написана в форме диалога между аркадскими пастухами Титиром и Мелибеем. Место действия — мифическая Аркадия, но на самом деле это «родные края» и «отчизна»^[315], то есть мантуанская область, холмистые окрестности деревни Анды. Поэт упоминает и лежащую в речной долине Мантую, не указывая её названия, описывает родные берега реки Минций,

заросшие камышом и ивой. Оба пастуха соответственно выступают как типичные представители бедного италийского крестьянства: владеют небольшими земельными участками, пасут скот (коз и коров), делают творог, собирают плоды, обрабатывают поля, ухаживают за садами и виноградниками, а продукты своего труда отвозят на продажу в город^[316]. При этом считается, что под именем Титира скрывается сам Вергилий, а под именем Мелибея — один из соседей поэта, тоже пострадавший от конфискации. Комментатор Сервий по этому поводу писал: «...в этом месте под личностью Титира мы должны понимать Вергилия, впрочем не везде, а лишь там, где этого требует разум»^[317].

Мелибей встречает пожилого пастуха Титира, лежащего «в тени широковетвистого бука», и интересуется, почему тот беззаботно наигрывает на свирели и прохлаждается в тени деревьев, в то время как ему самому приходится покидать родные края и свою землю. Титир скромно отвечает:

Мелибей, нам бог спокойствие это доставил —
Ибо он бог для меня, и навек, — алтарь его
часто
Кровью будет поить ягнёнок из наших овчарен.
Он и коровам моим пастись, как видишь,
позволил,
И самому мне играть, что хочу, на сельской
тростинке^[318].

Под именем этого безымянного бога, конечно же, подразумевается Октавиан, благодаря которому поэту была возвращена земля. Интересно, что Вергилий

называет Октавиана богом задолго до официального обожествления, осторожно оговаривая при этом, что «он бог для меня». Но начало было положено!

Мелибей удивляется и просит Титира рассказать поподробнее о том, как ему удалось добиться успеха, когда «смута повсюду в полях», и кто этот загадочный бог. Титир повествует о своей тяжёлой жизни, о том, как на старости лет он отправился в Рим, чтобы добиться освобождения из рабства, и увидел там божественного юношу, для которого теперь «ежегодно дней по дважды шести алтари наши дымом курятся»^[319]. Этот юноша (Октавиан) удовлетворил все его просьбы и оставил за ним землю, поэтому Титир теперь будет вечно хранить его образ в своём сердце. Мелибей рад за друга, но горько сетует на свою судьбу:

Мы же уходим — одни к истомлённым жаждою
афрам,
К скифам другие; дойдём, пожалуй, до быстрого
Окса
И до британнов самих, от мира всего
отделённых.
Буду ль когда-нибудь вновь любоваться
родными краями,
Хижиной бедной моей с её кровлей, дёрном
покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с
собственной нивы?
Полям, возделанным мной, завладеет вояка
безбожный,
Варвар — посевами. Вот до чего злополучных
сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали!
Груши теперь, Мелибей, прививай, рассаживай
лозы!

Козы, вперёд! Вперёд, — когда-то счастливое стадо!
Не полюбуюсь теперь из увитой листвою пещеры,
Как повисаете вы вдалеке на круче тернистой,
Песен не буду я петь, вас не буду пасти, — без меня вам
Дрок зацветший щипать и ветлу горьковатую, козы![\[320\]](#)

Титир старается утешить Мелибея и предлагает ему ночлег, ведь уже так поздно:

Уж в отдаленье — смотри — задымились сельские кровли,
И уж длиннее от гор вечерние тянутся тени[\[321\]](#).

Резкий контраст между положением героев держит читателей в напряжении на протяжении всей эклоги. Они будто бы разделены стеклянной стеной: Титир живёт в прекрасном буколическом мире, а Мелибей — в мире реальном, полном невзгод и опасностей. Вергилий очень точно, очень чувственно и проникновенно описал то, что пришлось пережить ему самому в 41 году, когда его родовое имение было конфисковано и разделено между ветеранами. Потеря родного дома — это всегда трагедия, и трагедия тем большая, когда дом отнимают несправедливо: человеку остаётся только идти куда глаза глядят, на край света, «к истомлённым жаждою афрам», «к скифам», «до британнов самих».

Вторая эклога под названием «Алексис» была, возможно, написана самой первой. Основывается она на седьмой, одиннадцатой, двадцать третьей и третьей идиллиях Феокрита. Основное содержание эклоги — это монолог пастуха Коридона, обращённый к рабу-пастуху Алексису (Алексиду), принадлежащему богачу Иоллу. По мнению некоторых античных авторов, под именем Алексиса скрывается Александр (или Алексей) — раб-слуга Азиния Поллиона, а под именем Полла — сам Поллион^[322].

Образованные рабы пользовались у римских богачей повышенным спросом и стоили очень дорого. По свидетельству Светония, Вергилий имел двух таких рабов: «Цебета и Александра, которого ему подарил Азиний Поллион и который во второй эклоге «Буколик» назван Алексидом; оба были хорошо образованны, а Цебет даже писал стихи»^[323]. Поскольку эти рабы имели образование, поэт, вероятно, использовал их в качестве личных секретарей, которым по утрам диктовал свои стихотворения^[324].

Третья эклога под названием «Палемон» по времени создания примыкает ко второй эклоге. Основывается она на четвёртой и пятой, а также частично на первой, восьмой и девятой идиллиях Феокрита. Вергилий изобразил здесь так называемое «амебейное» (поочерёдное) пение как буколическую форму состязания. Буколическое состязание обычно состояло из нескольких частей: перепалка, предложение биться об заклад, приглашение судьи для разрешения спора, само состязание и решение судьи. У Вергилия состязание происходит между юными пастухами Меналком и Даметом. В разгар дня Меналк встречает Дамета и начинает всячески задирать его, обвиняя в соблазнении девушки, в воровстве скота и неумении петь. Дамет не остаётся в долгу, смело парируя

несправедливые обвинения, и, наконец, предлагает устроить состязание в пении, ставя в залог корову. Меналк принимает вызов и, в свою очередь, ставит в ответ два прекрасных кубка, вырезанных из бука. Судьёй состязания пастухи приглашают стать соседа Палемона, под именем которого, как полагают учёные, на самом деле скрывается покровитель Вергилия Азиний Поллион. Втроём они устраиваются на мягкой траве, и Палемон велит пастухам:

Ты начинаешь, Дамет, а ты, Меналк, отвечаешь.
В очередь будете петь — состязания любят
Камены^[325].

Сначала Дамет и Меналк обмениваются песенными репликами (двустушиями) о своих любовных предпочтениях, затем трижды с восторгом упоминают Азиния Поллиона^[326] и, наконец, заводят песни о своих стадах и загадывают друг другу загадки. Поскольку оба пастуха довольно сильны, Палемон решает на этом прекратить состязание, заявляя:

Нет, такое не мне меж вас разрешать
состязанье.
Оба телицы равно вы достойны, — и каждый,
кто сладкой
Не убоится любви, а горькой не испытает^[327].

Знаменитая четвёртая эклога под названием «Поллион» является самой загадочной. Она посвящена

близкому другу Вергилия Азинию Поллиону, консулу 40 года, участвовавшему в заключении Брундизийского договора между Октавианом и Марком Антонием. Как полагают некоторые учёные, сюжет эклоги восходит к двенадцатому ямбу греческого поэта Каллимаха из Кирены (около 310 — около 240), долгое время жившего в Александрии. Вергилий повествует о вечном круговороте времён и скором возвращении «золотого века», а также о рождении некоего загадочного младенца, с которым на землю придут мир и благоденствие:

Круг последний настал по вещанью пророчицы
Кумской,
Сызнова ныне времён зачинается строй
величавый,
Дева грядёт к нам опять, грядёт Сатурново
царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорождённому будь благосклонна, с
которым на смену
Роду железному род золотой по земле
расселится.
Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром
владыка^[328].

Согласно философским представлениям римлян, окружающий мир развивался по спирали и каждому периоду (кругу, веку) покровительствовало особое божество. В 40 году как раз подходил к концу период правления богини Дианы («Девы Луцины»^[329]), так называемый «железный век», и, соответственно, начинался период правления бога Аполлона, вместе с

которым должен был возвратиться «золотой век», счастливое «царство Сатурна». Не случайно Вергилий, обращаясь к консулу этого года Азинию Поллиону, восклицает:

При консулате твоём тот век благодатный
настанет,
О Поллион! — и пойдут чередой великие годы.
Если в правленье твоё преступленья не вовсе
исчезнут,
То обессият и мир от всечасного страха
избавят ^[330].

Как уже говорилось, наступление «золотого века» поэт напрямую связывает с рождением чудесного младенца, который преподносится как «отпрыск богов дорогой, Юпитера высшего племя!» ^[331]. При этом, с одной стороны, младенец имеет реально существующую мать, которая вынашивала его в своём чреве, а также отца, о деяниях которого он будет читать, когда подрастёт ^[332]. С другой стороны, он является отпрыском богов, будет наслаждаться «жизнью богов» и «миром владеть, успокоенным доблестью отчей» ^[333]. По мере взросления младенца весь мир будет всё более и более изменяться и двигаться к подлинному «золотому веку»:

Мальчик, в подарок тебе земля, не возделана
вовсе,
Лучших первин принесёт, с плющом
блуждающий баккар
Перемешав и цветы колокассий с аканфом

весёлым.

Сами домой понесут молоком отягчённое вымя
Козы, и грозные львы стадам уже страшны не
будут.

Будет сама колыбель услаждать тебя щедро
цветами.

Сгинет навеки змея, и трава с предательским
ядом

Сгинет, но будет расти повсеместно аммом
ассирийский.

А как научишься ты читать про доблесть героев
И про деянья отца, познавать, что есть
добродетель,

Колосом нежным уже понемногу поля
зажелтеют

И с невозделанных лоз повиснут алые гроздья;
Дуб с его крепкой корой засочится мёдом
росистым.

Всё же толика ещё сохранится прежних пороков
И повелит на судах Фетиду испытывать, грады
Поясом стен окружать и землю взрезать
бороздами.

Явится новый Тифис и Арго, судно героев
Избранных. Боле того: возникнут и новые войны,
И на троянцев опять Ахилл будет послан
великий.

После же, мужем когда тебя сделает возраст
окрепший,

Море покинут гребцы, и плавучие сосны не
будут

Мену товаров вести — всё всюду земля
обеспечит.

Почва не будет страдать от мотыг, от серпа —
виноградник;

Освободит и волов от ярма хлебопашец
могучий;

Шерсть не будет хитро различной морочить
окраской, —
Сам, по желанью, баран то в пурпур нежно-
багряный,
То в золотистый шафран руно перекрашивать
будет,
И добровольно в полях багрянец ягнят
принарядит^[334].

О том, кого имел в виду Вергилий, воспевая чудесного младенца, спорят уже два тысячелетия. Одни считали, что речь идёт об одном из сыновей Азиния Поллиона — Азинии Салонине или Азинии Галле. И эта версия является самой правдоподобной^[335]. Ещё Сервий, античный комментатор сочинений Вергилия, писал об этом, ссылаясь на писателя Квинта Аскония Педиана, обсуждавшего этот вопрос с самим Азинием Галлом^[336]. Поскольку Азиний Поллион в 40 году занимал не менее важное место в государстве, чем Октавиан, было бы очень странно, если бы в стихотворении, посвящённом именно ему, Вергилий упомянул о каком-то чужом ребёнке.

Другие полагали, что Вергилий имел в виду или будущего сына Октавиана и Скрибонии, или же будущего сына Октавии, сестры Октавиана, и Марка Антония. Однако у этих супружеских пар сыновья так и не появились. Предполагали также, что под младенцем подразумевался сам Октавиан, который, правда, родился намного раньше, или же маленький Марк Клавдий Марцелл, сын Октавии от первого брака. Выдвигались версии, что чудесный младенец — это аллегорическая фигура, сам нарождающийся «золотой век» или Брундизийский мир, или какой-то античный

или восточный бог. Христианский богослов Лактанций (около 250 — около 325 н. э.) считал, что Вергилий пересказал пророчество кумской Сивиллы о пришествии Сына Божьего и утверждении Царства Божьего на земле^[337].

В Средние века наибольшее распространение получила версия, согласно которой Вергилий в четвёртой эклоге (стихи 6-7 и 15-17) предсказал не что иное, как рождение Иисуса Христа! Действительно, четвёртая эклога весьма близка к пророчеству библейского пророка Исаии о приходе Мессии: «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил. Он будет питаться молоком и мёдом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе»^[338]. И далее: «Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею и детёныши их будут лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи»^[339]. Средневековые комментаторы Вергилия обратили внимание на сходство процитированных выше частей пророчества Исаии со следующими стихами эклоги: «Сами домой понесут молоком отягчённое вымя / Козы, и грозные львы стадам уже страшны не будут»^[340], «Сгинет навеки змея, и трава с предательским ядом / Сгинет, но будет расти повсеместно аммом ассирийский»^[341].

Предполагают, что Вергилий был знаком с пророчеством Исаии через некое предсказание кумской Сивиллы, которую он упоминает в начале эклоги. В середине I века до н. э. подобные предсказания (оракулы) были настолько широко распространены по

всей Италии, что в 33 году эдилу Марку Випсанию Агриппе пришлось изгнать из Рима всех предсказателей и астрологов, а в 12 году уже сам Октавиан Август «велел собрать отовсюду и сжечь все пророческие книги, греческие и латинские, ходившие в народе безымянно или под сомнительными именами, числом свыше двух тысяч. Сохранил он только сивиллины книги, но и те с отбором; их он поместил в двух позолоченных ларцах под основанием храма Аполлона Палатинского»^[342].

Несмотря на все вышеупомянутые версии, ясно одно — наступление «золотого века» Вергилий связывал с надеждой на мир и спокойствие в Италии после заключения Брундизийского мирного договора осенью 40 года. Договор, с ликованием воспринятый очень многими римлянами, вполне мог рассматриваться поэтом как рубеж, после которого в Италии должны были прекратиться гражданские войны и воцариться мир, а также наступить эра общего благоденствия, когда земля сама будет обеспечивать людей всем необходимым. Похожие чаяния изложил поэт Гораций в своём шестнадцатом эпode, созданном в том же 40 году и описывающем рай на земле, Острова Блаженных:

Где урожаи даёт ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветёт,
Завязь приносят всегда без отказа все ветви
маслины
И сизым плодом убрана смоковница;
Мёд где обильно течёт из дубов дуплистых, где
с горных
Сбегают высей вод струи гремучие.
Без понуждения там к дойникам устремляются
козы,
Спешат коровы к дому с полным выменем;

С рёвом не бродит медведь там вечерней порой
у овчарни,
Земля весной там не кишит гадюками^[343].

Пятая эклога под названием «Дафнис» появилась на свет после второй и третьей эклог, на что указывает сам Вергилий в её заключительных стихах^[344]. Основывается она на первой, седьмой и восьмой идиллиях Феокрита. Поэт вновь рисует перед читателем забавную картину состязания в пении. Пастух Меналк встречает юного пастуха Мопса и предлагает ему устроить соревнование, на что последний с радостью соглашается, и они располагаются в тени пещеры, увитой диким виноградом. Первым начинает Мопс. В своей песне он оплакивает трагическую смерть юного покровителя пастухов Дафниса, под именем которого, по мнению Светония^[345], скрывается преждевременно умерший родной брат поэта Флакк:

Плакали нимфы лесов над погибшим жестокою
смертью
Дафнисом, — реки и ты, орешник, свидетели
нимфам, —
В час, как, тело обняв злополучное сына
родного,
Мать призывала богов, упрекала в жестокости
звёзды.
С пастбищ никто в эти дни к водопою
студёному,
Дафнис, Стада не вёл, в эти дни ни коровы, ни
овцы, ни кони
Не прикасались к струе, муравы не топтали
зелёной.

Даже пунийские львы о твоей кончине стенали,
Дафнис, — так говорят и леса, и дикие горы.
Дафнис армянских впрягать в ярмо колесничное
тигров
Установил и вести хороводы, чествуя Вакха;
Мягкой листвой обвивать научил он гибкие
копья.
Как для деревьев лоза, а гроздь для лоз
украшение
Или для стада быки, а для пашни богатой
посевы, —
Нашею был ты красой. Когда унесли тебя
судьбы,
Палее и сам Аполлон поля покинули наши.
И в бороздах, которым ячмень доверяли мы
крупный,
Дикий овёс лишь один да куколь родится
злосчастный.
Милых фиалок уж нет, и ярких не видно
нарциссов,
Чертополох лишь торчит да репей прозябает
колючий.
Землю осыпьте листвой, осените источники
тенью,
Так вам Дафнис велит, пастухи, почитать его
память.
Холм насыпьте, на нём такие стихи начертайте:
«Дафнис я — селянин, чья слава до звёзд
достигала,
Стада прекрасного страж, но сам прекраснее
стада»[\[346\]](#).

Меналк восторгается пением Мопса и, в свою
очередь, начинает воспевать воскрешение

обожествлённого Дафниса, уподобившегося самым могущественным богам Олимпа, так что даже горы, овраги, леса и скалы славят его:

Светлый, дивится теперь вратам незнакомым
Олимпа,
Ныне у ног своих зрит облака и созвездия
Дафнис.

Вот почему и леса ликованием весёлым, и села
Полны, и мы, пастухи, и Пан, и девы дриады.
Волк скотине засад, никакие тенёта оленям
Зла не помыслят чинить — спокойствие Дафнису
любо.

Сами ликуя, теперь голоса возносят к светилам
Горы, овраги, леса, поют восхваления скалы,
Даже кустарник гласит: он — бессмертный,
Меналк, он бессмертный!

Будь благосклонен и добр к своим: алтаря вот
четыре,
Дафнис, — два для тебя, а два престола для
Феба.

С пенным парным молоком две чаши тебе
ежегодно

Ставить я буду и два с наилучшим елеем
кратера^[347].

Под обожествлением Дафниса, изображённым в этой эклоге, ещё в древности понимали аллегорическое обожествление Гая Юлия Цезаря^[348], объявленного богом в 42 году по решению римского сената, после битвы при Филиппах. Предполагают, что эклога, не афишируя самого имени диктатора, была призвана склонить общественное мнение к принятию самой идеи

обожествления смертного человека. Не вполне понятно, кто надоумил Вергилия написать данное произведение. Возможно, что это был сам Азиний Поллион.

В конце эклоги Меналк дарит Мопсу в награду за прекрасную песню свою изящную свирель, а Мопс, преклоняясь перед его талантом, преподносит ему свой украшенный медью посох. Таким образом, пастухи признают друг перед другом своё равенство в таланте.

Шестая эклога под названием «Вар» (или «Силен») посвящена одному из друзей Вергилия — Публию Альфену Вару, в то время наместнику Цизальпинской Галлии. Впервые поэт обращается к Вару в девятой эклоге, написанной раньше шестой, и просит посодействовать в возвращении родового имения, вторично конфискованного в 40 году. В качестве благодарности Вергилий обещает прославить Вара в стихах, что и делает, посвящая своему покровителю шестую эклогу. Судя по всему, Вар надеялся на грандиозную эпическую поэму, восхваляющую его подвиги, и поэтому Вергилий-Титир в начале эклоги приносит ему своеобразное извинение:

Стал воспевать я царей и бои, но щипнул меня
Кинфий

За ухо, проговорив: «Пастуху полагается, Титир,
Тучных овец пасти и петь негромкие песни!»

Стало быть (ибо всегда найдётся, кто пожелает,
Вар, тебя восхвалять и петь о войнах
прискорбных),

Сельский стану напев сочинять на тонкой
тростинке.

Не без приказа пою. Но, Вар, кто моё сочиненье
Будет с любовью читать, увидит: все наши
рощи,

Верески все воспевают тебя! Нет Фебу приятней

В мире страницы, чем та, где есть посвящение
Вару^[349].

Итак, Кинфий, то есть сам Аполлон, запрещает Вергилию писать в эпическом жанре — это должны делать другие поэты. Мотив поэтического отказа, присутствующий в этой эклоге, был весьма распространён среди римских поэтов того времени. Достаточно упомянуть Проперция, отказавшегося сочинять героический эпос в честь Октавиана^[350]. Поэтический отказ Вергилия был, вероятно, связан с тем, что Вару так и не удалось вернуть ему отцовское имение, но портить отношения со своим высокопоставленным другом поэт не хотел.

От восхвалений Альфена Вара поэт переходит к весёлому рассказу о том, как два мальчугана и наяда Эгла связали уснувшего в пещере пьяного сатира Силена. Проснувшись, Силен добродушно смеётся шутке детей и, исполняя своё давнее обещание, поёт им песню о зарождении мира, появлении растений, животных и первых людей, о царстве Сатурна, о подвиге Прометея, о Пасифае, согрешившей с быком, о сёстрах Фаэтона, о Сцилле и многом другом. По мнению комментатора Сервия, под именем Силена здесь скрывается знаменитый учитель Вергилия философ-эпикурец Сирон^[351], поскольку в уста этого лесного божества поэт вкладывает основы эпикурейской космогонии:

Петь же он начал о том, как в пустом
безбрежном пространстве
Собраны были земли семена, и ветров, и моря,
Жидкого также огня; как зачатки эти,

сплотившись,
Создали все; как мир молодой из них появился.
Почва стала твердеть, отграничивать в море
Иерея,
Разные формы вещей принимать начала
понемногу.
Земли дивятся лучам дотоль неизвестного
солнца,
И воспарению туч, с высоты низвергающих
ливни,
И поражает их лес, впервые возросший, и звери
Редкие, что по горам, дотолé неведомым,
бродят [\[352\]](#).

Под конец Силен упоминает в своей песне поэта Галла (Гая Корнелия Галла), бывшего в то время помощником Альфена Вара в Цизальпинской Галлии, и поёт о том, как божественный пастух Лин вводит Галла в круг муз и дарит ему свирель в знак признания его поэтического таланта. Силен заканчивает петь, когда «уже вечер велит овец загонять по овчарням».

Седьмая эклога под названием «Коридон» (или «Мелибей») относится к самым ранним, наряду со второй и третьей эклогами, и основывается на шестой и восьмой идиллиях Феокрита. Вергилий рассказывает о том, как пастух Мелибей в поисках заблудившихся коз встречает близ реки Минций Дафниса, и тот приглашает его понаблюдать за песенным поединком двух юных пастухов — Коридона и Тирсиса, под которыми подразумеваются, соответственно, Вергилий и один из его противников — поэт Бавий или Мевий [\[353\]](#). Состязание начинает Коридон, который поочерёдно обращается в своих песнях к нимфам-музам с просьбой дать ему вдохновенье; к богине Диане, обещая

преподнести ей мраморную статую за успешную охоту; к своей возлюбленной Галатее — дочери морского бога Нерее, что «гиблейского мёда слаще, белей лебедей, плюща бледнолистного краше»; к траве, родникам и деревьям — с просьбой, чтобы они защитили скот от летнего зноя, и к природе в целом. Тирсис, выступая его антагонистом, напротив, обращается к пастухам, заносчиво требуя, чтобы они увенчали его плющом как талантливого певца; к богу плодородия Приапу, обещая за хороший приплод в стаде покрыть его статую золотом; к своим коровам, требуя, чтобы они возвращались домой; жалуется на сельский быт, зимний холод и летнюю жару.

Считается, что в этой эклоге изложена своего рода поэтическая программа, поэтический манифест Вергилия. Основными темами песен Коридона являются поэзия, природа и любовь, то есть основные темы всей буколической поэзии Вергилия, а Тирсис, напротив, поёт о враждебной природе, о зловредных животных, о несносном сельском быте. Излишне говорить, что победу в состязании одержал Коридон.

Восьмая эклога под названием «Колдунья» основывается на второй и третьей, а также отчасти на первой и одиннадцатой идиллиях Феокрита. Посвящена она Азинию Поллиону, с триумфом возвратившемуся в 39 году из военного похода против иллирийского племени парфинов. Вергилий вновь изображает состязание в пении, но уже между пастухами Дамоном и Алфесибеем. На заре, «в час, когда на траве роса всего слаще скотине», первым в состязание вступает пастух Дамон. Он поёт о своей давней любви к вероломной девушке Нисе, которая обманула его и вышла замуж за другого. Дамон приносит жалобы богам и грозит поконтчить с собой:

Ныне пусть волк бежит от овцы, золотые
приносит
Яблоки кряжистый дуб и ольха расцветает
нарциссом!
Пусть тамарисков кора источает янтарные
смолы...
В море пускай обратится весь мир! О рощи,
прощайте!
В бурные волны стремглав с утёса высокого
брошусь![\[354\]](#)

Затем в ответ начинает петь пастух Алфесибей. В своей песне он рассказывает о юной пастушке, с помощью магии возвратившей домой неверного пастуха Дафниса. Она совершает колдовской обряд, чтобы приворожить любимого, произносит заклятия, лепит из воска и глины его фигурки, производит с ними магические манипуляции, возжигает колдовские травы и, наконец, слышит, как возвращается Дафнис. Поскольку судья состязания в эклоге отсутствует, произведение на этом заканчивается.

Девятая эклога под названием «Мерис» посвящена Публию Альфену Вару. Основывается она частично на седьмой, третьей и одиннадцатой идиллиях Феокрита. В 40 году родовое имение Вергилия вновь захватили ветераны, и он был вынужден обратиться за помощью к Вару, заменившему Азиния Поллиона на посту наместника Цизальпинской Галлии.[\[355\]](#) В этой эклоге поэт впервые упоминает имя Вара и намекает, что прославит друга в будущем (см. шестую эклогу) за его попытки избавить мантуанцев от конфискаций:

Имя, о Вар, твоё — лишь бы Мантуя нашей
осталась,
Мантуя, слишком, увы, к Кремоне близкая
бедной, —
В песнях своих возносить до созвездий лебеди
будут![\[356\]](#)

Содержание произведения достаточно прозаично и сходно с первой эклогой. Поэт описывает встречу пастухов Ликида и Мериса на дороге в Мантую. Мерис жалуется Ликиду на бесчинства солдата-ветерана, почти полностью захватившего землю его хозяина Меналка и требующего, чтобы прежние собственники убирались прочь. Под именем Меналка здесь скрывается сам Вергилий[\[357\]](#). Ликид в ответ уточняет:

Всё ж говорят, и не зря, что оттуда, где
начинают
К нашей равнине холмы спускаться отлогим
наклоном,
Вплоть до реки и до тех обломанных бурею
буков
Песнями землю свою ваш Меналк сохранил за
собою[\[358\]](#).

Мерис с грустью отвечает Ликиду, что это правда, но теперь настали другие времена и их с хозяином положение весьма неопределённо. Ныне, говорит он, песни «при звоне оружия... не сильнее голубей, когда... почуют орла приближенье». Ликид в ответ

возмущается: «Кто же надумал, увы, такое злодейство?»^[359].

Затем оба пастуха с ностальгией вспоминают песни Меналка-Вергилия и поочерёдно цитируют их^[360]. Интересно, что в одной из песен упоминается взошедшее «светило Цезаря», то есть комета, появившаяся в ночном небе 20 июля 44 года и сиявшая семь ночей подряд^[361]. Римляне поверили, что комета является душой убитого диктатора, вознёсшейся на небо, и тем самым указывает на божественное происхождение Цезаря. Под конец Ликид предлагает Мерису спеть ещё, но тот удаляется, ссылаясь на неотложные дела.

Десятая эклога под названием «Галл» посвящена близкому другу Вергилия поэту Гаю Корнелию Галлу («Кто Галлу в песнях откажет?»). Частично основывается на первой идиллии Феокрита. Вергилий в этой эклоге воспевает несчастную любовь и страдания Корнелия Галла. Дело в том, что когда Галл находился в Испании, защищая берега от пиратских нападений флота Секста Помпея, его возлюбленная Ликорида бросила его и сбежала с другим офицером туда, где «Альп снега и морозы на Рейне»^[362], то есть в Галлию. Для Галла Ликорида была идеалом женщины, и он воспевал её в своих многочисленных элегиях.

В начале эклоги Вергилий упрекает наяд за то, что они не поддержали Галла в его горе. Ведь, восклицает поэт, Галлу сочувствуют не только деревья, горы, звери и пастухи, но и боги! Все пытаются утешить Галла, который просит, чтобы они спели о его несчастной любви. Затем Галл говорит, что мечтал бы жить в Аркадии и наслаждаться обществом пастухов и пастушек, холодными родниками и зелёными рощами, но только вместе с Ликоридой. Без неё ему жизнь не мила! Он собирается уйти в леса, чтобы там страдать,

бродить вместе с нимфами и охотиться на диких зверей,
но затем восклицает:

Нет, разонравились мне и гамадриады, и песни
Здесьние.

Даже и вы, о леса, от меня отойдите!

Божеской воли своим изменить мы не в силах
стараньем!

...

Всё побеждает Амур, итак — покоримся Амуру!

[\[363\]](#)

Ничто не может утолить любовную тоску Галла,
который уподобляется здесь пастуху Дафнису,
погибшему от любви.

Десятая эклога названа Вергилием «последней моей
работой» [\[364\]](#) в буколическом жанре. Поэт отвергает мир
Аркадии и одновременно с грустью прощается с ним,
поскольку этот сказочный мир больше не приносит ему
радости и успокоения:

О Пиериды, пропел ваш поэт достаточно песен,
Сидя в тени и плетя из проскурников гибких
кошёлку...

...

Встанем: для тех, кто поёт, бесполезен сумрак
вечерний,

Где можжевельник — вдвойне; плодам он не
менее вреден.

Козоньки, к дому теперь, встал Геспер, —
козоньки, к дому! [\[365\]](#)

«Буколики» имели огромный успех в широких слоях римского общества. Получили они признание и у прославленных литераторов^[366], что выдвинуло Вергилия в первые ряды известных римских поэтов. Отдельные эклоги «Буколик» почти сразу же вошли в репертуар многих певцов и актёров, стали исполняться на сценических подмостках многих италийских городов^[367]. Более того, у историка Тацита сохранилось следующее свидетельство: «...римский народ, ... прослушав в театре стихи Вергилия, поднялся как один и воздал случайно присутствовавшему между зрителями Вергилию такие почести, как если б то был сам Август»^[368]. Восхищенный «Буколиками» молодой поэт Проперций написал, обращаясь к Вергилию:

Любо тебе на стволах свирели своей у Галеза,
В гуще сосновых лесов Тирсиса с Дафнисом
петь.
Учишь, как дев соблазнять десятком каким-
нибудь яблок
Или козлёнком, что взят от материнских сосцов.
Счастлив, кто за любовь дешёвыми платит
плодами!
Ну, а бесчувственной пусть Титир сам песни
поёт^[369].

Считается, что в «Буколиках» Вергилий отразил настроения мелких свободных крестьян-землевладельцев, к котором относился и он сам, пострадавших от невзгод гражданской войны, в особенности от земельных конфискации, и мечтавших о мирной, тихой и самодостаточной сельской жизни.

Вергилий также сформировал в эклогах образ идеального свободного крестьянина, который владеет небольшим куском земли, имеет скот и продаёт продукты своего труда в ближайшем городке. Однако уже в то время этот образ являлся наследием прошлого и рассматривался как сказочная утопия, имеющая мало общего с реальностью.

Несмотря на то что «Буколики» Вергилия наполнены многочисленными идиллическими описаниями весёлой и беззаботной жизни пастухов на лоне природы, они одновременно пронизаны грустью, печалью и меланхолией, что свидетельствует о душевной ранимости и крайней чувствительности поэта. В эклогах Вергилий, бесспорно, показал себя настоящим мастером слова, благодаря чему «Буколики» отличаются изяществом языка, мягкостью и задушевностью. Ближайшими последователями Вергилия в области буколического жанра стали римские поэты Кальпурний (I век н. э.) и Немезиан (III век н. э.).

Тем не менее у Вергилия появились не только поклонники и подражатели, но и завистники и недоброжелатели. В конце третьей эклоги Вергилий вкладывает в уста пастуха Меналка единственный во всём своём творчестве выпад против Бавия и Мевия — поэтов, которым не давал покоя его талант:

Бавия кто не отверг, пусть любит и Мевия песни,
—
Пусть козлов он доит и в плуг лисиц
запрягает [\[370\]](#).

Что же известно об этих противниках Вергилия? Сведений сохранилось очень мало. Марк Бавий был

прокуратором в Каппадокии, где и умер около 35 года^[371], а Квинт Мевий служил под началом Азиния Поллиона и в 34 году был послан на Восток. Эти два ничтожных «поэта» не ограничивались сочинением бездарных стихов. Снедаемые чёрной завистью, они занимались составлением литературных пасквилей, в основном на талантливых поэтов из литературного кружка Мецената. Досталось от них не только безобиднейшему Вергилию, но и его другу Горацию, который до того разозлился на Мевия, что даже специально посвятил ему десятый эпод:

Идёт корабль, с дурным отчалив знаменьем,
Неся вонючку-Мевия.
Так в оба борта бей ему без устали,
О Австр, волнами грозными!
Пусть, море вздыбив, чёрный Эвр проносится,
Дробя все снасти с вёслами,
И Аквилон пусть дует, что нагорные
Крошит дубы дрожащие,
Пускай с заходом Ориона мрачного
Звёзд не сияет благостных.
По столь же бурным пусть волнам он носится,
Как греки-победители,
Когда сгорела Троя и Паллады гнев
На судно пал Аяксово.
О, сколько пота предстоит гребцам твоим,
Тебе же — бледность смертная,
Позорный мужу вопль, мольбы и жалобы
Юпитеру враждебному,
Когда дождливый Нот в заливе Адрия,
Взревевши, разобьёт корму.
Когда ж добычей жирной будешь тешить ты
Гагар на берегу морском,
Тогда козёл блудливый вместе с овцами

Да будет Бурям жертвою!^[372]

Это замечательное стихотворение Горация походит скорее на проклятие! Поэт Домиций Марс, состоявший в кружке Мецената, также не остался в долгу и уже против Бавия сочинил следующую эпиграмму:

Бавий с братом родным сообща всем именем
владели,
Так, как бывает всегда в семьях, где братья
дружны —
Домом, деньгами, землёй; даже сны у них
общие были,
Ты бы сказал, что одна в них обитала душа.
Брат один был женат; но жене одного не
хватило —
Хочет обоих в мужья; тут-то и ладу конец,
Ненависть, злоба и гнев сменили минувшую
дружбу.
Царство отныне пришлось двум поделить
господам^[373].

Впрочем, Вергилию досаждали не только Бавий и Мевий. Историк Светоний сообщает, что «когда появились «Буколики», некий Нумиторий сочинил в ответ «Антибуколики», представлявшие собой безвкусовые пародии только на две эклоги: первая из них начиналась:

Титир, ты в тогу одет: зачем же покров тебе
бука?

А вторая:

Молви, Дамет: «кого это стадо» — ужель по-
латыни?

Нет, ибо так говорят в деревне у братца
Эгона»[\[374\]](#).

Литературный кружок Мецената

Знакомство Вергилия с Гаем Цильнием Меценатом (около 65—8) состоялось, вероятно, в конце 40-го — начале 39 года. К сожалению, ничего не известно о том, где и как конкретно встретились и познакомились эти великие люди. Став другом и клиентом Мецената, Вергилий получил весьма могущественного покровителя, который щедро осыпал его своими благодеяниями. Например, Меценат подарил поэту сельскую виллу близ Нолы в Кампании^[375], возместив ему потерянное отцовское имение. Кроме того, чтобы Вергилию удобно было останавливаться в Риме, Меценат предоставил в его распоряжение дом на Эсквилинском холме, неподалёку от своих садов^[376].

Новый покровитель Вергилия родился в этрусском городе Арретий (современный Ареццо) в очень богатой и знатной семье Цильниев (по материнской линии), восходившей к этруским царям (лукумонам) и некогда управлявшей этим городом^[377]. Дедом Мецената по отцовской линии был всадник Гай Меценат, который в 91 году выступал в Риме против народного трибуна Марка Друза^[378]. Отец же Мецената — Луций Меценат — известен лишь тем, что в начальный период гражданской войны перешёл на сторону Октавиана^[379]. По своему социальному положению родители Мецената принадлежали к всадническому сословию^[380].

После убийства Юлия Цезаря молодой Меценат принял сторону Октавиана и довольно быстро стал его ближайшим другом и советником. Часто именно ему поручались самые деликатные дипломатические миссии. Например, Меценат представлял Октавиана на важнейших переговорах с Марком Антонием в

Брундизии в октябре 40 года, а в 36—31 годах в отсутствие Октавиана даже управлял Римом и всей Италией^[381]. При этом он никогда не занимал никаких официальных постов, оставаясь частным лицом, и до конца жизни довольствовался положением всадника^[382]. Впрочем, это не мешало Меценату обладать огромной властью при дворе и весьма активно участвовать в государственных делах.

Он сохранил своё положение даже после раскрытия в 22 году заговора против Августа, среди организаторов которого был ординарный консул 23 года Мурена, брат Теренции, жены Мецената^[383]. Но позднее именно из-за Теренции и произошла серьёзная размолвка между Августом и Меценатом. Теренция первоначально являлась любовницей Августа^[384], но затем была выдана замуж за Мецената. При этом она продолжала сохранять интимные отношения с императором^[385], что, естественно, очень не нравилось Меценату, который, наравне с изменами жены, столкнулся с её холодностью и постоянными отказами выполнять супружеский долг^[386]. Меценат пытался бунтовать,, заводил любовниц на стороне и даже несколько раз разводился с женой, но лишь для того, чтобы вновь вступить с ней в повторный брак^[387].

В итоге любовь и ревность к жене сломили Мецената. Его нервная система из-за капризов и истерик Теренции пришла в негодность: началась постоянная бессонница, с которой он безуспешно боролся, пытаясь засыпать под тихое журчание фонтанов в своих садах, а также приглашая музыкантов, чтобы «усыпить себя с помощью мелодичных звуков музыки, тихо доносящихся издалека»^[388]. Теренция не унималась, из-за чего болезнь Мецената только прогрессировала. Со временем его состояние настолько ухудшилось, что

«ему в последние три года жизни не удалось уснуть даже на час»^[389]. Умер он в 8 году в одиночестве, завещав всё своё огромное состояние Августу^[390], так как брак с Теренцией не принёс ему детей. Раскаившийся Август оплакивал смерть Мецената до конца своей жизни, и часто, оказываясь в ужасных ситуациях, восклицал: «Ничего этого не приключилось бы со мною, если бы живы были Агриппа или Меценат!»^[391]

Меценат был искусным политиком и дипломатом, весьма мужественным и бесстрашным, но оставался при этом мягким и добросердечным человеком, мудрым и немногословным^[392]. Он был единственным, кому удавалось обуздывать гнев Августа. Например, историк Дион Кассий описывает такой случай: «Меценат, представ перед императором, когда тот вершил суд, и видя, что Август уже готов многих приговорить к смертной казни, попытался пробиться сквозь обступившую императора толпу и подойти поближе, но не сумел и тогда написал на писчей табличке: «Встань же ты, наконец, палач!» И словно какую-то безделушку, он бросил её Августу в складки его тоги, а тот в свою очередь не стал выносить смертный приговор кому бы то ни было, встал и ушёл»^[393]. Однако положительные черты характера Мецената несколько блёкли из-за его эксцентричности и изнеженности, тяги к яствам и роскоши, а также из-за навязчивого желания эпатировать публику своими выходками и одеждой^[394].

В Риме Меценат жил на Эсквилинском холме, в роскошном дворце, окружённом великолепным садом. Самым высоким сооружением этого холма была каменная башня^[395], с вершины которой открывался чудесный вид на Рим и Альбанские горы. В садах Мецената, вероятно, росли различные породы деревьев и кустарников, характерные для средиземноморского

климата, были установлены великолепные статуи, разбиты прекрасные цветочные клумбы, построены мраморные беседки и изящные тенистые портики. Из садовых построек уцелела лишь так называемая «аудитория Мецената» — небольшое прямоугольное каменное здание для «рецитаций» (устных чтений), заканчивающееся в западной части полукруглой абсидой, где размещаются скамьи в семь рядов. Очевидно, в этой аудитории Меценат слушал новые произведения молодых писателей, искавших его расположения, а также своих друзей-поэтов.

Дворец Мецената был настолько роскошен и огромен, что даже сам Август, когда заболел, предпочитал отлёживаться у своего друга ^[396]. К сожалению, неизвестно, как выглядело это здание, поскольку от него ничего не осталось. Скорее всего, его планировка была традиционной для I века до н. э. Дворцы римской знати по сути представляли собой сильно разросшиеся традиционные римские дома того времени. Центром такого дома считался атрий (*atrium*) — зала с неглубоким бассейном для дождевой воды под проёмом в крыше, которая соединяла все остальные части жилища. В атриум было принято принимать клиентов, гостей и родственников, обсуждать финансовые дела и политические новости. Не менее важным помещением, напрямую соединявшимся с атриумом, был таблин (*tablinum*), который служил кабинетом хозяину дома. По сторонам от таблина симметрично располагались две парадные комнаты — «крылья» (*alae*), где обычно устраивали родственников или гостей. Здесь же находились в специальных шкафчиках восковые маски предков. Другие комнаты, соединявшиеся с атриумом, служили столовыми или кладовыми. Особое помещение отводилось для кухни. Дома часто были двух- или трёхэтажные, но на верхних

этажах обычно помещали рабов. Таблин соединялся с перистилем (*peristylum*) — внутренним двором, окружённым по периметру крытой колоннадой, центр которого занимал небольшой садик с бассейном, фонтанами и статуями. Вокруг колоннады располагались многочисленные комнаты: столовые (*triclinium*), спальни, ванны, библиотеки, гостиные, залы для бесед (*exedra*). Дворцы римской знати обильно украшались мраморными плитами и колоннами, бронзовыми и мраморными статуями, фресками и картинами^[397].

Для обслуживания огромного дворца был необходим значительный штат рабов-слуг (*familia urbana*). Возглавлял их обычно домоправитель, которого хозяин выбирал из наиболее преданных ему и послушных рабов. Специальные рабы следили за мебелью, постелью, одеждой, посудой, свитками в библиотеке, ванными комнатами и пр. Обязательно имелся раб-сторож и раб, встречавший гостей и докладывавший о них хозяину. Невозможно было обойтись во дворце без собственных поваров, хлебопёков, кондитеров, а также цирюльников, педагогов и врачей. Специальные рабы прислуживали за обеденным столом, следили за чистотой в доме, сопровождали хозяев на улице, несли носилки, служили посыльными и т. д. Собственный штат рабов имелся и у хозяйки: рабыни, которые причёсывали и укладывали ей волосы, смотрели за её украшениями и нарядами, сопровождали её на прогулках, стирали её бельё; рабыни-няньки, которые заботились о её детях.

Жизнь городских рабов, в отличие от их собратьев, занимавшихся сельским хозяйством в поте лица с раннего утра до позднего вечера, была достаточно привольна. Работа по дому не представляла большой сложности, и порой, выполнив все приказания хозяев,

рабы основную часть дня бездельничали, слонялись по дому или даже просто спали. Античный писатель Колумелла так отзывался о городских рабах: «Эта беспечная и сонливая порода, привыкшая к безделью, Марсову полю, цирку, театрам, к азартной игре, харчевням и публичным домам, только и мечтает, что об этих пустяках»^[398].

Тем не менее нерадивых городских рабов хозяева подвергали телесным наказаниям, заковывали в колодки или отсылали в сельские имения. За серьёзное преступление хозяин мог отправить такого раба на мельницу, в каменоломню или на рудники, или же вообще продать в гладиаторскую школу. Особо жестокие хозяева иногда убивали рабов, проявляя при этом недюжинное воображение. Например, по сообщению философа Сенеки, богатейший всадник Ведий Поллион отличался крайней бессердечностью по отношению к своим рабам. Как-то за обедом, на котором присутствовал сам Август, когда «один из рабов разбил хрустальную чашу; Ведий приказал схватить его, предназначая для отнюдь не обычной казни: он повелел бросить его муренам, которых содержал у себя в огромном бассейне. Кто усомнится, что это было сделано ради удовлетворения прихоти изнеженного роскошью человека? Это была лютая жестокость. Мальчик вырвался из рук державших его и, бросившись к ногам Цезаря, молил лишь об одном: чтобы ему дозволили умереть любой другой смертью, только не быть съеденным. Взволнованный неслыханной доселе жестокостью, Цезарь приказал мальчика отпустить, а все хрустальные чаши перебить перед своими глазами, наполнив осколками бассейн»^[399].

Меценат получил известность не только как ближайший соратник Августа, блестящий политик и дипломат, но и как прозаик и стихотворец, близкий к

«поэтам-неотерикам», а также как покровитель самых талантливых поэтов своего времени, которых он собрал в рамках своего литературного кружка.

Меценат создал значительное количество произведений самых разных жанров — пьесы, стихотворения, научные трактаты, диалоги, от которых, к сожалению, сохранились жалкие отрывки^[400]. Все его сочинения отличал своеобразный «кудрявый» стиль, выражавшийся в крайней вычурности^[401]. В качестве примера можно привести несколько отрывков из сочинения Мецената «О моём образе жизни» (*De cultu suo*): «По реке вдоль берегов, что лесами курчавятся, взгляни, как челны взбороздили русло, как, вспенивши мели, сад заставляют назад отбегать». Или: «Завитки кудрявой женщины голубит губами, — начинает, вздыхая, — так закинув усталую голову, безумствуют леса владыки»; «Неисправимая шайка: на пирах они роются жадно, за бутылкой обыскивают дома, и надежда их требует смерти»; «Гений, который свой праздник едва ли заметит, нити тонкого воска, и гремучая мельница, — а очаг украшают жена или мать»^[402]. По свидетельству Светония, Август частенько «вышучивал своего друга Мецената за его, как он выражался, «напомаженные завитушки», и даже писал на него пародии»^[403].

Литературный кружок Мецената сформировался, по-видимому, в 40—37 годах, а прекратил своё существование где-то после 13 года, поскольку большинство его членов к тому времени отошли в мир иной. Для чего же понадобилось Меценату собирать подле себя лучших римских поэтов? Дело в том, что Меценат был весьма умным и прозорливым человеком. Как ближайший друг и советник Августа, он прекрасно понимал, что без поддержки общества и римской элиты императору будет весьма трудно осуществлять свои

амбициозные реформы государственной власти. Чтобы получить эту поддержку, нужно сделать так, чтобы все поверили, что только великий и могущественный Август способен обеспечить счастье и процветание Римской державы. А чтобы все в это поверили, нужно возвеличить Августа, воспеть его деяния и военные подвиги в стихах и поэмах и распространить их в обществе. Иного пути в то время не существовало.

Таким образом, собирая вокруг себя величайших поэтов своего времени и обеспечивая их всем необходимым^[404], Меценат преследовал отнюдь не благотворительные цели.

При этом он прекрасно понимал, что приказывать поэтам славить Августа ни в коем случае нельзя, так как никакое великое произведение не может быть создано против воли. Поэтому он действовал совсем другим путём, то есть просил, увещевал, уговаривал поэтов, очень мягко и доброжелательно, ненавязчиво и без всякого принуждения. И одновременно осыпал их деньгами и подарками, дарил им земли, дома и виллы. И постепенно даже самые строптивые поэты начинали славить деяния Октавиана в своих стихах, превознося его до небес и именуя богом.

Наряду с Вергилием в литературный кружок также входил знаменитый поэт Квинт Гораций Флакк, один из ближайших друзей Мецената. Гораций родился в шестой день до декабрьских ид, в консульство Луция Аврелия Котты и Луция Манлия Торквата, то есть 8 декабря 65 года, в Венузии (современная Веноза) — небольшой римской колонии, возникшей в 294 году на границе Лукании и Апулии^[405], близ реки Ауфид и у подножья горы Вултур. Отец Горация был вольноотпущенником, которому удалось скопить денег и приобрести небольшое имение^[406]. О матери поэта не

сохранилось никаких сведений; может быть, она умерла при родах.

В 11-12 лет Гораций был отправлен отцом в знаменитую грамматическую школу Орбилия в Риме, где учились дети сенаторов и всадников^[407]. Затем, нанявшись на должность «коактора» — сборщика налогов на аукционах^[408], он накопил денег и в 46/45 году отправил сына в Афины в Платоновскую академию, где многие юные отпрыски знатнейших римских семей постигали греческую философию и литературу^[409].

В Афинах Гораций познакомился с Марком Брутом, прибывшим туда осенью 44 года с целью вербовки аристократической молодёжи в свои войска. Бруту понравился молодой Гораций, и он назначил его военным трибуном, хотя будущий поэт и не имел соответствующей военной подготовки^[410]. Вместе с войсками Брута Гораций отправился сначала в Македонию, затем в Малую Азию, где побывал в различных городах, а также на островах Лесбос, Самос и Хиос^[411]. Из Малой Азии войска республиканцев вернулись в Грецию и в битве при Филиппах 23 октября 42 года были наголову разбиты триумвирами, а командующий легионом Гораций позорно бежал с поля боя^[412].

После поражения республиканцев Гораций возвратился на родину. Его отец к тому времени уже умер, а имение было конфисковано в пользу ветеранов Октавиана, так что Гораций остался практически без средств к существованию. После амнистии сторонников Брута в 40 году он отправился в Рим и на последние деньги купил должность в коллегии квесторских писцов^[413]. Эта должность была Горацию в тягость, но он мирился с ней по воле жизненных обстоятельств и находил утешение в поэзии. Так пишет он об этом тяжелейшем периоде своей жизни:

...оторвали от мест меня милых години лихие:
К брани хотя и негодный, гражданской войною и
смутой
Был вовлечён я в борьбу непосильную с Августа
дланью.
Вскоре от службы военной свободу мне дали
Филиппы:
Крылья подрезаны, дух приуныл; ни отцовского
дома
Нет, ни земли, — вот тогда, побуждаемый
бедностью дерзкой,
Начал стихи я писать [\[414\]](#).

Именно к этому времени относятся первые стихотворные опыты Горация: в 40—35 годах он создал свои знаменитые «Эподы» и «Сатиры». Вращаясь в обществе римских поэтов, Гораций в эти же годы получил возможность познакомиться с Вергилием и Луцием Варием Руфом, которые стали его лучшими друзьями. Через них он сблизился с Азинием Поллионом, Мессалой Корвином и Меценатом. С последним Гораций познакомился в конце 39 года по инициативе Вергилия и Вария, уже входивших в литературный кружок Мецената. Вот как описал первую встречу с Меценатом сам поэт:

Я не скажу, чтоб случайному счастью был я
обязан
Тем, что мне выпала честь себя называть твоим
другом.
Нет! Не случайность меня указала тебе, а

Вергилий,
Муж превосходный, и Варий тебе обо мне
рассказали.
В первый раз, как вошёл я к тебе, я сказал два-
три слова:
Робость безмолвная мне говорить пред тобою
мешала.
Я не пустился в рассказ о себе, что высокого
рода,
Что объезжаю свои поля на коне сатурейском;
Просто сказал я, кто я. Ты ответил мне тоже два
слова,
Я и ушёл. Ты меня через девять уж месяцев
вспомнил;
Снова призвал и дружбой своей удостоил.
Горжуся
Дружбою мужа, который достойных людей
отличает
И не на знатность глядит, а на жизнь и на
чистое сердце^[415].

В сентябре 38 года Гораций уже в качестве клиента отправился с Меценатом в Брундизий, откуда тот должен был отплыть в Афины для важных переговоров с Марком Антонием^[416]. Помимо Горация Мецената в этой поездке сопровождали Вергилий, Варий, Плотий Тукка и ритор Гелиодор, а также представители Марка Антония: юрист Кокцей Нерва (прадед императора Нервы) и Фонтей Капитон (легат Антония в Азии).

В то время основным средством передвижения по суше служили конь, мул или ослик. В день удавалось проезжать в среднем 30 километров. Люди среднего достатка обычно пользовались различными видами повозок, в которые также запрягали мулов. Богачи и

аристократы путешествовали в специальных экипажах, запряжённых лошадьми. Заночевать можно было на постоялом дворе или на вилле у родственника или знакомого.

Гораций был очень рад этой поездке и позднее даже сочинил своеобразную сатиру-отчёт, в которой подробно описал всё путешествие, занявшее почти две недели. Сначала вместе с греческим ритором Гелиодором Гораций выехал из Рима и остановился в Ариции в бедной гостинице. Затем путники прибыли в Аппиев Форум, где поэта постигло расстройство желудка, вызванное несвежей водой, а ночью донимали комары и лягушки. Затем путешественники проплыли на лодке по каналу и добрались до Анксур, где соединились с Меценатом и сопровождавшими его Кокцеем Нервой и Фонтеем Капитоном. Все вместе они отправились в Фунды, оттуда в Формии, где отдохнули в доме Лициния Мурены. Отсюда спутники двинулись в Синуэссе, где к ним присоединились Вергилий, Плотий и Варий:

Самый приятнейший день был за этим для нас в
Синуэссе,
Ибо тут съехались с нами Вергилий, и Плотий, и
Варий,
Чистые души, которым подобных земля не
носила
И к которым сильнее меня никто не привязан!
Что за объятия были у нас и что за восторги!
Нет! Пока я в уме, ничего не сравняю я с
другом!^[417]

Затем они остановились на ночь в поместье близ Кампанийского моста, а после этого отправились в Капую, где Меценат устроил игру в мяч. Вергилий не очень хорошо переносил путешествие, поскольку, как и Гораций, имел довольно слабое здоровье:

Начал играть Меценат, а я и Вергилий заснули:
Мяч — не для нас, не для слабых очей, не для
слабых желудков [\[418\]](#).

После Капуи Меценат со своей свитой останавливался в поместье Кокцея близ Кавдия, где его развлекали шуты; в Беневенте, где из-за рвения хозяина загорелась кухня; в поместье близ Тривика, где много хлопот принёс едкий дым от сырых дров; в Аскуле, где «за воду с нас деньги берут, но хлеб превосходен»; в Канузии, где его свиту покинул Варий; в Рубах, где путников настиг сильный ливень; в Барии; в Гнatii, где Меценат со своей свитой наблюдал чудесное знамение в храме и откуда, наконец, прибыл в Брундизий.

В 33 году Меценат подарил обездоленному Горацию небольшую сельскую виллу в Сабинских горах, которая позволила поэту безбедно существовать до конца жизни. На этой вилле поэт укрывался от суеты и шума столицы, а также сочинял свои бессмертные стихотворения. Со временем у Горация появился и маленький домик в Тибуре (современный Тиволи), где он любил останавливаться на пути из столицы в свою сабинскую усадьбу [\[419\]](#). В Риме у Горация имелась, очевидно, небольшая квартира в инсуле, о чём он сам намекает в одной из своих сатир:

...Куда пожелаю,
Я отправляюсь один, справляюсь о ценности
хлеба,
Да о цене овощей, плутовским пробираюсь я
цирком;
Под вечер часто на форум — гадателей
слушать; оттуда
Я домой к пирогу, к овощам. Нероскошный мой
ужин
Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
С ковшиком винным стоят, простая солонка, и
чаша,
И узкогорлый кувшин — простой, кампанийской
работы.
Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно
завтра
Рано вставать и — на площадь, где Марсий
кривляется бедный
В знак, что он младшего Новия даже и видеть
не может.
Сплю до четвёртого часа; потом, погулявши,
читаю
Или пишу втихомолку я то, что меня занимает;
После я маслом натрусь — не таким, как
запачканный Натта,
Краденным им из ночных фонарей. Уставши от
зноя,
Брошу я мяч и с Марсова поля отправлюся в
баню.
Ем, но не жадно, чтоб лёгким весь день
сохранить мой желудок.
Дома потом отдохну [\[420\]](#).

Около 35 года был опубликован первый большой труд Горация — первая книга «Сатир», посвящённая Мecenату и содержащая 10 стихотворений. Вторая книга «Сатир» увидела свет в 30 году и включает в себя 8 произведений. Сам поэт именовал эти стихотворения «беседами» (*sermone*s).

Сатиры Горация в основном посвящены различным философским проблемам, а также особенностям сатирической поэзии как жанра^[421] и забавным происшествиям^[422]. В «философских» сатирах^[423] поэт морально обличает скупость, алчность, разврат, расточительство, зависть, сутяжничество, роскошь, тщеславие, чревоугодие, даже колдовство и, напротив, воспекает дружбу, добросердечие и сельскую жизнь; пишет он и о том, что надо довольствоваться малым, соблюдать во всём умеренность и держаться середины.

В 31—30 годах Гораций опубликовал свои знаменитые «Эподы» — сборник из семнадцати стихотворений, написанных ямбами. По своей направленности эподы Горация очень разные, но в большинстве своём содержат личные нападки на некоторых одиозных представителей римского общества, имена которых, безусловно, были известны публике^[424]. Кроме того, есть несколько «политических» эподов^[425], среди которых выделяются седьмой и шестнадцатый, ярко повествующие об ужасах гражданской войны. Гораций с тревогой обращается к соотечественникам и призывает их опомниться, сравнивая братоубийственную войну с безумием. Наконец, шесть эподов имеют лирический характер. Три из них посвящены Мecenату, а в остальных поэт говорит о любви, обращаясь к своим друзьям^[426].

Гораций писал эподы и сатиры на протяжении почти десяти лет, и эти годы были самыми сложными для

него. В своих произведениях поэт затронул особенно волновавшие его темы и отразил не только своё разочарование и недовольство жизнью после битвы при Филиппах, но и надежды на мир в будущем.

В 23 году Гораций издал поэтический сборник, состоящий из трёх книг лирических стихотворений, написанных в 30—23 годах. Этот сборник, по праву считающийся вершиной творчества поэта, объединяет 88 лирических стихотворений, которые сам Гораций называл «песнями» (*carmina*); лишь со временем за ними закрепилось название «оды» (от греческого слова «песня»). При создании од образцом для Горация служили не александрийские поэты, как для «неотериков», а древние греческие лирики, среди которых он особое внимание уделял произведениям Архилоха, Сапфо, Анакреонта, Алкея, Мимнерма и Пиндара. Четвёртая книга од, ставшая последней, увидела свет только через десять лет, в 13 году.

Оды Горация по тематике можно условно разделить на философско-нравственные^[427], религиозные^[428], политикоидеологические^[429], любовные^[430]. Некоторые оды адресованы близким друзьям и покровителям поэта — Мecenату^[431], Августу^[432], Азинию Поллиону^[433] и другим^[434].

Философско-нравственные оды посвящены поискам смысла жизни и обличению различных человеческих пороков. В религиозных одах воспеваются боги, а любовные оды в основном обращены к подружкам Горация. Среди политико-идеологических од выделяется глубоко символичная четырнадцатая ода первой книги, в которой поэт описывает терпящий бурю корабль, лишившийся вёсел и парусов. В виде корабля Гораций изображает Римскую республику, которую терзает бурное море, олицетворяющее политические страсти. По мнению поэта, только тихая гавань, где

необходимо укрыться кораблю, спасёт его от неминуемого крушения. В шести первых одах третьей книги (так называемых «римских» и посвящённых Августу) Гораций торжественно прославляет не только деяния императора, но и величие Римского государства в целом. Он говорит о духовном, религиозном и нравственном возрождении Рима, славит былую высокую нравственность и военную доблесть римской молодёжи.

Из стихотворений, адресованных друзьям поэта, следует выделить оду на смерть Квинтилия Вара — писателя и критика, друга Горация и Вергилия, скончавшегося около 24 года [\[435\]](#). В ней очень ярко описываются страдания Вергилия, оплакивающего смерть Вара:

Сколько слёз ни прольёшь, всё будет мало их —
Так утрата горька! Плачу надгробному,
Муза, нас научи: дар благозвучия
От отца получила ты.

Наш Квинтилий, увы! спит непробудным сном.
Канут в бездну века, прежде чем Праведность,
Честь и Верность найдут мужа, усопшему
В добродетелях равного.

Много честных сердец ранила смерть его;
Но, Вергилий, твоё ранено всех больней.
Тщетно молишь богов друга вернуть тебе,
Им любовно вручённого [\[436\]](#).

В 20 году была опубликована первая книга «Посланий», содержащая 20 стихотворений,

адресованных Меценату, близким друзьям и государственным деятелям. Поэт делится с ними своими мыслями, философскими воззрениями и взглядами на различные стороны жизни. При этом в первом же послании Гораций, обращаясь к Меценату, заявляет, что собирается прекратить заниматься поэзией:

Имя твоё, Меценат, в моих первых стихах, —
пусть оно же
Будет в последних! Своё отыграл я, мечом
деревянным
Я награждён, ты же вновь меня гонишь на ту же
арену.
Годы не те, и не те уже мысли! Веяний, доспехи
В храме Геракла прибыв, скрывается ныне в
деревне
С тем, чтоб народ не молить о пощаде у края
арены.
Часто мне кто-то кричит в мои ещё чуткие уши:
«Вовремя, если умён, ты коня выпрягай, что
стареет,
Так чтоб к концу не отстал он, бока раздувая,
всем насмех».
Вот почему и стихи, и другие забавы я бросил...
[\[437\]](#)

Но желанию Горация завершить свою поэтическую карьеру воспротивился сам Август, с которым поэта познакомил, очевидно, Меценат. Гораций настолько понравился Августу, что ещё в 25 году он задумал сделать его своим личным секретарём, о чём и сообщил в письме Меценату: «До сих пор я сам мог писать своим

друзьям; но так как теперь я очень занят, а здоровье моё некрепко, то я хочу отнять у тебя нашего Горация. Поэтому пусть он перейдёт от стола твоих паразитов к нашему царскому столу, и пусть поможет нам в сочинении писем»^[438]. Однако поэт тактично отверг это предложение, сославшись на своё некрепкое здоровье, а в действительности, вероятно, боясь окончательно потерять свою независимость. Август воспринял отказ Горация с пониманием и написал ему: «Располагай в моём доме всеми правами, как если бы это был твой дом: это будет не случайно, а только справедливо, потому что я хотел, чтобы между нами были именно такие отношения, если бы это допустило твоё здоровье». И в другом месте: «Как я о тебе помню, можешь услышать и от нашего Септимия, ибо мне случилось при нём высказывать моё о тебе мнение. И хотя ты, гордец, относишься к нашей дружбе с презрением, мы со своей стороны не отплатим тебе надменностью». Кроме того, по словам Светония, Август частенько «называл Горация чистоплотнейшим распутником и милейшим человечком, и не раз осыпал его своими щедротами»^[439].

По требованию Августа поэт вновь был вынужден обратиться к творчеству и сочинить «Юбилейный гимн» (или «Столетний гимн») богам для так называемых «Юбилейных (Столетних) игр» — пышного религиозного празднества, справлявшегося раз в 100 лет и намеченного на первые дни июня 17 года^[440]. Август желал, чтобы этот праздник запомнился римлянам надолго, поэтому приказал глашатаям призывать народ на игры, «каких никто не видал и никогда больше не увидит». Были проведены специальные приготовления, и, наконец, в ночь с 31 мая на 1 июня 17 года «Юбилейные игры» были открыты и продолжались затем три ночи и три дня. На третий день 27 девушек и

27 юношей из самых знатных римских семей, чьи родители были живы, исполнили торжественный «Юбилейный гимн», сочинённый Горацием. В нём поэт славил Аполлона и Диану и просил богов способствовать деторождению, плодородию земель, размножению скота, счастью и процветанию Римского государства.

В 14 году Гораций представил публике вторую книгу «Посланий». Она состоит всего из трёх стихотворений, адресованных соответственно Августу, поэту Юлию Флору и Пизонам (отцу и двум его сыновьям). Достаточно большое послание «К Августу», посвящённое старой и новой поэзии, написано в ответ на претензии императора, что в первой книге посланий Гораций ни разу не обратился к нему^[441]. У Светония сохранился отрывок письма обиженного Августа к Горацию: «Знай, что я на тебя сердит за то, что в стольких произведениях такого рода ты не беседуешь прежде всего со мной. Или ты боишься, что потомки, увидев твою к нам близость, сочтут её позором для тебя?»^[442] Получив же, наконец, стихотворное послание, умиротворённый Август ответил поэту шутивным письмом: «Принёс мне Онисий твою книжечку, которая словно сама извиняется, что так мала; но я её принимаю с удовольствием. Кажется мне, что ты боишься, как бы твои книжки не оказались больше тебя самого. Но если рост у тебя и малый, то полнота немалая. Так что ты бы мог писать и по целому секстарию, чтобы книжечка твоя была кругленькая, как и твоё брюшко»^[443].

Большое значение для мировой культуры имеет последнее послание, обращённое к Пизонам, которое впоследствии получило название «Искусство поэзии» (или «Наука поэзии»). В нём Гораций выступает как подлинный теоретик римского классицизма. Он

подробно излагает свои взгляды на поэтическое искусство, поочерёдно рассуждает о законах поэзии, о драме и о настоящем поэте^[444]. В конце своего произведения Гораций предостерегает:

...ужасен для всех поэт полоумный —
Все от него врассыпную, лишь по следу свищут мальчишки.
Ежели он, повсюду бродя и рыгая стихами,
Вдруг, как тот птицелов, что не впору на птиц загляделся,
Рухнет в яму иль ров, — то пускай он хоть лопнет от крика:
«Люди! На помощь! Скорей!» — никто и руки не поднимет.
Если же кто и начнёт спускать ему в яму верёвку,
Я удержу: «А что, если он провалился нарочно
И не желает спастись?» — и по этому поводу вспомню
Смерть Эмпедокла: «Поэт сицилийский, в отчаянной жажде
Богом бессмертным прослыть, хладнокровно в горящую Этну
Спрыгнул. Не будем лишать поэта права на гибель!
Разве не всё равно, что спасти, что убить против воли?
Это не в первый уж раз он ищет блистательной смерти, —
Вытащишь, кинется вновь: ему уж не быть человеком.
Кроме того, ведь мы и не знаем, за что он наказан
Страстью стихи сочинять? Отца ль осквернил он

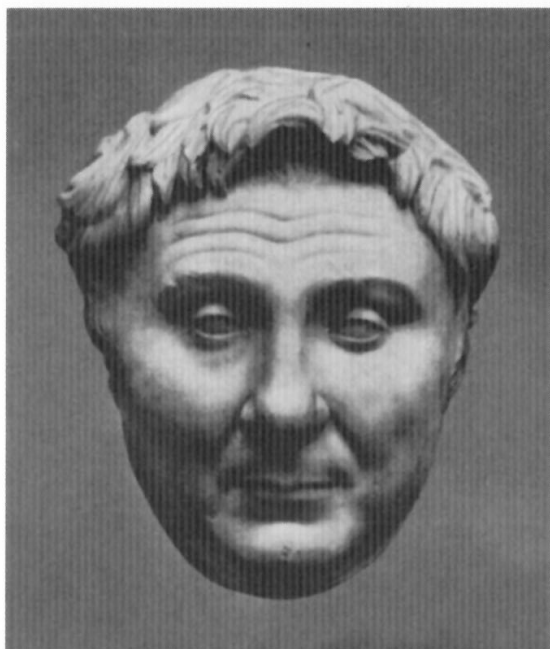
могилу,
Молнии ль место поправ, — но лютует он хуже
медведя,
Хуже медведя, что клетку взломал и ревёт на
свободе!»
Так от ретивых поэтов бегут и учёный и неуч;
Если ж поймает — конец: зачитает стихами до
смерти
И не отстанет, пока не насытится кровью,
пиявка [\[445\]](#).

Вергилий. Мозаика Монна. III — начало IV в. н. э.
Рейнский земельный музей

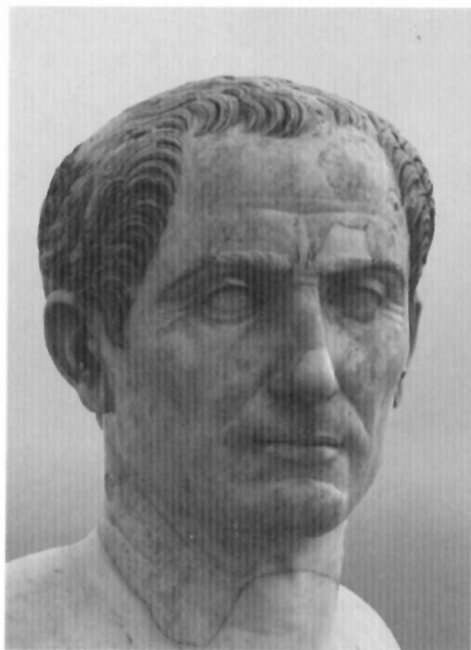

Гней Помпей Магн.
Бюст. Копенгаген.
Новая Карлсбергская
глиптоотека

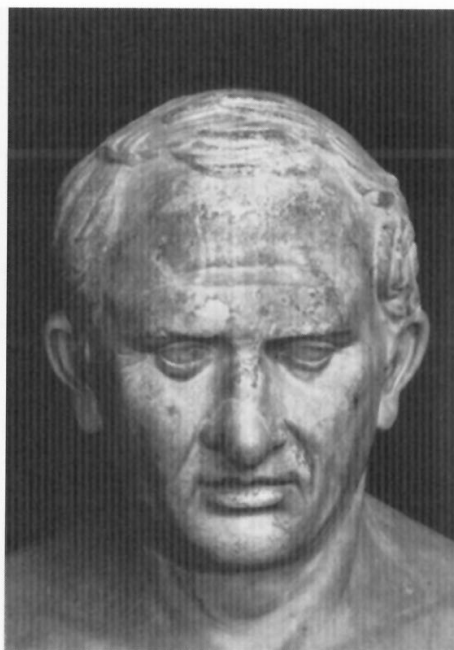
Вергилий. Мозаика.
Начало III в. н. э. Тунис.
Национальный музей

Гай Юлий Цезарь. *Бюст.*
II в. н. э. Неаполь. Национальный
археологический музей

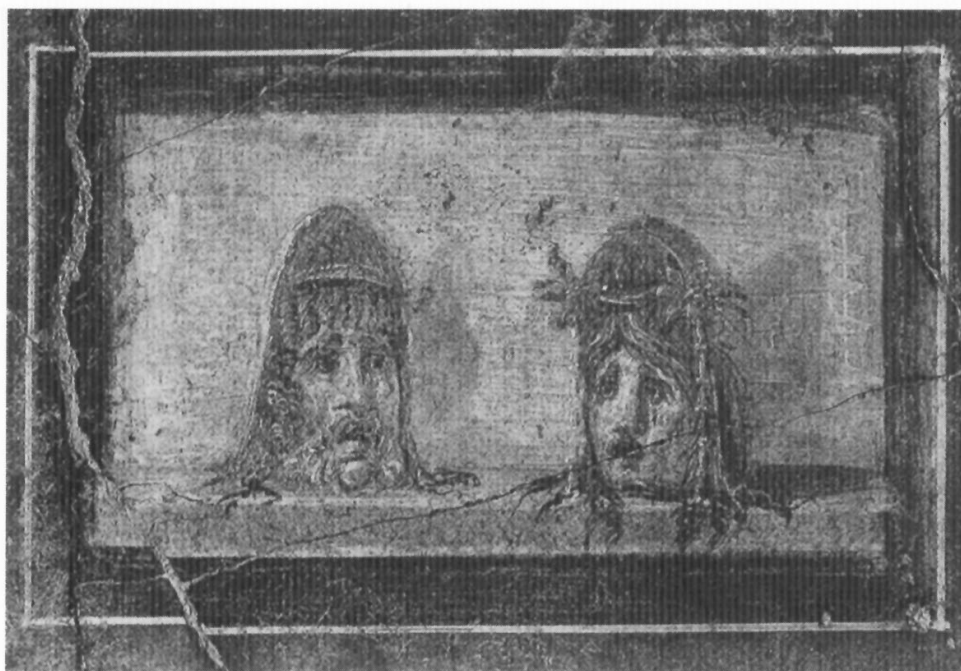

Марк Туллий Цицерон.
Бюст. Конец I в. до н. э. Рим

Римский форум. *Реконструкция*

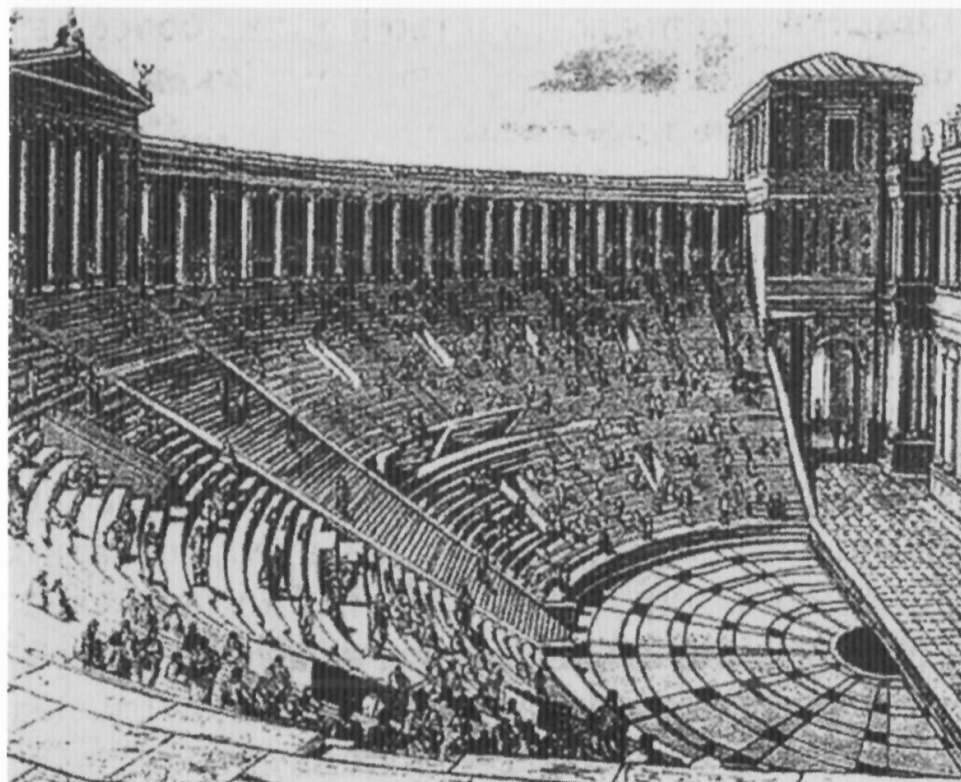

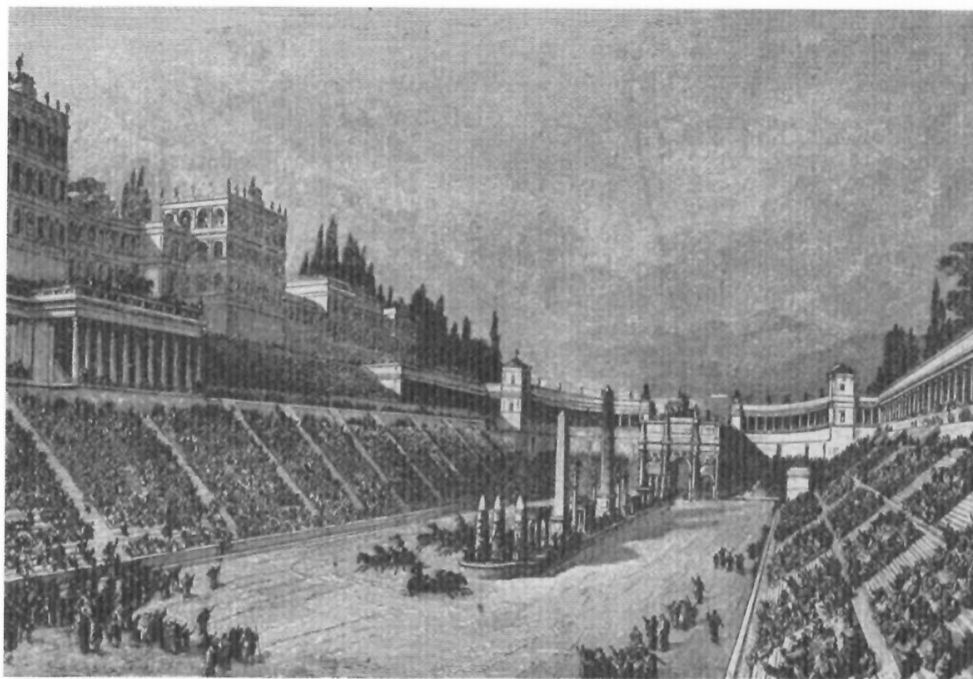

Театральные маски. Фреска. Помпеи

Театр Помпея. Реконструкция

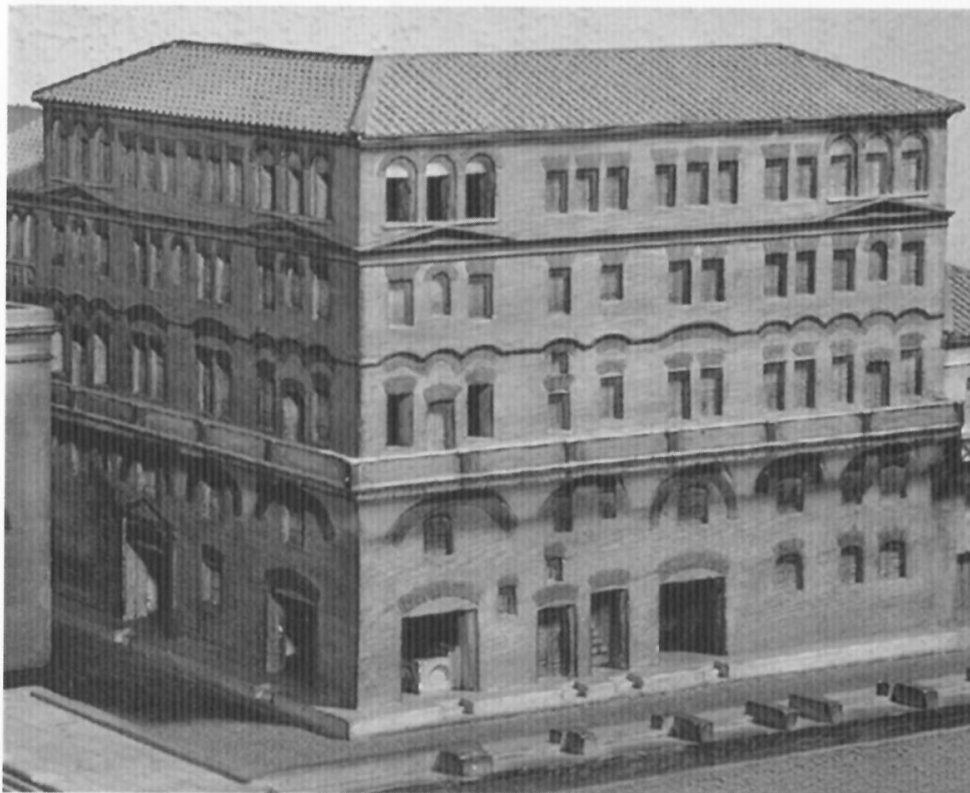

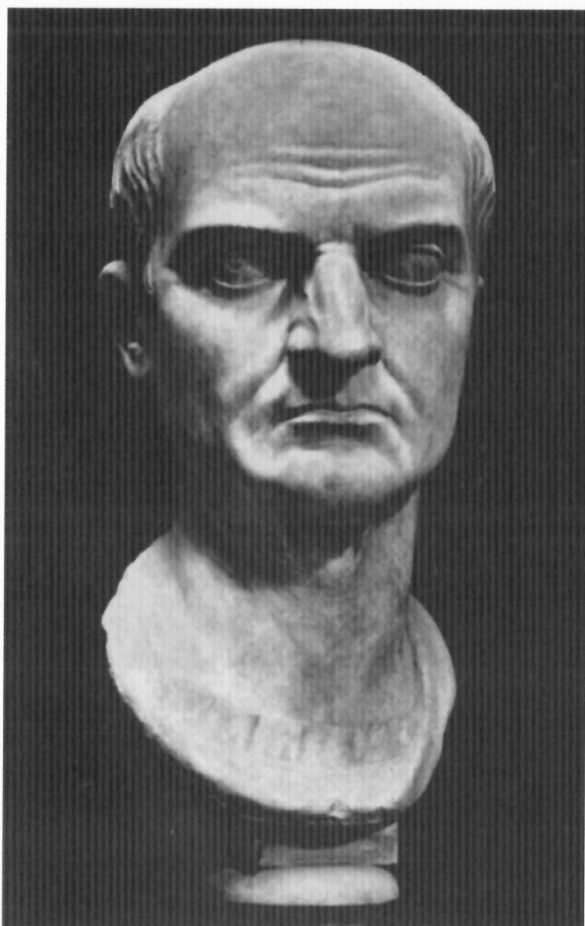
Большой цирк. *Реконструкция*

Инсула. II в. н. э. Остия. *Реконструкция*

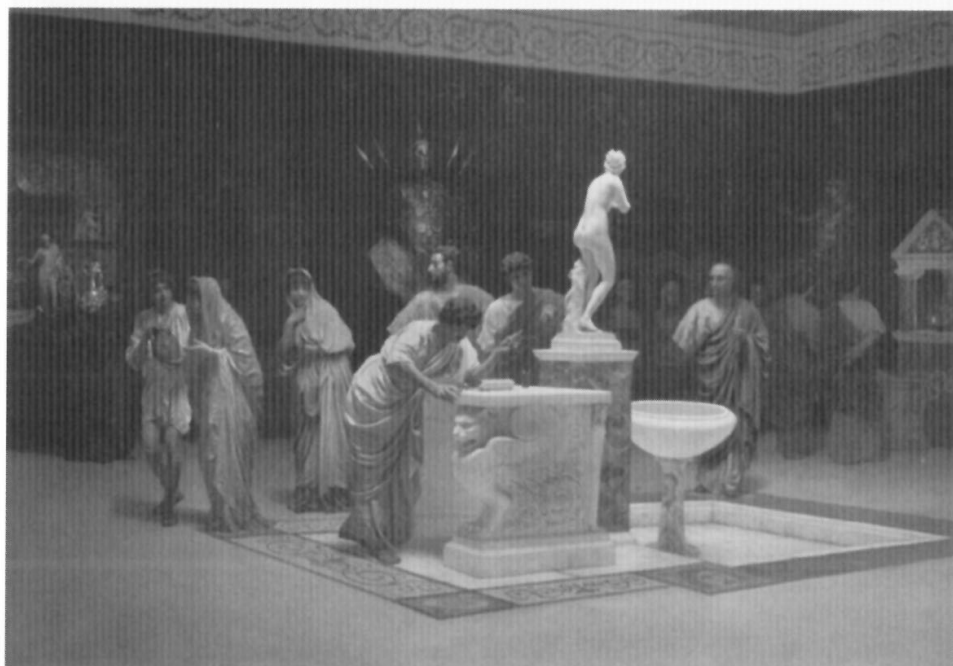

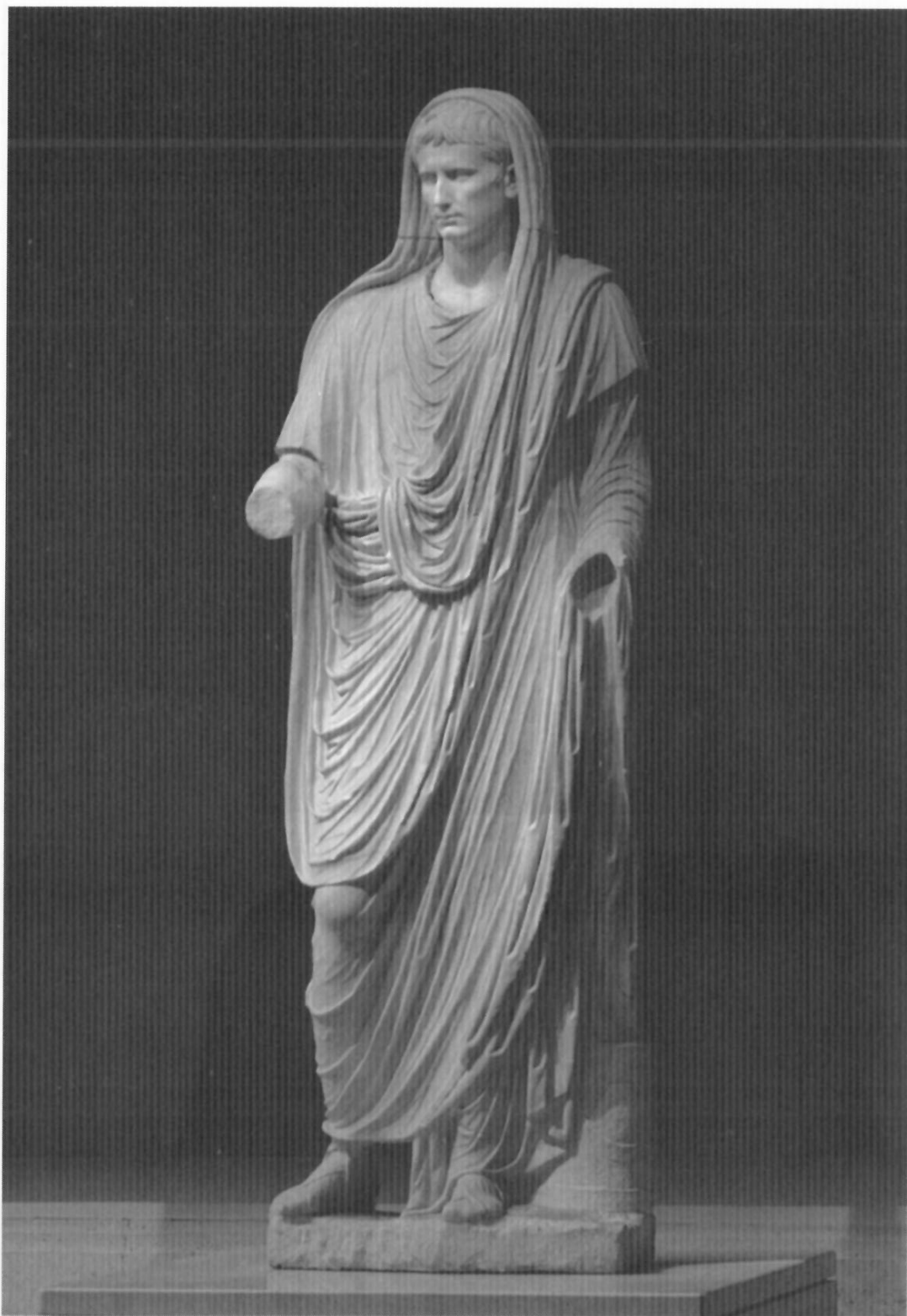

Гай Цильний Меценат.
Бюст. Рим

В приемной у Мецената.
Художник
С. В. Бакалович. 1890 г.

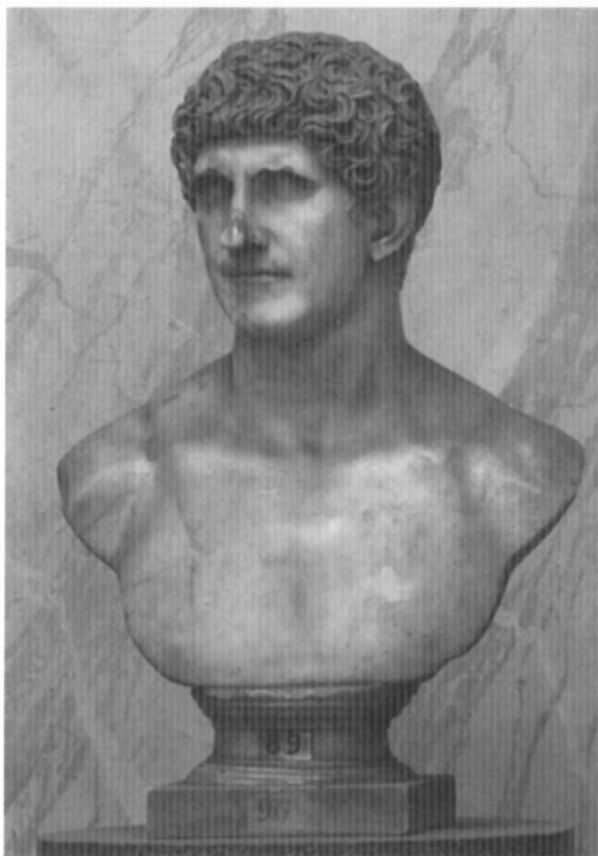

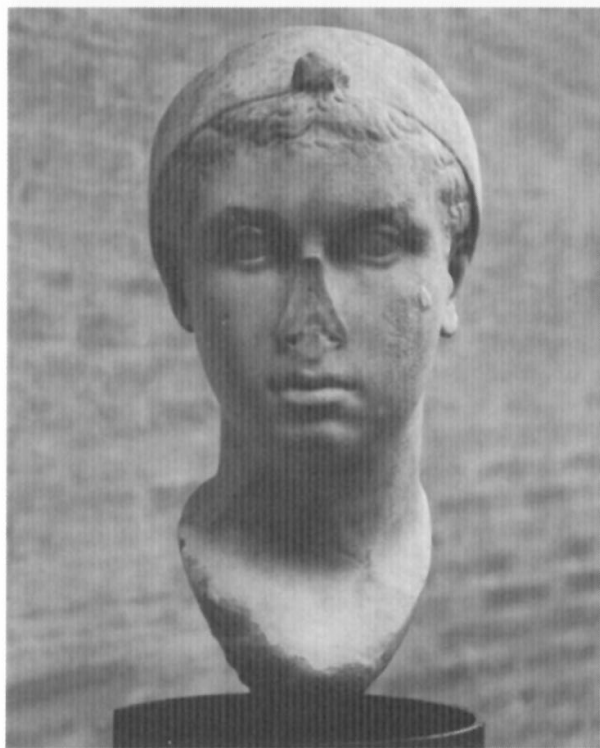

Октавиан Август. Статуя. Около 20 г. до н. э. Рим

Марк Антоний. Бюст.
Эпоха Флавиев. Рим

Клеопатра VII. Бюст.
40—30-е гг. до н. э. Рим

Гораций.
Медальон

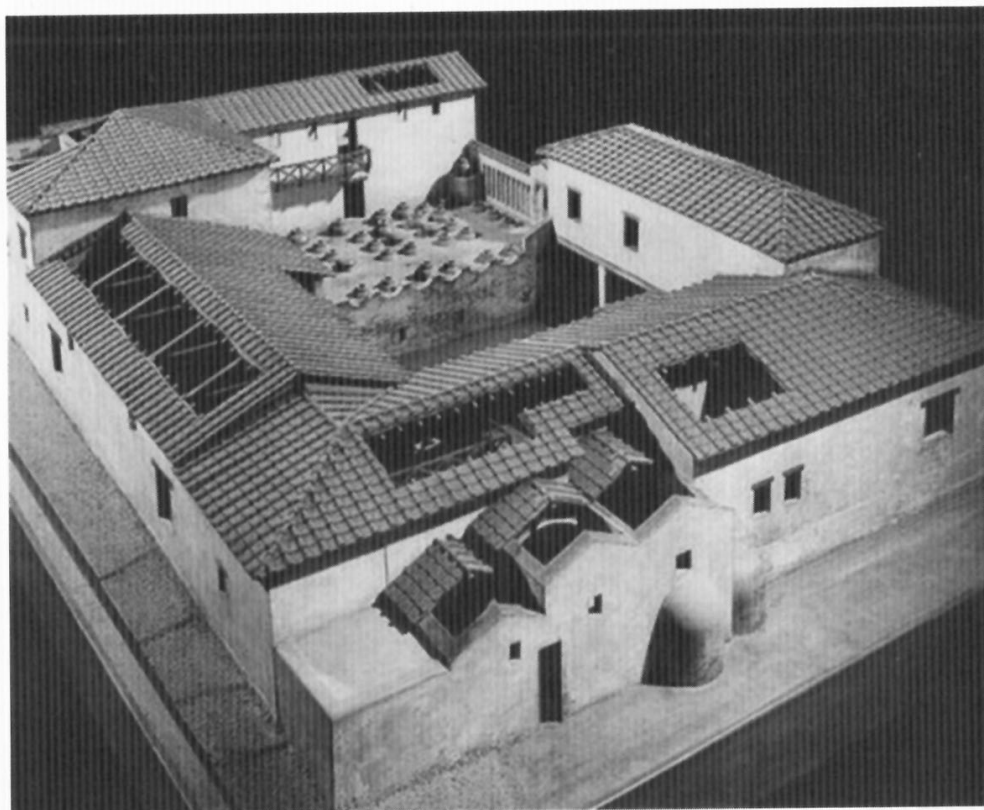

Гораций,
Вергилий
и Варий дома
у Мецената.
Художник
Ч. Джалаберта.
1867 г.

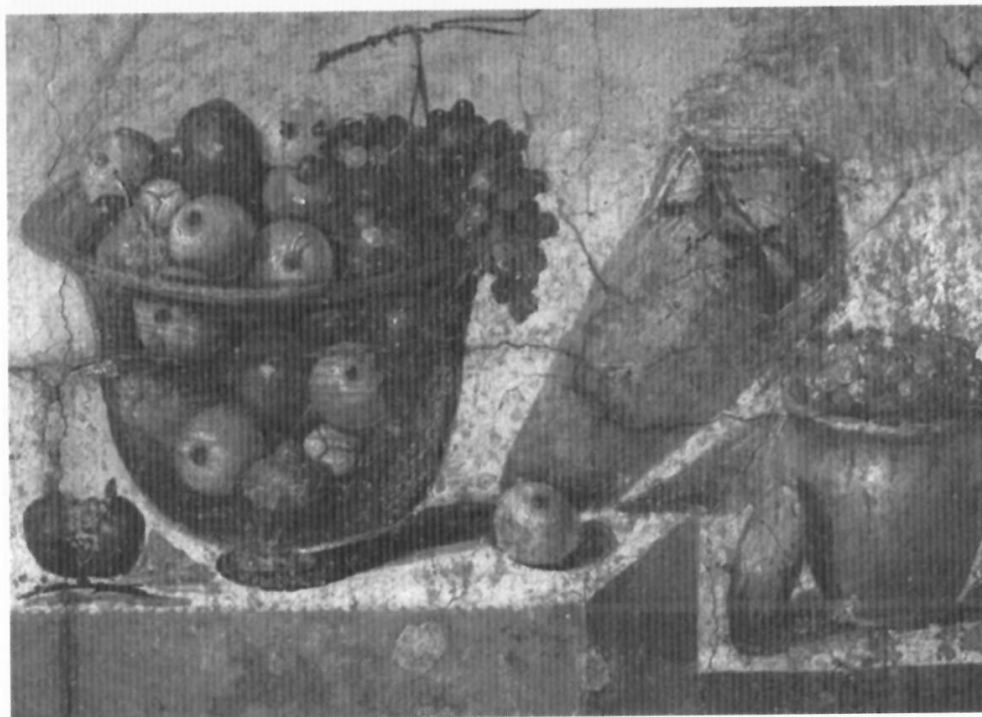

Римская сельская вилла. *Реконструкция*

Фрукты. *Фреска. Помпеи*

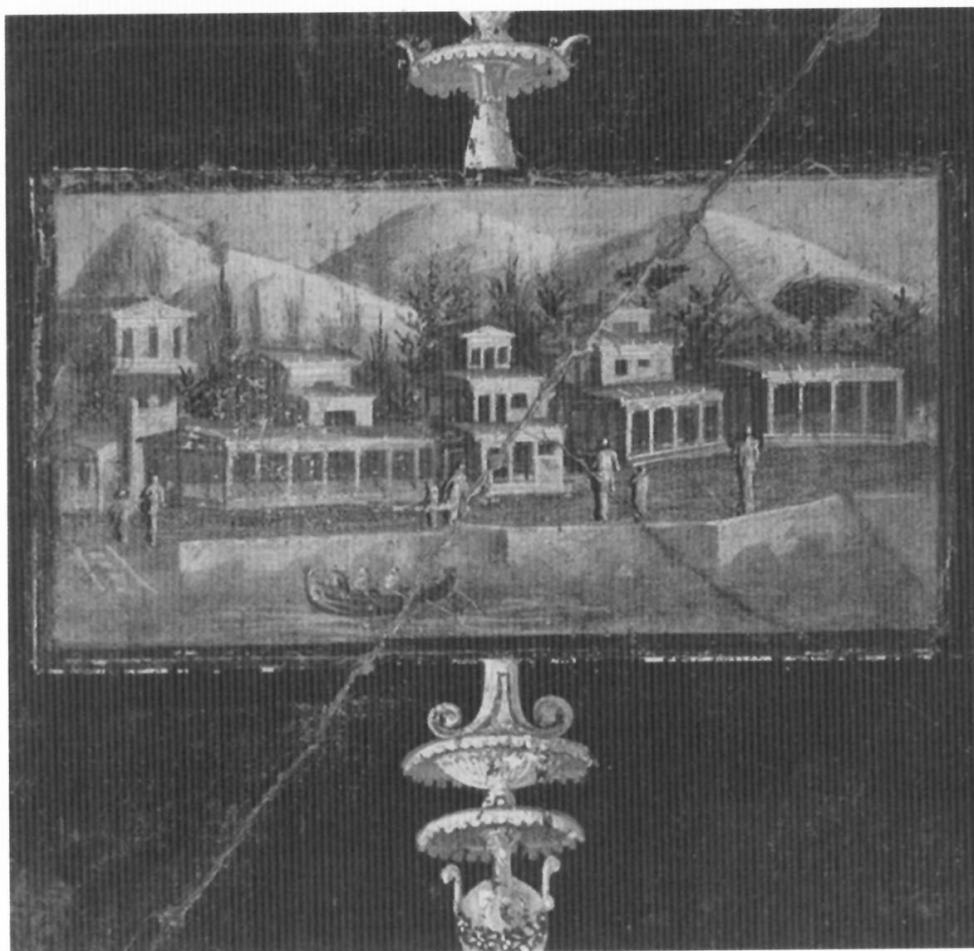
Цветы в саду.
Фреска. Помпеи

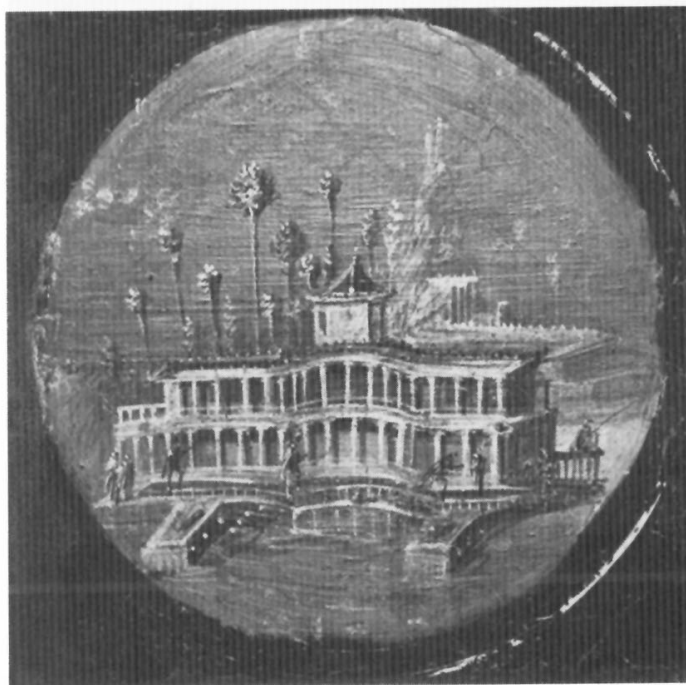
Морская фауна.
Мозаика. Помпеи

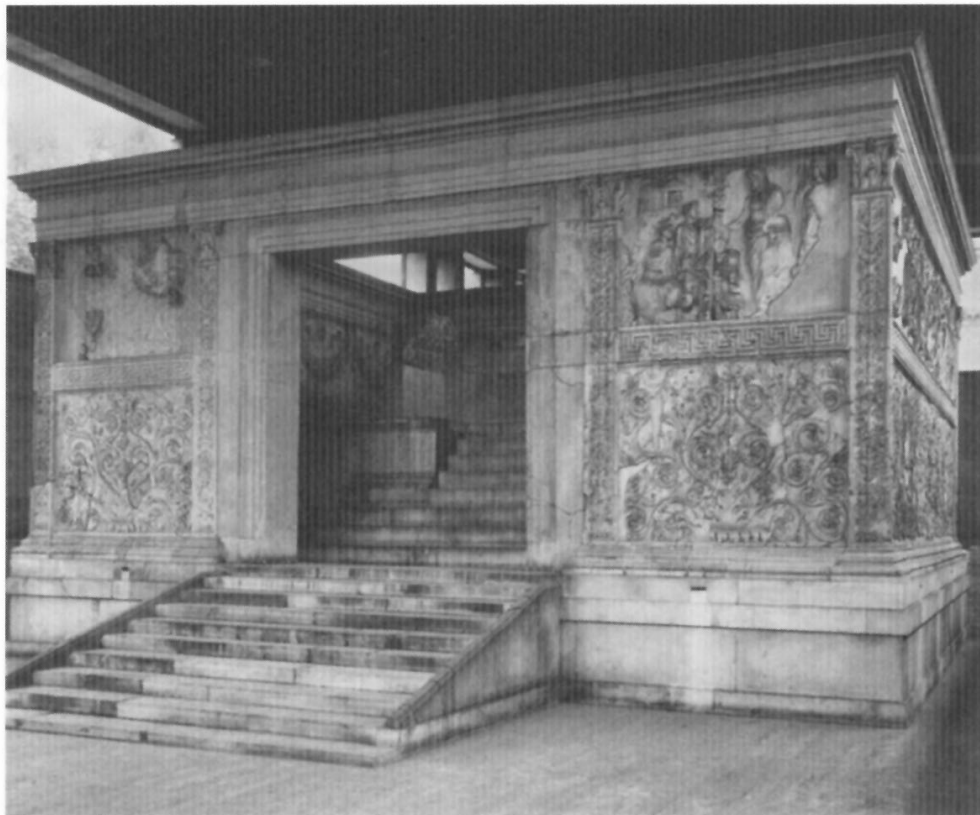

Пейзаж с виллой.
Фреска. Помпеи

Пейзаж с виллой.
Фреска. I в. н. э.
Стабии

Алтарь Мира. *Рим*

Италия в образе богини Земли. Алтарь мира. *Рим*

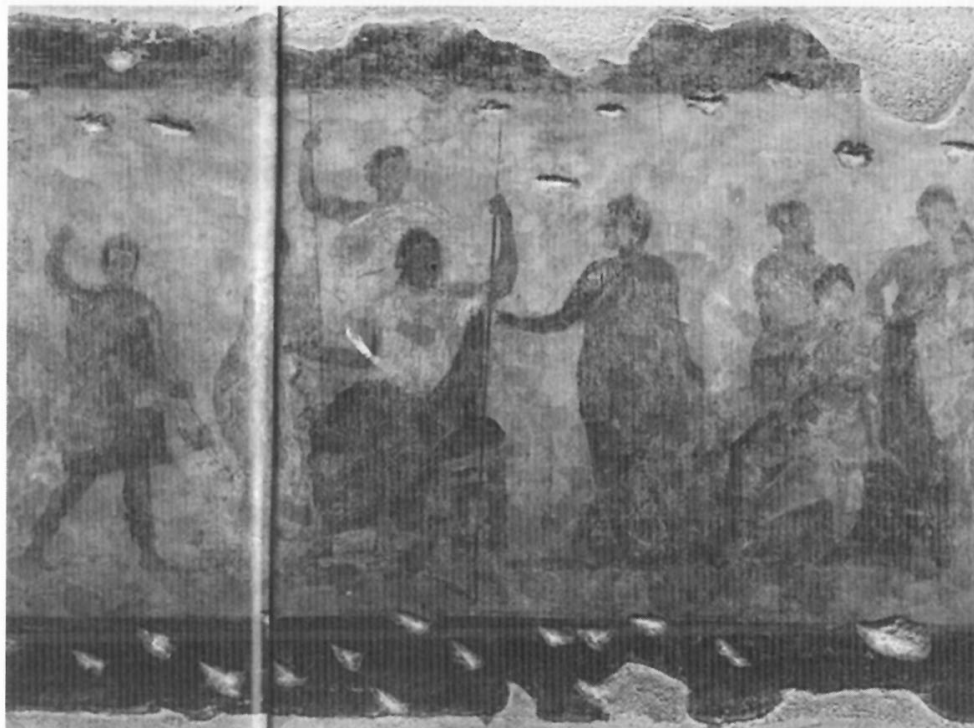

Вергилий, читающий Энеиду Августу и Октавии.
Художник А. Кауфман. 1788 г.

Сцена из цикла об Энее. Фреска из гробницы
вольноотпущенника Статилия Тавра. Рим

Троянский
конь.
Фреска.
Помпеи

Эней,
убегающий
из Трои
со своим
отцом
Анхизом
и сыном
Асканием.
Рельеф.
II в. до н. э.
Рим

Вергилий. Бюст. XX в. Дар американских студентов городу Неаполю

В 13 году Гораций опубликовал четвёртую книгу од. Она содержит 15 стихотворений, из которых четвёртое, пятое, четырнадцатое и пятнадцатое посвящены Августу и его приёмным сыновьям Тиберию и Друзу. При этом в четвёртом и четырнадцатом стихотворениях поэт воспекает военные победы этих юношей над племенами ретов и винделиков. Это были последние стихотворения Горация. За оставшиеся пять лет своей жизни поэт не написал ничего.

Гораций не создал семьи и на протяжении всей жизни оставался холостяком, жил в уединении, но при этом постоянно увлекался различными женщинами^[446]. О внешности поэта Светоний упоминает очень кратко: «...невысок и тучен»^[447]. Сам Гораций писал о себе так: «Малого роста, седой преждевременно, падкий до солнца»^[448]. В молодости же он имел пышные чёрные кудри^[449].

Долгие годы поэт поддерживал дружеские отношения с Меценатом, который отошёл в мир иной первым и, будучи на смертном одре, завещал Августу: «О Горации Флакке помни, как обо мне»^[450]. Сам Гораций лишь на два месяца пережил своего друга и, мучимый тяжёлой болезнью, скончался в пятый день до декабрьских календ, в консульство Гая Марция Цензорина и Гая Азиния Галла, то есть 27 ноября 8 года, на пятьдесят седьмом году жизни и был похоронен на Эсквилинском холме, рядом с гробницей Мецената^[451].

Произведения Горация, наряду с творениями Вергилия, начали изучать в школах уже вскоре после его смерти^[452]. Горацию подражали такие известнейшие поэты, как Персий, Ювенал, Марциал, Стаций и многие другие. Он пользовался очень большой популярностью и в древности, и в Средневековье. Благодаря этому практически все его стихотворения дошли до наших дней.

Ещё одним ярким представителем литературного кружка Мецената был лирический поэт Секст Проперций. Родился он около 50 года в области Умбрия^[453], в небольшом провинциальном городке Асизий (современный Ассизи). Семья его была довольно бедной, но знатной, очевидно, всаднической^[454]. При археологических раскопках в Ассизи были обнаружены развалины римского дома, стены которого украшены фресками с греческими стихами, в связи с чем некоторые учёные полагают, что это и есть отчий дом поэта. Отец Проперция умер рано, когда тот ещё был ребёнком, а мать он потерял в шестнадцатилетнем возрасте^[455]. Во время гражданской войны семья Проперция сильно пострадала. Так, в результате осады Перузии (современная Перуджа) погиб один из близких родственников Проперция — Галл, воевавший на стороне противника Октавиана, Луция Антония, брата Марка Антония^[456]. Более того, в результате конфискаций 41 года семья поэта лишилась значительной части своих сельскохозяйственных земель^[457]. Обездоленному Проперцию вместе с матерью пришлось покинуть Асизий и искать счастья в столице.

В Риме Проперцию удалось получить очень хорошее риторическое образование, необходимое для карьеры оратора и адвоката. Тем не менее он не стал делать карьеру в надежде разбогатеть, а, напротив, полностью отдался поэтическому творчеству. Весьма вероятно, что даже после конфискаций он оставался достаточно обеспеченным человеком, что позволяло ему жить в своё удовольствие.

Всего сохранилось четыре книги элегий Проперция. Первая книга, посвящённая таинственной красавице Кинфии, горячим поклонником которой являлся поэт, была опубликована в 28 году. Полагают, что Кинфия —

это псевдоним, происходящий от названия посвящённой богу Аполлону горы Кинф на острове Делос, а настоящее же имя красавицы было Гостия^[458]. Судя по намёкам Проперция, это была не гетера, не вольноотпущенница, не женщина лёгкого поведения, а свободная, незамужняя, образованная и довольно притягательная женщина. Она прекрасно пела и танцевала, умела играть на музыкальных инструментах и даже сочиняла стихи^[459]. Многие мужчины безуспешно преследовали её и домогались её любви, но обилие соперников нисколько не охладило пыл Проперция. Напротив, страдая от чрезвычайно капризного и непостоянного характера Кинфии, от её беспричинной ревности и многочисленных измен, поэт продолжал горячо любить её на протяжении пяти лет, почти до самой её смерти. В своих элегиях он практически всё внимание сосредоточил на любовных переживаниях, на терзаниях ревности, на своей мучительной страсти к Кинфии. Любовь к этой женщине стала для Проперция смыслом жизни, её главным стержнем, на котором основывалось всё остальное, источником подлинного поэтического вдохновения. «Мне ж ни другую любить, ни от этой уйти невозможно: / Кинфия первой была, Кинфия — это конец», — восклицал Проперций^[460].

Первая книга элегий содержит 22 стихотворения, из которых 8 непосредственно обращены к Кинфии^[461], а остальные — к друзьям поэта. Так, в первой, шестой, четырнадцатой и двадцать второй элегии Проперций обращается к своему другу Туллу, племяннику консула 33 года Луция Волкация Тулла; в четвёртой — к ямбическому поэту Бассу; в седьмой и девятой — к эпическому поэту Понтику; в пятой, десятой, тринадцатой и двадцатой — к другу Галлу; в двенадцатой — к безымянному другу. Тем не менее

даже в тех элегиях, которые обращены к друзьям, Проперций всё равно продолжает говорить о своей любви к Кинфии. Лишь в шестнадцатой элегии повествование ведётся от лица двери, которая служит препятствием для неудачливых поклонников, а двадцать первая и двадцать вторая элегии посвящены теме гражданской войны.

Первая книга элегий Проперция имела большой успех среди римской читающей публики. Его элегии отличались пылкостью, порывистостью и страстностью, были проникнуты всепоглощающей горячей любовью, отрешённостью от повседневных забот и волнений. Среди писателей, которым он во многом следовал, — «александрийские» поэты Каллимах и Филет. Подражая им, Проперций включал в своё повествование редкие мифологические сюжеты, что делало его в глазах римлян «учёным» поэтом.

Успех любовных элегий молодого поэта привлёк к нему внимание Мecenата, который, вероятно, в 27 году ввёл его в круг своих ближайших друзей. Благодаря Мecenату Проперций обосновался в небольшом доме на Эсквилинском холме^[462], очевидно, близ дворца своего высокого покровителя. Поэт познакомился с членами литературного кружка Мecenата, но подружился лишь с Вергилием, о творчестве которого с восторгом отзывался впоследствии^[463].

Мecenат предложил Проперцию прославить в стихах Римское государство или создать эпос о подвигах Августа, но получил поэтический отказ. Поэт заявил, что единственным его призванием является любовная поэзия:

Будь мне дано, Мecenат, судьбою столько таланта,
Чтобы героев толпу мог я на брани вести,

Я не Титанов бы пел, не Оссу над вышним
Олимпом,
Не взгромождённый над ней путь к небесам —
Пелион,
Древних не пел бы я Фив, ни Трои, Гомеровой
славы,
Не вспоминал бы, как Ксеркс слиться двум
водам велел
Или как царствовал Рем, не пел бы высот
Карфагена,
Мария доблестных дел, кимвров свирепых угроз:
Цезаря я твоего труды восхвалял бы и войны,
Ну, а за Цезарем вслед ты был бы мною воспет.
...
Ни у меня нету сил в груди, чтоб стихом
величавым
Цезаря славить в ряду предков фригийских его!
Пахари всё о волах, мореход толкует о ветрах,
Перечисляет солдат раны, пастух же — овец;
Я же всегда говорю о битвах на узкой постели:
Кто в чём искусен, пускай тем и наполнит свой
день [\[464\]](#).

Тем не менее Меценат не оставлял своих попыток уговорить поэта, и поэтому во второй книге элегий, сочинённых Проперцием в 26—24 годах, уже заметно движение к расширению тематики. Например, в десятой элегии поэт впервые восхваляет Августа и даёт торжественное обещание изменить жанр своих произведений:

На Геликоне пора нам иные слагать песнопенья
И гемонийских коней выпустить в поле пора.

Любо мне вспомнить теперь могучую конницу в
битвах,
Любо мне римский воспеть лагерь вождя моего.
Если не хватит мне сил, наверное будет
похвальна
Смелость: в великих делах дорог дерзанья
порыв.
Пусть молодёжь воспевает любовь, пожилые —
сраженья:
Прежде я милую пел, войны теперь воспою [\[465\]](#).

Всего вторая книга содержит 34 элегии, из которых 23 посвящены Кинфии [\[466\]](#), а остальные обращены к Меценату, к поэту Линкею, к друзьям, к богам Амуру, Юпитеру и Персефоне [\[467\]](#). Однако по сравнению с первой книгой тон элегий, посвящённых Кинфии, несколько меняется. Теперь поэт часто упрекает свою любимую в неверности и непостоянстве, жалуется на страдания и боль, которые она причиняет ему. При этом не только Кинфия изменяет Проперцию, но и сам он сходится с другими женщинами. Они бесконечно ругаются и мирятся.

Обещание поэта «петь войны» и славить подвиги Августа осталось невыполненным. Проперций не стал эпическим поэтом и упорно продолжал воспевать Кинфию, признавая, что не в силах что-либо сделать с собой, поскольку целиком охвачен жгучей страстью и опьянён любовью. Тем не менее, поскольку уговоры Мецената сочинить эпос об Августе становились, вероятно, всё более настойчивыми, Проперций в третьей книге элегий, созданных в 23—22 годах, лукаво заявляет, что бог Аполлон как покровитель искусств запрещает ему становиться эпическим поэтом, а муза

поэзии Каллиопа прямо велит сочинять только лирические стихотворения:

«Впредь будь доволен ездой на своих лебедях
белоснежных!
Дерзкое ржанье коня пусть не влечёт тебя в
бой!
Хриплым рожком выводить не берись ты
морские сигналы,
С Марсом не тщись обагрять рощу святых Аонид
Или поля прославлять, где Мария видны
знамёна,
Где победительный Рим войско тевтонов
громит,
Петь, как варварский Рейн, насыщенный кровию
свевов,
Мчит в своих скорбных волнах груды
израненных тел.
Впредь влюблённых ты пой в венках у чужого
порога,
Изображай ты хмельных, бегство их ночью
глухой, —
Чтобы узнал от тебя, как выманивать песнями
женщин
Тот, кто ревнивых мужей хочет искусством
сражать»[\[468\]](#).

В девятой элегии третьей книги поэт вновь отказывается восхвалять Августа, ссылаясь на недостаток таланта, и обращается к Меценату с упрёком, что тот сам, будучи ближайшим другом императора, избегает славы и почёта [\[469\]](#).

Тем не менее в целом в третьей книге элегий поэт уделяет внимание не только своей любви к Кинфии, но и другим сюжетам. Из двадцати пяти стихотворений этой книги Кинфии посвящены только десять^[470], а остальные касаются различных мифологических, исторических и бытовых сюжетов^[471] или обращены к Меценату и друзьям^[472]. Любовь поэта к Кинфии постепенно угасает, и тон обращённых к ней элегий теряет свою чувственность и страстность.

По содержанию третьей книги видно, что характер творчества Проперция постепенно меняется, и он начинает обращаться к «официальным» сюжетам. Так, например, четвёртая элегия повествует о будущих военных подвигах Августа. Поэт именует императора богом и упоминает о его предках — богине Венере и Энее. Одиннадцатую элегию третьей книги Проперций посвящает женщинам и их власти над мужчинами. При этом основное внимание он уделяет борьбе Рима против царицы Клеопатры и восхвалению военных побед Августа. Двенадцатая элегия рассказывает о любви римлянки Галлы к своему мужу Постуму, отправившемуся в дальний военный поход. Поэт восхваляет супружескую верность, что можно рассматривать как отклик на семейную политику императора. Восемнадцатую элегию Проперций специально посвящает памяти скончавшегося в 23 году в курортном городе Байи юного Марцелла, племянника, зятя и приёмного сына Августа, смерть которого оплакивали все римляне.

Последняя, двадцать пятая элегия третьей книги — самая патетическая. Она посвящена полному разрыву отношений с Кинфией. Поэт заявляет, что отрекается от своей бывшей возлюбленной, поскольку из-за неё пережил слишком много страданий и разочарований:

Сил у меня набралось пять лет прослужить тебе
верно:

Ногти кусая, не раз верность помянешь мою.

Слёзы не тронут меня: изведаль я это искусство,

—

Ты, замышляя обман, Кинфия, плачешь всегда.

Плачу и я, уходя, но слёз сильнее обида.

Нет, не желаешь ты в лад нашу упряжку
влачить!

Что же, прощайте, порог, орошённый слезами
молений,

Гневной рукою моей всё ж не разбитая дверь.

Но да придавит тебя незаметными годами
старость,

И на твою красоту мрачно морщины падут!

С корнем тогда вырывать ты волосы станешь
седые —

Но о морщинах тебе зеркало будет кричать!

Будешь отверженной ты такое же видеть
презрение

И о поступках былых, злая старуха, жалеть [\[473\]](#).

Последняя, четвёртая книга элегий Проперция вышла в свет около 16 года. Эту книгу в основном составляют так называемые «римские элегии», излагающие древнейшие римские сказания и мифы. Наконец-то, как и хотел этого Меценат, Проперций отходит от чисто любовной поэзии, серьёзно расширяет тематику и даже пытается создать новый жанр римской поэзии — этиологическую элегию, то есть исследующую и раскрывающую причины или происхождение чего-либо. Поэт старается в стихотворной форме объяснить происхождение некоторых древних римских названий и рассматривает некоторые сюжеты из истории и

мифологии Рима, что отвечало интересам и политике императора, стремившегося к возрождению древних доблестей и религиозного благочестия.

В четвёртую книгу, состоящую из одиннадцати элегий, в основном вошли так называемые «римские элегии»^[474], излагающие древнейшие римские сказания и легенды, например о происхождении древнего божества Вертумна, о происхождении названия Тарпейской скалы, о возникновении святилища Юпитера Феретрия, о борьбе Геркулеса с великаном Каком. Торжественная шестая элегия посвящена годовщине победы Августа при Акции и освящению храма Аполлона на Палатине. Третья элегия вновь поднимает тему супружеской верности, а пятая, напротив, обличает сводничество.

Одиннадцатая элегия четвёртой книги считается одной из самых знаменитых и представляет собой монолог рано умершей падчерицы Августа — Корнелии Сципионы (48—18), дочери Скрибонии, обращённый к её мужу Павлу Эмилию Лепиду и детям. Проперций с потрясающим искусством раскрывает перед читателями всю силу супружеской и материнской преданности, столь высоко ценимую императором.

В память о былой любви к Кинфии Проперций посвятил ей две элегии четвёртой книги. Самая грустная и проникновенная из них — седьмая. В 20-м или 19 году Кинфия внезапно умерла, и поэт счёл своим долгом посвятить её кончине элегию, в которой описывает, как глубокой ночью к нему является призрак бывшей возлюбленной. Кинфия начинает корить Проперция за то, что он позабыл её, не подготовил погребальный обряд, просит сжечь все стихи, посвящённые ей, и под конец мрачно предрекает: «Ты отдавайся другим: но я скоро тобой завладею, / Будешь со мной, твой костяк кости обнимут мои»^[475]. Эти

страшные слова Кинфии оказались пророческими — в 15 году поэт безвременно покинул сей мир.

После смерти Проперция его элегии продолжали пользоваться большой популярностью в римском обществе. Об этом свидетельствуют как настенные надписи, например в Помпеях, содержащие отрывки из его стихов, так и то влияние, которое он оказал на всех последующих римских поэтов. Овидий ставил Проперция на третье место в ряду великих римских поэтов-элегиков после Катулла и Тибулла, гордился знакомством с ним и писал: «Мне о любовном огне читал нередко Проперций, / Нас равноправный союз дружбы надолго связал»^[476]. Поэт Марциал называл Проперция «игривым» и «речистым»^[477].

Старейшим членом кружка Мецената был Луций Варий Руф (около 74—15), прославившийся как крупный эпический поэт своей эпохи^[478]. «Пламенный Варий ведёт величавый рассказ в эпосе, / Равных не зная себе», — писал Гораций^[479]. Широкую известность Варию принесла замечательная поэма «О смерти», посвящённая трагической гибели Гая Юлия Цезаря. Мелкие фрагменты из этой поэмы сохранились у Макробия:

Продал сей Латий чужим инородцам, пашни
квиритов

Отнял; устанавливал и сменял за плату законы.

...

Чтобы на пурпуре спать и пить из тяжёлого
злата.

...

Тот его укротитель, с гибким кнутом, не
пускает,

Если он хочет бежать, но, взнузданного

усмиряя,
Учит полем скакать и объезжает неспешно.

...

Будто гортинский пёс, лесной долиной бегущий,
Если оленя он старого лёжку выследить смог,
Злится, что пусто там, и с лаем следом несётся;
Запахи тонкие он настигает в воздухе чистом.
Ни ручьи ему не мешают, ни крутизна
Гор, и не думает он от поздней ночи
укрыться^[480].

Кроме того, Варий сочинил «Панегирик Августу», также получивший большую известность; две сохранившиеся строки из него можно найти у Горация:

Больше ль желает народ тебе счастья иль сам
ты народу,
Пусть без решенья вопрос оставит Юпитер,
хранящий
Град и тебя...^[481]

Даже после издания «Энеиды» Вергилия Варий продолжал считаться крупнейшим эпическим поэтом своего времени и пользовался особым благоволением Августа^[482]. После смерти Вергилия Варий написал историю его жизни, которая, к сожалению, не дошла до нас^[483]. Известен был Варий и как замечательный драматург^[484]. Его трагедия «Фиест», впервые представленная зрителям в 29 году на играх, устроенных Августом в честь победы при Акции, имела столь большой успех, что автор получил в награду

миллион сестерциев. К сожалению, из всей трагедии сохранились лишь слова героя Атрея: «Уже замышляю злодеяние, уже совершить понуждаюсь!»^[485]. С Вергилием и Горацием Бария связывали крепкие узы дружбы^[486].

Домиций Марс (I век до н. э.), младший современник Вергилия, тоже вращался в кружке Мецената^[487]. Как и поэт Гораций, он учился в школе грамматика Орбилия. Марс был известен в основном как талантливый сочинитель эпиграмм на злобу дня^[488]. Его перу принадлежали сборник эпиграмм «Цикута» и ещё ряд не дошедших до нас произведений, в том числе большая эпическая поэма об амазонках — «Амазонида», сборник любовных элегий «Меланида» и трактат «Об изяществе»^[489]. К сожалению, из всего творческого наследия Марса сохранились лишь две эпиграммы: «На Бавия» и «На смерть поэта Тибулла». В последней, наряду с Тибуллом, поэт оплакивает и Вергилия, поскольку оба поэта скончались в 19 году:

В край Елисейских полей тебя, молодого
Тибулла,
Вместе с Вергилием смерть злобной рукой
увела.
Чтобы отныне никто не оплакивал страсти
любовной
Или походы вождей мощным не славил
стихом^[490].

Гай Меценат Мелисс (? — 4), вольноотпущенник Мецената и талантливый комедиограф, прожил необычную и удивительную жизнь. По сообщению

историка Светония, «Гай Мелисс из Сполеция был свободнорождённым, но его родители, поссорившись, подкинули его. Стараниями и заботой воспитателя он приобрёл глубокие знания и был подарен Меценату в качестве грамматика. Когда он увидел, что Меценат к нему благоволит и относится дружески, то, хотя мать и признала его, он остался в рабстве, предпочитая настоящее своё положение тому, какое следовало ему по происхождению. За это он вскоре был отпущен на волю и даже вошёл в доверие к Августу. По распоряжению Августа он принял на себя приведение в порядок библиотеки в портике Октавии. На шестидесятом году, по его собственным словам, он решил сочинить книжки «Безделок», которые теперь называются «Шутками», и составил их сто пятьдесят, а впоследствии прибавил к ним и новые, различного содержания»^[491]. Кроме того, Мелисс считался создателем национальной комедии «трабеаты» (комических сценок из всаднической жизни)^[492] и до самой старости пользовался всеобщим уважением.

Гай Вальгий Руф (I век до н. э.), поэт и прозаик, консул-суффект 12 года, находился в дружеских отношениях с Меценатом и Горацием^[493]. Последний посвятил ему одну из своих од, в которой призывал Вальгия воспеть в стихах подвиги Августа^[494]. Помимо элегий, эпиграмм и буколических стихотворений Вальгий написал несколько работ, посвящённых вопросам грамматики, а также трактат о лекарственных травах^[495]. Будучи учеником знаменитого ритора Аполлодора Пергамского, он перевёл его сочинения на латинский язык^[496]. От произведений Вальгия дошли лишь жалкие отрывки.

Марк Плотий Тукка (I век до н. э.) был близким другом Вергилия, Вария и Горация^[497]. К сожалению, о его жизни и творчестве ничего не известно. После

смерти Вергилия Август поручил Тукке и Варию подготовить к изданию «Энеиду»^[498].

Известно также, что в литературный кружок Мecenата в разное время входили критик Квинтилий Вар, поэт Аристий Фуск, комедиограф Фунданий и ритор-грек Гелиодор^[499].

Глава третья
«РАЗНЫЕ ОСЕНЬ ПЛОДЫ
РОНЯЕТ С ВЕТВЕЙ...»

Противостояние

После заключения Брундизийского договора в 40 году римлянам казалось, что наконец-то они обрели долгожданный мир и покой. Однако Секст Помпей разрушил их грёзы, усилив нападения на Италию со своим флотом и практически полностью лишив Рим хлебных поставок. В городе начались волнения, и однажды толпа римлян даже попыталась забросать камнями Антония и Октавиана. В этой сложной ситуации триумвиры приняли решение вступить в переговоры с Секстом Помпеем и летом 39 года встретились с ним у Мизенского мыса.

Было заключено соглашение, по которому Секст Помпей сохранял власть над Сицилией, Сардинией и Корсикой, а также на пять лет получал Пелопоннес и компенсацию за конфискованное имущество его отца. Более того, ему было обещано консульство. Все, кто сражался на его стороне, в том числе проскрибированные и рабы, получали полное прощение и свободу. Взамен Помпей обязался обеспечивать Рим хлебом, не нападать на Италию и не укрывать беглых рабов^[500].

После примирения было решено устроить пир, и Помпей гостеприимно принял триумвиров на своём флагманском корабле. Плутарх пишет, что «в самый разгар угощения, когда градом сыпались шутки насчёт Клеопатры и Антония, к Помпею подошёл пират Мен (Менодор. — М. Б.) и шепнул ему на ухо: «Хочешь, я обрублю якорные канаты и сделаю тебя владыкою не Сицилии и Сардинии, но Римской державы?» Услыхав эти слова, Помпей после недолгого раздумья отвечал: «Что бы тебе исполнить это, не предупредивши меня,

Мен! А теперь приходится довольствоваться тем, что есть, — нарушать клятву не в моём обычае»»^[501].

Однако Мизенский мир продлился совсем недолго. Уже весной 38 года вновь начались склоки между триумвирами и Помпеем, который продолжал принимать в своё войско беглых рабов и активно мешать снабжению Рима зерном. Не вынеся вздорного характера Скрибонии, родственницы Помпея, Октавиан развёлся с ней и затем женился на Ливии Друзилле. Всем было ясно, что война неизбежна в самое ближайшее время.

И это время пришло, когда на сторону триумвиров перешёл уже упоминавшийся Мен (или Менодор), один из пиратов Секста Помпея. Он передал Октавиану не только корабли, имевшиеся у него, но и контроль над Корсикой и Сардинией^[502]. На очереди была Сицилия. Собрав свой флот, присоединив к нему корабли Менодора, Октавиан объявил войну Сексту Помпею.

Летом 38 года Октавиан неоднократно пытался нанести поражение Помпею и лишить его господства на море, но удача отвернулась от него, и он потерял почти все свои корабли. В итоге Октавиан благоразумно отказался от командования флотом, передав его своему другу Марку Випсанию Агриппе. Он также приказал Агриппе построить несколько десятков мощных военных кораблей, для чего тот даже специально основал новый порт близ Кум. Самым подходящим местом для стоянки судов Агриппа посчитал Авернское озеро и соединил его глубоким каналом с Лукринским озером и Путеоланским заливом (современный залив Поццуоли). Новый порт был назван «Юлиев» (*Portus Iulius*) в честь рода Юлиев, к которому принадлежал Октавиан. Кроме того, Октавиан обратился за помощью к Антонию и в сентябре 38 года специально направил к нему в Афины Мецената для переговоров^[503].

Весной 37 года, в соответствии с заключёнными в Афинах договорённостями, Антоний прибыл в Италию с тремя сотнями кораблей и пристал в порту Тарента. Однако Октавиан к этому времени уже накопил силы для борьбы с Помпеем и охладел к своему союзнику. Между триумвирами начал назревать новый конфликт, но ситуацию уладила Октавия, примирив брата с мужем. После успешных переговоров в Таренте Антоний передал Октавиану 120 кораблей в обмен на 20 тысяч пехотинцев. Ещё тысячу легионеров для него выпросила у брата Октавия. Срок триумvirата был продлён ещё на пять лет, и довольный Антоний вновь отбыл в восточные провинции^[504]. Возвратившись в Египет, он при живой жене, вопреки всем римским законам и обычаям, решил жениться на Клеопатре. Свадьба состоялась осенью 37 года и поразила очевидцев богатством и великолепием. В качестве свадебного подарка Антоний передал Клеопатре значительные территории на Востоке.

В 36 году Октавиан возобновил военные действия против Секста Помпея. Предполагалось окружить и захватить Сицилию. Согласно разработанному плану Лепид должен был высадить на сицилийском побережье свои африканские легионы, а с моря остров должны были блокировать флоты Агриппы, Октавиана и Тита Статилия Тавра.

В июле 36 года 12 легионов Лепида успешно высадились на Сицилии; вышли в море корабли Статилия Тавра и Октавиана. Однако внезапно налетевшая буря уничтожила у мыса Палинур почти весь флот, отправленный Октавианом к Сицилии. Тем не менее в сжатые сроки удалось не только снарядить новые корабли, но и набрать экипажи. В битве при Милах корабли Агриппы нанесли ощутимый урон флоту Помпея и вынудили его отступить. К сожалению,

высадка Октавиана близ сицилийского Тавромения оказалась весьма неудачной. Его сухопутные войска попали в окружение, а сам он, потеряв часть флота, был вынужден отступить и лишь чудом добрался до италийского берега^[505].

В августе 36 года Октавиану всё же удалось высадить на Сицилии несколько легионов, и он начал выдавливать войска Помпея с занятой ими территории и захватывать небольшие города^[506]. Однако генеральное сражение по инициативе Секста Помпея произошло на море: «...гордясь своими кораблями, он послал спросить Цезаря, согласен ли он решить их борьбу морской битвой. Хотя Цезарь и сторонился всего связанного с морем, так как до сих пор не имел успеха на нём, однако, стыдясь отказаться, принял вызов»^[507].

3 сентября 36 года состоялась грандиозная морская битва при Навлохе. По сообщению Аппиана, «когда назначенный день наступил, при громких криках бой начался со состязания гребцов, бросавших как машинами, так и руками камни, зажигательные снаряды, стрелы. Затем и сами суда стали разбивать друг друга, ударяя или в бока, или в эпотиды — выдававшиеся спереди брусья, — или в носовую часть, где удар был сильнее всего и где он, сбрасывая экипаж, делал корабль неспособным к действию. Некоторые суда, проплывая мимо, осыпали друг друга снарядами и копьями. Вспомогательные суда подбирали упавших. Тут происходили рукопашные схватки, проявлялась сила моряков и ловкость кормчих, слышались крики, увещанья начальников, действовали машины... Сблизившиеся корабли сражались всеми способами, экипажи их перескакивали на неприятельские суда, причём с обеих сторон одинаково нелегко уже было отличать неприятелей, так как и оружие было у всех одно и то же, и говорили почти все на италийском

языке. Условленный пароль в этой обоюдной свалке делался известен всем — обстоятельство, послужившее для множества разнообразных обманов — с обеих сторон; друг друга не узнавали как в бою, так и в море, наполнившемся телами убитых, оружием, обломками кораблей. Все средства борьбы были испробованы, кроме лишь огня, от которого после первого набега кораблей отказались вследствие тесного сплетения судов. Сухопутные войска обеих сторон со страхом и вниманием следили с берега за происходившим на море, связывая с исходом боя все свои надежды. Однако ничего не могли они различить и разобрать, как ни напрягали зрение, так как шестьсот кораблей выстроились в длинную цепь по линии, а жалобные вопли попеременно раздавались то с той, то с другой стороны»^[508]. Исход боя решил флотоводческий талант Агриппы, которому удалось полностью уничтожить военно-морской флот Секста Помпея. Уцелело лишь 17 кораблей противника. Разгромленный Помпей позорно бежал, бросив на произвол судьбы все свои легионы. Впоследствии он был схвачен и убит по приказу Антония^[509].

Практически все находившиеся на Сицилии легионы Помпея сдались Лепиду. Получив в своё распоряжение огромную армию, он решил восстановить своё главенствующее положение и приказал Октавиану немедленно покинуть остров. Однако когда Октавиан прибыл в лагерь Лепида для переговоров, ему удалось переманить солдат мятежного полководца на свою сторону. Покинутый всеми, Лепид запросил пощады и сдался на милость победителя. Он был лишён власти и отправлен под домашний арест в городок Цирцеи, а затем переправлен в Рим, где и прожил до глубокой старости в безвестности, оставаясь, правда, в должности великого понтифика. По приказу Октавиана

Стабий Тавр со своим флотом захватил провинцию Африка, ранее находившуюся под контролем Лепиды^[510].

Волею судьбы триумвират фактически превратился в дуумвират. Октавиан с триумфом возвратился в Рим в ноябре 36 года. Выступив перед народом за городской чертой, он торжественно объявил, что гражданская война закончилась. Вскоре была проведена демобилизация большинства легионеров, которые получили крупные денежные выплаты и большие участки земли, приняты некоторые важные законы и официально объявлено об отмене проскрипций^[511]. В 35—33 годах Октавиан вместе с Агриппой предпринял несколько успешных военных походов в Иллирию и Далмацию, что ещё больше повысило его авторитет.

С большой тревогой Антоний следил за возросшим могуществом Октавиана. Чтобы поколебать авторитет своего союзника, он задумал осуществить давнюю мечту Юлия Цезаря — покорить Парфию. Весной 36 года Антоний предпринял грандиозный военный поход против парфян. После многомесячной и безрезультатной осады столицы Мидии Антропатены Фрааспы, он был вынужден отдать приказ к отступлению по труднопроходимым горным дорогам, дабы обезопасить свою армию от нападений парфянской конницы. Парфяне же постоянно преследовали его по пятам и время от времени совершали дерзкие налёты на его войско. Тем не менее Антонию удалось избежать полного уничтожения армии, хотя множество его легионеров погибли во время отступления^[512].

Зная о его браке с Клеопатрой, несчастная Октавия всё же отправилась в начале 35 года к опечаленному неудачей Антонию, взяв с собой в качестве помощи военное снаряжение и две тысячи легионеров. Но когда

она достигла Афин, то получила от Антония письмо, в котором тот в грубой форме велел ей возвращаться обратно в Рим^[513].

Дабы сохранить авторитет в глазах Клеопатры и восточных союзных царей, Антоний решил наказать предавшего его в парфянском походе армянского царя Артавазда и в 34 году вторгся в Армению. Несчастливая страна была почти полностью разграблена, а Артавазд пленён и в серебряных цепях отправлен в Египет. Осенью того же года Антоний отпраздновал в Александрии роскошный триумф над якобы покорёнными им Парфией и Арменией. После шествия, как пишет Плутарх, «наполнивши толпою гимнасий и водрузив на серебряном возвышении два золотых трона, для себя и для Клеопатры, и другие, попроче и пониже, для сыновей, он прежде всего объявил Клеопатру царицею Египта, Кипра, Африки и Келесирии при соправительстве Цезариона, считавшегося сыном старшего Цезаря, который, как говорили, оставил Клеопатру беременной; затем сыновей, которых Клеопатра родила от него, он провозгласил царями царей и Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоёвана), а Птолею — Финикию, Сирию и Киликию. Александра Антоний вывел в полном мидийском уборе, с тиарою и прямою китарой, Птолея — в сапогах, македонском плаще и украшенной диадемою кавсии. Это был наряд преемников Александра, а тот, первый, — царей Мидии и Армении. Мальчики приветствовали родителей, и одного окружили телохранители-армяне, другого — македоняне. Клеопатра в тот день, как всегда, когда появлялась на людях, была в священном одеянии Исиды; она и звала себя новою Исидой»^[514]. При этом Цезариона Антоний и Клеопатра объявили

единственным законным наследником Цезаря, что было серьёзным ударом по авторитету Октавиана.

Когда весной 33 года об этом узнали в Риме, все были до крайности возмущены поступком Антония, свободно раздававшего римские провинции своим детям. Этим не преминул воспользоваться Октавиан, давно желавший избавиться от Антония. Он тут же обвинил его в государственной измене и начал целую пропагандистскую кампанию против него и Клеопатры. Антоний принял вызов, и в многочисленных письмах триумвиры стали обвинять друг друга во всех смертных грехах.

Желая переломить ситуацию в свою пользу, Антоний в январе 32 года попытался через своих сторонников в сенате — консулов Гнея Домиция Агенобарба и Гая Сосия — добиться утверждения всех своих распоряжений на Востоке, а также взаимного сложения полномочий триумвиров. Узнав об этом, Октавиан явился в сенат и произнёс разгромную речь против Антония и поддерживавших его сенаторов. Испугавшись репрессий, 300 сенаторов и оба консула бежали к Антонию.

Конфликт между Октавианом и Антонием продолжал разгораться. По настоянию Клеопатры Антоний отправил Октавии бракоразводное письмо и приказал ей покинуть его дом в Риме^[515]. Взбешённый оскорблением, нанесённым сестре, Октавиан в ответ изъял у весталок завещание Антония и огласил его в сенате в качестве явного доказательства измены. Дело в том, что Антоний в своём завещании не только признавал Цезариона единственным законным наследником Юлия Цезаря, но, что более всего возмутило римлян, оставлял Клеопатре всё своё огромное состояние и все свои владения, в том числе

римские, а также просил похоронить его не в Риме, а в Александрии.

Всё это было настолько оскорбительно, что в июле 32 года сенат объявил войну — правда, не Антонию, а Клеопатре, якобы посягнувшей на римские провинции^[516]. Объявлять войну непосредственно Антонию было опасно, поскольку у народа новая гражданская война вызвала бы только озлобление и недовольство. В будущей войне против Египта Октавиану были необходимы чрезвычайные полномочия, и он заставил всю Италию и западные провинции принести ему особую присягу в верности. Аналогичную присягу восточные провинции принесли Антонию.

Однако противники провели несколько месяцев в бесплодном маневрировании и лишь 2 сентября 31 года столкнулись, наконец, у мыса Акции в Северо-Западной Греции^[517]. Завязалось морское сражение, долгое время шедшее с переменным успехом, пока Клеопатра со своим флотом внезапно не покинула битву, опасаясь быть запертой в бухте. Как пишет Плутарх, «битва сделалась всеобщей, однако исход её ещё далеко не определился, как вдруг, у всех на виду, шестьдесят кораблей Клеопатры подняли паруса к отплытию и обратились в бегство, прокладывая себе путь сквозь гущу сражающихся, а так как они были размещены позади больших судов, то теперь, прорываясь через их строй, сеяли смятение. А враги только дивились, видя, как они, с попутным ветром, уходят к Пелопоннесу»^[518].

Позднее Вергилий в своей поэме «Энеида» очень красочно опишет битву при Акции, поместив её изображение на щите Энея:

Весь опоясало щит из червонного золота море,
Волны седые на нём взмывают пенные гребни,
Светлым блестя серебром, проплывают по кругу
дельфины,
Влагу взрывая хвостом и солёный простор
рассекая.
Медью средь моря суда сверкали: Актийскую
битву
Выковал бог на щите; кипели Марсовы рати,
Всю Левкату заняв, и плескались валы золотые.
Цезарь Август ведёт на врага италийское
войско,
Римский народ, и отцов, и великих богов, и
пенатов;
Вот он, ликуя, стоит на высокой корме, и
двойное
Пламя объемлет чело, звездой осенённое отчей.
Здесь и Агриппа — к нему благосклонны и ветры
и боги —
Радостно рати ведёт, и вокруг висков его гордо
Блещет роstralный венок — за морские
сраженья награда.
Варварской мощью силён и оружием пёстрым
Антоний,
Берега алой Зари и далёких племён победитель:
В битву привёл он Египет, Восток и от края
вселенной
Бактров; с ним приплыла — о нечестье! — жена-
египтянка.
В бой устремились враги, и, носами трёхзубыми
взрыта,
Вёслами вся взметена, покрылась пеной пучина.
Дальше от берега мчат корабли; ты сказал бы —
поплыли
Горы навстречу горам иль Циклады сдвинулись
с места —

Так толпятся мужи на кормах, громадных, как
башни,
Копий летучий металл и на древках горящую
паклю
Мечут, и кровью опять обагрятся нивы
Нептуна.
Войску знак подаёт царица египетским систром
И за спиной у себя не видит змей ядовитых.
Чудища-боги идут и псоглавый Анубис с
оружьем
Против Нептуна на бой и Венеры, против
Минервы.
В гуще сражения Марс, из железа кован, ярится,
Мрачные Диры парят над бойцами в эфире
высоком,
В рваной одежде своей, ликуя, Распря
блуждает,
Ходит следом за ней с бичом кровавым Беллона.
Сверху взирая на бой, Аполлон Актийский
сгибает
Лук свой, и в страхе пред ним обращается в
бегство Египет,
Следом инды бегут и арабы из Савского
царства.
Вот и царица сама призывает попутные ветры,
Все паруса распустить и ослабить снасти
готова.
Как побледнела она среди сечи в предчувствии
смерти,
Как уносили её дуновенья япигского ветра, —
Выковал всё огнемощный кузнец. А напротив
горюет
Нил: одежды свои на груди распахнул он
широкой,
Кличет сынов побеждённых к себе на лазурное

лоно [\[519\]](#).

Когда Антоний увидел, что флот Клеопатры вышел из сражения и направился к Египту, он совершил страшную ошибку. Предав и бросив на произвол судьбы свой флот и огромную армию, он с сорока кораблями немедленно последовал за царицей. Брошенный им флот героически сопротивлялся до самого вечера, но затем всё же сдался Октавиану. Легионы Антония долго не могли поверить, что их любимый полководец бежал, и сдались лишь на восьмой день [\[520\]](#). В честь победы Октавиан приказал основать на берегу Акцийской бухты город Никополь.

Победа при Акции стала переломным моментом в ходе войны, но Октавиан прекрасно понимал, что впереди ещё битва за Египет. Тем не менее он демобилизовал значительную часть легионеров и вплотную занялся делами в разорённых Греции и Азии.

Прибыв в Египет, Антоний и Клеопатра стали лихорадочно снаряжать войска и подыскивать союзников для защиты страны. Антоний попытался вызвать свои легионы из Кирены, но те отказались ему повиноваться и перешли на сторону Октавиана. Понимая всю серьёзность ситуации и желая выиграть время, и Антоний, и Клеопатра отправили к Октавиану, находившемуся в Азии, послов с предложением мира. Антоний униженно просил позволить ему провести остаток жизни частным лицом, а Клеопатра умоляла передать власть над Египтом её детям. Кроме того, втайне от Антония царица отправила Октавиану золотые царские инсигнии и золотой трон — в знак того, что она вручает ему власть над Египтом и уповаает на его милосердие. На просьбы Антония Октавиан не ответил, а вот дары Клеопатры принял и отправил ей

секретное письмо, в котором предлагал в обмен на сохранение власти убить Антония^[521]. Обе стороны всячески тянули время и торговались.

Летом 30 года легионы Октавиана вступили на территорию Египта. По тайному приказу Клеопатры царские войска не оказали сопротивления и сдались римлянам. Лишь Антоний со своими оставшимися легионами попытался задержать продвижение Октавиана и близ Александрии нанёс ему небольшой урон. Однако перед решающей битвой его флот и армия перешли на сторону противника. Оставшись без войск и узнав, что Клеопатра якобы отравила себя, Марк Антоний 1 августа 30 года покончил жизнь самоубийством^[522].

Вслед за ним покончила с собой и обманутая Октавианом Клеопатра. Узнав, что ей придётся участвовать в качестве пленницы в триумфальной процессии в Риме, она решила перехитрить своих охранников и избежать унижения путём смерти^[523]. По сообщению Плутарха, «она велела приготовить себе купание, искупалась, легла к столу. Подали богатый, обильный завтрак. В это время к дверям явился какой-то крестьянин с корзиною. Караульные спросили, что он несёт. Открыв корзину и раздвинув листья, он показал горшок, полный спелых смокв. Солдаты подивились, какие они крупные и красивые, и крестьянин, улыбнувшись, предложил им отведать. Тогда они пропустили его, откинувши всякие подозрения. После завтрака, достав табличку с заранее написанным и запечатанным письмом, Клеопатра отправила её Цезарю, выслала из комнаты всех, кроме обеих женщин, которые были с нею в усыпальнице, и запёрлась. Цезарь распечатал письмо, увидел жалобы и мольбы похоронить её вместе с Антонием и тут же понял, что произошло. Сперва он хотел броситься на помощь сам,

но потом, со всею поспешностью, распорядился выяснить, каково положение дела. Всё, однако, совершилось очень скоро, ибо когда посланные подбежали ко дворцу и, застав караульных в полном неведении, взломали двери, Клеопатра в царском уборе лежала на золотом ложе мёртвой. Одна из двух женщин, Ирада, умирала у её ног, другая, Хармион, уже шатаясь и уронив голову на грудь, поправляла диадему в волосах своей госпожи. Кто-то в ярости воскликнул: «Прекрасно, Хармион!» — «Да, поистине прекрасно и достойно преемницы стольких царей», — вымолвила женщина и, не проронив больше ни звука, упала подле ложа. Говорят, что аспида принесли вместе со смоквами, спрятанным под ягодами и листьями, чтобы он ужалил царицу неожиданно для неё, — так распорядилась она сама. Но, вынувши часть ягод, Клеопатра заметила змею и сказала: «Так вот она где была...» — обнажила руку и подставила под укус. Другие сообщают, что змею держали в закрытом сосуде для воды и Клеопатра долго выманивала и дразнила её золотым веретеном, покуда она не выползла и не впилась ей в руку выше локтя. Впрочем, истины не знает никто — есть даже сообщение, будто она прятала яд в полый головной шпильке, которая постоянно была у неё в волосах. Однако ж ни единого пятна на теле не выступило, и вообще никаких признаков отравления не обнаружили. Впрочем, и змеи в комнате не нашли, но некоторые утверждали, будто видели змеиный след на морском берегу, куда выходили окна. Наконец, по словам нескольких писателей, на руке Клеопатры виднелись два лёгких, чуть заметных укола. Это, вероятно, убедило и Цезаря, потому что в триумфальном шествии несли изображение Клеопатры с прильнувшим к её руке аспидом»[\[524\]](#).

Завоевав Египет, Октавиан превратил его в римскую провинцию, во главе которой поставил префекта, подчиняющегося только императору. Цезарион, старший сын Клеопатры, и Антулл, старший сын Антония, были казнены по приказу Октавиана, так как он опасался, что в будущем они станут его соперниками.

В конце лета 29 года Октавиан, наконец, вернулся в Рим и отпраздновал грандиозный трёхдневный триумф (13, 14, 15 августа), посвящённый победам в Иллирии, при Акции и в Египте. Двери храма бога Януса были закрыты, что символизировало окончание войны и наступление мира.

Сельские будни поэта

В последние годы гражданской войны Вергилий очень редко приезжал в Рим. С детства поэт жил и воспитывался в сельской местности, на природе, и поэтому, очевидно, не любил городского шума и суеты. Как-то он с грустью обронил: «...прожить бы всю жизнь по-сельски, не зная о славе»^[525]. Да и сочинять стихи в городе любому поэту было очень трудно, что хорошо подметил его друг Гораций:

Кроме того, неужели, по-твоему, можно поэмы
В Риме писать среди стольких тревог и таких
затруднений?
Тот поручиться зовёт, тот выслушать
стихотворенье,
Бросив дела все; больной тот лежит на холме
Квиринальском,
Тот на краю Авентина, — а нужно провести
обоих!
Видишь, какие концы? И здоровому впору!
«Однако
Улицы чистые там, и нет помех размышленью».
Тут поставщик, горячась, и погонщиков гонит, и
мулов
То поднимает, крутась, тут ворот бревно или
камень;
Вьётся среди грузных телег похоронное
шествие мрачно;
Мчится там бешеный пёс, там свинья вся в грязи
пробегают, —
Вот и шагай и слагай про себя сладкозвучные

песни^[526].

Люди умственного труда вообще очень часто уединялись на своих виллах, где могли отдохнуть от городской суеты, о чём, например, с ностальгией пишет Плиний Младший: «Удивительно, как в Риме каждый день занят или кажется занятым; если же собрать вместе много таких дней — окажется, ничего ты не делал. Спроси любого: «Что ты сегодня делал?», он ответит: «Присутствовал на празднике совершеннолетия, был на сговоре или на свадьбе. Один просил меня подписать завещание, другой защищать его в суде, третий прийти на совет». Всё это было нужно в тот день, когда ты этим был занят, но это же самое, если подумаешь, что занимался этим изо дня в день, покажется бессмыслицей, особенно если ты уедешь из города. И тогда вспомнишь: «Сколько дней потратил я на пустяки!» Так бывает со мной, когда я в своём Лаврентийском поместье что-то читаю или пишу, или даже уделяю время на уход за телом: оно ведь поддерживает душу. Я и не слушаю и не говорю того, в чём пришлось бы потом каяться; никто у меня никого не злословит; никого я не браню, разве что себя за плохую работу; ни надежда, ни страх меня не тревожит, никакие слухи не беспокоят; я разговариваю только с собой и с книжками. О, правильная, чистая жизнь, о сладостный честный досуг, который прекраснее всякого дела! Море, берег, настоящий уединённый храм муз, сколько вы мне открыли, сколько продиктовали!»^[527]

Вергилию были необходимы покой и тишина, ведь все свои произведения он создавал очень медленно и скрупулёзно, оттачивая каждую строчку. Как пишет его друг Варий Руф, «сочинял весьма по малому числу

стихов на день»^[528]. Поэтому Вергилий любил спокойную сельскую жизнь вдали от столицы и на первых порах предпочитал жить в отцовском имении в Андах. После конфискаций поэт с семьёй перебрался в пригород Неаполя, на виллу покойного философа Сирона^[529], вероятно, доставшуюся ему от учителя по наследству. Впоследствии Вергилий обосновался на подаренной Меценатом вилле у городка Нолы, недалеко от Неаполя. Кроме того, у поэта, вероятно, была небольшая усадьба на Сицилии^[530].

О родовом имении Вергилия в Андах можно составить некоторое представление по скудным описаниям в стихотворениях поэта^[531]. Однако ничего не известно о том, как выглядела его вилла у Нолы. Впрочем, вряд ли она сильно отличалась от обычных римских сельскохозяйственных вилл, подобных той, которой владел друг Вергилия поэт Гораций.

Вилла Горация, подаренная ему Меценатом в 33 году, находилась в Сабинских горах, близ небольшого поселения Вария (современная Виковаро), в 40 километрах от Рима. Она была достаточно большой и располагалась у подножья холма. Итальянские учёные провели здесь археологические раскопки и обнаружили руины хозяйского дома с остатками мозаичного пола и фрагментами фресок. Дом окружал фруктовый сад, в котором находились бассейн и хозяйственные постройки. По словам самого Горация, к вилле примыкали небольшое поле, виноградник, лес и ручей с кристально чистой водой, а хозяйство вели восемь рабов и пять арендаторов-колонов с семьями^[532]. По тем временам это было весьма скромное загородное имение.

Виллы богатых и знатных римлян поражали своими размерами и роскошью. Места для них выбирали очень тщательно. Часто это были уютные прохладные долины,

склоны гор или живописные берега озёр, рек или морей. Сам дом виллы обычно представлял собой настоящий дворец и включал в себя множество помещений: атрии и табрины, триклинии и перистили, спальни и библиотеки, бани и кухни, комнаты для слуг и помещения хозяйственного назначения. Вокруг дома обычно разбивали большой парк с портиками, беседками, нимфеями, павильонами и прочими сооружениями для хозяйского досуга. Для украшения парков римляне использовали различные породы деревьев и кустарников, но предпочтение отдавали платану, лавру, дубу, пинии, кипарису, лавровишне, мирту, самшиту и разным фруктовым деревьям. Очень любили плющ и аканф, а клумбы засаживали всевозможными видами цветов — розами, штокрозами, фиалками, лилиями, левкоями, нарциссами, гиацинтами, ирисами, анемонами, астрами, маргаритками, маками^[533]. На территории парка часто были пруды или бассейны, устраивали многочисленные фонтаны и живописные каскады, украшенные статуями из бронзы или мрамора.

Однако такие большие и роскошные виллы встречались не часто. Преобладали в основном виллы среднего размера, ориентированные на производство сельскохозяйственной продукции. Благодаря этому на столе хозяина всегда были свежие местные овощи, фрукты, маслины, хлеб, вино, мясо и молоко. Более того, излишки продуктов, произведённых на вилле, вывозились на продажу в ближайший городок и с выгодой там реализовывались. Поэт Марциал очень красочно описал подобное имение:

На байской у Фавстина-друга, Басс, даче
Ни праздных не найти тебе шпалер мирта,
Платанов нет безбрачных, не стригут буксов;

Бесплодных нет посадок там нигде в поле,
А всё живёт там жизнью без затей, сельской.
Цереры даром каждый закром там полон,
И много пахнет там амфор вином старым;
Там после ноября, когда зима близко,
Садовник грубый режет виноград поздний;
В долине глубокой там быки мычат дико,
Телёнок лбом комылом норовит биться;
Пернатой стаей полон грязный двор птичий:
Здесь бродят гусь-крикун, павлин в глазках
ярких,
И птица, что по перьям названа красным,
И куропатка, и цесарки — все в пятнах;
А вот фазан из нечестивых стран колхов;
Родосских самок гордый там петух топчет,
И всплески голубиных крыл шумят с башен;
Здесь горлинка воркует, стонет там вяхирь.
За домоводкой жадные бегут свиньи,
Ягнёнок нежный полных ждёт сосков матки.
Прислугой юной окружён очаг светлый,
И в праздник целый лес горит там в честь ларов.
С безделья не бледнеет винодел праздный,
Не тратит даром масла там атлет скользкий:
Силком коварным ловит он дроздов жадных,
А то лесой дрожащей удит он рыбу,
Иль, в сеть поймавши, он несёт домой ланей [\[534\]](#).

Вергилий почти всю свою жизнь прожил в небольших усадьбах, расположенных в сельской местности, поэтому на его мировоззрение, взгляды и привычки, безусловно, постоянно влияла весьма характерная окружающая среда. В связи с этим очень важно понять, что окружало поэта каждый день, в

какой обстановке он создавал свои бессмертные произведения, какова была его повседневная жизнь.

Установить, как выглядели италийские сельскохозяйственные виллы, во многом помогли археологические раскопки близ города Помпеи, погибшего в августе 79 года н. э. в результате извержения вулкана Везувий^[535], а также данные античных авторов. Обычно строение сельской усадьбы состояло из трёх частей: *villa urbana*, *villa rustica*, *villa fructuaria*. Первая часть (*villa urbana*) отводилась владельцу и включала парадные комнаты, зимние и летние спальни, столовые, а также баню. Здесь хозяин отдыхал, занимался делами, принимал родственников и гостей. Вторая часть (*villa rustica*) являлась хозяйственной и включала помещения для рабов (каморки, кухня, баня, эргастул), скота (хлев, овчарня, свинарник, конюшня, птичник) и инвентаря. Третья часть (*villa fructuaria*) включала помещения для хранения урожая (погреба, кладовые, амбары, сеновалы) и его обработки (винодельня, маслодельня, сыроварня, пекарня). Кроме того, в состав виллы обычно входили задний двор, ток, пасека, фруктовый сад, маслинник (оливковый сад), огород, виноградник и хлебное поле^[536].

Все помещения усадьбы (и жилые, и хозяйственные) строились в основном из камня и теснились вокруг прямоугольного двора, имевшего единственный въезд. Крыши были черепичные^[537]. Над всеми строениями часто имелся специальный портик (широкий навес на столбах), служивший защитой от жгучего южного солнца и проливного дождя. Во дворе обязательно были колодец или бассейн для дождевой воды, очаг для приготовления пищи и большой стол.

Довольно обстоятельно описывает планировку идеальной усадьбы автор трактата «Сельское

хозяйство» Варрон: «Хозяин должен приложить всяческое старание к тому, чтобы поставить усадьбу у подошвы лесистой горы, где имеются обширные пастбища, причём так, чтобы она была открыта самым здоровым ветрам, которые дуют в этой области. Лучше всего поставить её на равноденственный восток, потому что тогда летом она окажется в тени, а зимой на солнце. Если ты вынужден строиться у реки, то, смотри, не ставь усадьбу лицом к ней: зимой будет чрезвычайно холодно, а летом нездорово... Хозяйственные службы в усадьбе надо устраивать так: стойла для волов ставить там, где зимой будет теплее; урожай вина и масла хранить в погребах, устроенных на земле; также устроить место для посуды под вино и масло; всё сухое, например, сено и бобы, складывать на чердак. Надо позаботиться, чтобы у рабов было место, где они могут находиться и где всего удобнее отдохнуть и прийти в себя, устав от работы, от холода или зноя. Комната вилика (управляющего виллой. — *М. Б.*) должна находиться совсем рядом с воротами (особенно если нет привратника), чтобы он знал, кто ночью входит или выходит и с какой ношей. Особенно следует проследить за тем, чтобы к его комнате поближе была кухня, где зимой в предрассветное время выполняют кое-какие работы, готовят пищу и едят. Нужно также устроить во дворе достаточно большое крытое помещение для телег и всех прочих орудий, которые портятся от дождя. Если они находятся под замком в огороженном месте, но под открытым небом, то вор им, конечно, не страшен, но от непогоды они не защищены. В большом имении удобнее иметь два двора: в одном должен находиться четырёхугольный бассейн для дождевой воды, а если есть ручей, то можно при желании устроить в середине двора между колоннами, стоящими на платформе, прудок. Волы, придя летом с поля, здесь пьют и здесь купаются, так же как гуси, свиньи и

поросята, вернувшиеся с пастбища. Во внешнем дворе нужен бассейн, где вымачивают люпин и вообще всё, что перед употреблением лучше положить в воду»^[538].

Очень важно было иметь доступ к хорошей воде, необходимой для питья и хозяйственных нужд. Как писал автор трактата «Сельское хозяйство» Колумелла, «неиссякаемый источник должен находиться в самой усадьбе или же следует провести из него воду; по соседству быть лесной порубке и пастбищу. Если проточной воды нет, надо по соседству поискать колодец, неглубокий и с водой не горькой и не солёной. Если же не окажется и его и надежды на текучую воду мало, тогда надо устроить большие цистерны для людей и пруды для скота. Для здоровья нет лучше дождевой воды, но она особенно хороша, если проведена по глиняным трубам в закрытую цистерну»^[539].

Известно, что Вергилий столкнулся с проблемой нехватки воды в своём имении близ Нолы. Античный учёный Авл Геллий сообщает, что «нашёл в одном комментарии сообщение о том, что следующие строки первоначально читались и были изданы самим Вергилием следующим образом: «Пашет такие поля богатая Капуя, Нола / Возле Везувия...»; так как после того как Вергилий попросил жителей Нолы провести воду в ближайшую деревню, а ноланцы не сделали благодеяния, о котором он просил, разгневанный поэт убрал название их города из своего стихотворения и заменил «Nola» на «ora» и, таким образом, осталось следующее: «Пашет такие поля богатая Капуя, берег / Возле Везувия...» [Георгики. II. 224-225]»^[540].

Сельские виллы отличались друг от друга не только хозяйственной направленностью, но и размером. Учёными установлено, что размеры средней сельскохозяйственной (товарной) виллы колебались в

пределах 100-500 югеров (около 25-125 гектаров). Как писал Вергилий, «...Восхваляй обширные земли, — / Над небольшою трудись...»^[541].

Древнеримский учёный Катон Старший в своём трактате «Земледелие» так описывает идеальную виллу: «Если ты меня спросишь, какое имение самое лучшее, то я скажу так: сто югеров с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте: во-первых, с виноградником, если вино хорошее и если вина много; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с ивняком; в-четвёртых, с масличным садом; в пятых, с лугом; в-шестых, с хлебной нивой; в-седьмых, с лесом, где можно резать листья на корм скоту; в-восьмых, с виноградником, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, лес с деревьями, дающими жёлуди»^[542]. Его во многом дополняет Колумелла: «Если судьба услышит наши пожелания, то мы получим имение в здоровом климате, с плодородной почвой, расположенное частью на равнине, частью на холмах, мягко спускающихся к востоку или к югу, то годных для обработки, то лесистых и диких, неподалёку от моря или от судоходной реки, по которой можно и отправить урожай, и привезти товары. Равнина с лугами, нивами, лозняком и зарослями тростника пусть прилегает к строениям. Холмы, на которых нет деревьев, будут засеяны, хотя хлеба лучше идут на жирных и в меру сухих равнинах, чем на крутизнах. Поэтому для хлебных полей на высотах следует отводить места ровные, с очень мягкой покатостью, больше всего напоминающие равнину. Другие холмы пусть оденутся маслинниками, виноградниками и теми насаждениями, которые дадут для них в будущем подпорки; пусть доставляют лесной материал и камень на случай, если придётся строиться, и предоставят пастбища для скота; пусть ручьи сбегают по ним на луга, в огороды и лозняки, пусть бьют ключи

в усадьбе. Пусть имеются стада крупного рогатого скота и прочих животных, пасущихся по полям и в кустарниковых зарослях. Такое расположение, желанное для нас, найти трудно, и редко кому удаётся приобрести такое имение...»^[543] Для удобного подъезда и вывоза продукции в город нужна была и хорошая дорога поблизости.

Даже при наличии на вилле какой-либо основной отрасли производства (например, получение вина или масла, выпечка хлеба, засолка мяса, изготовление шерсти), ориентированной на соседний рынок, хозяева всегда старались сохранить другие отрасли, что позволяло им снабжать себя и своих рабов собственными продуктами питания. Вилла была по сути автономной сельскохозяйственной единицей и почти всем обеспечивала себя сама. Лишь недостающие или пришедшие в негодность орудия труда, а также одежду и посуду приходилось покупать в городе. Катон советовал: «В Риме покупай туники, тоги, плащи, лоскутные одеяла и деревянные башмаки; в Калах и Минтурнах: накидки, железные инструменты — серпы, лопаты, кирки, топоры и наборную упряжь; в Венафре — лопаты; в Суэссе и в Луканин: телеги; молотильные доски — в Альбе и в Риме; долин, чаны, черепицу — из Венафра. Плуги для сильной земли хороши римские; для рыхлой — кампанские; наилучшие ярма — римские; наилучший лемех — съёмный. Трапеты — в Помпеях, в Ноле, под стеной Руфра; ключи с запорами — в Риме; вёдра, полуамфоры для масла, кувшины для воды, винные полуамфоры и прочую медную посуду — в Капуе и в Ноле»^[544]. Но уже Варрон предостерегал от лишних трат: «Не надо покупать того, что могут сделать свои же люди и из материала, который растёт в имении, то есть того, что делается из прутьев и дерева, — коробов, корзинок, трибул, веялок, грабель, а также того, что

плетут из конопли, льна, ситника, пальмовых листьев и камыша, например, канатов, верёвок, матов»^[545].

Рабы, проживавшие на вилле, назывались *familia rustica*. Как писал Варрон, «есть орудия говорящие, бессловесные и немые. К говорящим относятся рабы, к бессловесным — волы, к немым — телеги»^[546]. Вся жизнь рабов проходила в постоянной работе, без праздников и выходных дней. Катон советовал: «В непогоду, когда работать в поле нельзя, выноси навоз в навозную кучу. Хорошо вычисти хлев, овчарню, двор, усадьбу... В дождь поищи, что можно сделать в усадьбе. Чтобы люди не заленились, наводи чистоту». И в другом месте: «Если стояла дождливая погода, то вот работы, которые можно делать и в ливень: мыть долии и осмаливать их, прибирать усадьбу, переносить хлеб, выносить навоз наружу, устраивать навозную кучу, очищать зерно, починять верёвки, плести новые; рабам надлежало в это же время заняться починкой своих одеял и плащей. По праздникам можно было чистить старые канавы, прокладывать общественную дорогу, вырезать колючие кусты, вскапывать огород, обкашивать луга, резать веники, вырывать колючую траву, обталкивать полбу, наводить чистоту»^[547].

Считается, что общее количество рабов, трудившихся на средней по размеру вилле, было небольшим — от десяти до тридцати человек^[548]. В период сбора урожая, когда требовалось много рабочих рук, хозяева предпочитали нанимать сезонных рабочих из числа свободных крестьян^[549]. Это позволяло значительно экономить и не держать на вилле лишние рты. Возраст сельскохозяйственных рабов колебался в пределах от шестнадцати до тридцати лет. Раб старше тридцати лет считался «старым», выработавшим свой ресурс, поэтому от него избавлялись, либо продавая за бесценок, либо отпуская на волю.

Работали рабы с раннего утра и до позднего вечера. Установлено, что в среднем их рабочий день составлял около 14-15 часов (в летнее время — 16-17 часов, а в зимнее время — 11-12 часов)^[550]. Существовали специальные нормы дневной выработки как для хлебного поля, так и для маслинника и виноградника^[551]. Кроме того, существовала специализация, разделение труда среди рабов. Например, Катон упоминает вилика (управляющего), вилику (жену вилика), работников, пахарей, овчара, свинопаса, погонщика ослов, раба, следившего за ивняком^[552]. Существовали и другие специальности рабов: старший пастух, смотритель, надсмотрщик, кладовщик, сторож, разнорабочий, жнец, косец, огородник, виноградарь, козопас, ветеринар, маслодел и другие.

Спали рабы в специальных каморках — небольших помещениях с голыми стенами и глинобитными полами, рассчитанных на два-три человека. Площадь этих каморок в среднем составляла шесть-восемь квадратных метров; зимой их освещало солнце, а летом наполняла освежающая прохлада. Всё убранство этих помещений состояло из убогих кроватей и нескольких тюфяков, одеял, подушек и глиняных сосудов^[553]. Провинившихся рабов держали в колодках в специальном подвальном помещении — эргастуле. Колумелла писал, что «для рабов, которые ходят без цепей, лучше всего устроить комнатки на равноденственный юг; закованным же отвести очень здоровое подвальное помещение, освещённое множеством узеньких окошек, поднятых над землёй так высоко, что до них нельзя дотянуться рукой»^[554].

Считается, что пища рабского контингента сельскохозяйственной виллы и крестьян, проживавших в округе, как правило, была идентична по своему

составу. Питались рабы в целом обильно, но однообразно и нерегулярно. Утром и днём они довольствовались лишь пресным пшеничным хлебом с приправой (это мог быть, например, сыр, чеснок, маринованные маслины, солёная рыба, пряные травы, сушёные смоквы). Хлеб, будучи основой рациона, выпекался самими рабами. Делали его из непросеянной муки (с отрубями), что было не только выгодно из-за дешевизны и большого припёка, но и полезно для здоровья. Рабы у Катона получали около полутора килограммов такого хлеба в день [\[555\]](#).

Часто к хлебу добавляли специальную закуску — моретум (*toretum*). Он представлял собой зелёную массу из мелко перетёртых солёного сыра, чеснока и пряных трав, которую в процессе приготовления солили, смешивали с оливковым маслом, добавляли капельку уксуса, а затем намазывали на хлеб и ели. Это нехитрое блюдо было весьма популярно среди итальянских крестьян. Вергилий посвятил ему своё стихотворение «Завтрак» и несколько строчек в «Буколиках»:

И Тестиллида уже для жнецов, усталых от зноя,
К полднику трёт чабер и чеснок, душистые
травы [\[556\]](#).

Горячую пищу рабы получали только вечером. В состав как крестьянского, так и рабского рациона в основном входили густые похлёбки или каши из бобов, чечевицы, гороха, люпина, полбы. Оливковое масло или сало, добавлявшееся в каши, служили важным источником жиров. Мяса крестьяне и рабы практически не видели, а если и ели его, то лишь по очень большим

праздникам. Молочные продукты (молоко, творог и сыр) составляли в основном рацион крестьян, содержавших скот. Не менее важную роль в питании играли местные овощи (лук-порей, чеснок, капуста, свёкла, репа, тыква-горлянка) и фрукты (смоквы, яблоки и груши, но только падалица), а также травы (кориандр, щавель, горчица, укроп, сельдерей, кресс-салат, рута, мята)^[557].

Катон в своём «Земледелии» так описывает паёк рабов: «Тем, кто работает в поле: зимой по 4 модия пшеницы, а летом по 4 И; вилику, ключнице, смотрителю, овчару — по 3 модия. Колодникам зимой по 4 фунта хлеба; летом, как станут вскапывать виноградник, по 5 — до той самой поры, как появятся винные ягоды. Тогда опять вернись к 4 фунтам. Вино рабам. По окончании сбора винограда пусть они три месяца пьют ополоски (*lora*, вымоченные в воде виноградные выжимки. — М. Б.);... Всего вина на каждого человека в год 7 квадранталов. Колодникам прибавляй в соответствии с работой, какую они делают; если каждый из них в год выпьет по 10 квадранталов, это не слишком много. Приварок рабам. Заготовь впрок как можно больше палых маслин. Потом заготовь зрелых — таких, откуда можно получить совсем мало масла. Береги их, чтобы они тянулись как можно дольше. Когда маслины будут съедены, давай острый рыбный рассол и уксусу. Масла давай на месяц каждому по секстарию; модия соли хватит каждому на год»^[558]. 4 модия зимой (три месяца) — это около 26 килограммов зерна, 4 1/2 модия — около 30 килограммов зерна, 3 модия — около 20 килограммов; 4 фунта печёного хлеба — это менее 1 А килограмма. Квадрантал же равен одной амфоре — 26,26 литра, а секстарий составляет всего 0,547 литра^[559].

Вечером рабы принимали горячую пищу на большой кухне, которая имелась на каждой вилле и служила,

помимо всего прочего, ещё и местом для работы долгими зимними вечерами^[560]. Колумелла советовал: «В сельской части нужно устроить большую и высокую кухню, чтобы балкам не угрожала опасность пожара, и чтобы рабам было там удобно во всякое время года»^[561].

По праздникам рабы стирали одежду и мылись в специальной бане^[562]. Одежда сельских рабов мало отличалась от одежды бедных крестьян. Она состояла из туники — длинной шерстяной рубахи с короткими рукавами — и плотного шерстяного плаща, защищавшего от непогоды. Шерстяная туника не только не стесняла движений при сельскохозяйственных работах, что было весьма важно, но и защищала от холода зимой и от жары летом. В плохую погоду поверх туники часто надевали плащ (*sagum*). Катон приводит следующий список одежды для рабов: «Туника, весом в 3 1/2 фунта, и плащ — через год. Всякий раз, как будешь давать тунику или плащ, возьми сначала старую одежду на лоскутные одеяла. Хорошие деревянные башмаки следует давать через год»^[563].

Существовала также особая одежда для работы в непогоду, о которой упоминает Колумелла: рабы «должны быть тщательно защищены от ветра, от холода и от дождя: от всего этого охраняют кожухи с рукавами, накидки, сшитые из лоскутьев, и плащи с капюшонами. При такой одежде в самый ненастный день можно что-нибудь делать под открытым небом»^[564]. Изношенная и пришедшая в негодность одежда шла на тряпки или же на изготовление прославленных лоскутных одеял.

Сельскохозяйственные работы требовали постоянного контакта с землёй, водой, навозом, золой, а шерсть при частой стирке быстро изнашивалась,

поэтому очевидно, что рабы, как и крестьяне, работали в тёплое время в основном голышом. «Голый паши, сей голый...», — советовал Вергилий в «Георгиках»^[565].

Хозяева относились к сельским рабам по-разному. Некоторые за малейший проступок били рабов, пороли розгами, заковывали в колодки, сажали в эргастул. За серьёзную провинность сельского раба могли продать в гладиаторскую школу, отправить в каменоломни, на мельницу или даже безнаказанно убить. В бедных крестьянских семьях отношение к рабам было иное. Часто они фактически становились членами семьи: за общим столом принимали ту же пищу, что и хозяева, трудились с ними бок о бок в поле, спали с хозяевами в одной хижине, делили с ними беды и радости.

Тяжёлая работа под открытым небом в любую погоду, а также плохое качество пищи, питание всухомятку, отсутствие нормальных завтраков и обедов неизбежно приводили к частой заболеваемости. Занемогших рабов отправляли в специальное помещение и освобождали от работ на время лечения. Катон сокращал таким рабам паёк или вообще продавал их. Однако Колумелла, напротив, считал, что к заболевшим надо относиться с большим вниманием^[566]. Если больных рабов не удавалось вылечить подручными средствами, от них избавлялись при первой же возможности.

Управляющим виллой являлся вилик. По мнению Баррона, «его имя происходит от слова *«villa»*, потому что он свозит в усадьбу урожай и он же вывозит его на продажу»^[567]. По своему социальному положению вилик был рабом, но рабом сведущим и умным, способности которого замечал хозяин и доверял ему столь важную работу. Катон в своём трактате рисует такой портрет идеального вилика: «Он должен завести хороший порядок, соблюдать праздники; чужого в руки

не брать; своё охранять тщательно. Он разбирает споры рабов; если кто в чём провинился, он хорошенько наказывает виноватого, смотря по поступку. Рабам не должно быть плохо: они не должны мёрзнуть и голодать. У вилика они всегда в работе: так он их легче удержит от дурного и от воровства. Если вилик не захочет, чтобы рабы вели себя плохо, они себя плохо вести не будут. Если же он это будет терпеть, хозяин не должен оставлять этого безнаказанным. За заслугу он благодарит, чтобы и остальным хотелось вести себя правильно. Вилик не должен слоняться без дела; он всегда трезв и никуда не ходит на обед. Рабы у него в работе; он следит за тем, чтобы удалось то, что приказал хозяин. Пусть он не считает себя умнее хозяина. Друзей хозяина он считает друзьями себе; слушается того, кому приказано. Жертвоприношения он совершает только в Компиталии, на перекрёстке или на очаге. Без приказа хозяина он никому не поверит в долг; что поверил хозяин, то он истребует. Семян для посева, съестных припасов, полбы, вина и масла он никому не одолжит. У него есть два-три хозяйства, где он может попросить, что ему нужно, и которым он сам даёт в долг, — но больше никого. Он часто отчитывается перед хозяином. Работника, нанятого за деньги или за долю в урожае, он не задержит дольше одного дня. Он не смеет ничего купить без ведома хозяина и не смеет ничего скрывать от хозяина. Паразита он не держит. Он не смеет совещаться с гаруспиком, авгуром, предсказателем и халдеем. Он не обманывает нивы (то есть не крадёт посевных семян. — *М. Б.*): это к несчастью. Он постарается выучиться всякой сельской работе, и он будет часто работать — только не до усталости. Если он будет работать, он будет знать, что у рабов на уме, и они будут покладистее в работе. Если он будет так делать, ему не захочется слоняться без дела; он будет здоровее и

будет лучше спать. Он первым встанет с постели и последним ляжет в постель. Сначала посмотрит, заперта ли усадьба, лежит ли каждый на своём месте и задан ли корм животным»^[568]. По мнению Колумеллы, хороший вилик — это «человек среднего возраста и крепкого здоровья, сведущий в сельских работах или по крайней мере весьма озабоченный тем, чтобы поскорее их изучить»^[569].

Тем не менее в силу отсутствия постоянного надзора вилик нередко злоупотреблял своим положением. Он мог отлучаться в гости к приятелям, шататься по кабакам и харчевням, пьянствовать, увлекаться охотой без спроса хозяина, спать допоздна, заниматься чревоугодием за счёт хозяйских продуктов, безнаказанно унижать и бить своих собратьев по рабству, воровать хозяйский урожай и тайно продавать его скупщикам ради собственной выгоды, распоряжаться хозяйскими деньгами, отдавая их в рост. В ряде случаев всё это приводило к разорению виллы, поэтому многие античные авторы настоятельно советовали хозяевам внимательно относиться к выбору претендента на роль вилика.

Обычно семей у рабов не было, лишь вилик обладал привилегией иметь жену — вилику. Исключение также делалось для пастухов, перегонявших стада на дальние расстояния. Вилика (или ключница) как жена вилика играла значительную роль в хозяйственной жизни усадьбы. Катон перечисляет основные её обязанности в виде совета вилику: «Позаботься, чтобы ключница выполняла свои обязанности. Если хозяин дал её тебе в жёны, будь ею доволен. Сделай так, чтобы она боялась тебя. Она не должна быть распущенной. С соседками и прочими женщинами она не водится: в дом к ним не ходит и у себя их не принимает; не бывает на обедах и не слоняется без дела. Без приказа хозяина или хозяйки

она не приносит жертв и никому не поручает приносить их за неё. Она должна знать, что хозяин приносит жертвы за всех рабов. Она опрятна; усадьба у неё выметена и опрятна; очаг она ежедневно перед тем как лечь, чисто обметает. В календы, иды и ноны, и когда придёт праздник, она возлагает на очаг венок и в эти же самые дни приносит домашнему лару жертву по средствам. Она варит пищу тебе и рабам. У неё много кур и яиц. Она сушит груши, рябину, винные ягоды, виноград; заливает сапой рябину, груши, виноград в долях и воробьиную айву; хранит зарытыми в землю кувшины с виноградом, уложенным в выжимках, и свежие пренестинские орехи в кувшине, зарытом в землю. Ежегодно она старательно заготавливает впрок скантиевы яблоки и прочие сорта, которые обычно заготавливают, а также лесные плоды. Она умеет хорошо намолоть муку и приготовить мелкую полбяную крупу»^[570]. Кроме того, вилика помогала своему мужу в надзоре над рабами. По мнению Колумеллы, «пусть она уделяет постоянное внимание и присмотру за теми, кто должен заниматься сельским трудом вне дома, когда уже фамилия вышла с виллы, и если, как это бывает, кто-то обманул бдительность её сожителя (вилика) и юркнул в дом, то пусть разузнает причину безделья и выяснит, остался ли тот из-за болезни или спрятался из-за лени. И когда всё выяснит, то пусть без промедления отведёт в лазарет даже симулирующего недуг: ведь лучше пусть утомлённый работой раб отдохнёт под присмотром денёк-другой, чем задавленный чрезмерным трудом и вправду занедужит»^[571].

Даже имея первоклассных вилика и вилику, на которых можно было положиться, хороший хозяин, тем не менее, старался часто приезжать на виллу, а то и постоянно жить на ней. Катон настоятельно советовал: «Хозяин, приехав в усадьбу и помолившись домашнему

лару, должен обойти поместье, если можно, в тот же самый день, а если не в тот же самый день, то на следующий. Когда он увидел, как поместье обработано, какие работы сделаны и какие не сделаны, он должен на следующий день позвать вилика и спросить, что из работ сделано, что остаётся; выполнены ли работы достаточно своевременно, может ли он выполнить остальные, а также сколько получено вина, хлеба и всего прочего. Когда он это узнает, ему следует заняться расчётом уроков и дней. Если он не видит работы, а вилик говорит, что рабы сбежали, что они повинности исполняли, то когда он привёл эти причины и множество других, — верни его к расчёту работ и дневных уроков»^[572].

Присутствие хозяина на вилле Колумелла сравнивал с пребыванием полководца при войске: «...ни прилежный труд и опытность вилика, ни наличие средств и желание их расходовать не имеют такой силы, как одно присутствие хозяина: если он не будет часто появляться на работах, то всё остановится, как в войске, где нет полководца. Я думаю, что это главным образом и имел в виду пуниец Магон (известный карфагенский агроном. — *М. Б.*), начавший свои писания с таких положений: «кто купил себе имение, пусть продаёт дом, чтобы не предпочесть городского жилья деревенскому; кому городское обиталище больше по сердцу, тому деревенское имение не нужно»»^[573]. Он же советовал: «Хозяин должен строиться в меру своих средств как можно лучше, чтобы охотнее и приезжать в деревню, и проводить там время с большим удовольствием»^[574].

Оставлять же виллу полностью на попечение вилика и сельских рабов вообще было небезопасно. Колумелла даже советовал: «В отдалённых же имениях, куда хозяину приезжать трудно, всякое хозяйство пойдёт

снее в руках свободных колонов, чем у рабов, особенно же хозяйство зерновое, которое колон не может разорить, как виноградные сады и виноградники, и которому приходится особенно плохо от рабов: они отдают волов на сторону, плохо кормят их и прочий скот, пашут небрежно, ставят в счёт гораздо больше семян, чем на самом деле посеяли; за посевами ухаживают не так, чтобы они дали хороший урожай, а, снеся этот урожай на ток, они во время молотбы ещё уменьшают его своей небрежностью и воровством. Они и сами расхищают его, и не оберегают от других воров, и не ведут честного счёта ссыпанному. Так и выходит, что ославливают чаще имение, а виноваты надзиратель и рабы. Поэтому такие поместья, куда, как я сказал, хозяин приезжать не будет, следует, по-моему, сдавать в аренду»^[575]. Колоны-крестьяне, во-первых, должны были качественно обрабатывать землю, во-вторых, платить определённую сумму за аренду участка, и в-третьих, нести некие оговорённые повинности (снабжать хозяина дровами и прочим).

Итальянское сельское хозяйство включало в себя несколько важнейших отраслей: полеводство, виноградарство, садоводство, маслиноводство, огородничество, скотоводство, птицеводство и пчеловодство. Их развитию способствовал благоприятный климат Италии, который в древности был несколько иным. Из-за большей влажности лето и часть весны в Южной Италии были менее жаркими и засушливыми, а осенью и зимой шли обильные дожди. Зима вообще была очень мягкой и без снега.

Самой важной отраслью сельского хозяйства было, пожалуй, полеводство. Сеяли зерновые (пшеницу, полбу, ячмень, просо), бобовые (чечевицу, горох, бобы, люпин, нут, фасоль) и кормовые культуры (вику, могар, «греческое сено», «мидийскую траву»)^[576]. Выращивали

лён, из которого делали одежду, а также коноплю, спарт и ситник, употреблявшиеся для изготовления обуви и веревок^[577].

Обработка поля начиналась с его удобрения ранней весной, для чего использовали навоз различных видов (козий, овечий, коровий, ослиный, конский, птичий), перегной, зелёное удобрение (стебли люпина, бобов, вики) и золу^[578]. На каждой вилле обязательно имелась большая навозная куча. Чистить хлев и выносить оттуда навоз в кучу полагалось зимой на рассвете или в дождливые дни, чтобы удобрение не высохло^[579]. Варрон считал, что «следует иметь две навозные кучи или одну, но разделённую пополам. На одной стороне лежит свежий навоз, на другой — старый, который вывозят в поле, так как перепревший лучше нового. Навоз в куче будет лучше, если его с боков и сверху защитить от солнца зелёными ветвями: нельзя, чтобы солнце высосало предварительно жижу, которой требует земля»^[580]. Вывезенный на поле навоз разбрасывали и тут же припахивали.

За унавоживанием следовала весенняя пахота. В древней Италии пахали на волах, которых запрягали в одну упряжку. Ухаживали за волами специальные рабы-пахари^[581]. Они должны были обладать определёнными навыками ухода за животными, силой и сноровкой, поскольку пахать иногда приходилось землю, засаженную деревьями. Например, в виноградном саду или маслиннике принято было сажать пшеницу и прочие культуры. Основными орудиями пахоты были плуги и рала различных видов и конструкций^[582].

По Варрону, обычно землю обрабатывали несколько раз: перед посевом — в апреле и июле, и после посева — в феврале-марте^[583]. Конкретные сроки обработки зависели от климата, района, качества почвы, поверхности земли, наличия влаги и особенностей

высеваемой культуры. В процессе первой вспашки взрезали и переворачивали пласты земли, а во время второй тщательно рыхлили почву, разбивая крупные комья земли. По словам Варрона, «когда пахут в третий раз уже после посева, то про волов говорится, что они *Hrant*, т. е. с помощью дощечек (отвалов. — М. Б.), добавленных к лемеху, одновременно и прикрывают посеянный хлеб, забирая его в гребни, и проводят бороздки, по которым стекает дождевая вода»^[584]. В итоге на засеянном поле высокие земляные гребни перемежались глубокими бороздами, куда стекала лишняя вода и по которым можно было передвигаться во время боронования мотыгами или прополки.

Сельскохозяйственные культуры в древней Италии сеяли главным образом осенью, обычно начиная с конца сентября и примерно по ноябрь, а также весной. Поскольку посев яровых применяли не очень часто, озимый сев был основным^[585]. Семена для посева брали самого высшего качества. Например, Вергилий приводит следующий полезный совет:

Видывал я: кое-кто семена готовит для сева,
Их селитрой сперва и отстоем маслин поливая,
Чтобы крупнее зерно в шелухе-обманщице было,
Чтобы на слабом огне поскорее оно разбухало.
Видел, что давний отбор, испытанный вящим
стараньем,
Перерождается всё ж, коль людская рука
ежегодно
Зёрен крупнейших опять не повыберет^[586].

Зимой, особенно в период со второй половины декабря по конец января, работы на полях почти не

проводились. Днём рыли и чистили канавы, обрезали виноградные лозы, сажали деревья. Чтобы занять чем-нибудь своих рабов длинными зимними вечерами или перед рассветом, хозяева специально придумывали различные хозяйственные работы. Например, Катон советовал: «Зимой до рассвета делай вот что. Из жердей, которые ты накануне убрал под крышу и которые уже обсохли, теши колья, круглые и четырёхрёберные; делай факелы, выноси навоз»^[587]. Знаменитый автор «Естественной истории» Плиний Старший указывал, что зимой «остальные работы должны производиться, главным образом, по ночам, так как в это время ночи значительно длиннее дня, а именно: плетут корзинки, плетёнки, короба, нарезают факелы, готовят колья. Днём полагается обтесать тридцать четырёхгранных кольев и шестьдесят круглых, вечером, при огне — пять четырёхгранных и десять круглых и столько же утром до света; ...до света при огне оттачивать железные орудия, прилаживать к ним рукоятки, починять разошедшиеся бочки, шить попоны для овец и вычёсывать их самих»^[588].

Ранней весной сельскохозяйственные работы возобновлялись. Уже в феврале-марте посевы следовало дважды обработать мотыгой, чтобы разбить образовавшуюся за зиму земляную корку и окучить, а в апреле-мае провести прополку и поливку^[589]. Перед каждой работой, будь то пахота, жатва, подрезка или корчёвка деревьев и прочее, обязательно совершали жертвоприношения. Известно, что верховному богу Юпитеру, богу войны и сельского хозяйства Марсу, богу всякого начала Янусу, богине материнства и плодородия Юноне, богине урожая Церере преподносились пироги, лепёшки, вино, свиньи, поросята, ягнята и телята^[590].

Римляне почитали множество различных богов, бывших прежде покровителями италийских племён, включённых в состав Римского государства. Кроме того, чтились некоторые животные (волк, козёл), камни, пещеры, водные источники, рощи и деревья (дуб, бук). Покровителями семьи и домашнего очага считались лары и пенаты.

Варрон особо выделял 12 главных богов-покровителей земледельцев: «Во-первых, Юпитера и Землю, тех, кто определил всем плодам земледелия находиться в земле под небом: потому их и называют великими родителями: Юпитер именуется отцом, Земля — матерью. Во-вторых, Солнце и Луну, по которым определяют время, когда что сеять и убирать. В-третьих, Цереру и Либера, потому что они подают самые необходимые для жизни плоды: от них приходит к нам из имения и пища и питьё. В-четвёртых, Робига и Флору, если они милостивы, то ржа не портит ни хлебов, ни деревьев, и они зацветают своевременно. Поэтому государством и установлены Робигу празднества Робигалий, а Флоре — Флоралий. Также чтут Минерву и Венеру: одна заботится о маслиннике, другая об огородах, поэтому и установлены Сельские Виналии (религиозный праздник. — М. Б.). И обязательно обращаюсь я с молитвой к Воде и Доброму Завершению, потому что без влаги работа на земле бесплодна и жалка, а без успеха и доброго завершения нет работы, а есть только напрасная трата сил»^[591].

Но на этом перечень небесных благодетелей земледельцев отнюдь не заканчивался. У римлян существовало огромное количество божеств, которые покровительствовали не только каждому отдельному действию селянина, но и различным частям окружающего мира: «Во главе их нужно поставить божества плодов земных: Janus и Saturnus, которые

открывают покров земли и осеменяют её; Seia Semonia или Fructiseia — питающая посеянное зерно в земле, и Segetia — после того как оно пустит росток; Proserpina, которая была первоначально богиней прозябания; Nodutus — заведующий ростом стебля; Volutina — окружающая колос предохранительным покровом; Patelana — помогающая колосу развернуться; Panda — богиня колосьев, развернувшихся и открытых; Hostilina — выравнивавшая колосья. Затем идут Flora — богиня цветения хлебных злаков; Lactans — бог колосьев, зерна которых ещё налиты молоком; Matuta — способствовавшая созреванию. Sterquilinus — даёт силу растениям, удобряя землю; Robigus и Robigo — заботятся о том, чтобы ржа не испортила хлеба; Spiniensis — уничтожает колючки и репейник. Призывают ещё Runcina, когда хлеб снят или, вернее, когда он очищен от сорной травы; Messia — охраняющую жатву спелого хлеба; Tutelina — сберегающую его после жатвы; Noduterensis — заведующего молотью; Pilumnus, который мелет зерно. Существовала особая богиня для плодов — Pomona, другая, Flora, для цветов, третья, Meditrina, для виноградной лозы. Уход за пчёлами был поручен богине мёда Mellona. Из божеств, покровительствующих скоту, известны имена троих: Pales — богиня овец и ягнят, Bubona — быков, Epona — лошадей. Кроме того, мы знаем богов различных местностей и частей земли, на которых живёт или ходит человек. Ascensus и Clivicola — напоминают о спусках и тропинках по склонам холмов и гор, Jugatinus и Montinus — о вершинах гор и горных равнинах. Coltatina — богиня холмов, Vallonia — долин, Rusina — окружающей местности. Порог человеческого жилища охраняла Jana; Arquus был богом сводов, Forculus — дверей; Cardea — дверного крюка; Limentinus —

камня у порога, рядом с ним была его подруга-Lima. Внутри был Lateranus — бог домашнего огня»^[592].

Существовали постоянные сельские религиозные праздники: Фордиции — плодородия и размножения скота, Цералии — плодородия полей и роста злаков, Парилии — очищения скота и избавления его от болезней, Робигалии — охраны пшеницы от ржавчины, Виналии — сбора винограда и виноделия, Консуалии — сбора урожая зерновых, Медитриналии — пробы нового вина, Опалин — изобилия продуктов и другие.

После того как в июле созревала пшеница, производили жатву. Италийцам было известно три способа убирать хлеб. Согласно первому сначала срезали стебли с колосьями у самой земли, складывали пучки в кучи, а потом срезали колосья и собирали их в корзины, солому же сгребали в кучу. Второй способ предполагал обрезку только колосьев, а солому косили потом отдельно. В соответствии с третьим самым распространённым способом, сначала срезали верхнюю часть стебля вместе с колосом (солому срезали примерно посередине), а остатки соломы скашивали позднее^[593]. В качестве инструмента для жатвы использовали различные виды серпов, пиценскую «палочку с железной пилкой» и *mergae*; последними двумя орудиями колосья не срезали, а обрывали^[594].

Солому в основном убирали уже после жатвы, в августе или сентябре, скашивая её специальной косой и сгребая в кучи^[595]. Она шла не только на корм скоту, но использовалась и для утепления грядок, укутывания молодых деревьев на зиму, в качестве материала для крыш, как подстилка для скота в хлеву^[596].

Ток для молотбы зерна устраивали обычно на поле, на высоком месте, обдуваемом ветром. Он представлял собой круглой формы площадку, с небольшим возвышением посередине, чтобы не застаивалась

дождевая вода. Землю на току тщательно уплотняли и утрамбовывали, таким образом защищая от трещин, а также поливали оливковым отстоем, предохранявшим от мышей, муравьёв и сорняков. Иногда ток мостили камнем^[597].

По словам Варрона, обмолот зерна на току происходил следующим образом: «У одних для этого запрягают трибулу. Это доска, в которую снизу набивают камней или гвоздей; на неё садится возница или кладётся большая тяжесть; упряжка животных тащит её, и таким образом колосья вымолачиваются. Молотят и так называемой «пунийской повозочкой», на оси которой надеты маленькие зубчатые колёсики; в ней сидит человек и погоняет впряжённых животных... У других хлеб вымолачивает стадо вьючных животных: его пускают на ток и подгоняют его палками. Своими копытами животные вымолачивают колосья. Вымолоченные зёрна следует провеять при лёгком ветре с помощью корзин или лопат. Тогда самая лёгкая часть вымолоченного хлеба, которая называется мякиной и ухоботьем, отлетает дальше за ток, а зерно, будучи тяжеловесным, падает уже чистым в корзину»^[598]. Варрона дополняет Колумелла: «Если хлеб сжат серпами с частью стебля, его тотчас же складывают в скирду или убирают под навес и, когда он подсохнет на солнце, сейчас же молотят. Если срезаны одни только колосья, их можно снести в амбар и затем уже зимой выбить цепями или вымолотить с помощью скота. Если удастся молотить хлеб на току, то несомненно лучше делать это с помощью лошадей, чем рогатого скота. Если упряжек мало, можно прибавить трибулу и трагею: и та и другая легко измельчают стебли. Сами же колосья лучше вымолачивать цепями и веять их с помощью корзин. Где мякина смешана с зерном, там её отвеивают на ветру»^[599].

Обмолоченное зерно засыпали «в амбары, поставленные на стояках, которые продувает ветром с востока и с севера; сырому воздуху из окрестных мест туда не должно быть доступа»^[600]. Чтобы уберечь зерно от мышей и червей, стены и полы амбаров обычно промазывали особым цементным составом (смесь глины, мякины и масляного отстоя). Использовались для хранения зерна и специальные земляные ямы-колодцы.

Рецепт изготовления хлеба был очень прост. Сначала, чтобы приготовить муку, пшеничное зерно мололи с помощью ручной мельницы (между двумя жерновами). Затем муку засыпали в предназначенную ёмкость, подливали воды, клали закваску и хорошенько перемешивали. Полученное тесто вручную месили, раскатывали, формовали и ставили в специальную печь. Как писал Плиний Старший, «разбирать отдельные сорта самого хлеба представляется излишним: есть хлеб, получивший название по тому кушанью, с которым его едят, например, устричный; по сдобе, которую в него кладут, например, «артолаган»; по скорости приготовления: «спешный», а также по способу выпечки: «печной», «формовой», «испечённый в клибанах». ...Высокое качество пшеничного хлеба зависит от хорошей муки и мелкого сита. Некоторые ставят тесто на молоке и яйцах, а замирённые нами племена, перенеся свои интересы на кондитерское искусство, даже на коровьем масле»^[601].

Широко были распространены в Италии виноградарство и виноделие. Без вина не садились за стол ни богач, ни бедняк. В любом поместье обязательно был шпалерный виноградник или виноградный сад (*arbustum*), где лозы вились по деревьям^[602]. Плиний Старший остроумно заметил, что лозы в Кампании «сочетают с тополями; обняв супруга, лоза поднимается вверх: хватаясь за ветви своими

шаловливыми руками, изгибаясь во все стороны, она достигает вершины дерева на такой высоте, что виноградарь нанимается, оговорив в условии, что хозяин похоронит его на свой счёт»^[603].

За виноградниками очень тщательно ухаживали: лозы подвязывали, обрезали, прививали, окапывали и хорошо удобряли^[604]. В различных областях древней Италии выращивали самые разные сорта винограда. Как отметил Плиний Старший, «бесчисленные сорта винограда, разнящиеся величиной, цветом и вкусом ягод, разнятся ещё больше качеством вин. Один виноград блещет пурпуром; другой сверкает розовым цветом и отливает зелёным; белый и чёрный — цвета обычные»^[605].

Созревший виноград собирали осенью (в сентябре-октябре) с помощью наёмных сезонных рабочих. К этому событию, по словам Катона, подготавливали все необходимые инструменты и запасали провизию для рабочих: «Сделай, чтобы к виноградному сбору было готово всё, что нужно: в дождливую погоду вымыты прессы, починены корзины, осмолены долин, которые нужно осмолить, приготовлены или починены плетушки, намолота полба, закуплена солёная рыба, посолены палые маслины»^[606].

Собранные виноградные грозди сначала давили ногами, а потом укладывали под виноградный пресс, устройство которого подробно описывает Катон^[607]. Полученный сок (сусло) разливали по большим глиняным кувшинам — долям или амфорам, а виноградные выжимки собирали и запасали на корм скоту. Долин закрывали крышками и отправляли в специальное прохладное хранилище, где сок бродил и превращался в вино. Иногда долин закапывали в землю. Плиний Старший писал, что «в Кампании самые благородные вина ставят в бочонках под открытым

небом; считается, что лучше всего подвергать их действию солнца, луны, дождя и ветров»^[608].

Надо сказать, что итальяцам было известно множество рецептов изготовления и хранения вина^[609]. В основном они делали только сухие вина (белые и красные), крепостью не более 14-16 градусов. Самыми знаменитыми и дорогими из производившихся в Италии были цекубское и фалернское. Очень приличными считались также сетинское, альбанское, суррентское, массикское, статанское, каленское, фунданское, велитернское и ретийское вина^[610], а к самым дешёвыми относились сабинское, вейентанское и ватиканское. Иногда для улучшения вкуса в вино добавляли лепестки фиалок и роз, листья алоэ, мирта, лавра, полыни, веточки можжевельника и даже некоторые восточные благовония^[611].

Для рабов предназначалось специальное «рабское вино» — «ополоски» (*lord*), то есть вымоченные в воде виноградные выжимки^[612]. Существовал и рецепт специального «зимнего рабского вина»: в долей с пресной водой добавляли немного виноградного сока, немного крепкого уксуса и сапы, а затем пять дней «вино» настаивали, регулярно перемешивая. Потом в долей подливали морской воды, замазывали крышку и ставили на хранение. Этого пошла для рабов, как писал Катон, «хватит тебе до летнего солнцестояния. Что останется после солнцестояния, то окажется крепчайшим и превосходным уксусом»^[613].

Фруктовый сад, особенно в Кампании, был почти обязательным атрибутом сельскохозяйственной виллы. Варрон вопрошает устами одного из участников диалога в своей книге «Сельское хозяйство»: «Не засажена ли Италия деревьями так, что кажется сплошным фруктовым садом?»^[614]. Итальяцы выращивали разнообразные сорта яблонь (винная,

скантиева, тибурская, скавдиева, америйская, пиценская, скептиева, круглая и др.), груш (горстевка, анициева, посевная, тарентская, винная, горляночная, сигнийская, латериева, крустумийская, долабеллова, фавониева, пиценская, севиева, турраниева и др.), айвы (простая, воробьиная, квинриниева, скантиева и др.), смоковниц (африканская, геркуланова, сагунтская, зимняя, мариска, теллана, тарентская, тибуртинская, сабинская и др.), слив (ячная, ослиная, восковая, дамасская), вишен (апрониева, лутациева, цецилиева, юниева, плиниева), гранатов, шелковицы, рябины, миндаля и грецких орехов^[615]. На сельскохозяйственных виллах выведением новых сортов занимались специальные рабы-садовники.

За фруктовыми деревьями тщательно ухаживали, регулярно производили окапывание, окучивание, обрезку, обильно поливали и вносили удобрения (навоз, оливковый отстой). Разводили деревья в специальных питомниках черенками, отводками и семенами. Некоторые приёмы прививок деревьев, известные древним итальянцам, практикуются до сих пор. В садах между деревьями часто сеяли хлеб, бобы, выращивали овощи и цветы.

Безусловно, сады в древней Италии имелись самые разные как по размеру, так и по сортовому ассортименту. Кто-то выращивал фрукты только для удовлетворения потребностей своей семьи, а кто-то — на продажу, особенно если его поместье находилось близ города. Отдельные аристократы иногда разводили сады для услаждения взора. Варрон писал, что некоторые хозяева устраивают в плодохранилищах «триклинии и там обедают. Если погоня за наслаждениями довела людей до того, что они обедают в картинной галерее, потому что там предложено им зрелище искусством, то почему не наслаждаться

зрелищем, которое предлагает природа в искусном подборе прелестных плодов? Особенно, если не приходится поступать так, как поступают некоторые: закупив в Риме плодов, они привозят их в деревню в плодохранилище, убираемое для пира»[\[616\]](#).

Надо думать, что и на вилле Вергилия тоже имелся фруктовый сад, где произрастали различные породы плодовых деревьев — яблони, груши, смоковницы, сливы, миндаль, шелковица, рябина и другие. Если Вергилий, как и его отец, занимался пчеловодством, то в его саду между деревьями, очевидно, находились ульи.

Помимо фруктовых деревьев в древней Италии практически повсеместно сажали маслину (оливковое дерево). Маринованные плоды маслины были важной частью рациона любого итальянца[\[617\]](#), а без оливкового масла, широко применявшегося в быту и кулинарии, не обходилась ни одна римская семья.

Существовало множество способов засолки и маринования маслин[\[618\]](#). Например, Катон приводит следующий рецепт: «Каким образом заготавливать впрок зелёные маслины. Перед тем как им почернеть, их бьют и кладут в воду. Воду менять часто. Затем, когда они достаточно вымокнут, отжать, положить в уксус, подбавить масла и полфунта соли на модий маслин. Укроп и лентиск приготовить отдельно в уксусе. Если хочешь готовить всё вместе, ешь маслины поскорее. Плотнo набей ими кувшинчик. Бери, когда захочешь есть, сухими руками»[\[619\]](#).

Маслина не требовала особого ухода. Любой крестьянин, посадив около своей хижины несколько деревьев, лишь собирал урожай в установленный срок. Вергилий так пишет о маслине:

Наоборот, для маслин обработки не надо,
маслины
Не ожидают серпа, не требуют цепкой мотыги.
Лишь укрепятся в земле и ко всяким ветрам
приобькнут,
Выделит почва сама, коль вскрыть её загнутым
зубом,
Влаги им вдоволь. Вспаши — и обильные даст
урожаи^[620].

Однако чтобы получить качественное оливковое масло, нельзя было ограничиваться только вспашкой маслинника. За деревьями нужно было заботливо ухаживать, проводить глубокую вспашку, специальную обрезку, удобрять навозом или перегноем^[621]. Если к ноябрю-декабрю созрел большой урожай, хозяину виллы приходилось либо продавать его прямо на деревьях, либо сговариваться с подрядчиком, который нанимал сезонных рабочих для сбора маслин. Чтобы сохранить товарный вид, плоды вручную обрывали с ветвей. Если же маслины были низкого качества, то их просто сбивали палкой и собирали с земли. Силами только хозяйских рабов собрать вовремя огромный урожай было невозможно^[622].

Маслинник в I веке до н. э. был обязательным атрибутом сельской виллы. Существовало множество сортов маслин, которые выращивали в определённых областях древней Италии, например, саллентинская, павсиева, Сергиева, лициниева, пиценская и другие^[623]. Ещё во II веке до н. э. были выработаны особые правила ухода за маслиной, сбора урожая, а также выжимки масла, для чего на виллах устраивались специальные маслобойни. Например, Катон в своём «Земледелии»

весьма обстоятельно рассматривает обустройство маслодавили, даёт важные советы по сбору маслин и изготовлению хорошего масла^[624]. Самым лучшим в Италии считалось «венафрское» масло, которое производили в окрестностях городка Венафр^[625].

Важнейшим дополнением к столу были овощи (капуста, огурцы, лук, лук-порей, чеснок, щавель, салат латук, кресс-салат, свёкла, морковь, редька, репа, тыква-горлянка, спаржа), а также пряные травы (укроп, сельдерей, кориандр, мальва, рута, мята, гулявник, девясил, мак)^[626]. Очень часто рядом с крестьянскими домиками имелись огороды, на которых овощи росли в изобилии^[627]. На виллах же, особенно пригородных, огороды устраивались не столько для удовлетворения потребностей владельцев, сколько для выращивания овощей на продажу.

В древней Италии очень хорошо было развито скотоводство. Недаром, по словам учёного Тимея, сама страна получила своё имя за обилие быков и телят, ведь на греческом языке слово *Halos* когда-то означало «бык»^[628]. Крупный рогатый скот повсеместно использовался как основная тяговая сила при сельскохозяйственных работах^[629]. Он же служил источником мяса, кожи и молочных продуктов. Летом быки и коровы паслись на горных пастбищах, а зимой — в долинах; содержали их в хлеву. По мнению Варрона, «крупный рогатый скот лучше всего пасти в лесах, где много листвы и кустарников; когда он перезимует у моря, его летом выгоняют в горы, богатые травой»^[630]. На корм крупному рогатому скоту заготавливали листья деревьев, вымоченные жёлуди, виноградные выжимки, сено, солому, мякину, вымоченный люпин, бобы, вику, чечевицу, могоар, «греческое сено», а также специальную кормовую смесь (*остит*)^[631].

Очень широко было распространено овцеводство, так что стадо в несколько сотен голов даже считалось небольшим. Это не должно удивлять, поскольку вся одежда для всех слоёв населения Италии делалась из шерсти. Овечье молоко и в особенности овечий сыр были важной частью рациона римлян. Сыр изготавливали следующим образом: «Парное молоко заквашивали сычугом, взятым из желудка козлёнка или ягнёнка, либо цветами чертополоха или млечным соком, который вытекает из надрезанной зелёной коры смоковницы. Створожившуюся массу выкладывали в плетёнки или особые формочки и придавливали их какой-нибудь тяжестью, чтобы вытекала сыворотка; затем сыр вынимали, раскладывали по полкам в тёмном и холодном месте, посыпали мелкой солью и опять клали под гнёт. Когда сыр отвердевал, операцию эту повторяли ещё и ещё в течение девяти дней. Затем соль смывали пресной водой и убирали сыры в тёмное прохладное место. Такие сыры выдерживали переезд через море. Сыры, предназначенные для домашнего употребления, вынув из форм, опускали в рассол и затем короткое время сушили на солнце. Иногда сыр коптили; иногда добавляли в молоко разные ароматные травы»^[632]. Даже в скромной хижине сельского бедняка можно было увидеть круг сыра, висящий на крюке под потолком^[633]. Особенно славились своими сырами Лигурия, Умбрия, Этрурия, а самый вкусный копчёный сыр («велабрский») делали в Риме^[634].

Как известно, скотоводство в Италии было двух типов: кочевое (пастбищное) и приусадебное (стойловое). На равнинных пастбищах Южной Италии трава летом почти полностью выгорала от жары, и поэтому пастухи были вынуждены перегонять скот на горные пастбища в Апеннинских горах, а зимой вновь возвращать его в долины. При этом летние и зимние

пастбища нередко отстояли друг от друга на сотни километров, и пастухи ежегодно совершали по стране целые путешествия^[635]. На ослах или мулах они везли съестные припасы и необходимую утварь. Во время таких путешествий пастухам приходилось сталкиваться с самыми разными людьми, в том числе и с разбойниками, которым нужно было давать отпор. Обитая на пастбищах, затерянных высоко в горах, они были предоставлены сами себе и часто оказывались беззащитными перед неумолимыми силами природы. Варрон справедливо считал, что в пастухи «людей надо выбирать крепких, быстроногих, проворных, ловких, таких, которые могут не только следовать за скотом, но и отбиться от зверей и разбойников; которые могут навьючить на животное тяжёлую кладь, могут первые кинуться на врага; могут метнуть дротик»^[636]. Кочевая жизнь требовала от пастухов ещё и больших знаний. Только они могли найти правильную дорогу днём и ночью, разыскать лекарственные растения и вылечить заболевшее животное. Был у пастухов и досуг, который так ярко описал Вергилий в своих «Буколиках».

Благодаря своей относительной независимости пастухи питались намного лучше, чем содержащиеся под надзором на виллах их товарищи по рабству, и в силу этого были намного сильнее и здоровее. Кроме того, пастухи были хорошо вооружены и держали при себе больших собак, охранявших стадо. Все вместе они представляли сплочённое сообщество, и каждый пастух в минуту опасности готов был немедленно прийти на выручку своему собрату. Очень часто пастух имел свой собственный дом, где его ждали жена и дети, так как хозяева поощряли браки пастухов, надеясь привязать их к вилле и не допустить их бегства. Иногда жёны пастухов даже сопровождали своих мужей во время

перекочёвок, готовя еду и заботясь о здоровье скота^[637].

Возглавляли пастушеские отряды «старшие пастухи», которые пользовались непререкаемым авторитетом в пастушеской среде. Они были старше и опытнее остальных пастухов, прекрасно знали пути на пастбища, умели лечить не только скот, но и своих подчинённых, занимались выведением новых пород скота^[638]. Самой распространённой породой овец в Италии была так называемая «косматая овца», описанная Варроном. Кроме того, среди местных пород выделялись калабрийские, апулийские и тарентские овцы, о которых подробно пишет Колумелла^[639].

Наряду с пастухами, сопровождавшими кочевые стада, были пастухи, которые пасли немногочисленный скот недалеко от дома. Этим обычно занимались рабы-подростки и дети из крестьянских семей: «...в имении скот пасут не только мальчики, но даже девочки»^[640]. Мальчишкой-пастушком, надо думать, был в своё время и Вергилий, ведь свои «Буколики» он писал практически с натуры.

Вряд ли поэт содержал на своей вилле в Кампании крупное стадо овец, которое нужно было отправлять на горные пастбища. Небольшого стада (около сотни голов) было достаточно для получения необходимого количества мяса, шерсти, молока и сыра. Летом маленькое овечье стадо можно было пасти и на лугу, и в маслиннике, и в виноградном саду, и в плодовом саду. Варрон писал, что «стада, если они пасутся и на одном и том же месте, выходят на пастбище в разное время: летом их выгоняют на рассвете, потому что росистая трава вкуснее, чем в полдень, когда она уже суха. Когда солнце взошло, овец гонят на водопой, чтобы, передохнув, они опять бодро начали пастись. Около полудня, когда начинается зной, их загоняют под

тенистые скалы и раскидистые деревья, пока жара не спадёт. Вечером их опять пасут до солнечного заката. ...Спустя немного времени после захода солнца овец сзывают на водопой и опять пасут, пока не стемнеет: трава теперь опять становится вкусной»^[641]. В зимнее время их выпускали на пастбище только после того, как сойдёт иней. На зиму овцам заготавливали специальные корма: листья деревьев, сено, ячмень, мякину, отруби, виноградные выжимки, вику, бобовник, «мидийскую траву». Держали овец в особой, вытянутой в длину тёплой овчарне, поскольку эти животные не выносили холода. Вымощенный камнем покатым пол овчарни устилали сухой травой, соломой или ветками^[642].

Козы, как и овцы, давали молоко и мясо, а также шерсть, из которой изготовлялась не только одежда, но даже корабельные снасти^[643]. Ухаживали за козами почти как за овцами, но пасли в основном в горах или в лесах, дабы они не уничтожили посевы или травяной покров на лугах^[644]. Стадо в 50 голов считалось уже достаточно большим.

Свиноводство, наряду с овцеводством, было весьма популярно в древней Италии. Поскольку свинина была самым любимым мясом римлян, свиней разводили в огромных количествах и в деревнях, и на сельскохозяйственных виллах^[645]. В своём трактате Варрон устами скотовладельца Скрофы вопрошает: «Кто из нас хозяйничает в имении так, чтобы не иметь свиней, и кто не слышал, как отцы наши называли лентяем и мотом человека, у которого в кладовке висела ветчина от мясника, а не из собственного имения?»^[646]

Летом стада свиней (100 или 200 голов) паслись на подножном корму, а зимой с удовольствием потребляли заготовленные для них зерно (ячмень, пшеницу), высушенные жёлуди, бобы, горох и чечевицу,

виноградные выжимки^[647]. Утром, до жары, свиней полагалось выгонять на пастбище (часто выбирали болотистое место). Колумелла считал, что «свиньи отъедятся и зажиреют, если они пасутся на обработанном поле, заросшем травой (поле под паром. — *М. Е.*) и засаженном разнообразными деревьями, плоды которых сменяются одни другими: тут и яблони, и сливы, и груши, всевозможные орехи и винные ягоды»^[648]. Когда солнце начинало припекать, свиней загоняли в тень, а после полудня опять отправляли пастись. Зимой их выпускали только тогда, когда под лучами солнца сходил иней. Держали свиней в тёплом хлеву, в отдельных закутках^[649].

Лошадей использовали в основном для военной службы, извоза или цирковых представлений и торжественных процессий^[650]. Стоили они очень дорого, и поэтому держали их редко, так как это было по средствам только очень богатым людям. Ослов и мулов держали чаще. Их отправляли работать на мельницу или использовали для перевозки грузов и людей^[651].

Собак держали в каждой усадьбе для охраны. По мнению Варрона, «собак лучше иметь мало, но внушительного вида и рьяных: приучи их ночью бодрствовать, а днём спать взаперти»^[652]. Кроме того, пастухи использовали собак в качестве сторожей при стадах.

Домашнюю птицу, в особенности кур и гусей, разводили повсеместно. В небольших имениях держали не более сотни птиц, размещая их в сарайчиках. Ухаживали за ними в основном женщины^[653]. Варрон отмечал, что «в старину у наших предков было два вида птичников: внизу по двору бродили куры, и доходом от них были яйца и цыплята, а высоко в башнях или на крыше усадьбы жили голуби»^[654]. В пригородных же

имениях птицу часто выращивали в очень больших количествах, с расчётом на городской рынок. Некоторые хозяева сооружали целые «птицефермы», где в особых птичниках содержались не только привычные всем куры и гуси, но и дрозды, голуби, утки и даже павлины^[655].

Разведением пчёл занимался отец Вергилия, поэтому поэт, очевидно, был хорошо знаком с основами пчеловодства. Пасеку можно было устроить на небольшом клочке земли или в саду. Варрон сообщает, что «ульи одни делают круглые из прутьев, другие — из дерева и коры, некоторые — из дуплистого ствола, некоторые — из глины, а некоторые — даже из стеблей *ferula* (многолетнее травянистое растение с толстым стеблем. — М. Б.), квадратные, высотой фута в три, а шириной в один...»^[656]. Пчёлы всегда приносили очень хороший доход, поскольку мёд потреблялся римлянами в огромных количествах, являясь единственной альтернативой недоступному сахару. При этом римляне знали множество сортов мёда, а также полезные свойства прополиса и воска^[657].

Вергилий, который проживал в своём имении постоянно и прекрасно знал сельскохозяйственную науку, был, очевидно, хорошим хозяином, да и к рабам своим относился по-человечески. Вероятно, у поэта был умный вилик, что позволяло ему всё своё свободное время посвящать поэзии.

«Георгики»

Ранние произведения Вергилия и его «Буколики» произвели большое впечатление на Мecenата, который, оценив блестящий талант молодого поэта, предложил ему создать значительную дидактическую поэму о земледелии^[658]. Дидактические поэмы как порождение эллинской культуры призваны были поучать и советовать, как лучше сделать что-то в определённой области. Поэтому создание таких работ требовало от поэта не только высокого поэтического мастерства, но и глубоких знаний о воспеваемом предмете. Идея Мecenата, очевидно, показалась очень привлекательной Вергилию, с детства имевшему склонность к сельским сюжетам и, что немаловажно, располагавшему значительными познаниями в области сельского хозяйства.

В 37/36 году Вергилий приступил к созданию обширного произведения, которое получило название «Георгики» (*Georgica*, «Поэма о земледелии», от греческого слова *georgos* — земледelec). Над этой дидактической поэмой он работал долгих семь лет — примерно с 37/36 по 30 год^[659]. В этот период Вергилий проживал на своей вилле в пригороде Неаполя (Партенопеи), а Октавиан боролся с Марком Антонием и улаживал дела на Востоке:

Пел я эти стихи про уход за землёй, за стадами
И деревьями, меж тем как Цезарь великий
войною
Дальний Евфрат поражал и в народах, по
доброй их воле,

Как победитель, закон утверждал, по дороге к Олимпу.

Сладостной в те времена был я — Вергилий — питаем

Партенопеей; трудясь, процветал и не гнался за славой... [\[660\]](#)

По свидетельству Светония, «когда он писал «Георгики», то обычно каждое утро сочинял по многу стихов и диктовал их, а потом в течение дня переделками сокращал их до очень немногих» [\[661\]](#). Сам Вергилий, объясняя этот способ, говорил, что «рождает свои стихи по нраву и обычаю медведей. Ибо, как самка этого животного рождает на свет детёныша не имеющим вида и облика и затем, облизывая того, кого она таким родила, придаёт форму его телу и определённую чертам, так и то, что его гений производил поначалу, было грубым на вид и несовершенным, а позже, после обработки и усовершенствования, приобретало очертания и облик» [\[662\]](#). Лишь изредка, когда его настоятельно приглашали друзья, Вергилий приезжал в шумный Рим и останавливался в своём доме на Эсквилинском холме.

Летом 29 года, после окончательного одобрения Мецената, поэт представил, наконец, «Георгики» на суд самому Октавиану. Возвращаясь с Востока после победы над Клеопатрой и Марком Антонием, император остановился в городе Ателла в Кампании, где намеревался отдохнуть и полечить горло. Туда же вместе с Меценатом приехал и Вергилий. На протяжении четырёх дней поэт читал свои «Георгики» перед Октавианом и его окружением (по одной книге в день), а когда уставал, то его сменял Меценат [\[663\]](#).

Современники отмечали, что всегда стеснительный Вергилий, декламируя свои стихи, как будто преображался и его голос становился удивительно приятным и изящным. По словам Светония, «поэт Юлий Монтан не раз говорил, что охотно похитил бы кое-что у Вергилия, если бы мог при этом похитить его голос, облик и жесты: ибо одни и те же стихи в его собственном произношении звучали прекрасно, а без него были пустыми и вялыми»^[664].

Поэма «Георгики» написана гекзаметром (2188 стихов) и делится на четыре книги, каждая из которых посвящена одному из видов сельского хозяйства. Первая книга — «Земледелие» — подробно повествует об обработке полей и предсказании погоды, вторая — «Садоводство» — о выращивании различных деревьев и виноградной лозы, третья — «Скотоводство» — о разведении скота и уходе за ним, а четвёртая — «Пчеловодство» — об устройстве пасеки и уходе за пчёлами. Соответственно, две книги поэмы отданы флоре, а две — фауне. Помимо этого каждая книга содержит очаровательные миниатюрные картины природы (весенний пейзаж, буря, деревенские забавы, бой быков, пасущееся стадо) и значительные вставные эпизоды, посвящённые, например, знамениям в связи с убийством Юлия Цезаря, прославлению Италии и сельской жизни, падежу скота в Норике. Они очень украшают и освежают поэму, позволяя читателю ненадолго отвлечься от центральной темы. В основе композиции поэмы отчётливо прослеживается принцип антитезы, поскольку нечётные книги поэмы заканчиваются мрачными эпизодами, а чётные — светлыми и радостными.

Если «Буколики» пестрели обращениями к Азинию Поллиону, то «Георгики» целиком и полностью посвящены Меценату «за то, что тот, ещё мало его зная,

помог ему защититься от насилий одного ветерана, который чуть не убил его, сражаясь за поле»^[665]. В начале каждой книги Вергилий с восхищением упоминает своего нового патрона, специально обращаясь к нему, а в третьей книге даже особо подчёркивает, что сочинил поэму по его приказанию^[666]. Более того, учёные полагают, что с формальной точки зрения вся поэма построена в виде единого обращения к Меценату.

Для создания «Георгик» Вергилию явно пришлось ознакомиться с немалым количеством трудов по сельскому хозяйству, животноводству, ботанике и астрономии. Это прежде всего сочинения греческих авторов: «Труды и дни» Гесиода^[667], «Небесные явления» Арата Солийского^[668], «Гермес» Эратосфена Киренского, «Мелиссургики» и «Георгики» Никандра Колофонского^[669] (именно у него позаимствовал Вергилий название для своей поэмы), «Домострой» Ксенофонта, естественно-научные труды Аристотеля и Теофраста. Среди работ римских учёных следует назвать «О земледелии» и «О пчёлах» Гитина^[670], «Земледелие» Катона Старшего, «Сельское хозяйство» Варрона. Знаком был Вергилий и с переведённым на латинский язык огромным трудом карфагенского агронома Магона^[671]. Имеются в «Георгиках» многочисленные реминисценции из Гомера, Каллимаха, Феокрита, Аполлония Родосского, Парфения, Энния и особенно из Лукреция^[672].

Философская поэма «О природе вещей» римского поэта-эпикурейца Тита Лукреция Кара (99—55) была, можно сказать, настольной книгой Вергилия. По свидетельству Светония, Вергилий надел мужскую тогу «пятнадцати лет отроду, в год, когда вторично были консулами те, в чьё первое консульство он родился; и случилось так, что в тот же самый день умер поэт

Лукреций»^[673]. Эта связь показывает, что Вергилий уже в древности рассматривался как прямой наследник поэтической славы Лукреция. Сочиняя «Георгики», Вергилий, конечно же, использовал и собственный опыт, собственные сведения о сельской жизни, очень хорошо знакомой ему с раннего детства.

Несмотря на огромный материал, привлечённый Вергилием, «Георгики» не являются всеобъемлющим руководством по ведению сельского хозяйства. Поэт, например, ничего не рассказывает об огородничестве, птицеводстве, свиноводстве, разведении рыб в садках, чем особенно увлекались римляне. Кроме того, он не рассматривает быт крестьянского двора и имения, ничего не говорит о рабах, без труда которых нельзя было обойтись ни одному хозяину, иногда даёт ошибочные советы. Философ Сенека верно подметил, что Вергилий «старался не о том, чтобы сказать правдивее, а о том, чтобы покрасивее, и хотел не обучать земледельцев, а доставлять удовольствие читателям»^[674].

Кому же в таком случае были адресованы «Георгики»? В период гражданских междоусобиц I века до н. э. не только бедные итальянские крестьяне, но и богатые землевладельцы за бесценок продавали или просто забрасывали свои поместья и бежали от войны. Это привело к запустению деревни и упадку сельского хозяйства. Чтобы возродить экономику, необходимо было, хотя бы и с помощью поэзии, обратить внимание прежде всего крупных и средних землевладельцев на преимущества земледелия и скотоводства, дабы они вернулись в свои поместья, возродили сельское хозяйство и обеспечили Италию зерном, вином, маслом и мясом. Поэтому «Георгики» ни в коем случае не предназначены для простых неграмотных крестьян, и без того прекрасно разбиравшихся во всех

особенностях сельской жизни, а, напротив, адресованы состоятельным землевладельцам и образованным горожанам. И Меценат, и сам Октавиан, и многие представители римской интеллигенции прекрасно понимали, что только с помощью возрождения сельского хозяйства можно восстановить былую мощь государства. Не случайно именно в 37—36 годах известный писатель и учёный Марк Теренций Варрон издал свой знаменитый трактат «Сельское хозяйство».

Тем не менее Вергилий формально адресует поэму «поселянам, ещё не знакомым с дорогой»^[675], то есть многочисленным солдатам-ветеранам, получившим конфискованные земли и только начавшим заниматься сельским хозяйством, дабы они, разочаровавшись, не начали массово продавать свои земельные наделы и переселяться в города, пополняя собой люмпенизированный плебс, что случалось, впрочем, довольно часто.

Первая книга «Георгик» начинается с обращения к Меценату и заявления темы произведения:

Как урожай счастливый собрать, под какою
звездою
Землю пахать, Меценат, и к вязам подвязывать
лозы
Следует, как за стадами ходить, каким
попеченьем
Скот разводить и каков с бережливymi пчёлами
опыт,
Стану я здесь воспевать^[676].

Затем следует традиционное обращение к верховным богам — Либеру, Церере, Нептуну, Пану,

Сильвану, Минерве, а также к низшим божествам — фавнам, дриадам и многим другим сельским божкам^[677]. Знаменательно, что в число верховных богов Вергилий включает Октавиана, предрекая ему почётное место среди сонма божеств, вплоть до появления его звезды на небесах; наконец, поэт обращается к императору с просьбой о вдохновении^[678].

После этого достаточно пространного вступления Вергилий подробно рассказывает о подготовке поля к пахоте, о свойствах различных почв, о чередовании сельскохозяйственных культур и удобрениях, об условиях, необходимых для хорошего урожая, об обработке и поливе полей, о борьбе с засухой, сорняками и вредителями^[679]. Поэт подчёркивает, что в основе крестьянского благосостояния лежит тяжёлый труд, единственно достойный для римского гражданина. В противном случае крестьянину придётся «голод же свой утолять по лесам, дубы сотрясая». Труд рассматривается ещё и с точки зрения его высочайшей нравственной ценности, ведь лишь упорно трудясь человек может достичь счастья. Вергилий утверждает: *Labor omnia vicit improbus* («Труд неустанный всё победил!»), а затем приводит в качестве примера быт людей в период перехода власти над миром от Сатурна к Юпитеру:

...Отец пожелал сам,
Чтоб земледельческий труд был нелёгок,
первый искусством
Пахаря вооружил, к работе нуждой побуждая,
Не потерпев, чтоб его закоснело в бездействии
царство,
Вовсе не знали поля до Юпитера пахарей

власти.

Даже значком отмечать иль межой
размежёвывать нивы

Не полагалось. Всё сообща добывали. Земля же
Плодоносила сама, добровольно, без
понужденья.

Он же, Юпитер, и яд даровал отвратительным
змеям,

Волку велел выходить на добычу и морю —
вздыматься,

Мёд с листвы он стряхнул, огонь от людей он
запрятал,

Остановил и вино, бежавшее всюду ручьями,
Чтобы уменя во всём достигал размышляющий
опыт,

Мало-помалу, и злак выводить из борозд
научился,

Чтобы из жилы кремня извлекал он огонь
потаённый.

Реки впервые тогда об ольхах долблёных
узнали,

В первый раз мореход назвал и исчислил
светила,

Звёзды Плеяд и Гиад и сияющий Аркт Ликаона.

Зверя сетями ловить и птиц обманывать клеем

Способ нашли, оцеплять лесные урочища псами.

Тот по широкой реке замётным неводом плещет

В поисках глуби, другой сеть мокрую тащит по
морю;

Вот и железо у них, и пил визжащие зубья, —

А поначалу бревно кололи некрепкое клином.

Разные тут мастерства появились; труд
неустанный

Всё победил, да нужда в условиях гнетущая

тяжких^[680].

Далее Вергилий перечисляет различные сельскохозяйственные орудия, подробно описывает конструкцию плуга^[681], устройство тока для обмолота зерна^[682], указывает приметы хорошего урожая^[683], даёт советы по подготовке семян для посева^[684].

Оставшаяся часть первой книги посвящена сельскохозяйственному календарю земледельца^[685], осенним бурям и предсказаниям погоды^[686] и, наконец, страшным природным явлениям и знамениям в связи с убийством Гая Юлия Цезаря:

В час, когда Цезарь угас, пожалело и солнце о
Риме,
Лик лучезарный оно темнотой багровеющей
скрыло.
Ночи навечной тогда устранился мир
нечестивый.
А между тем не даром земля, и равнина морская,
И зловещатели псы, и не вовремя вставшие
птицы
Знаки давали. Не раз бросалась на нивы
циклопов,
Горны разбив и кипя, — и это мы видели! —
Этна,
Клубы катила огня и размякшие в пламени
камни.
Частый оружия звон Германия слышала в небе.
К землетрясениям дотоль непривычные, вдруг
содрогнулись
Альпы, в безмолвье лесов раздавался откуда-то

голос
Грозный, являться порой таинственно-бледные
стали
Призраки в тёмную ночь, и животные
возговорили.
Дивно промолвить! Земля поразверзлась, реки
недвижны.
В храмах слононая кость прослезилась и бронза
вспотела.
Залил леса и понёс на своём хребте
сумасшедшем
Царь всех рек Эридан, и стада, и отары с
хлевами
Он по полям за собой потащил. Постоянно в то
время
На требухе не к добру проступали зловещие
жилы,
Алая кровь то и дело текла из фонтанов, и
волчий
Вой по ночам долетал до стен городских на
высотах.
Не упало вовек с небес безоблачных столько
Молний, и столько комет никогда не пылало
зловещих^[687].

Завершается первая книга «Георгии» небольшой молитвой за благополучие Октавиана^[688]. Вергилий просит богов-хранителей Рима не препятствовать «юноше» в его начинаниях, ибо только он может избавить государство от ужасов гражданской войны.

В начале второй книги Вергилий вновь традиционно взывает к богам, в данном случае к Вакху, обещая теперь воспеть «деревья дикие леса», виноградную

лозу и маслину^[689]; немного рассказывает о размножении различных деревьев^[690], а затем обращается к Меценату:

Будь же со мной и моей начатой сопутствуй
работе,
О украшение, о часть моей величайшая славы,
Ты, Меценат! Полети с парусами в открытое
море!
Нет, я всё охватить не стремлюсь моими
стихами,
Нет, если даже я сто языков, сто уст возымел
бы,
Голос железный. Скользи полосой прибрежную
рядом,
Не отходя от земли. Тебя поэтической басней
Не задержу, ни двусмыслием слов, ни
приступом долгим^[691].

Далее Вергилий подробно повествует о выращивании деревьев и способах прививки^[692], о видах деревьев^[693], о сортах винограда^[694], о свойствах различных почв^[695], о выращивании виноградных лоз^[696], об уходе за маслиной и использовании деревьев в быту^[697]. Несколько раз поэт прерывает своё повествование, дабы воспеть Италию и прелести весны.

Италия в представлении Вергилия — это самая лучшая в мире страна, наделённая всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами, наследница «золотого века», родина «крепких мужей», великих политиков и полководцев, находящаяся под особым покровительством богов:

Но ни мидийцев земля, что всех богаче лесами,
Ни в красоте своей Ганг, ни Герм, от золота
мутный,
Всё же с Италией пусть не спорят; ни Бактрия с
Индом,
Ни на песчаных степях приносящая ладан
Панхайя.
Пусть не вспахали быки, огонь выдыхая
ноздрями,
Эти места, и зубов тут не сеяно Гидры свирепой,
Дроты и копья мужей не всходили тут частою
нивой, —
Но, наливаясь, хлеба и Вакха массийская влага
Здесь изобильны, в полях и маслины, и скот в
преизбытке.
Здесь и воинственный конь выходит на поле
гордо.
Белы твои, о Клитумн, стада, постоянно омыты
Влагой священной твоей, а бык, драгоценная
жертва,
Римским триумфам не раз до божьих
сопутствовал храмов.
Здесь неизменно весна и лето во время любое,
Дважды приплод у отар, и дважды плоды на
деревьях.
Хищных тигров тут нет, ни львиного злого
потомства,
Здесь собирателей трав аконит не обманет
злосчастных,
Нет и чешуйчатых змей, огромные кольца
влачащих
И, проползая тайком, вращающих тело
спиралью.
Столько отменных прибавь городов и труд

созиданья,
Столько по скалам крутым твердынь, людьми
возведённых,
Столько под скалами рек, обтекающих древние
стены!
Море напому ли, к ней подступившее справа и
слева?
Множество разных озёр; напому ли Ларий
обширный
Или тебя, о Бенак, как море, вздымающий
волны?
Упомяну ли ещё о портах и молах Лукрина
Или о море, что, вдаль плотиной отогнано
мощной,
В негодование шумит и у гавани Юлия ропщет,
А закипевший Тиррен мешается с влагой
Аверна?
Не у неё ли ручьи серебра и залежи меди
В недрах, течёт не она ль изобильно золотом
чистым?
Крепких она и мужей, сабинских потомков и
марсов,
И лигурийцев, трудом закалённых, и с копьями
вольсков
Родина, Дециев всех и Мариев, сильных
Камиллов,
И Сципионов, столпов войны, и твоя,
достолавный
Цезарь, который теперь победительно в Азии
дальней
Индов, робких на брань, от римских твердынь
отвращает.
Здравствуй, Сатурна земля, великая мать
урожаев!
Мать и мужей! Для тебя в искусство славное
древних

Ныне вхожу, приоткрыть святые пытаюсь
истоки [\[698\]](#).

И только в такой прекрасной стране, как Италия, наступает не менее прекрасная весна! Благодатная италийская весна тоже является подлинным наследием «золотого века», и поэтому поэт посвящает ей несколько проникновенных строк [\[699\]](#). Некогда весна царила круглый год («была лишь весна»), верит поэт, и только с приходом «железного века» природа изменилась.

Все свои достоинства Италия сохранила ещё со времён «золотого века», и теперь, по мысли Вергилия, нужно только приложить немного усилий, чтобы вновь создать счастливое «царство Сатурна». Этот замечательный образ Италии, созданный Вергилием, обрёл бессмертие не только в его стихах, но и в мировоззрении римлян.

Например, Италия в образе богини Земли представлена на знаменитом «Алтаре мира», созданном в честь триумфального возвращения Октавиана из западных провинций. «Алтарь мира» был торжественно заложен 4 июля 13 года на Марсовом поле, а открыт и освящён 30 января 9 года. Этот замечательный памятник, реконструированный в первой половине XX века, представляет собой огороженную высокими мраморными стенами площадку, в центре которой на ступенях находится роскошный жертвенник. Стены алтаря украшены замечательными барельефами с изображением божеств и торжественной процессии по случаю закладки. Италия изображена на западной стене и предстаёт перед зрителями в виде прекрасной женщины, сидящей на троне и держащей на коленях двух миловидных младенцев. Со всех сторон она

окружена цветами и плодами; по бокам от неё находятся две нимфы, олицетворяющие ветры, а у ног мирно пасётся ягнёнок и лежит вол.

В конце второй книги как бы в дополнение к гимнам в честь Италии и весны Вергилий поместил своеобразный панегирик италийской деревне и сельскому труду, в котором беспощадно обличает городскую жизнь:

Трижды блаженны — когда б они счастье своё
сознавали! —

Жители сел. Сама, вдалеке от военных усобиц,
Им справедливо земля доставляет нетрудную
пищу.

Пусть из кичливых сеней высокого дома не
хлынет

К ним в покои волна желателей доброго утра,
И не дивятся они дверям в черепаховых
вставках,

Золотом тканых одежд, эфирейской бронзы не
жаждут;

Пусть их белая шерсть ассирийским не крашена
ядом,

Пусть не портят они оливковых масел корицей,
—

Верен зато их покой, их жизнь простая надёжна.
Всем-то богата она! У них и досуг и приволье,
Гроты, озёр полнота и прохлада Темпейской
долины,

В поле мычанье коров, под деревьями сладкая
дрёма, —

Всё это есть. Там и рощи в горах, и логи со
зверем;

Трудолюбивая там молодёжь, довольная малым;
Вера в богов и к отцам уваженье. Меж них

Справедливость,
Прочь с земли уходя, оставила след свой
последний [\[700\]](#).

В отличие от горожан итальяские крестьяне спокойно живут на лоне природы, честно трудятся и довольствуются скромными сельскими радостями [\[701\]](#). Не в этом ли заключается основной идеал жизни для философов-эпикурейцев, у которых учился в своё время и Вергилий? Но этого мало! По мысли поэта, простые крестьяне практически живут и блаженствуют в «золотом веке»:

Скоро зима. По дворам сикионские ягоды давят.
Весело свиньи бредут от дубов. В лесу —
земляничник.
Разные осень плоды роняет с ветвей. На
высоких,
Солнцу открытых местах виноград припекается
сладкий.
Милые льнут между тем к отцовским объятиям
дети.
Дом целомудренно чист. Молоком нагруженное,
туго
Вымя коровье. Козлы, на злачной сойдясь
луговине,
Сытые, друг против друга стоят и рогами
дерутся.
В праздничный день селянин отдыхает, в траве
развалившись, —
Посередине костёр, до краёв наполняются
чаши.
Он, возливая, тебя, о Ленеи, призывает. На вязе

Вешают тут же мишень, пастухи в неё дротики мечут.

Для деревенской борьбы обнажается грубое тело.

Древние жизнью такой сабиняне жили когда-то,
Так же с братом и Рем. И стала Этрурия мощной.
Стал через это и Рим всего прекраснее в мире,
—

Семь своих он твердынь крепостной опоясал стеною.

Раньше, чем был у царя Диктейского скипетр, и раньше,

Чем нечестивый стал род быков для пиров своих резать,

Жил Сатурн золотой на земле подобною жизнью.

И не слыхали тогда, чтобы труб надувались гортани,

Чтобы ковались мечи, на кремнёвых гремя наковальнях^[702].

Но так ли всё это было на самом деле? Не слукавил ли здесь Вергилий? Ведь именно крестьяне больше других страдали во время гражданских войн, именно крестьяне отдавали своих сыновей в солдаты, именно крестьяне лишались своих наделов в результате конфискаций и бежали в города. Вероятно, основная задача поэта, как полагают многие учёные, заключалась не в том, чтобы показать, какова современная ему деревенская жизнь, а в том, какова она была в прошлом («Древние жизнью такой сабиняне жили когда-то») и какова может стать в будущем, благодаря долгожданному миру и деяниям великого Октавиана. При этом крестьянский мир, описанный

Вергилием, ни в коем случае не является утопией. Это не сказочная Аркадия, как в «Буколиках», ареальная Италия. Вергилий учит, как нужно трудиться земледельцам, чтобы возродить Италию — наследницу «царства Сатурна», и снова жить счастливо, будто в «золотом веке». «Георгики» по сути являются великим гимном крестьянскому труду, без которого немыслимо возрождение Римского государства, а также возвращение «золотого века». Но полноценный труд возможен только в мирное время, поэтому протест против гражданской войны красной нитью проходит через всю поэму. Уже в конце первой книги поэт страстно обрушивается на современность:

Правда с кривдою здесь смешались, всё войны
по свету...
Как же обличья злодейств разнородны! Нет уже
плугу
Должной чести. Поля засыхают с уходом хозяев
Прежних; и серп кривой на меч прямой
перекован.
Там затевает Евфрат, а там Германия брани:
Здесь, договоры порвав, города-соседи
враждуют
Непримиримо, и Марс во всём свирепствует
мире^[703].

В начале третьей книги после обращения к богам-покровителям скотоводства^[704] Вергилий заявляет, что собирается воздвигнуть на берегу Минция величественный мраморный храм в честь Октавиана, чтобы поклоняться ему, как богу^[705]. В этом храме поэт обещает установить статую императора, а на берегу

устроить пышные жертвоприношения и лошадиные бега. Появление этого весьма преувеличенного поэтического восхваления Октавиана, как полагают учёные, было связано с поражением Марка Антония и Клеопатры и захватом Египта. Вергилий, желавший скорейшего завершения войн, теперь, вероятно, испытывал безмерную благодарность императору, принёсшему долгожданный мир на италийскую землю. Именно поэтому после уже традиционного обращения к Мecenату с признанием, что именно по его велению были созданы «Георгики», поэт обещает незамедлительно приступить к созданию эпического произведения, прославляющего подвиги Октавиана:

Ты, Мecenат, повелел нелёгкое выполнить дело.
Ум не зачнёт без тебя ничего, что высоко.
Рассей же
Леность мою! Киферон громогласно нас
призывает,
Кличут тайгетские псы, Эпидавр, коней
укротитель, —
И не умолкнет их зов, повторяемый отгулом
горным.
Вскоре, однако, начну и горячие славить
сраженья
Цезаря, имя его пронесу через столькие годы,
Сколькими сам отделён от рожденья Тифонова
Цезарь [\[706\]](#).

Далее Вергилий переходит к основной теме второй книги и обстоятельно рассказывает о разведении крупного рогатого скота и лошадей [\[707\]](#), а затем об уходе за мелким рогатым скотом [\[708\]](#), прерывая

повествование описанием боя быков и эпизодом о непростой жизни пастухов в Ливии и Скифии^[709]. Особенно удалась Вергилию картина жестокого боя быков:

В Сильском обширном лесу пасётся красивая
тёлка,
А в отдаленье меж тем с великой сражаются
силой,
Ранят друг друга быки, обливаются чёрною
кровью,
Рог вонзить норовят, бодают друг друга с
протяжным
Рёвом; гудят им в ответ леса на высоком
Олимпе.
В хлеве одном теперь им не быть: побеждённый
соперник
Прочь уходит, живёт неведомо где одиноко.
Стонет, свой помня позор, победителя помня
удары
Гордого, — и что любовь утратил свою без
отмщенья,
И, оглянувшись на хлев, родное селенье
покинул.
С тщаньем сугубым теперь упражняет он силы,
меж твёрдых
Скал всю ночь он лежит, простёрт на
непостланном ложе,
Только колючей листвою питаюсь да острой
осокой.
Он испытует себя и гневу рога свои учит.
Он на стволы нападает дубов, ударяется в ветер
Лбом и взрывает песок, и взвивает, к битве
готовясь.
После же, восстановив свою мощь, вновь силы

набравшись,
Двигает рать, на врага, уже всё позабывшего,
мчится, —
Словно волна: далеко забелеется в море
открытом,
И, удлинись, свой пенит хребет, и потом,
закрутившись,
Страшно гремит между скал, и, бросившись,
рушится шумно,
Величиною с утёс; и даже глубинные воды
В крутях кипят, и со дна песок подымается
чёрный^[710].

Некоторые комментаторы видят в этом описании боя скрытый намёк на борьбу между Октавианом и Марком Антонием. Заканчивается третья книга страшной картиной гибели скота в Норике из-за неведомой эпидемии, не пощадившей ни молодняк, ни взрослых животных, ни людей^[711].

Четвёртая, заключительная книга «Георгик», посвящённая пчеловодству, начинается с традиционного обращения к Мecenату:

Ныне о даре богов, о мёде небесном я буду
Повествовать. Кинь взор, Мecenат, и на эту
работу!
На удивленье тебе расскажу о предметах
ничтожных,
Доблестных буду вождей воспевать и всего, по
порядку,
Рода нравы, и труд, и его племена, и сраженья.
Малое дело, но честь не мала, — если будет
угодно

То благосклонным богам и не тщетна мольба
Аполлону!^[712]

Как известно, отец Вергилия занимался пчеловодством, поэтому поэт с большим знанием дела повествует об устройстве пасеки и ульев^[713], о нравах пчёл^[714], о жизни пчёл в улье^[715], о сборе мёда и болезнях пчёл^[716]. Поскольку жизнь пчёл весьма упорядочена, Вергилий уподобляет каждый улей маленькому государству с идеальным строем. У пчёл всё общее: дом, дети, пища. Все вместе они работают и все вместе заботятся о своём улье, во главе которого стоит их любимый царь. Пчёлы очень чтут царя и даже готовы за него умереть. Если же у них вдруг появляется второй царь, то устоявшийся порядок рушится и начинается непримиримое соперничество. В такой ситуации Вергилий советует уничтожить одного из пчелиных царей, того, который «...обленившийся, гадок / И тяжело волочит, бесславный, огромное брюхо»^[717], чтобы вновь воцарился мир и спокойствие в улье. Считается, что здесь поэт намекает на Марка Антония.

Вергилий наделяет пчёл частицей божественного разума и приводит очень важное философское положение о бессмертии, согласно которому:

...есть божественной сущности доля
В пчёлах, дыханье небес, потому что бог
наполняет
Земли все, и моря, и эфирную высь, — от него-то
И табуны, и стада, и люди, и всякие звери,
Всё, что рождается, берёт тончайшие жизни
частицы

И, разложившись, опять к своему возвращает
истоку.

Смерти, стало быть, нет — взлетают вечно
живые

К сонму сияющих звёзд и в горнем небе
селятся^[718].

Свой подробный рассказ о пчеловодстве Вергилий прерывает знаменитым описанием сада^[719]. Сначала он извиняется за то, что не имеет возможности подробно рассказать о садах, розариях, огородах и цветниках, поскольку его поэма близится к концу, а затем с ностальгией повествует о некоем корикийском старике (город Корик, Киликия), разбившем прелестный садик на клочке каменистой, неплодородной земли близ италийского Тарента. Что только не росло в саду у старичка!

Малость всё ж овощей меж кустов разводил он,
сажая

Белые лилии в круг с вербеной, с маком
съедобным, —

И помышлял, что богат, как цари! Он вечером
поздно

Стол, возвратясь, нагружал своею, некупленной
снедью.

Первым он розу срывал весною, а осенью
фрукты.

А как лихая зима ломать начинала морозом

Камни и коркою льда потоков обуздывать струи,

Он уж в то время срезал гиацинта нежного
кудри

И лишь ворчал, что лето нейдёт, что медлят

Зефиры.

Ранее всех у него приносили приплод и роились
Пчёлы; первым из сот успевал он пенистый
выжать

Мёд; там и липы росли у него, и тенистые сосны.
Сколько при цвете весной бывало на дереве
пышном

Завязей, столько плодов у него созревало под
осень.

Из лесу даже носил и рассаживал взрослые
вязы,

Крепкую грушу и тёрн, подросший уже, не без
ягод;

Также платан, чья уж тень осеняла сошедшихся
выпить [\[720\]](#).

Кто же этот загадочный старик? Одни видят в нём некоего киликийского пирата, вероятно, из тех, что были переселены Помпеем Магном в Калабрию. Другие считают, что прототипом корикийского старика мог быть Катон Старший, прославившийся своими глубокими познаниями в области сельского хозяйства и отличавшийся большой бережливостью и скромностью.

Во второй части книги рассматривается проблема размножения пчёл и излагается способ получения нового роя из туш убитых тельцов, широко применявшийся в Египте [\[721\]](#). Этот способ впервые открыл божественный пастух Аристей, легенду о котором в собственной редакции приводит Вергилий [\[722\]](#). Следуя золотым канонам александрийской поэзии, поэт искусно вплетает в повествование древние мифы о Протее, Орфее и

Эвридике и фактически создаёт небольшой этиологический эпиллий (небольшую поэму).

Однажды Аристей лишился всех своих пчёл, погибших от болезни, и обратился к своей матери нимфе Кирене. Она посоветовала ему пленить божественного провидца Протея, постоянно меняющего обличья, и выведать у него причину гибели пчёл. Изловив и связав старца Протея, Аристей узнал от него, что причиной мора пчёл стал божественный гнев. Некогда сам Аристей, терзаемый похотью, преследовал Эвридику — жену божественного певца Орфея, и невольно стал причиной её трагической смерти. Чтобы вернуть Эвридику в мир людей, Орфей спустился в Аид и благодаря своему пению убедил подземных богов отдать ему жену. Но, возвращаясь, он нарушил завет богини Прозерпины и обернулся, чтобы взглянуть на Эвридику, следующую за ним. В тот же миг его жена растаяла в тумане и её душа вновь унеслась под тёмные своды Аида. Убитый горем Орфей долго скитался по миру, пока его не растерзали буйные вакханки. Услышав обо всём этом от Аристея, Кирена заявила, что мор на его пчёл наслали нимфы, узнавшие о судьбе Эвридики. Она велела Аристею принести в жертву богам самых лучших быков и разложить их туши в тенистой дубраве, а через девять дней принести поминальные жертвы Орфею и Эвридике. Когда Аристей, выполнив все указания матери, вернулся в дубраву, он увидел, что:

...из бычьих утроб загнивших, из каждого
брюха,
Пчёлы выходят, ключом закипают в поломанных
рёбрах,
Тучей огромной плывут и уже на вершине
древесной,

Сбившись роем, как кисть лозы виноградной,
свисают^[723].

Вергилий довольно подробно пересказал миф об Орфее и Эвридике, соединив его с мифом об Аристее, но версию, что Аристей домогался любви Эвридики, он придумал сам. В заключение поэт поведал о времени и месте создания своего произведения, как того и требовала традиция^[724].

По свидетельству Сервия, в первой редакции четвёртая книга «Георгию» заканчивалась восхвалением поэта Корнелия Галла^[725]. Как уже упоминалось выше, Галл, назначенный префектом Египта и получивший огромную власть, из-за наветов завистников навлёк на себя гнев Августа и был вынужден в 26 году совершить самоубийство. По требованию Августа Вергилий убрал из поэмы посвящённые Галлу стихи, заменив их мифом об Аристее.

«Георгики», как прежде и «Буколики», имели оглушительный успех у римской публики. Поэма очаровывала читателей, поскольку была вся буквально напитана горячей любовью к природе, сочетающейся с необыкновенной нежностью, меланхолией и сентиментальностью. Поэт Гораций очень точно заметил в одном из своих стихотворений:

...а добрые сельские музы
Нежное, тонкое чувство Вергилию в дар
ниспослали^[726].

Никто в римской литературе не достигал ранее таких высот в описании природы и сельского быта! Более того, со временем «Георгики» стали воспринимать как полноценное научное руководство по сельскому хозяйству. Такие известные древнеримские учёные, как Плиний Старший и Колумелла, постоянно ссылались на Вергилия, признавая за ним высокий научный авторитет в области сельского хозяйства^[727]. Десятую книгу своего фундаментального труда Колумелла написал в виде продолжения «Георгик», изложив гекзаметром о садоводстве всё то, что упустил из виду Вергилий. Со временем появился и перевод поэмы на греческий язык.

Тем не менее Вергилию вновь пришлось столкнуться с завистниками. Один из них, по сообщению Светония, «когда Вергилий читал стих из «Георгик» — «Голым паши, голым сей...» — подхватил: «...простудишься, схватишь горячку!»^[728]»

Поэт старался не замечать выпадов в свой адрес. Вергилий вообще на протяжении всей своей жизни отличался спокойным и мягким характером. По сообщению Светония, новорождённый поэт «не плакал, и лицо его было спокойным и кротким; уже это было несомненным указанием на его счастливую судьбу»^[729]. В юные и зрелые годы Вергилий также оставался тихим, чрезвычайно застенчивым человеком; часто подчинялся влиянию близких друзей и охотно следовал их советам. Светоний отмечает, что «когда он, приезжая изредка в Рим, показывался там на улице, и люди начинали ходить за ним по пятам и показывать на него, он укрывался от них в ближайшем доме»^[730]. Поэт был чрезвычайно порядочен и честен, так что даже не решился «принять по предложению Августа имущество одного изгнанника»^[731].

Будучи очень застенчивым человеком, Вергилий избегал женщин и потомства не оставил. Жители Неаполя даже прозвали его «парфением», то есть «девственником»^[732]. Ходили, правда, слухи, что поэт сожительствовал с Плотней Гиерией — рабыней, которую ему подарил Меценат^[733]. Однако, по свидетельству биографа Аскония Педиана, в старости Плотия «сама часто рассказывала, как Варий прямо предлагал Вергилию сожительство с нею, но тот решительно отказался»^[734].

У Светония сохранились сведения и о внешности Вергилия: «Он был большого роста, крупного телосложения, лицом смуглый, походил на крестьянина»^[735]. Поэт Гораций в одной из своих сатир с гордостью описывает одного из близких друзей, как считается, Вергилия:

Вот человек: он строптив, не по нашему тонкому
вкусу,
Можно смеяться над ним за его деревенскую
стрижку,
За неумелые складки одежд, за башмак не по
мерке;
Честен и добр он зато, и лучше нет человека,
И неизменный он друг, и под этой наружностью
грубой
Гений высокий сокрыт и прекрасные качества
духа!^[736]

Кроме того, Вергилий «не отличался крепким здоровьем», часто болел, его терзали головные боли, у него были серьёзные проблемы с горлом и

желудком^[737]. Частые кровотечения (кровохарканье?), возможно, указывают на то, что он страдал от застарелого туберкулёза. Из-за своей болезненности поэт был весьма «умерен в пище и вине»^[738].

Ближайшие друзья Вергилия — поэты Варий и Тукка, написали книгу о его натуре и характере, но она, к сожалению, до нас не дошла^[739]. Опираясь на этот труд, историк Светоний создал биографию Вергилия, вошедшую в его сочинение «О поэтах». Именно на это произведение во многом опирались позднеантичные исследователи жизни и творчества Вергилия.

Изображения Вергилия появились уже в конце I века до н. э. В античный период их, вероятно, было очень много. Статуи и бюсты великого поэта украшали библиотеки и школы, а портреты красовались на первых страницах его изданий^[740]. Например, поэт Марциал в одной из своих эпиграмм упоминает изображение Вергилия, помещённое в книге:

Малый пергамент такой вмещает громаду
Марона!
Да и портрет его тут виден на первом
листе^[741].

Историк Светоний писал, что император Калигула (37—41 н. э.), бранивший Вергилия «за отсутствие таланта и недостаток учёности», даже подумывал изъять изображения поэта из всех библиотек^[742]. Император Александр Север (222—235 н. э.), напротив, называл Вергилия «Платоном поэтов» и хранил его изображение в специальном помещении для ларов — богов-хранителей дома^[743].

До нашего времени дошло несколько скульптурных изображений поэта, однако они признаются не всеми учёными в качестве подлинных изображений Вергилия. Один из мраморных бюстов поэта находится в Мантуе, один найден на Капри, ещё один хранится в собрании Григорианского светского музея Ватикана. По мнению исследователей, многочисленные изображения Вергилия, встречающиеся в средневековых манускриптах, также не имеют ничего общего с подлинным обликом поэта^[744].

Большой интерес вызвала найденная в 1896 году в городе Суссе (античный Гадрумет, Тунис) мозаика начала III века н. э. Она изображает сидящего в кресле мужчину средних лет с простым, даже грубым лицом. В левой руке он держит свиток, на котором начертан восьмой стих из первой книги поэмы Вергилия «Энеида». Справа и слева от мужчины изображены музы — Каллиопа, муза эпической поэзии, и Мельпомена, муза трагедии. Многие учёные считают, что этот мужчина — Вергилий^[745].

Ещё одна напольная мозаика («мозаика Монна»), найденная осенью 1884 года в Трире (античная Августа Треверов, Германия), относится к более позднему времени (III — начало IV века н. э.). Она в довольно грубой манере изображает бюст Вергилия с очень неясными чертами лица. Рядом помещена латинская надпись, поясняющая, что это именно Вергилий. Большинство учёных считают, что данная мозаика представляет идеализированное изображение поэта, лишённое подлинных черт. Тем не менее трирская мозаика — это единственное бесспорное изображение Вергилия^[746].

Глава четвёртая
«И ЛЕДЯНАЯ ЗИМА
УРАГАНАМИ ВОЛНЫ
ВЗДЫМАЕТ...»

Создание шедевра

Итак, после гибели Антония и Клеопатры гражданская война закончилась. Октавиан приступил к восстановлению государства и «возрождению» республиканских порядков. Он был избран принцепсом сената (*princeps senatus*) — самым уважаемым «первым» сенатором, который имел право высказываться первым по любому вопросу, ибо его имя стояло первым в списке сенаторов. Кроме того, Октавиану был дарован постоянный титул императора, подразумевающий, что его носитель обладает неограниченной военной и гражданской властью^[747].

13 января 27 года Октавиан выступил перед сенатом с небольшой речью, в которой заявил, что слагает с себя все полномочия и возвращает власть сенату и народу. Однако сенаторы, отчасти из-за страха, отчасти понимая, что слова принцепса неискренни, уговорили его не слагать с себя власть полностью. Слишком много людей было крайне заинтересовано в том, чтобы он оставался во главе государства. В итоге Октавиан получил полномочия проконсула на десять лет, сохранил власть над армией, контроль над большинством провинций, а также право выставлять свою кандидатуру на консульских выборах^[748]. 16 января сенат преподнёс Октавиану имя «Август» («Величественный»), венок за спасение государства и золотой щит. Начался долгий период фактически единоличного правления императора Августа, получивший впоследствии название «принципат Августа» (27 до н. э. — 14 н. э.).

Вергилий продолжал жить в Кампании и лишь изредка приезжал в Рим, в основном по личному

приглашению Августа, постоянной благосклонностью которого он пользовался^[749] и с которым часто переписывался^[750].

Согласно известной позднеантичной легенде^[751], однажды Август устроил публичные игры в цирке, но к вечеру началась гроза. Празднества пришлось прервать. Всю ночь бушевала непогода. Игры возобновились только на следующий день, когда небо прояснилось и выглянуло солнце. После завершения празднеств на воротах дома Августа появились следующие строки:

Дождь лил всю ночь без конца, но день —
прояснился для зрелищ:
Сутки в тот раз поделил Цезарь с Юпитером
так^[752].

Это стихотворение очень понравилось императору, поскольку ставило его на один уровень со всемогущим богом Юпитером. Он приказал слугам найти автора, но поиски ни к чему не привели. Тогда один из посредственных поэтов по имени Батилл заявил, что эти строки принадлежат ему. Он был щедро награждён и обласкан Августом. Однако настоящим автором стихотворения являлся Вергилий. На следующее утро на воротах дома Августа появились новые строчки:

Так вот и вы, не себе...
Так вот и вы, не себе...
Так вот и вы, не себе...
Так вот и вы, не себе...

Заинтригованный император потребовал, чтобы строки были продолжены, но никто не смог этого сделать, в том числе и Батилл. Тогда Вергилий явился к Августу и легко дополнил незаконченные строки:

Автор стихов этих — я, но слава досталась
другому.

Так вот и вы, не себе, птицы, свиваете дом;
Так вот и вы, не себе, овцы, приносите шерсть;
Так вот и вы, не себе, пчёлы, приносите мёд;
Так вот и вы, не себе, тащите плуги, быки^[753].

После этого все поняли, что он был автором и первого стихотворения.

Ещё в период работы над «Георгиками» Вергилий задумал создать большое эпическое произведение, прославляющее деяния Октавиана. Вполне возможно, что на решение поэта во многом повлиял Меценат. Как уже говорилось, в начале третьей книги «Георгик» Вергилий прямо обещал в скором времени приступить к созданию исторического эпоса:

Вскоре, однако, начну и горячие славить
сраженья
Цезаря, имя его пронесу через столькие годы,
Сколькими сам отделён от рожденья Тифонова
Цезарь^[754].

В ту эпоху римские эпические поэты создавали свои произведения либо на основе римских исторических преданий, как некогда Невий и Энний, либо на основе мифологических сюжетов, следуя по пути александрийских поэтов.

Гней Невий (около 270 — около 201) был признанным римским драматургом, создателем примерно тридцати пяти комедий-паллиат, восьми трагедий, из которых две — претексты. Но более всего он прославился как автор национальной эпопеи «Пуническая война», ставшей основой для всего римского национального эпоса как жанра. Из семи книг эпопеи, повествующей о перипетиях Первой Пунической войны, в которой Невий сам принимал непосредственное участие, две книги он посвятил легенде об основании Рима. Невий первым из римских поэтов изложил в стихах миф об Энее, рассказав о бегстве героя из Трои, о его долгих скитаниях, о романе с карфагенской царицей Дидоной, а также о прибытии троянцев в Италию, последовательно связав хождения Энея с легендой об основании Рима. Именно на «Пуническую войну» во многом ориентировался Вергилий, создавая свою «Энеиду». К сожалению, от произведений Невия дошли лишь небольшие фрагменты.

Ещё одним знаменитым римским поэтом, на творчество которого опирался Вергилий, был Квинт Энний (239—169). Он создал примерно 20 трагедий-котурнат, две трагедии-претексты, две комедии, несколько отдельных стихотворений, поэм, сатир и эпиграмм. Главное же произведение Энния, принёсшее ему бессмертную славу, — это эпическая поэма «Анналы». Она сохранилась лишь во фрагментах и состояла из восемнадцати книг. Энний изложил в «Анналах» римскую историю начиная с прибытия троянца Энея в Лаций и заканчивая современными ему

событиями первой четверти II века до н. э. Как и Невий, Энний признавал Энея прародителем Римского государства, а Ромула — его потомком.

Среди александрийских поэтов-эпиков выделяется фигура Аполлония Родосского (III век до н. э.), создателя знаменитой эпической поэмы «Аргонавтика». Он долгое время жил в Александрии, но затем по личным причинам был вынужден на некоторое время перебраться на остров Родос, поэтому и получил прозвище «Родосский». После возвращения на родину Аполлоний стал руководителем Александрийской библиотеки. Вергилий был хорошо знаком с «Аргонавтикой», повествующей о полном приключений плавании аргонавтов в Колхиду за золотым руном, и почерпнул из неё очень много ценного материала.

По каким-то неизвестным причинам Вергилий изменил своё первоначальное решение и отказался от создания исторического эпоса, прославляющего Августа. Возможно, поэт пришёл к выводу, что воспевание реальных событий для него слишком сложно и даже опасно. Кроме того, в то время уже имелось несколько эпических произведений, славящих деяния императора. Это, например, «Панегирик Августу» Луция Вария Руфа или эпос о войне Октавиана с Антонием и Клеопатрой, сочинённый эпическим поэтом Рабрием. Так или иначе, Вергилий решил написать не чисто исторический, а историко-мифологический эпос и поэтому обратился к древнейшим римским мифам и легендам.

В 29 году Вергилий приступил к созданию эпической поэмы «Энеида» (*Aeneis*). Она стала последним и самым главным его произведением, вершиной его творчества. Работа над ней продолжалась долгих 11 лет — с 29 по 19 год ^[755]. По сообщению Светония, «Энеиду» Вергилий «сперва изложил прозой и разделил на двенадцать

книг, а затем стал сочинять её по частям, когда что хотелось, не соблюдая никакого порядка. А чтобы не мешать вдохновению, он иное оставлял недоделанным, иное лишь как бы намечал легко набросанными стихами, шутливо говоря, что ставит их вместо подпорок, чтобы поддержать своё произведение, пока не будут воздвигнуты крепкие колонны»^[756].

Новая грандиозная поэма потребовала от Вергилия большой подготовительной работы, ознакомления с обширнейшим мифологическим материалом, с трудами древних поэтов, историков и мифографов. Среди многочисленных произведений, к которым обращался поэт, следует выделить «Илиаду» и «Одиссею». Гомера, «Аргонавтику» Аполлония Родосского, «Пуническую войну» Невия, «Анналы» Энния, «Начала» Катона Старшего, «Человеческие и божественные древности» Варрона, «Историю Рима» Тита Ливия, стихотворения Катулла, различные киклические поэмы о разрушении Трои, а также произведения древнегреческих драматургов, в особенности Еврипида и Софокла. Благодаря использованию в «Энеиде» обширного историко-религиозного материала Вергилий уже в древности считался большим специалистом в области римской религии и сакрального права^[757]. Как писал комментатор Сервий, «весь Вергилий полон учёности»^[758].

Вергилий не скрывал, что работает над весьма значительным поэтическим произведением. Это вызывало большой интерес у писателей кружка Мecenата и заставляло самого императора внимательно следить за работой великого поэта. По словам Светония, «Август, который в это время был в походе против кантабров (с 27 до весны 24 года. — М. Б.), писал письма с просьбами и даже шутливыми угрозами, добиваясь, чтобы ему, по его собственным словам,

«прислали бы хоть первый набросок, хоть какое-нибудь полустиише из «Энеиды»»^[759]. У Макробия сохранилось одно из ответных писем Вергилия императору: «Право, я получаю от тебя многочисленные записки. Если бы, клянусь Геркулесом, у меня было ныне что-нибудь, достойное твоего слуха, то я охотно послал бы тебе кое-что именно из моего «Энея». Однако это такая незавершённая вещь, что мне кажется, будто я приступил к такому труду чуть ли не по недостатку ума, так как ради этого труда я отдаюсь также другим и притом гораздо более превосходным занятиям»^[760].

Тем не менее Вергилий время от времени предоставлял на суд друзей-поэтов некоторые отрывки из своей новой поэмы, «но лишь изредка и главным образом то, в чём не был уверен, чтобы лучше узнать, каково мнение людей. Говорят, что Эрот, его книгохранитель и вольноотпущенник, уже на старости лет рассказывал, как однажды Вергилий во время чтения сразу дополнил два полустииша: читая «Сына Эола — Мисена», он добавил: «умевшего лучше всех прочих», а далее, произнося «Медью мужей созывать», движимый тем же вдохновением, он продолжал: «возбуждая Марса напевом», и тут же приказал Эроту записать оба полустииша в текст»^[761]. Это позволило поэту Проперцию уже в 25 году с восторгом написать:

Пусть же Вергилий поёт побережье Актийского
Феба,
Пусть воспеваает он нам храброго Цезаря флот,
Он, кто брани теперь воскрешает троянца Энея
И воздвигает в стихах стены Лавиния вновь.
Римские смолкните все писатели, смолкните,
греки:
Нечто рождается в мир, что Илиады

славней^[762].

Лишь в конце 23 года Вергилий представил на суд Августа вторую, четвёртую и шестую книги «Энеиды». Поэт лично прочитал их перед императором и всей его семьёй. По свидетельству Светония, шестая книга «произвела сильнейшее впечатление на Октавию, присутствовавшую при чтении — говорят, что она, услышав стихи о своём сыне — «Ты бы Марцеллом был!» — лишилась чувств, и её с трудом привели в сознание»^[763].

Молодой Марк Клавдий Марцелл (42—23), сын Октавии, сестры Августа, являлся зятем и преемником императора и поэтому очень быстро продвигался по карьерной лестнице. Однако, когда весной 23 года Август смертельно заболел, то передал все государственные бумаги второму консулу Гнею Кальпурнию Пизону, а свой перстень как знак власти и преемства вручил Агриппе, а не Марцеллу, который был ещё слишком юн. По счастью, врачу Антонию Музе удалось вылечить императора. Осенью того же года Марцелл умер в Байях, вероятно, от той же болезни, что ранее поразила Августа^[764].

Описывая подземное царство в шестой книге «Энеиды», Вергилий вложил в уста старца Анхиза следующие слова о юном Марцелле, обращённые к Энею:

«Сын мой, великая скорбь твоему уготована
роду:

Юношу явят земле на мгновенье судьбы — и
дольше

Жить не позволят ему. Показалось бы слишком

могучим

Племя римлян богам, если б этот их дар
сохранило.

Много стенаний и слёз вослед ему с Марсова
поля

Город великий пошлёт! И какое узришь
погребенье

Ты, Тиберин, когда воды помчишь мимо свежей
могилы!

Предков латинских сердца вознести такую
надеждой

Больше не сможет никто из рождённых от крови
тroyанской,

Больше таких не взрастит себе во славу
питомцев

Ромулов край. Но увы! Ни к чему благочестье и
верность,

Мощная длань ни к чему. От него уйти
невредимо

Враг ни один бы не мог, пусть бы юноша пешим
сражался,

Пусть бы шпоры вонзал в бока скакуна боевого.

Отрок несчастный, — увы! — если рок суровый
ты сломишь,

Будешь Марцеллом и ты! Дайте роз пурпурных и
лилий:

Душу внука хочу я цветами щедро осыпать,

Выполнить долг перед ним хоть этим даром
ничтожным»^[765].

Можно понять состояние матери, недавно
потерявшей сына, когда она услышала эти слова. После
того как Октавию привели в чувство, она подарила
Вергилию по десять тысяч сестерциев за каждый из

восемнадцать стихов и заявила, что будет носить траур по Марцеллу до самой смерти^[766].

В основу «Энеиды» был положен греческий миф о троянском герое Энее, сыне богини Афродиты (Венеры) и Анхиза, потомка Дардана и Троса (Троя). Впервые образ Энея появился в «Илиаде» Гомера. В сражениях с греками ему оказывали особое покровительство боги — Афродита, Аполлон и Посейдон^[767]. Более того, Эней рассматривался Гомером как второй по значению после Гектора троянский герой и будущий царь троянцев:

...предназначено роком — Энею спастися,
Чтобы бесчадный, пресёкшийся род не погибнул
Дардана...

...

Будет отныне Эней над троянами царствовать
мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться...
^[768]

Со временем миф об Энее проник в Западное Средиземноморье и распространился по Италии. При раскопках в Этрурии археологи даже находили статуэтки, изображавшие Энея, несущего на плечах своего отца Анхиза^[769]. Греческий историк Гелланик Лесбосский (V век до н. э.) одним из первых связал основание Рима с мифом об Энее^[770].

Согласно римской версии мифа, изложенной отчасти в произведениях Невия и Энния, а также в «Началах» Катона Старшего, «Истории Рима» Тита Ливия и «Римских древностях» Дионисия Галикарнасского^[771], Эней покинул сожжённую Трою вместе с соратниками и

после продолжительных странствий прибыл, наконец, в Лаций, где троянцы породнились с местным племенем, не избежав, правда, войны. Женившись на Лавинии, дочери местного царя Латина, Эней основал город Лавиний (названный так в честь Лавинии) и правил в нём три года, до самой своей смерти. Сын Энея Асканий через 30 лет после основания Лавиния заложил город Альба Лонгу и перебрался туда вместе со своим семейством. В Альба Лонге потомки Энея, прозванные «сильвиями» («лесовиками»), правили 300 лет, пока, наконец, Рея Сильвия, дочь царя Нумитора, не родила от бога Марса двух близнецов — Ромула и Рема, ставших основателями Рима. Именно такую версию излагает и Вергилий в «Энеиде»^[772].

Этот миф был весьма выгоден для римской элиты и активно использовался во внешней политике. Троянское происхождение Римского государства было официально утверждено сенатом ещё в первой половине III века до н. э. Исходя из этого, Рим мог на вполне законных основаниях претендовать на земли Малой Азии. Изображения Энея можно было встретить на римских рельефах, монетах, вазах, геммах. Его статуи, наряду с изваяниями Ромула, украшали форумы италийских городов. Известно также, что героон (святилище) Энея существовал ещё во второй половине I века до н. э. Историк Дионисий Галикарнасский писал, что «от него остался небольшой холмик, а вокруг него — деревья, выросшие в ряд, приятно ласкают взор»^[773].

К соратникам Энея возводили своё происхождение многие знатные римские семейства, например, Цецилии, Атии, Сергии, Меммии, Клуенции^[774], так что Марк Теренций Варрон даже написал специальный трактат «О троянских семействах». Сын Энея Асканий Юл (Иул) считался прародителем рода Юлиев^[775], к которому принадлежали Юлий Цезарь и Август. А

поскольку сам Эней приходился сыном Венере, Юлии без тени смущения считали себя потомками богини любви.

Вергилий в своей поэме постарался воспеть Энея прежде всего как предка рода Юлиев, поэтому идея божественного происхождения Юлиев в целом и императора Августа в частности красной нитью проходит через всю «Энеиду»^[776]. Подвиги Энея поэт тесно связал со всей последующей историей Рима, заканчивая эпохой правления Юлия Цезаря и Августа. Уже в первой книге поэмы сам верховный бог Юпитер, обращаясь к своей дочери Венере, предрекает:

Будет и Цезарь рождён от высокой крови
тройанской,
Власть ограничит свою Океаном, звёздами —
славу,
Юлий — он имя возьмёт от великого имени Юла,
В небе ты примешь его, отягчённого славной
добычей
Стран восточных; ему воссылаться будут
молитвы.
Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях,
смягчится,
С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста
Людам законы дадут; войны проклятые двери
Прочно железо замкнёт; внутри нечестивая
ярость,
Связана сотней узлов, восседая на груди
оружья,
Станет страшно роптать, свирепая, с пастью
кровавой^[777].

«Войны проклятые двери» — это двери храма Януса, бога всякого начала, входа и выхода, дверей и ворот. По сообщению античного писателя Плутарха, «в Риме Янусу воздвигнут храм с двумя дверями; храм этот называют вратами войны, ибо принято держать его отворенным, пока идёт война, и закрывать во время мира. Последнее случалось весьма редко, ибо империя постоянно вела войны, в силу огромных своих размеров непрерывно обороняясь от варварских племён, её окружающих»^[778]. Вергилий в вышеуказанных стихотворных строках имеет в виду не только Юлия Цезаря, но и Августа. Последнего он благодарит за то, что тот принёс мир на италийскую землю и после долгих лет гражданских войн наконец-то закрыл двери храма Януса.

В шестой книге «Энеиды» старец Анхиз, подробно рассказывая Энею о Ромуле, римских царях, республиканских политиках и полководцах, Помпее, Цезаре и многих других его знаменитых потомках, прославивших Римское государство, специально выделяет среди них Августа:

Август Цезарь, отцом божественным
вскормленный, снова
Век вернёт золотой на Латинские пашни, где
древле
Сам Сатурн был царём, и пределы державы
продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов, в те
земли,
Где не увидишь светил, меж которыми
движется солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод
многозвёздный.
Ныне уже прорицанья богов о нём возвещают,

Край Меотийских болот и Каспийские царства
пугая,
Трепетным страхом смутив семиструйные
нильские устья^[779].

Если Энею предопределено основать новое государство в Лации, где некогда царствовал бог Сатурн, родоначальник «золотого века», и создать условия для будущего процветания Рима, то Август должен вернуть «золотой век» «на Латинские пашни». Вергилий, таким образом, проводит чёткую линию от Сатурна через Энея к императору Августу, фактически ставя последнего в один ряд с великим богом.

В восьмой книге поэт красочно описывает щит, изготовленный богом Вулканом для Энея. На нём отчеканены различные ключевые эпизоды из римской истории, в том числе военные победы Августа, включая битву при Акции, а также тройной триумф императора:

Здесь же, с триумфом тройным вступивший в
стены столицы,
Цезарь исполнить спешит свой обет богам
италийским,
Триста по Риму всему освящая храмов огромных.
Улицы вокруг ликованием полны и плеском
ладоней,
В каждом святилище хор матрон и жертвенник в
каждом,
Пред алтарём тельцы на земле в изобилье
простёрты.
Сидя у входа во храм Аполлона лучистого,
Цезарь
Разных племён разбирает дары и над гордою

дверью
Вешает их; вереницей идут побеждённые
длинной, —
Столько же разных одежд и оружия, сколько
наречий.
Здесь и номадов народ, и не знающих пояса
афров
Мульцибер изобразил, гелонов, карийцев,
лелегов
С луками; тут и Евфрат, укротивший бурные
воды,
Рейн двурогий, Араке, над собой мостов не
терпящий,
Даги, морины идут, дальше всех живущие
смертных^[780].

Огромный беломраморный храм Аполлона на Палатине был закончен и освящён в 28 году в честь годовщины победы Августа при Акции. Впоследствии он стал подлинным центром римской культуры и политической жизни. Здесь проводили заседания сената и принимали послов из других стран. Кроме того, в портиках храма находилась роскошная библиотека с секциями для греческих и римских книг. Храм был украшен многими произведениями искусства, в том числе подлинными статуями знаменитейших древнегреческих скульпторов. Здесь же хранилась большая коллекция драгоценных перстней^[781]. Описание этого замечательного храма оставил нам поэт Проперций:

Хочешь ты знать, почему пришёл я так поздно?
Сегодня

Феба дворец золотой Цезарь великий открыл.
Стройный ряд пунийских колонн его окружает,
А между них дочерей старца Даная толпа.
Тут же и мраморный Феб (он мне показался
прекрасней
Феба живого) поёт с лирой безгласною гимн,
По четырём же углам алтаря из Миронова стада
Дивной работы быки словно живые стоят.
Посередине же храм из блестящего мрамора
сложен,
Фебу дороже теперь отчей Ортигии он.
Солнце над кровлей его в золотой колеснице
сияет,
В нём из ливийских клыков двери тончайшей
резьбы:
Видны на створке одной, с Парнаса
низвергнуты, галлы,
Тантала дочь на другой, смертью детей
сражена.
Дальше Пифийский бог, меж сестрою и матерью
стоя,
Длинной одеждой покрыт, вещие гимны
поёт [\[782\]](#).

Итак, Вергилий в «Энеиде» постепенно подводит читателя к достаточно простому выводу, что блестящее правление Августа является закономерным итогом всего многовекового развития Римской республики. Однако поэт стремился подчеркнуть исключительность не только Августа, но и Римского государства. В шестой книге он устами старца Анхиза предрекает римлянам высшее могущество и власть над миром:

Римлянин! Ты научись народами править
державно —
В этом искусство твоё! — налагать условия
мира,
Милость покорным являть и смирять войною
надменных![\[783\]](#)

По мысли поэта, основанное троянцами маленькое италийское царство с течением веков превратится в могущественнейшее, не имеющее себе равных государство, которое будет повелевать всеми народами мира, нести им высокую культуру и процветание. И произойдёт это по воле счастливой судьбы, а также благодаря благочестию и высокой нравственности его граждан. Важно, что Италия у Вергилия неотделима от Рима и рассматривается как подлинный центр Римского государства.

Насколько искренним был поэт, восхваляя государство и Августа? Многие учёные упрекали его в неприкрытой лести и низкопоклонстве. Даже комментатор Вергилия Сервий был убеждён, что «все старания поэта, как мы говорили, касаясь характера поэмы, направлены к тому, чтобы льстить Августу»[\[784\]](#). Можно ли согласиться с этим? Ведь Вергилий, безусловно, был искренне благодарен императору за помощь в возвращении имения, за покровительство земледельцам, за наступление долгожданного мира после гражданских войн. Он, очевидно, не сомневался в том, что Август действительно восстановил Римскую республику. Надо сказать, что судьба благосклонно отнеслась к великому поэту, и он не дожил до тех времён, когда принципат Августа показал свой хищный оскал единовластия.

«Энеида»

«Энеида» стала подлинным шедевром, вечным памятником, который воздвиг себе Вергилий. Поэма написана гекзаметром (9896 стихов, включая 58 неполных) и условно делиться на две части: первые шесть песен (книг) посвящены странствиям троянского героя Энея, а шесть последних — кровопролитной войне Энея и его соратников с местными италийскими племенами. Уже в древности считалось, что «Энеида» «по богатству и разнообразию содержания не уступает обеим поэмам Гомера»^[785]. Поэтому первую часть поэмы часто сравнивали с «Одиссеей», а вторую — с «Илиадой».

Не секрет, что многих современных читателей отпугивает огромный объём «Энеиды», а также сложность этого древнего текста для общего восприятия, большое количество непонятных слов, выражений, скрытых намёков в тексте поэмы, смысл которых доступен лишь узким специалистам. Поэтому ниже им предлагается ознакомиться с кратким изложением «Энеиды», что позволит всем, кто плохо знаком с содержанием поэмы, не только в полной мере оценить художественный замысел Вергилия, но и окунуться в атмосферу древнейшей римской истории. Остальные читатели сообразоволят пропустить этот раздел и перейти к следующему.

«Энеида» начинается с небольшого вступления, в котором по сути излагается краткое содержание поэмы:

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои

—

Роком ведомый беглец — к берегам приплыл
Лавинийским.

Долго его по морям и далёким землям бросала
Воля богов, злопамятный гнев жестокой Юноны.
Долго и войны он вёл, — до того, как, город
построив,
В Лаций богов перенёс, где возникло племя
латинян,
Города Альбы отцы и стены высокого Рима^[786].

После этого Вергилий обращается к музе и просит её поведать о причинах ненависти богини Юноны, которую она питает по отношению к троянскому герою Энею^[787]. Юнона опасается за судьбу города Карфагена, который очень любит и которому всячески покровительствует. Согласно предначертанию судьбы в далёком будущем Карфаген должны уничтожить потомки троянцев, обосновавшиеся в Италии, и богиня решает любым способом помешать Энею и его соратникам добраться до Лация. Многие годы ей это удаётся, и наконец, когда троянцы (тевкры) покидают остров Сицилию, где они гостили некоторое время, и направляют свои корабли к берегам Италии, она обращается за помощью к владыке ветров Эолу. Юнона просит его погубить флот Энея, обещая взамен отдать ему в жёны прекрасную нимфу Деиопею. Эол охотно соглашается на такое заманчивое предложение и выпускает на волю ветры^[788]. Начинается небывалая буря:

На море вместе напав, до глубокого дна
возмущают
Воды Эвр, и Нот, и обильные бури несущий

Африк, вздувая валы и на берег бешено мча их.
Крики троянцев слились со скрипом снастей
корабельных.

Тучи небо и день из очей похищают внезапно,
И непроглядная ночь покрывает бурное море.
Вторит громам небосвод, и эфир полыхает
огнями,
Близкая верная смерть отовсюду мужам
угрожает^[789].

Флот троянцев оказывается на краю гибели. На
глазах отчаявшегося Энея разбиваются несколько
кораблей, на которых плывут его друзья, а сам он
сокрушается, что не погиб под стенами Трои^[790]. По
счастью, бог моря Нептун слышит, что без его ведома
началась буря, поднимается на своей колеснице из
морских глубин и разгоняет ветры, не дав им утопить
флот троянцев^[791]. Вергилий остроумно сравнивает
морского бога с благородным римским сенатором, а
разбушевавшиеся ветры — с толпой:

Так иногда начинается вдруг в толпе
многолюдной

Бунт, и безродная чернь, ослеплённая гневом,
мятётся.

Факелы, камни летят, превращённые буйством в
оружье,

Но лишь увидят, что муж, благочестьем и
доблестью славный,

Близится, — все обступают его и молча внимают
Слову, что вмиг смягчает сердца и душами
правит.

Так же и на море гул затих, лишь только

родитель,
Гладь его обозрев, пред собою небо очистил
И, повернув скакунов, полетел в колеснице
послушной^[792].

Спасённый Нептуном флот Энея пристаёт к берегам Ливии, найдя небольшую и уютную гавань. На берегу троянцы разбивают лагерь рядом с пещерой, в которой струится родник с чистой пресной водой. Отправившись на охоту, Эней убивает несколько оленей, и троянцы устраивают пир. На пиру герой ободряет спутников, но самого его томит тяжёлая тревога^[793].

В это же самое время огорчённая богиня Венера, мать Энея, обращается к своему отцу богу Юпитеру с упрёком, что её сын и троянцы, которым обещана власть над миром, безвинно страдают. Юпитер успокаивает её, заявляя, что «незыблемы судьбы троянцев», а Энея и его потомков в будущем ждёт подлинное величие^[794], несмотря на козни Юноны:

Ныне тебе предреку, — ведь забота эта терзает
Сердце твоё, — и тайны судеб разверну пред
тобою:

Долго сраженья вести он в Италии будет, и
много

Сломит отважных племён, и законы и стены
воздвигнет,

Третье лето доколь не узрит, как он Лацием
правит,

Трижды зима не пройдёт со дня, когда рутул
смирится.

Отрок Асканий, твой внук (назовётся он Юлом
отныне, —

Илом был он, пока Илионское царство стояло),
—
Властвовать будет, доколь обращение луны не
отмерит
Тридцать великих кругов; перенёсши из мест
лавинийских
Царство, могуществом он возвысит Долгую
Альбу.
В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти
пребудет
Полных трижды сто лет, пока царевна и жрица
Илия двух близнецов не родит, зачатых от
Марса.
После, шкурой седой волчицы-кормилицы
гордый,
Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные
стены
Он возведёт, и своим наречёт он именем
римлян.
Я же могуществу их не кладу ни предела, ни
срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
Страх пред которой гнетёт и море, и землю, и
небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною
лелея
Римлян, мира владык, облачённое тогою племя.
Так я решил [\[795\]](#).

Итак, по замыслу Вергилия действие «Энеиды» разворачивается не только на земле, но и на небе, где царят бессмертные боги. Все поступки героев и сама их жизнь полностью зависят от воли богов и неумолимого рока, судьбы (*fatum*). Тем не менее поэт разделяет

богов на два враждующих лагеря. Один возглавляет непримиримая Юнона, желающая уничтожить троянцев и не допустить их водворения в Италии, а второй — Венера, напротив, всячески покровительствующая троянцам и своему сыну Энею. Верховный бог Юпитер становится главным арбитром в этой вражде, поскольку всё зависит от его воли. Именно он является хранителем миропорядка и законов вселенной.

После беседы с Венерой Юпитер отправляет в Карфаген вестника богов Меркурия и велит ему сделать так, чтобы пунийцы позабыли свою жестокость и доброжелательно встретили троянцев^[796]. Венера же, приняв обличье девы-охотницы, предстаёт перед Энеем, который с утра в раздумьях бродит по лесу вместе со своим верным другом Ахатом, пытаясь выяснить, в какой край их занесло. Венера сообщает Энею, что его флот прибило к берегам Пунийского царства, где правит царица Дидона, бежавшая в эти края из города Тира. Некогда она была замужем за тирийцем Сихеем, вероломно убитым её братом Пигмалионом. Когда Дидона узнала об убийстве, она вместе с верными людьми погрузила на корабли казну, прибыла в эти места, купила у местных племён землю и основала город Карфаген. В ответ Эней рассказывает Венере о своей нелёгкой судьбе. Герой сразу догадывается, что под маской девы скрывается бессмертная богиня. Однако лишь когда она, ободрив его и посоветовав отправляться к Дидоне, уходит, он понимает, что это была его мать Венера. Богиня окружает Энея и Ахата волшебным облаком, чтобы они незамеченными прибыли в Карфаген^[797].

Скрытые от любопытных глаз, Эней и Ахат достигают Карфагена. Они любуются новой мощной крепостью, замечательным храмом Юноны с его чудесными рельефами, изображающими сцены

тroyанской войны. Пока Эней со слезами на глазах рассматривает вырезанные в камне картины гибели своих друзей и родичей, к храму подходит царица Дидона в окружении толпы придворных. Она садится на трон и готовится вершить суд. И тут Эней с Ахатом замечают в толпе своих друзей, корабли которых разметала буря и которых они считали погибшими. Те предстают перед царицей и рассказывают о своей нелёгкой судьбе и пропавшем царе Энее, а также просят дать им материалы для починки кораблей. Дидона соглашается им помочь и даже предлагает остаться в Карфагене. В это время облако, созданное Венерой, рассеивается и перед изумлёнными пунийцами предстаёт Эней. Он сообщает Дидоне о том, кто он и откуда. Царица с радостью принимает тroyанцев, снабжает их скотом и вином, а Энея приглашает во дворец и устраивает большой пир^[798]. Пребывание Энея в гостях у Дидоны во многом напоминает пребывание гомеровского Одиссея у феаков.

Эней отправляет Ахата в лагерь тroyанцев за своим сыном Асканием, а также за дарами для Дидоны. В это же время Венера, желая обезопасить Энея от будущих козней Юноны, усыпляет Аскания и заменяет его на своего сына Купидона, который, по замыслу богини, должен зажечь страсть в сердце царицы Карфагена и заставить её влюбиться в предводителя тroyанцев. В облике мальчика Аскания бог любви прибывает с Ахатом на пир. Гости дивятся богатым дарам Энея, а Дидону привлекает Купидон-Асканий, который забирается ей на колени и начинает потихоньку выполнять наказ Венеры. В конце пира за чашей вина уже почти влюблённая царица просит Энея рассказать о злоключениях тroyанцев^[799].

Вторая книга «Энеиды» начинается с рассказа Энея о том, как данайцы, осаждавшие Трою, решили обмануть троянцев, построив деревянного коня якобы «по обету ради возврата» в дар Минерве. В его пустотелое чрево они спрятали отряд отборных воинов, а затем сняли осаду, бросили лагерь и отплыли на своих кораблях, укрывшись в бухте близлежащего острова Тенедос. Троянцы, обрадованные уходом врагов, открыли городские ворота и, увидев коня, высившегося посреди покинутого стана данайцев, решили затащить его в город. Этому воспротивился жрец Лаокоонт, который напомнил о вероломстве греков и призвал взломать утробу коня, ибо следует «страшиться и дары приносящих данайцев». В это же время пастухи привели к царю Приаму аргосца Синона, который сдался в плен по собственной воле, желая обмануть троянцев. Он рассказал царю о том, как ему удалось бежать от своих соратников, которые якобы предназначили его в жертву богам. На вопрос Приама о деревянном коне Синон ответил, что конь принесён по обету в дар Минерве, а сами данайцы отплыли на родину. Вероломный аргосец посоветовал ввезти коня в город, чтобы тот своей священной силой защитил Трою^[800]. После этого на глазах троянцев в страшных муках гибнет жрец Лаокоонт, призывавший уничтожить коня:

Лаокоонт, что Нептуна жрецом был по жребию
избран,
Пред алтарём приносил быка торжественно в
жертву.
Вдруг по глади морской, изгибая кольцами тело,
Две огромных змеи (и рассказывать страшно об
этом)
К нам с Тенедоса плывут и стремятся к берегу

вместе:

Тела верхняя часть поднялась над зыбями,
кровавый

Гребень торчит из воды, а хвост огромный
влачится,

Влагу взрывая и весь извиваясь волнистым
движением.

Стонет солёный простор; вот на берег выползли
змеи,

Кровью полны и огнём глаза горящие гадов,

Лижет дрожащий язык свистящие страшные
пасти.

Мы, без кровинки в лице, разбежались. Змеи же
прямо

К Лаокоонту ползут и двоих сыновей его,
прежде

В страшных объятьях сдавив, оплетают тонкие
члены,

Бедную плоть терзают, язвят, разрывают
зубами;

К ним отец на помощь спешит, копьём потрясая,
—

Гады хватают его и огромными кольцами вяжут,
Дважды вокруг тела ему и дважды вокруг горла
обвившись

И над его головой возвышаясь чешуйчатой
шеей.

Тщится он разорвать узлы живые руками,

Яд и чёрная кровь повязки жреца заливает,

Вопль, повергающий в дрожь, до звёзд
подъемлет несчастный, —

Так же ревёт и неверный топор из загривка
стремится

Вытрясти раненый бык, убегая от места

закланья^[801].

Устрашённые троянцы решили немедленно втащить коня в крепость, для чего разобрали часть городской стены. Их не смутило даже то, что конь трижды останавливался, задевая за порог, и внутри него звенел металл. Ночью данайцы на своих кораблях покинули остров Тенедос и возвратились к Трое. Синон же выпустил из чрева деревянного коня скрывавшихся там воинов, которые убили стражников и открыли городские ворота для подошедшего греческого войска^[802].

В то же время Энею во сне явился призрак погибшего героя Гектора и велел ему немедленно спастись из захваченного врагами города, взяв с собою семью и изображения богов-хранителей Трои (пенаты), дабы найти для них новое место и воздвигнуть новый великий город^[803]. Эней тут же проснулся и увидел, что Троя горит, а на улицах идёт жестокий бой. Он не решился выполнить наказ Гектора и, созвав своих соратников, вступил в бой с данайцами^[804]. Но его усилия были напрасны! Многих друзей Энея убили в кровавой схватке, а сам он с несколькими уцелевшими соратниками отступил к дворцу Приама:

Битва такая здесь шла многолюдная, словно
нигде уж
Не было больше войны, и бойцов не удерживал
город.
Лютый свирепствует Марс. Данайцы рвутся в
чертоги,
Тщатся входы занять, прикрываясь сверху
щитами,

Лестницы ставят к стенам и у самых дверей по ступеням
Лезут всё выше они, против стрел щиты выставляя
Левою рукой, а правой уже хватаясь за кровли.
Башни рушат на них, черепицу мечут дарданцы,
—
Видя последний свой час, на краю неминуемой смерти
Этим оружием они от врагов хотят защититься.
Дедовских древних времён красу — золочёные балки
Катят сверху одни; другие, мечи обнаживши,
Встали в дверях изнутри, охраняют их сомкнутым строем
Духом воспрянув, спешим скорее к царским чертогам,
Чтобы пополнить ряды и помощь подать побеждённым^[805].

Несмотря на отчаянное сопротивление троянцев, Пирр (Неоптолем), сын Ахилла, захватил дворец. Он погнался за царским сыном Политом, который упал и умер на глазах отца и матери^[806]. Несчастный царь Приам, призывая богов, стал обвинять Пирра в этом злодеянии, на что тот ответил:

...«Так ступай, и вестником будь, и поведай
Это Пелиду-отцу. О моих печальных деяньях
Всё рассказать не забудь и о выроде Неоптолеме.
Так умри же!» И вот, промолвив, влечёт к алтарю он

Старца, который скользит в крови убитого сына;
Левой рукой Приама схватив за волосы, правой
Меч он заносит и в бок вонзает по рукоятку.
Так скончался Приам, и судил ему рок перед
смертью
Трои славной пожар и крушение Пергама
увидеть,
После того как властителем он земель и
народов
Азии некогда был. Лежит на побережье
троянском,
Срублена с плеч, голова и лежит безымянное
тело [\[807\]](#).

Это, бесспорно, одна из самых мрачных сцен «Энеиды»! В последних строках вышеприведённого отрывка многие учёные совершенно справедливо усматривают намёк на гибель полководца Гнея Помпея Магна, чьё обезглавленное тело тоже было брошено на морском берегу.

Когда Эней увидел, как безжалостно был убит престарелый царь, его охватил ужас. Он понял, что Троя окончательно погибла, и испугался за судьбу своего отца Анхиза, жены Креусы (дочери Приама) и сына Юла. Случайно обнаружив спартанку Елену, скрывающуюся в храме Весты, Эней решил её убить, чтобы таким образом отомстить за все страдания троянцев. Ведь именно из-за неё началась Троянская война! Но тут перед ним предстала его мать богиня Венера, напомнила ему о семье и велела немедленно бежать из города [\[808\]](#).

Эней с трудом добрался до отчего дома и велел семье немедленно собираться. Однако ему воспротивился его отец Анхиз, который заявил, что уже

очень стар и должен погибнуть вместе с Троей, а не отправляться в изгнание в чужие края. Эней попытался уговорить отца, но безуспешно. Тогда он вновь облачился в доспехи и приготовился погибнуть, защищая дом и семью^[809]. Внезапно произошло чудо:

Тут изумлённым очам явилось нежданное чудо:
Юл стоял в этот миг пред лицом родителей
скорбных;
Вдруг привиделось нам, что венцом вокруг
головки ребёнка
Ровный свет разлился, и огонь, касаясь
безвредно
Мальчика мягких волос, у висков разгорается
ярко.
Трепет объял нас и страх: спешим горящие
кудри
Мы погасить и водой заливаем священное
пламя.
Очи воздел родитель Анхиз к созвездьям, ликуя,
Руки простёр к небесам и слова промолвил
такие:
«Если к мольбам склоняешься ты, всемогущий
Юпитер,
Взгляд обрати к нам, коль мы благочестьем того
заслужили,
Знаменье дай нам, Отец, подтверди нам эти
приметы!»
Только лишь вымолвил он, как гром внезапно
раздался
Слева, и, с неба скользя, над нами звезда
пролетела,
Сумрак огнём разорвав и в ночи излучая сиянье.
Видели мы, как она, промелькнув над кровлею
дома,

Светлая, скрылась в лесу на склоне Иды
высокой,
В небе свой путь прочертив бороздою огненной
длинной,
Блеск разливая вокруг и запах серного
дыма^[810].

Узрев это знамение, Анхиз согласился, наконец, покинуть Трою, поскольку такова воля богов. Надо сказать, что различные чудеса, предзнаменования, предсказания, вещие сны и видения играют очень важную роль в поэме. Именно с их помощью боги сообщают людям о своей воле. Люди же очень часто молятся богам, приносят им жертвы, произносят клятвы и совершают обряды, поэтому многие учёные считают «Энеиду» религиозной поэмой.

Итак, Эней посадил отца к себе на плечи и вручил ему священные изображения богов-пенатов, а затем взял сына Юла за руку и в сопровождении своей жены Креусы направился к давно заброшенному храму Цереры, который находился за городскими стенами. Здесь он вместе с верными друзьями рассчитывал найти убежище и спастись от мечей разъярённых данайцев^[811].

По дороге Креуса отстала или потерялась. Поскольку дело было ночью, Эней обнаружил, что она пропала, только когда подошёл к храму. Он вернулся в город и безуспешно пытался отыскать жену^[812], но тут внезапно перед ним возник её призрак и промолвил:

«Пользы много ли в том, что безумной предался
ты скорби,
Милый супруг? Не без воли богов всё это

свершилось,
И не судьба тебе спутницей взять отсюда
Креусу:
Не дал этого нам властитель бессмертный
Олимпа!
Долго широкую гладь бороздить ты будешь в
изгнание,
Прежде чем в землю придёшь Гесперийскую,
где тихоструйный
Тибр лидийский течёт средь мужами
возделанных пашен.
Ты счастливый удел, и царство себе, и супругу
Царского рода найдёшь; так не плачь по Креусе
любимой!
Мне не придётся дворцы мирмидонян или
долопов
Гордые видеть и быть у жён данайских
рабыней, —
Внучке Дардана, невестке Венеры.
Здесь удержала меня богов Великая Матерь.
Ныне прощай и храни любовь нашу общую к
сыну!»[\[813\]](#)

Убитый горем Эней вернулся в храм Цереры, где его ждали отец и сын, а также многие другие троянцы, спасшиеся из охваченного пламенем города. На рассвете следующего дня он собрал всех, кто укрылся в храме, взвалил отца на свои плечи и двинулся в горы.[\[814\]](#)

В третьей книге «Энеиды» продолжается рассказ Энея о злоключениях троянцев. В лесах у подножия горы Иды Фригийской Эней построил флот и весной отплыл вместе с уцелевшими троянцами в поисках

новой родины^[815]. Первую остановку он сделал у берегов Фракии, где решил основать город Энеаду. Во время жертвоприношения богам в честь закладки города Эней попытался сорвать несколько ветвей с двух деревьев, росших на близлежащем пригорке, чтобы покрыть листвой священные алтари. Внезапно из-под повреждённой коры потекла чёрная кровь, а из-под земли послышался голос Полидора, сына Приама. Он поведал, что его предательски убили на этом самом месте по велению местного фракийского царя, а из дротиков, которыми его пронзили, выросли деревья. Узнав об этом, троянцы оцепенели от ужаса и решили, что на осквернённой убийством земле нельзя оставаться. Они совершили необходимые погребальные обряды, насыпали большой холм над могилой Полидора и отплыли восвояси^[816].

Вторую остановку троянцы сделали в гавани острова Делос. В местном храме Аполлона-Феба Эней и его товарищи получили божественное знамение: голос бога велел им искать «древнюю мать» — ту землю, «где некогда род возник ваш старинный». Старец Анхиз решил, что речь идёт о Крите, где когда-то жил предок троянцев Тевкр, и троянский флот направился к берегам этого острова. Здесь Эней основал город Пергамею, и троянцы поверили, наконец, что обрели новый дом. Внезапно начался мор, в результате которого погибли не только все всходы на полях, но и множество людей. Анхиз велел сыну вновь плыть на Делос и вторично спросить божество. Но тут, по воле Аполлона, Энею во сне явились боги-пенаты Трои. Они приказали герою не мешкая покинуть Крит, который не предназначен для троянцев, и плыть на запад, в Гесперию (Италию), где некогда родился предок троянцев Дардан. Наутро Эней сообщил об этом Анхизу,

и троянцы вновь сели на корабли и покинули обжитую
было землю^[817].

В море флот Энея попал в жестокий шторм, и троянцы были вынуждены пристать у Строфадских островов, пользовавшихся дурной славой. Здесь обитали гарпии — ужасные злобные птицы с девичьими лицами. Когда троянцы высадились на один из островов, то увидели стадо коров и решили устроить пир. Внезапно на приготовленное мясо набросилась стая гарпий и начался жестокий бой^[818]. В это же время предводительница гарпий Келено, усевшись на скале, предрекла троянцам:

«Даже за битых быков и за телок зарезанных в
сечу

Вы готовы вступить, потомки Лаомедонта,
Гарпий изгнать, не повинных ни в чём, из отчего
царства?

Так внемлите же мне и мои запомните речи!

Всё я скажу, что Фебу Отец всемогущий
поведал,

Всё, что Феб-Аполлон мне открыл, величайшей
из фурий.

Держите вы в Италию путь: воззвавши к
попутным

Ветрам, в Италию вы доплывёте и в гавань
войдёте,

Но окружите стеной обещанный город не
прежде,

Чем за обиду, что вы нанесли нам, вас не
заставит

Голод жестокий столы пожирать, вгрызаясь
зубами»^[819].

Услышав эти мрачные слова, Анхиз повелел принести жертвы богам, а затем садиться на корабли и отплывать^[820]. Следующую остановку троянцы сделали у мыса Акции, где устроили пышные жертвоприношения у храма Аполлона-Феба и провели Илионские игры, а затем отправились к берегам Эпира^[821].

Здесь Эней узнал, что Эпиром правит прорицатель Гелен, сын Приама, отобравший власть у Пирра (Неоптолема) и освободивший из плена Андромуху, жену Гектора. Сойдя на берег, герой встретил Андромуху, которая приносила жертвы в честь покойного мужа на пустом кургане близ двух алтарей. Увидев Энея, она не поверила своим глазам и упала в обморок. Придя в себя, Андромуха залилась слезами и стала расспрашивать предводителя троянцев о его судьбе. Он, в свою очередь, услышал от неё, что частью Эпира (Хаонией) теперь действительно правит Гелен. После этого Эней встретился с Геленом, который радушно принял его во дворце и устроил пир. Через несколько дней, уже собираясь отплывать, он попросил Гелена совершить предсказание. Тот охотно согласился и предрёк, что троянцам суждено ещё долго плавать по морям, прежде чем они достигнут желанных берегов Италии и высадятся близ города Кумы. Там Эней должен встретить знаменитую пророчицу Сивиллу и добиться у неё предсказания^[822]. Город же он заложит в том месте, где:

...тревогой томим, у потока реки потаённой,
Возле прибрежных дубов ты огромную веприцу
встретишь, —
Будет она лежать на земле, и детёнышей
тридцать

Белых будут сосать молоко своей матери белой,
—
Место для города там, там от бед покой
обретёшь ты [\[823\]](#).

Поблагодарив Гелена, который снабдил флот троянцев всем необходимым, и сердечно простившись с ним и Андромахой, Эней вновь отправился в путь [\[824\]](#).

Наконец, троянцы достигли восточных берегов Италии, но, согласно предсказанию Гелена, не стали здесь задерживаться. Совершив жертвоприношение богине Юноне, они поплыли к острову Сицилия. Пристав к берегу близ огнедышащей горы Этны, троянцы встретили Ахеменида, одного из спутников Улисса (Одиссея), который рассказал им, как Улисс с товарищами попал в пещеру циклопа Полифема и как ему удалось выбраться оттуда, повредив единственный глаз великана. Самого же Ахеменида друзья случайно «позабыли» в пещере. Он молил троянцев немедленно покинуть берег, прежде чем на них нападут циклопы. И действительно, вскоре они увидели Полифема, который спустился к воде, чтобы промыть проколотый Улиссом глаз. Заслышав шум вёсел отплывающих кораблей, Полифем поднял крик, на который сбежались другие циклопы и стали угрожать троянцам [\[825\]](#).

Обогнув Сицилию, флот Энея пристал к берегу в Дрепанском заливе. Здесь, не вынеся долгих скитаний, умер престарелый Анхиз. Тем не менее убитый горем Эней решил всё же отплыть в Италию, но его флот попал в сильную бурю и оказался у берегов Ливии. На этом троянский герой заканчивает рассказ о своих скитаниях [\[826\]](#).

Четвёртая книга «Энеиды» является, пожалуй, одной из самых удачных и драматичных частей поэмы. Под влиянием волшебных чар бога Купидона царица Карфагена Дидона влюбляется на пиру в Энея и чувствует, что с каждым часом в ней всё сильнее и сильнее разгорается огонь любви. Наутро она обращается за советом к своей сестре Анне и жалуется, что предводитель троянцев пробудил в ней любовную страсть. После гибели мужа Сихея Дидона дала обет безбрачия и теперь не знает, как ей поступить. Анна успокаивает сестру и советует ей не противиться своим чувствам. Она также убеждает Дидону, что брачный союз с Энеем очень выгоден. Ведь «если силы сольют троянец с пунийцем», то Карфаген ещё больше укрепит свою мощь. Ободрённая царица с радостью следует советам Анны и приносит благодарственные жертвы богине Юноне^[827]. С каждым днём любовная страсть к Энею всё сильнее терзает её:

Жжёт Дидону огонь, по всему исступлённая
бродит
Городу, словно стрелой уязвлённая дикая серна;
В рощах Критских пастух, за ней, беспечной,
гоняясь,
Издали ранил её и оставил в ране железо,
Сам не зная о том; по лесам и ущельям
Диктейским
Мечется серна, неся в боку роковую тростинку.
То Энея вдоль стен царица водит, чтоб видел
Город отстроенный он и сидонских богатств
изобилье.
Только начнёт говорить — и тотчас голос
прервётся...
То на закате опять гостей на пир созывает,
Бедная, просит опять рассказать о Трои

невзгодах,
Повесть слушает вновь с неотрывным, жадным
вниманием,
После, когда все гости уйдут и в небе померкнет
Месяц и звёзды ко сну зовут, склоняясь к
закату,
Ляжет на ложе она, с которого встал он, и в
доме
Тихом тоскует одна, неразлучная с ним и в
разлуке.
То на колени к себе сажает Аскания, словно
Сходство с отцом обмануть любовь несказанную
может.
Юноши Тира меж тем упражненья с оружием
забыли,
Начатых башен никто и гавани больше не
строит,
Стен не готовят к войне: прервались повсюду
работы,
Брошена, крепость стоит, выраставшая прежде
до неба [\[828\]](#).

Узнав о любви Дидоны к Энею, Юнона обращается к Венере и предлагает ей забыть былую вражду и заключить мир, скрепив его браком троянского героя с карфагенской царицей. На самом же деле она желает, чтобы троянцы навсегда остались в Карфагене, укрепили его мощь и никогда не добрались бы до берегов Италии. Венера понимает, что Юнона лукавит, но делает вид, что согласна на её предложение. Богиня любви лишь выражает сомнение, одобрит ли этот брак Юпитер и позволит ли слить в один народ троянцев и пунийцев. Юнона заявляет, что это её забота, и предлагает устроить так, чтобы Дидону и Энея во время

охоты застала гроза. Это позволит им уединиться в пещере, где «свершится их брак». Венера не спорит, «смеясь над её уловкой коварной», и в дальнейшем всё происходит в соответствии с планом Юноны^[829].

Счастливая Дидона более не скрывает своих чувств, но события приобретают неблагоприятный для неё оборот:

Тотчас Молва понеслась меж ливийцев из города в город.

Зла проворней Молвы не найти на свете иного: Крепнет в движение она, набирает силы в полёте,

Жмётся робко сперва, но потом вырастает до неба,

Ходит сама по земле, голова же прячется в тучах.

Мать-Земля, на богов разгневавшись, следом за Кеем

И Энкеладом Молву, как преданья гласят, породила,

Ног быстротой её наделив и резвостью крыльев. Сколько перьев на ней, чудовищной, страшной, огромной,

Столько же глаз из-под них глядят неусыпно и столько ж

Чутких ушей у неё, языков и уст говорливых.

С шумом летает Молва меж землёй и небом во мраке

Ночи, и сладостный сон никогда ей век не смежает;

Днём, словно стражник, сидит на верхушке кровли высокой

Или на башне она, города устрашая большие,

Алчна до кривды и лжи, но подчас вестница

правды.

Разные толки в те дни средь народов она
рассыпала,

Радостно быть наравне с небылицей всем
возвещая:

Будто явился Эней, рождённый от крови
троянской,

Принят Дидоной он был и ложа её удостоен;

Долгую зиму теперь они проводят в распутстве,

Царства свои позабыв в плену у страсти
постыдной.

Людям вложила в уста богиня гнусная эти

Речи везде и к Ярбе-царю направила путь свой,

Вестью душу ему зажгла и гнев распалила [\[830\]](#).

Уязвлённый ливийский царь Ярба, бывший в своё время женихом Дидоны, обращается к Юпитеру и молит его наказать любовников. Узнав о недопустимой любовной связи предводителя троянцев, верховный бог страшно гневается. Он отправляет к Энею Меркурия с приказом, чтобы троянцы покорились судьбе и немедленно отплывали в Италию, где должны основать великую державу. Услышав из уст Меркурия строгое повеление Юпитера, потрясённый Эней приходит в ужас и понимает, что ему придётся бросить царицу и бежать. Он приказывает троянцам тайно готовиться к отплытию, а сам пытается придумать, как сообщить об отъезде Дидоне, чтобы не обидеть её. Однако царица сама обо всём догадывается и приходит к Энею. Она сначала обвиняет его в обмане, а потом со слезами умоляет остаться, упрекая в том, что он обесчестил её и теперь хочет бросить на произвол судьбы. Эней, страдающий не меньше Дидоны, неудачно оправдывается, заявляя, что «на брачный факел

священный не притязал никогда, и в союз с тобой не вступал я». Он пытается объяснить царице, что должен отправиться в Италию не по своей воле, ибо не может противиться приказу Юпитера. Дидона не верит Энею и в гневе осыпает его упрёками и проклятиями^[831].

Удручённый герой начинает готовить флот к отплытию, а несчастная царица, придя в себя, посылает к нему сестру Анну с мольбой не спешить и отложить отъезд хотя бы на некоторое время^[832]. Однако Эней остаётся непреклонен:

...не тронули речи

Скорбное сердце его, и просьбам слёзным не внял он:

Слух склонить не велит ему бог и судьба запрещает.

Так нападают порой на столетний дуб узловатый

Ветры с альпийских вершин: то оттуда мча, то отсюда,

Спорят они, кто скорей повалить великана сумеет,

Ствол скрипит, но, хоть лист облетает с колеблемых веток,

Дуб на скале нерушимо стоит: настолько же в недра

Корни уходят его, насколько возносится крона.

Так же со всех сторон подступают с речами к герою,

Тяжкие душу томят заботы и думы, но всё же

Дух непреклонен его, и напрасно катятся слёзы^[833].

Убитая горем Дидона решает покончить жизнь самоубийством. То тут, то там она видит зловещие предзнаменования: жертвенное вино на алтаре превращается в кровь, из храма раздаётся голос её покойного мужа Сихея, на кровле дворца по ночам завывает филин. Сломленная душевной болью, царица начинает готовиться к смерти. Скрывая свой замысел от сестры, она предлагает Анне устроить некий магический обряд, который якобы должен вернуть Энея или избавить от страсти к нему. Для проведения обряда Дидона велит сестре подготовить костёр во дворце, пожечь на него оружие и одежды Энея, а также брачное ложе. Ничего не подозревая, Анна выполняет все её просьбы. Глубокой ночью царицу одолевают мучительные сомнения. Дидона пытается принять окончательное решение — жить или умереть, и даже порывается бежать к Энею на корабль, но в конце концов всё же выбирает смерть. В это же самое время к предводителю троянцев во сне является Меркурий, который вновь напоминает ему о воле Юпитера, предостерегает от козней оскорблённой царицы и требует немедленно отплыть. Тотчас проснувшись, устрешённый Эней приказывает троянцам рубить причальные канаты и поскорее выходить в открытое море^[834].

На рассвете, поднявшись на высокую башню дворца, Дидона замечает плывущие на горизонте корабли троянцев. Её охватывает безумное отчаяние. С гневом царица взывает к верховным богам, проклиная Энея и всех его потомков:

«Солнце, ты, что огнём земные труды озаряешь,
Ты, Юнона, — тебе я всегда мою боль поверяла,
—
Ты, Геката, к кому на ночных перекрёстках

взывают,
Диры мстящие, вы, и вы, божества моей смерти,
Взгляд обратите на нас — заслужила я этого
мукой, —
Нашим внемлите мольбам. Если должен
проклятый достигнуть
Берега и корабли довести до гавани, если
Воля судьбы такова и Юпитера цель неизменна,
—
Пусть войной на него пойдёт отважное племя,
Пусть изгнанником он, из объятий Аскания
вырван,
Бродит, о помощи всех моля, и жалкую гибель
Видит друзей, и пусть, на мир согласившись
позорный,
Не насладится вовек ни властью, ни жизнью
желанной:
Пусть до срока падёт, пусть лежит на песке не
зарытый.
С этой последней мольбой я в последний мой
час обращаюсь.
Вы же, тирийцы, и род, и потомков его
ненавидеть
Вечно должны: моему приношеньем праху да
будет
Ненависть. Пусть ни союз, ни любовь не связует
народы!
О, приди же, восстань из праха нашего,
мститель,
Чтобы огнём и мечом теснить поселенцев
дарданских
Ныне, впредь и всегда, едва появятся силы.
Берег пусть будет, молю, враждебен берегу,
море —
Морю и меч — мечу: пусть и внуки мира не

знают!»^[835]

Это поистине одна из самых драматичных сцен «Энеиды»!

Предсказав будущую вражду римлян и карфагенян, обезумевшая Дидона бежит к высокому жертвенному костру, на котором сложены вещи Энея. Взойдя на него, она опускается на брачное ложе, обнажает меч Энея и вонзает его себе в грудь. На крик служанок прибегает Анна и горько оплакивает сестру, которая в мучениях умирает у неё на руках. Юнона посылает с Олимпа богиню Ириду, и та отрешает от тела душу несчастной Дидоны^[836].

Пятая книга «Энеиды» практически целиком посвящена пребыванию троянцев на острове Сицилия. Покидая берега Ливии, Эней оборачивается, чтобы последний раз бросить взгляд на Карфаген, и видит ярко горящий погребальный костёр — костёр погибшей Дидоны. Мрачные предчувствия томят и терзают его душу. Флот Энея держит курс к берегам Италии, но из-за бури ему вновь приходится пристать к Сицилии. Здесь троянцев гостеприимно встречает местный царь Акест, троянец по происхождению^[837].

На следующий день Эней созывает общую сходку и заявляет троянцам, что решил устроить священную тризну и погребальные игры в честь своего отца Анхиза, почившего здесь год назад. В сопровождении множества троянцев он поднимается на погребальный холм и начинает совершать жертвоприношение на могиле отца. И тут из гробницы выползает огромная блестящая змея и, обвив холм семь раз и отведав жертвенной пищи с алтарей, вновь скрывается в гробнице. Эней воспринимает это как благоприятный

знак и приносит в жертву овец, быков и свиней. Затем начинается священная тризна [\[838\]](#).

На девятый день назначаются погребальные игры. Сначала проводятся гонки кораблей, а затем следуют состязания в беге, в кулачном бою, в стрельбе из лука и, наконец, так называемые «Троянские игры» — конные ристания юношей. Все участники состязаний получают богатые дары из рук Энея, все счастливы и не предчувствуют беды [\[839\]](#).

Богиня Юнона, наблюдающая за веселящимися троянцами, вновь строит им козни. Она посылает на землю богиню Ириду, которая превращается в старуху Верою и отправляется к троянкам, собравшимся оплакать старца Анхиза на морском берегу. Бероя-Ирида начинает убеждать женщин, что нужно остаться на земле гостеприимной Сицилии, основать здесь город и больше не думать об опасных путешествиях. А чтобы мужа не смогли выйти в море, необходимо сжечь флот. Уставшим от семилетних скитаний троянкам её слова приходятся по душе. Ирида же, сбросив обличие старухи, на крыльях возносится на небо, оставляя после себя радугу. Потрясённые божественным знаменiem женщины хватают факелы и поджигают флот. Увидев пожар, троянцы бросаются к кораблям и безуспешно пытаются их потушить [\[840\]](#). Отчаявшийся Эней взывает к Юпитеру:

«О, всемогущий Отец! Коль не все, как один,
ненавистны
Стали троянцы тебе, если есть в тебе прежняя
жалость
К бедам людским, — о Юпитер! — не дай
уничтожить пожару
Все корабли и спаси достоянье жалкое тевкров!

Если же я заслужил, то разящими стрелами
молний
Всё истреби, что осталось у нас, и предай меня
смерти!»
Только лишь вымолвил он, как из тучи, ливнем
набухшей,
Грянул громовый удар и сотряс равнины и горы;
Небо внезапной грозой полыхает, струями
хлещет
Ливень, и мрак над землёй сгущают буйные
Австры.
Доверху полны водой корабли, и влага немедля
Тлеющий гасит огонь, в обгорелых таившийся
досках;
Все от язвы суда спасены — лишь четыре
погибли^[841].

Эней, потрясённый пожаром, долго предаётся
раздумьям: обосноваться ли на сицилийских землях или
всё же плыть в Италию. Его сомнения разрешает
мудрый старец Навт, который предлагает основать в
Сицилии город — Акесту (Сегесту), и оставить в нём
всех немощных мужчин, стариков и недовольных жён, а
молодые и сильные мужи пусть плывут в Италию. Ночью
Энею во сне является отец его Анхиз и советует
последовать мудрому совету Навта. Кроме того, Анхиз
требует от сына, чтобы тот, достигнув Италии, вместе с
кумской Сивиллой спустился в подземное царство и
повидался с ним, дабы узнать предначертания судьбы.
Утром Эней созывает всех троянцев на сходку и,
договорившись с царём Акестом, объявляет о своём
решении основать город. Тут же в списки граждан
заносятся все те, кто желает жить в новом городе.
Затем Эней проводит обряд основания города,

закладывает храм Идалийской Венеры, окружает могилу Анхиза священной рощей, а Акест утверждает законы для нового города. Через девять дней, принеся необходимые жертвы богам и попрощавшись с Акестом и остающимися на Сицилии троянцами, Эней с попутным ветром отплывает в Италию^[842].

В это самое время Венера обращается к богу Нептуну и просит его сделать так, чтобы Эней со спутниками беспрепятственно добрался до Италии. Нептун успокаивает богиню и обещает, что выполнит её просьбу и в качестве платы возьмёт жизнь лишь одного человека. Когда наступает ночь, бог Сон усыпляет кормчего Палинура, корабль которого возглавляет флот троянцев, и сталкивает его за борт. Через некоторое время Эней замечает, что флот сбился с пути, и принимает командование на себя. Узнав, что Палинур утонул, он горько оплакивает его смерть. Нептун же, получив свою жертву, полностью выполняет данное Венере обещание, и флот Энея благополучно достигает берегов Италии^[843].

Шестая книга «Энеиды» рассказывает о путешествии Энея в подземное царство. Здесь просматривается прямая параллель с путешествием в Аид гомеровского Одиссея. Пристав к италийскому берегу близ греческого города Кумы, троянцы разбивают лагерь. Эней со спутниками направляется к местному святилищу Аполлона-Феба и Гекаты и приносит здесь благодарственные жертвы богам^[844]. Затем троянцы идут к глубокой пещере на склоне Эвбейской горы, где обитает кумекая Сивилла и в которую:

Сто проходов ведут, и из ста вылетают
отверстий,

На сто звуча голосов, ответы вещей
Сивиллы^[845].

Интересно, что в 1932 году, в ходе археологических раскопок около древнего акрополя города Кумы было обнаружено подземное святилище, впоследствии признанное Пещерой Сивиллы (VI-V века до н. э. — I век н. э.). Святилище представляет собой комплекс высеченных в скальной породе помещений и галерей, связанных с кумским храмом Аполлона. Самой интересной частью этого комплекса является длинный подземный коридор в виде греческого дромоса (прохода к помещению) в форме трапеции (длина 131 метр 50 сантиметров, ширина 2 метра 40 сантиметров, высота 5 метров), свет в который поступает через несколько боковых галерей. Завершается дромос просторным и высоким прямоугольным помещением с большими нишами, в котором, по преданию, пророчествовала Сивилла^[846]. Вполне вероятно, что Вергилий в своё время побывал в этом святилище и оно произвело на него неизгладимое впечатление.

Когда Эней со спутниками подходит к пещере, в Сивиллу внезапно вселяется Феб и её охватывает божественное безумие. Она чувствует приближение предводителя троянцев и называет его по имени. В ответ на мольбу Энея к ней и к Аполлону-Фебу о том, чтобы троянцам было позволено, наконец, обосноваться в Италии^[847], Сивилла даёт довольно мрачное предсказание:

«Ты, кто избавлен теперь от опасностей грозных
на море!

Больше опасностей ждёт тебя на суше.

Дарданцы

В край Лавинийский придут (об этом ты не тревожся) —

Но пожалеют о том, что пришли. Лишь битвы я вижу,

Грозные битвы и Тибр, что от пролитой пенится крови.

Ждут тебя Симоэнт, и Ксанф, и лагерь дорийский,

Ждёт и новый Ахилл в краю Латинском, и также Враг твой богиней рождён. И Юнона тевкров, как прежде,

Гнать не устанет, и ты, удручённый нуждою проситель, —

Сколько ты обойдёшь городов и племён италийских!

Вновь с иноземкою брак и жена, приютившая тевкров,

Будут причиной войны.

Ты же, беде вопреки, не сдавайся и шествуй смелее,

Шествуй, доколе тебе позволит Фортуна. Начнётся

Там к спасению путь, где не ждёшь ты, — в городе греков»^[848].

Эней воспринимает эти грозные слова со спокойствием, достойным героя, и лишь молит Сивиллу указать ему вход в подземное царство, чтобы он мог навестить отца Анхиза. Прорицательница отвечает, что спуститься в Тартар нетрудно, а вот вернуться — почти невозможно. Для того чтобы вновь увидеть белый свет, Энею нужно раздобыть золотую ветвь (омелу), растущую на священном дубе, и принести её в дар

подземной богине Прозерпине. Кроме того, Сивилла сообщает герою, что только что умер один из его друзей, которого необходимо достойно похоронить, а затем принести искупительные жертвы^[849].

Опечаленные троянцы покидают пещеру Сивиллы и, достигнув своего лагеря, узнают, что трубач Мизен погиб в состязании с морским божеством Тритоном. Чтобы сложить для погибшего друга погребальный костёр, Эней с товарищами отправляется за древесиной в тёмную лесную чащу. Здесь герой видит двух голубок — посланниц богини Венеры, которые приводят его к золотой ветви, растущей на дубе. Он немедленно срывает ветвь и относит её в пещеру Сивиллы. Тем временем троянцы проводят необходимые погребальные обряды, сжигают тело Мизена на костре и насыпают над его могилой большой холм. Эней, простившись с другом и возложив на его курган трубу, весло и доспехи, направляется ко входу в подземное царство. Глубокой ночью Эней и Сивилла совершают здесь жертвоприношения подземным богам^[850], а на рассвете начинают спуск в преисподнюю:

Вход в пещеру меж скал зиял глубоким
провалом,
Озеро путь преграждало к нему и тёмная роща.
Птица над ним ни одна не могла пролететь
безопасно,
Мчась на проворных крылах, — ибо чёрной
бездны дыханье,
Всё отравляя вокруг, поднималось до сводов
небесных^[851].

Проход в подземное царство, как считали жители города Кумы, открывался в пещере на берегу сернистого вулканического Авернского озера, окружённого живописными густыми лесами. Спустя столетия народная молва перенесла на побережье этого озера и святилище Сивиллы. На западном берегу есть вход в замечательную подземную галерею, называемую «Пещерой Сивиллы». Длина этого сооружения, вырубленного в скале, около двухсот метров. Кроме того, галерея оснащена боковым коридором, который ведёт в подземные водохранилища. В действительности «Пещера Сивиллы» появилась при постройке римского порта и относится к временам императора Августа^[852].

«Там, где начало пути, в преддверье сумрачном Орка» Эней и Сивилла видят ужасных богов: Скорбь, Болезни, Старость, Страх, Позор, Голод, Муки и других. Далее они встречают целый сонм чудовищ: Сциллу, Химеру, Лернейскую гидру, гарпий, кентавров, ужасных великанов. Эней пугается и обнажает меч, но Сивилла успокаивает его, напоминая, что это всего лишь тени. Подойдя к подземной реке Ахеронт, они замечают огромную толпу теней усопших, стремящихся оказаться в лодке страшного, грязного и заросшего седой бородой старца. Сивилла сообщает Энею, интересующемуся происходящим, что старец этот — Харон, и в своём челне он перевозит на другой берег тени только тех усопших, тела которых были погребены. Непогребённые же обречены скитаться по берегу Ахеронта. Эней видит среди неприкаянных теней кормщика Палинура, который жалуется ему на свою судьбу и просит отыскать его тело, лежащее на берегу Ведийской гавани, и похоронить. Заметив Энея и Сивиллу, старец Харон страшно гневается, заявляя, что живым в подземном царстве не место. Сивилла успокаивает

старика и показывает ему золотую ветвь, после чего он безропотно перевозит путников на другой берег^[853].

Сойдя на берег, они встречают сидящего у входа в пещеру трёхглавого пса Цербера, которого Сивилла усыпляет сладкой лепёшкой с сонной травой. Миновав логово ужасного пса, Эней и Сивилла видят места, где обитают тени младенцев, самоубийц, людей, погибших от лживых наветов, от несчастной любви, на войне — то есть всех тех, кто умер раньше срока. Тут же царь Минос творит свой суровый суд над душами. В миртовом лесу, где томятся погибшие от любви, Эней замечает тень Дидоны и со слезами на глазах обращается к ней, но царица, бросив гневный взгляд, ускользает от него. На пути Эней также встречает тени троянских воинов, с одной из которых — тенью Деифоба — он долго беседует. Сивилла напоминает Энею, что нужно спешить, и указывает ему на две дороги. Одна из них ведёт в обитель праведных теней — Элизий, а другая — в Тартар, где томятся тени преступников. Из-за мощных тройных стен неприступного города Тартара доносятся стоны, скрежет, лязг цепей и свист плетей. На вопрос Энея о судьбе нечестивцев Сивилла подробно рассказывает о том, какие ужасные муки претерпевают обманщики, братоубийцы, клятвопреступники, скупые, прелюбодеи, цареубийцы, богоотступники, предатели родины и другие. Вскоре они подходят к стенам Элизия, и по приказу прорицательницы Эней совершает омовение чистой водой, а затем прибывает к воротам золотую ветвь в дар богине Прозерпине^[854].

Наконец, путники вступают в Элизий, где обитают тени праведников. Это поистине прелестный край! Здесь сияет солнце и шелестят зелёными ветвями дубы, а тени проводят время во всяческих забавах, пируют, танцуют и поют. Эней видит тени великих героев и своих предков, отдыхающие в рощах на берегу

многоводной реки Эридан. Заметив путников, они собираются вокруг Сивиллы, которая просит тень певца Мусея указать, где можно найти старца Анхиза. Мусей охотно соглашается стать провожатым и показывает им путь через гору. Взобравшись на горный хребет, Эней издали замечает отца и бросается к нему. Отец и сын со слезами на глазах радуются встрече^[855].

Затем Эней видит реку забвения Лету, около которой, как пчёлы, вьются сонмы душ. Анхиз объясняет, что этим душам вновь предстоит вселиться в тела людей. Среди них много потомков Энея, о подвигах которых он хочет поведать^[856]. Чтобы развеять сомнения сына, Анхиз рассказывает:

«Землю, небесную твердь и просторы водной
равнины,
Лунный блистающий шар, и Титана светоч, и
звёзды, —
Всё питает душа, и дух, по членам разлитый,
Движет весь мир, пронизав его необъятное
тело.
Этот союз породил и людей, и зверей, и
пернатых,
Рыб и чудовищ морских, сокрытых под
мраморной гладью.
Душ семена рождены в небесах и огненной
силой
Наделены — но их отягчает косное тело,
Жар их земная плоть, обречённая гибели, гасит.
Вот что рождает в них страх, и страсть, и
радость, и муку,
Вот почему из тёмной тюрьмы они света не
видят.
Даже тогда, когда жизнь их в последний час
покидает,

Им не дано до конца от зла, от скверны
телесной
Освободиться: ведь то, что глубоко в них
вкоренилось,
С ними прочно срослось — не остаться надолго
не может.
Кару нести потому и должны они все — чтобы
мукой
Прошлого зло искупить. Одни, овеваемы ветром,
Будут висеть в пустоте, у других пятно
преступленья
Выжжено будет огнём или смыто в пучине
бездонной.
Маны любого из нас понесут своё наказание,
Чтобы немногим затем перейти в простор
Элизийский.
Время круг свой замкнёт, минуют долгие сроки,
—
Вновь обретёт чистоту, от земной избавленный
порчи,
Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем
зажжённый.
Времени бег круговой отмерит десять столетий,
—
Души тогда к Летейским волнам божество
призывает,
Чтобы, забыв обо всём, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело
вселиться»^[857].

Устами Анхиза Вергилий излагает философскую концепцию переселения душ. При этом поэт органично смешивает здесь учения пифагорейцев, стоиков и платоников. Миром движет мировой дух, от которого

произошли все существа. Души имеют огненную природу и, пребывая в смертных телах, подвергаются скверне. После смерти тел души должны пройти очищение, а спустя тысячу лет — испить воды из реки забвения и вновь вернуться на землю, чтобы вселится в новые тела.

Анхиз, Эней и Сивилла отправляются к реке Лете и поднимаются на большой холм, чтобы удобнее было рассматривать души, пьющие воду забвения. Анхиз долго и подробно рассказывает о великих потомках Энея, царях и полководцах Рима, в том числе о Цезаре и Августе, поочерёдно указывая на их души. Он предрекает величие Рима и его власть над многими народами. Тут Эней обращает внимание на душу прекрасного юноши, и Анхиз со слезами на глазах говорит, что это Марцелл, сын сестры Августа, зять и преемник императора, которому суждено погибнуть молодым^[858].

После этого путники ещё долго бродят по Элизию и рассматривают души. Затем Анхиз рассказывает сыну о том, что его ждёт впереди, в том числе и о предстоящей войне с латинами. Наконец, простившись с Анхизом, Эней и Сивилла проходят через ворота снов, сделанные из слоновой кости, и оказываются на земле. Эней возвращается к своим кораблям, плывёт вдоль италийского берега и достигает Кайетской гавани (современная Гаэта)^[859]. Здесь умирает его кормилица Кайета, имя которой и получила впоследствии эта гавань. После похорон флот троянцев вновь отправляется в путь и входит в устье реки Тибр^[860].

События, разворачивающиеся на протяжении первых шести книг «Энеиды», в достаточной степени позволяют характеризовать главного героя произведения. Большинство учёных согласны, что, с одной стороны, Эней — патриот, справедливый,

доблестный и храбрый воин, а с другой — весьма благочестивый, пассивный, полностью подчинённый воле богов и судьбе человек. Несмотря на эти противоречия, его образ всё же представляется очень цельным и завершённым; именно с ним связаны все сюжетные линии поэмы. Основное предназначение Энея в том, чтобы основать новое государство в Италии, и после посещения подземного царства он полностью осознает крайнюю важность этой миссии, покоровшись року и отринув все свои личные желания. Но в этом и глубокий трагизм главного героя, вынужденного подчиняться неумолимой судьбе.

Вторую часть «Энеиды» Вергилий считал более важной. В связи с этим в начале седьмой книги он обращается к музе поэзии Эрато:

Ныне о древних веках, Эрато, дозволь мне
поведать,
О стародавних царях и о том, что в Лации было
В дни, когда с войском приплыл к берегам
Авзонийским пришелец,
Также о том, отчего разгорелась распря
впервые.
Ты певца вдохнови, о богиня! Петь начинаю
Я о войне, о царях, на гибель гневом гонимых,
И о тирренских бойцах, и о том, как вся
Гесперия
Встала с оружием в руках. Величавей прежних
событья
Ныне пойдут чередой — величавей будет и труд
мой^[861].

Далее Вергилий повествует о местном царе Латине — правителе города Лаврента, о его происхождении и семье. Единственная наследница старого Латина — это его дочь Лавиния, которая просватана за юного царя рутулов Турна. Однако их свадьбе препятствуют божественные знамения, указывающие, что правитель Лаврента должен отдать дочь замуж только за могущественного иноземца [\[862\]](#).

Высадившись в устье Тибра, троянцы разбивают лагерь и устраивают большой пир. За неимением столов они раскладывают пищу на больших полбяных лепёшках. Когда воины, мучимые голодом, съедают и эти лепёшки («столы»), Эней внезапно понимает, что пророчество его отца Анхиза (и гарпии Келено) сбылось, и троянцы обрели, наконец, родину, отчизну их предка Дардана. Вне себя от радости герой велит принести благодарственные жертвы богам, а утром посылает воинов разведать окружающую местность [\[863\]](#).

Узнав, что этими землями правит царь Латин, Эней отправляет к нему послов с предложением мира и богатыми дарами. В то же время троянцы начинают строить для себя дома, окружая будущую крепость частоколом и валом. Латин благосклонно принимает посольство троянцев и соглашается выделить им землю для поселения. Более того, в соответствии с волей богов он предлагает Энею свою дочь Лавинию в жёны и отправляет ему в дар прекрасных коней и золотую колесницу [\[864\]](#).

Увидев с неба, что троянцы благополучно добрались до устья Тибра, богиня Юнона приходит в ярость. Она решает развязать кровопролитную войну между троянцами и италийцами, для чего посылает в Италию злобную фурию Аллекто [\[865\]](#), покровительницу ярости, гнева и раздоров:

В тот же миг Аллекто, напоенная ядом Горгоны,
В Лаций летит, в крутоверхий чертог владыки
Лаврента,
Там садится она у дверей молчаливых Аматы.
Тевкров нежданный приход и брак отвергнутый
с Турном
Сердце царице зажгли обидой женской и
гневом.
Чёрную вырвав змею из волос, богиня метнула
Гада царице на грудь и под платьем скрыла у
сердца,
Чтобы, беснуясь, она весь дом возмутила
безумьем.
Гад под одеждой скользит, по гладкой груди
извиваясь,
Тела касаясь едва, исступлённой Амате не
виден;
Буйное сердце её наполняет он злобой змеиной,
То повисает у ней золотым ожерельем на шее,
То, как венец, обвивает чело, то по телу
блуждает.
В душу покуда её проникала первая порча,
Влажный яд, разгораясь в крови, мучил её
чувства... [\[866\]](#)

Возбуждённая царица Амата требует, чтобы Латин не отдавал их дочь замуж за Энея, но безуспешно. Тогда она, уже полностью охваченная безумием, крадёт Лавинию и прячет её в лесистых горах, чтобы расстроить свадьбу [\[867\]](#).

Сделав своё чёрное дело, Аллекто летит в город рутулов Ардею. Она находит Турна спящим во дворце и, обернувшись старой жрицей Юноны Калибой, предстаёт перед ним во сне. Мнимая Калиба пытается разжечь

гнев царя и направить его против троянцев и царя Латина. Турн не воспринимает слова старой жрицы всерьёз и смеётся над её страхами. Тогда разъярённая Аллекто открывает свой истинный лик, превращаясь в грозную фурию [\[868\]](#), а затем:

...горящий пламенем чёрным
Факел метнула она и вонзила юноше в сердце.
Ужас тяжкий прервал героя сон беспокойный,
Пот всё тело ему омыл холодной волною.
С криком ищет он меч в изголовье, ищет по
дому,
Страстью к войне ослеплён и преступной
жаждой сражений,
Буйствует, гневом гоним, — так порой, когда с
треском пылает
Хворост и медный котёл окружает шумное
пламя,
В нём начинает бурлить огнём нагретая влага,
Пенится, словно поток, и дымится, и плещет,
как будто
Тесно ей стало в котле, и клубами пара
взлетает.
Мир презрев и союз, призывает в поход на
Латина
Турн друзей молодых и велит готовить оружие,
Встать на защиту страны и врага из Италии
выбить:
Сил довольно у них одолеть и латинян и
тевкров.
Только лишь молвил он так и вознёс всевышним
моления,
Рутулы все, как один, за оружие с жаром
берутся:
В бой призывает одних красотой цветущая

юность,
Предки цари — других, а третьих — подвигов
слава^[869].

Покинув Турна, Аллекто летит к лагерю троянцев и делает так, чтобы юный Асканий на охоте смертельно ранил ручного оленя, принадлежащего Тирру, пастуху царя Латина. Узнав о гибели оленя, Тирр созывает односельчан и, подстрекаемый Аллекто, ведёт их к лагерю троянцев. Начинается настоящее сражение, в ходе которого гибнет несколько пастухов. Довольная Аллекто взмывает в небо и гордо хвастается Юноне, что блестяще выполнила её приказание и война между троянцами и италийцами теперь неизбежна. Юнона отправляет её обратно в подземное царство, заявляя, что всё остальное доделает сама. В это же время пастухи с телами убитых устремляются в Лаврент, винят троянцев в злодеянии и требуют от царя Латина, чтобы он немедленно наказал иноземцев. В город прибывает и возмущённый Турн со своей дружиной, ещё более будоража народ. Опечаленный Латин заявляет беснующейся толпе, что не пойдёт против воли богов и не будет воевать с троянцами. После этого он отказывается от власти и запирается в своём дворце. Обычай требует, чтобы царь в знак начала войны отворил двери храма двуликого Януса, но, поскольку он отрёкся от власти, за него это делает богиня Юнона^[870]. Характеризуя царя Латина, в одиночку противостоящего толпе, Вергилий уподобляет его морскому утёсу:

Царь же незыблем и твёрд, как утёс в
бушующем море,

Словно в море утёс, когда он средь растущего
гула
Всей громадой своей отражает бешеный натиск
Воющих волн, а вокруг громыхают скалы и
камни
В пене седой, и с боков отрываются травы
морские^[871].

По призыву Турна со всей страны в Лаврент
собираются военные отряды. Многие италийские
племена присылают своих воинов: сабиняне, оски,
марсы, аврунки, вольски и другие^[872]. Подробное
перечисление Вергилием племён и их царей
напоминает «список кораблей» из «Илиады» Гомера.
Возглавляющий войска царь Турн предстаёт перед
читателями в качестве бессмертного героя и
достойного соперника Энея:

Турн средь первых рядов, то там, то тут
появляясь,
Ходит с оружием и всех красотой превосходит и
ростом.
Шлем украшает его Химера с гривой тройною,
Дышит огнём её пасть, как жерло кипящее
Этны, —
Чем сраженье сильнее свирепеет от пролитой
крови,
Тем сильнее и она изрыгает мрачное пламя^[873].

Юный царь рутулов отличается крайней отвагой и
мужественностью, патриотизмом и нечеловеческой

силой. Его образ во многом напоминает гомеровского Ахилла.

Турн очень жесток в бою, недаром Вергилий на протяжении последних книг «Энеиды» сравнивает его то со свирепым львом, то с волком, быком, тигром, конём, орлом и даже с падающим утёсом. Однако Турн, околдованный Аллекто, стремится к ложной цели, идёт против рока и воли Юпитера.

Восьмая книга «Энеиды» посвящена путешествию Энея в царство Эвандра. Пока итальянцы собирают силы в Лавренте, Турн отправляет посольство в Южную Италию к могущественному греческому царю Диомеду с просьбой о помощи^[874]. Энея очень беспокоят все эти приготовления, и он много размышляет о предстоящей войне. Ночью к нему во сне является увитый тростником старый речной бог Тибрии — покровитель Тибра. Он велит не страшиться войны и предсказывает герою (как в своё время и Гелен), что тот заложит новый город (Лавиний) на том месте, где увидит лежащую на земле огромную белую свинью с тридцатью поросятами. А через 30 лет его сын Асканий возведёт ещё один город — Альбу^[875]. Кроме того, Тиберин подсказывает Энею, как победить в будущей войне:

«В этом краю аркадцы живут, Палланта
потомки;
В путь за Эвандром они, за знаменем царским
пустились,
Выбрали место себе меж холмов, и построили
город,
И нарекли Паллантеем его в честь предка
Палланта.
Против латинян они ведут войну непрестанно,
С ними союз заключи, призови в свой лагерь на
помощь.

Сам вдоль моих берегов по реке тебя поведу я,
Чтобы на вёслах ты мог подняться против
течения.
Сын богини, проснись! Уж заходят ночные
светила,
Тотчас Юноне мольбы вознеси по обряду, чтоб
ими
Гнев её грозный смирить. А меня и после
победы
Можешь почтить. Пред тобой полноводной
смыкающий гладью
Склоны двух берегов, через тучные нивы
текущий
Тибр, лазурный поток, небожителей сердцу
любезный.
Здесь величавый мой дом, столица столиц,
вознесётся!»[\[876\]](#)

Эней просыпается на рассвете и горячо молится
Тиберину. Внезапно он замечает на берегу большую
белую свинью с тридцатью поросятами, лежащую среди
тенистых деревьев. Ликующий Эней приносит свинью и
поросят в жертву Юноне и велит немедленно
снаряжать корабли[\[877\]](#). По сообщению Варрона, при
императоре Августе ещё сохранялась память об этой
свинье и поросятах: «...медные изображения их и
сейчас выставлены в общественных местах, а тело
свиньи, лежащее в рассоле, показывают жрецы»[\[878\]](#).

На двух кораблях Эней со спутниками отправляется
в плавание по Тибру и к вечеру благополучно достигает
владений царя Эвандра. Город аркадцев располагается
как раз на том месте, где в будущем вырастут мощные
стены Рима. Царь вместе с горожанами приносит

жертвы богам в священной роще у городских стен, отмечая ежегодный религиозный праздник. Паллант, сын Эвандра, видит корабли троянцев и устремляется к ним. Встретившись с Энеем и расспросив его, он провожает троянцев к царю. Старец Эвандр приветливо встречает героя и благосклонно выслушивает его просьбы о помощи и союзе. Он приглашает троянцев присоединиться к празднику и занять места за пиршественным столом^[879].

Во время пира Эвандр рассказывает Энею о празднике, который они отмечают, и излагает местный миф о Геркулесе. Некогда на холме Авентин обитал ужасный великан Как. Он украл из стада Геркулеса несколько быков и телок и спрятал их в своей пещере. Узнав об этом, Геркулес разрушил пещеру и убил великана. Закончив свой рассказ, царь предлагает троянцам почтить Геркулеса; тут же местные жрецы приносят жертвы и молятся божественному герою^[880].

После окончания праздника Эвандр ведёт троянцев в город, по пути рассказывая об окрестных местах, где некогда обитало дикое племя людей, возникшее «из дубовых стволов», и правил древний бог Сатурн, принёсший на землю «золотой век». Затем царь показывает Энею знаменитые в будущем достопримечательности Рима: Карментальские ворота, Луперкал, Аргилет, Тарпейскую гору (Капитолий), форум. Наконец, они подходят к дворцу, и Эвандр предлагает гостям расположиться на ночлег в его скромном жилище^[881].

Глубокой ночью богиня Венера, тревожась за сына, отправляется к своему мужу богу Вулкану и просит его выковать для Энея прочные доспехи. После недолгих уговоров он соглашается и отправляется в свою знаменитую кузницу^[882], чтобы начать работу:

В море Сиканском лежит близ Липары Эоловой
остров,
Скалы крутые на нём день и ночь окутаны
дымом,
Почву под ними изъел огонь циклоповых горнов,
Гулко в пещерах звучат удары молотов тяжких,
Докрасна раскалено, скрежещет железо
халибов,
Пламя гудит в очагах, и несётся грохот наружу.
Здесь — Вулкана чертог, и Вулканией остров
зовётся.
С выси небесной сюда низошёл огнемощный
владыка.
Тут железо куют в огромном гроте циклопы:
Бронт, и могучий Стероп, и Пиракмон с голою
грудью.
Форму и блеск под руками у них в тот миг
обретала
Молнии грозной стрела, какие во множестве
мечет
С неба на землю Отец. Не закончили труд свой
циклопы:
Облака три волокна, три нити ливня, три части
Алого пламени, три дуновенья летучего Австра
Сплавить успели они, а теперь добавляли
сверканье,
Гул, и смятенье, и страх, и пожара проворного
ярость.
Тут же крылатых колёс ободья для Марса
ковали,
Чтобы их грохотом в бой поднимал он мужей и
твердыни,
Рядом Паллады доспех, наводящую ужас эгиду,
Спешно ложили — затем, чтобы золотом ярче
блестела
Змей чешуя, чтоб грозней с груди богини

глядела
Взором мёртвых очей голова Горгоны
убитой^[883].

Вулкан приказывает циклопам бросить все прежние дела и приступить к созданию доспехов для Энея. В это же время Эвандр, разбуженный первыми лучами солнца, спешит в покои троянцев и обращается с речью к Энею. Он сетует, что силы аркадцев слишком малы, и поэтому троянцам нужно обязательно заручиться поддержкой многочисленного и воинственного племени этрусков. Эти выходцы из Лидии долгие годы страдали под властью жестокого царя Мезенция, пока, наконец, не свергли его. Мезенций с сыном бежали, укрывшись у царя Турна, и этруски, пылая мстью, до сих пор безуспешно требуют их выдачи. Эвандр предлагает Энею отправиться к этрускам и возглавить их войска, ибо, согласно предсказанию, в бой они могут пойти только под предводительством чужеземца. Кроме того, царь отдаёт Энею на попечение своего сына Палланта и 400 аркадских всадников^[884].

Троянцев несколько расстраивают слова Эвандра, но тут богиня Венера являет им чудесное небесное знамение, свидетельствующее, что они обязательно выиграют войну. Воспрянув духом, Эней приносит жертвы богам и благодарит царя за посильную помощь и гостеприимство. Он велит троянцам садиться на корабли и возвращаться обратно в лагерь, а сам с небольшим отрядом отправляется на лошадях в Этрурию. Царь Эвандр со слезами прощается с сыном Паллантом, как бы предчувствуя, что видит его живым в последний раз. На пути к этрусскому стану Эней со спутниками разбивают лагерь близ священной рощи

Сильвана и предаются отдыху на берегу Церейской реки^[885].

В это же время Венера предстаёт перед Энеем, в одиночестве бродящим по берегу реки, и преподносит ему замечательные доспехи, созданные Вулканом^[886]. Особое внимание Вергилий уделяет описанию щита, украшенного многочисленными изображениями будущих героических деяний потомков Энея^[887], в числе которых и битва при Акции^[888]. В «Илиаде» Гомера герой Ахилл тоже получает огромный щит, выкованный богом Гефестом (Вулканом).

Девятую книгу Вергилий начинает с рассказа о вероломном нападении Турна на лагерь троянцев. Юнона посылает к царю рутулов вестницу богов Ириду с требованием не медлить и неожиданно напасть на троянцев, пока Эней гостит у царя Эвандра. Турн с радостью повинуетсЯ и ведёт отряды италийцев к укрепленному троянскому лагерю. Троянцы же, верные приказу Энея, спешно укрываются за стенами. Царь рутулов пытается выманить их на равнину, чтобы дать бой, для чего пытается поджечь флот троянцев, стоящий рядом с лагерем^[889].

Турн не знает, что корабли Энея находятся под защитой богов. Троянский флот сделан из древесины священного леса, некогда росшего на Иде Фригийской. Деревья пожертвовала троянцам Мать богов Кибела. При этом она заручилась обещанием Юпитера, что те корабли, которые достигнут Италии, обретут бессмертие и станут морскими божествами. И вот, когда италийцы уже готовятся поджечь флот, с неба раздаётся грозный голос Кибелы. Она успокаивает троянцев, а затем велит кораблям уплывать. Погрузившись под воду, корабли чудесным образом превращаются в морских нимф и скрываются в пучине. Италийцев охватывает ужас, но Турн ободряет их,

заявляя, что исчезновение кораблей — это счастливый знак богов, поскольку теперь для врагов нет пути к отступлению. Он грозитя на завтра полностью уничтожить троянцев, а затем велит воинам разбить лагерь неподалёку, чтобы отдохнуть перед предстоящей битвой^[890].

Троянцы не смыкают глаз всю ночь, наблюдая за лагерем италийцев. В карауле у ворот троянского лагеря стоят юные друзья Нис и Эвриал. Нис решает в одиночку отправиться к Энею, чтобы сообщить ему о начавшейся войне, но Эвриал заявляет, что не отпустит друга одного. Вместе юноши идут к троянским вождям, и Нис раскрывает им свой план. Асканий Юл одобряет его замысел и сулит друзьям большую награду, если они доберутся до Энея и предупредят его. Покидая вождей и Аскания, Эвриал просит позаботиться о его престарелой матери, которая единственная не осталась в сицилийской Акесте и прибыла в Италию^[891].

Нис и Эвриал оставляют троянский лагерь и под покровом ночи пробираются к стану италийцев. Они видят уснувших вражеских воинов и решают расчистить себе дорогу, устроив кровавую резню. Охваченные ненавистью, друзья убивают множество спящих врагов, и лишь близость рассвета заставляет их вспомнить о задании. Они покидают лагерь италийцев и бегут к лесу. В это же время к лагерю подъезжает большой конный отряд рутулов под командованием Вольцента. Издали всадники замечают среди деревьев блеск шлема Эвриала и окликают друзей. Юноши стремительно бросаются в тёмную лесную чащу и пытаются скрыться. Нис вырывается вперёд и достигает опушки леса, но тут понимает, что его друг отстал. Он возвращается обратно в лес и видит, что рутулы схватили заблудившегося Эвриала. Пытаясь освободить друга, Нис в темноте убивает двух вражеских воинов.

Тогда взбешённый Вольцент, не понимая, откуда летят копья в его соратников, бросается с мечом к Эвриалу^[892]. Тут от страха:

Разум утративший Нис закричал, не в силах
таиться

Больше во мраке ночном и боль сносить
молчаливо:

«Вот я, виновный во всём! На меня направьте
оружье,

Рутулы! Я задумал обман! Без меня б не достало
Сил и отваги ему, — мне свидетели небо и
звёзды!

Вся вина его в том, что любил он несчастного
друга».

Так он Вольценту кричал, но уже направленный
с силой

Меч меж рёбер впился в белоснежную грудь
Эвриала.

Тело прекрасное кровь залила, и, поверженный
смертью,

Весь он поник, и к плечу голова бессильно
склонилась.

Так пурпурный цветок, проходящим срезанный
плугом,

Никнет, мёртвый, к земле, и на стеблях
склоняют бессильных

Маки головки свои под напором ливней осенних.

В гущу врагов бросается Нис — но только к
Вольценту

Рвётся он сквозь толпу, одного лишь видит
Вольцента.

Ниса плотней и плотней отовсюду враги
обступают,

Колют, теснят, — но сдержать не могут натиск

упорный,
Быстрый как молния меч их сечёт, — и вот,
умирая,
Нис вонзает клинок орущему рутулу в горло.
Только тогда он упал и приник израненным
телом
К телу друга, и смерть осенила Ниса покоем [\[893\]](#).

В это время лагерь италийцев наполняют плач и стоны: проснувшиеся воины видят трупы убитых ночью товарищей, и горю их нет предела. По приказу Турна рутулы насаживают отрубленные головы Ниса и Эвриала на копья и несут к лагерю троянцев. Италийцы собираются на битву и строятся, а троянцы занимают места на стенах. Несчастливая мать Эвриала, узнав о гибели своего единственного сына, приходит в отчаяние [\[894\]](#) и теряет рассудок:

...В тот же миг из рук охладелых
Выпал челноку её, опрокинулась с пряжей
корзинка.
Вон выбегает она и, с пронзительным воплем
терзая
Волосы, мчится к валам и в безумье врывается в
первый
Воинов ряд, позабыв о мужах и о вражеских
копьях,
Ей угрожавших, и плач полетел со стены в
поднебесье:
«Ты ли это, мой сын? Ты, опора старости
поздней,
Как в одиночестве мог ты меня покинуть,
жестокий?

О, почему на верную смерть уходившего сына
Бедная мать не могла последним напутствовать
словом?

В поле чужом добычею птиц и псов италийских
Ты — о горе! — лежишь, и тебя на костёр
погребальный

Мать не положит, и глаз не закроет, и ран не
омоет,

И не укутает в плащ, что днём и ночью ткала я,
Тяготы старческих лет облегчая работой
усердной.

Где мне тебя отыскать? Где собрать
рассечённое тело?

В поле каком? Иль вернёшь ты мне, сын, лишь
голову эту?

Ради того ль за тобой по морям я скиталась и
землям?

Копья в меня, в меня направьте, рутулы, стрелы,
Первой убейте меня, коль знакома душе вашей
жалость!

Ты, о богов всемогущий отец, ненавистную небу
Голову мне порazi и низринь меня молнией в
Тартар,

Чтобы жестокую жизнь хоть так могла оборвать
я!»[\[895\]](#)

Отряды италийцев идут на приступ лагеря
троянцев, и начинается кровавое сражение. Вергилий
очень точно описывает технику и приёмы владения
оружием, а также ужасные раны, которые оно наносит.
Сложно сказать, где поэт воочию видел эти жуткие и
кровавые сцены — на арене амфитеатра или на
настоящем поле боя.

Италийцы замечательно сражаются, поскольку в битве им покровительствует бог войны Марс. Троянцы же терпят одно поражение за другим, и лишь судьба спасает их от поражения. В этот день юный Асканий Юл впервые принимает участие в бою. Ему сопутствует удача и своей стрелой он сражает героя Нумана. Внезапно с неба спускается бог Аполлон и, приняв облик старика Бута, оруженосца Аскания, советует юноше поберечь себя для будущих сражений. В это же время Турн прорывается на территорию лагеря троянцев, но при этом оказывается отрезанным от своего отряда. Смерть и ужас сеет он в троянском стане, но затем, теснимый врагами, прямо в тяжёлых доспехах бросается в реку Тибр и спасается от неминуемой гибели^[896].

Интересно, что в «Энеиде» местные италийские племена вовсе не противопоставляются троянцам. Напротив, италийцы по своим нравственным качествам и доблести не только не уступают пришельцам, но даже намного превосходят их. Это не должно удивлять, ведь они, как и троянцы, являются будущими прародителями римлян. Вергилий не случайно вкладывает в уста одного из италийских героев следующие слова, характеризующие жителей Лация:

Крепкий от корня народ, мы зимой морозной
приносим
К рекам младенцев-сынов и водой закаляем
студёной;
Отроки ухо и глаз изощряют в лесах на охоте,
Могут, играючи, лук натягать и править
конями.
Юность, упорна в трудах и довольна малым,
привыкла
Землю мотыгой смирять и приступом брать

укрепления.

Панцирей мы не снимаем весь век и, словно
стрекалом,

Древком копья погоняем быков, и старости
хилой

Наших сил не сломить, не убавить твёрдости
духа.

Мы седины свои прикрываем шлемом, и любо

Нам за добычей ходить и всё новыми жить
грабежами^[897].

Не это ли основные римские добродетели,
освящённые седой стариной?!

В начале десятой книги Вергилий повествует о том,
как в золотых чертогах на горе Олимп собираются боги
и Юпитер пытается помирить Юнону и Венеру, дабы
закончилась разразившаяся в Италии война. Но ни
Юнона, ни Венера не готовы забыть свои обиды и
заключить мир. Тогда рассерженный Юпитер заявляет,
что отныне для него троянцы и италийцы равны, и
поэтому в равной мере они получают свои доли удачи и
неудачи^[898].

Пока италийцы осаждают троянский лагерь^[899],
Эней прибывает к царю этрусков Тархону, заключает с
ним военный союз и принимает командование над
этрусскими войсками. По его приказу они садятся на
корабли и отплывают. Флот возглавляет корабль
Энея^[900]. Вергилий подробно описывает, кто из
этрусских вождей и какие снарядил корабли^[901], что
тоже весьма напоминает гомеровский «каталог
кораблей» в «Илиаде».

Глубокой ночью, сидя у кормила своего судна,
плывущего по реке, Эней замечает в воде прекрасных

нимф. Одна из них — Кимодокея — подплывает к борту судна и рассказывает герою о судьбе оставленных у троянского лагеря кораблей, превращённых Кибелой в морских божеств, одним из которых стала и она. Кроме того, нимфа велит герою поспешать, ибо Турн осадил его лагерь и всё сильнее и сильнее теснит троянцев. Эней с благодарностью возносит молитвы Кибеле и приказывает воинам готовиться к битве. Утром его флот причаливает близ троянского лагеря, и этруски высаживаются на берег. Царь рутулов, вдохновляя своих соратников на битву, ведёт войско к берегу, но не успевает помешать высадке [\[902\]](#).

Эней, спеша на выручку своим товарищам, запертым в лагере, первым нападает на войско Турна. Начинается кровавая битва, в которой от рук предводителя троянцев гибнет множество итальянских героев. Вергилий вновь с ужасающими подробностями описывает раны и увечья, нанесённые разнообразным оружием: «в раскрытых устах застревает острое жало», «кровью густой захлебнулся», «вонзает в лёгкое меч», «брызнул мозг вперемешку с осколками кости», «клинок погрузил ему в горло», «голову снёс умолявшему» и тому подобное.

В разгаре битвы разъярённый Турн замечает юного Палланта, сына Эвандра, разящего одного за другим лучших итальянских воинов, и вызывает его на бой. Герои сходятся в роковой схватке. Паллант возносит напрасную молитву покровителю аркадцев богу Геркулесу, но тот, зная страшную судьбу юноши, лишь горестно стонет и «слёзы льёт понапрасну». Юпитер пытается утешить его, объясняя, что перед судьбой все равны и срок жизни Турна тоже подходит к концу. Паллант мечет копьё в Турна, но промахивается. Настаёт черёд рутула, который метким ударом поражает юношу копьём в грудь. Турн великодушно

отдаёт аркадцам тело мёртвого Палланта, предварительно сняв с него богатую золотую перевязь. Узнав о гибели юного сына Эвандра, разгневанный Эней бросается в гущу битвы и лишает жизни многих доблестных италийцев. Троянцы вместе с Асканием устремляются из лагеря ему навстречу и прорывают кольцо осады^[903].

В это же время на Олимпе бог Юпитер обращается к Юноне и спрашивает, как ей нравится происходящая в Италии кровавая резня. Уязвлённая богиня в слезах просит его спасти Турна от меча Энея. Юпитер неохотно соглашается на время отсрочить гибель рутула, и Юнона, слетев на землю, создаёт из тумана призрак Энея, который появляется перед Турном и манит его. Царь рутулов безуспешно гонится за призраком и избегает вслед за ним на корабль. Юнона обрывает причальные канаты, и корабль, влекомый отливом, уносится в море. Призрак же Энея внезапно растворяется в воздухе и пропадает без следа. Негодующий Турн взывает к Юпитеру и корит громовержца за то, что тот опозорил его и выставил трусом перед лицом товарищей. Юнона жалеет скорбящего царя рутулов, и вскоре корабль прибывает к берегу^[904].

Пока Турн отсутствует, в битву вступает бывший царь этрусков Мезенций. Он, как и царь Латин, твёрд и непоколебим перед лицом опасностей, подобно огромной скале среди бушующего моря. Этруски окружают его и пытаются убить, но Мезенций разит мечом направо и налево, не зная промаха. Вергилий уподобляет его свирепому дикому вепрю, загнанному охотниками. В гуще боя Эней замечает Мезенция, вступает с ним в схватку и ранит его копьём, а затем, обнажив меч, пытается добить^[905]. Но тут Лавз, юный сын Мезенция, бросается между отцом и Энеем:

Бросился Лавз к отцу из рядов и, встав меж
врагами

В миг, когда руку с мечом занёс Эней для удара,
Принял клинок на себя и сдержал напор
смертоносный.

Ринулись с криком за ним друзья и, меж тем как
Мезенций

Медленно вспять отступал, щитом сыновним
прикрытый,

Издали копья метать принялись, врага отгоняя.

Щит выставляет Эней и сильней загорается
гневом.

Так иногда средь летнего дня из тучи нависшей
Крупный посыплется град, — и бегут с полей
земледельцы,

Пахарь торопится прочь и спешит прохожий
укрыться

Иль под обрывом речным, иль в скале под
сводом пещеры,

Чтобы грозу переждать, а когда вернется
солнце,

Взяться опять за труды; и Эней, словно градом,
засыпан

Копьями, ждёт, чтоб ушла смертоносная туча,
пролившись;

Лавзу меж тем он грозит, окликает Лавза: «Куда
ты

Рвёшься на верную смерть? Не по силам тебе,
безрассудный,

То, на что ты дерзнул, ослеплённый сыновней
любовью!»

Не унимается Лавз. В душе предводителя
тевкров

Выше вздымается гнев, и уже последние нити

Юноше Парки прядут. Могучим мечом ударяет
Лавза Эней и клинок вонзает в тело глубоко,
Лёгкий пробив ему щит, в нападение заслон
ненадёжный,
Туники ткань разорвав, что золотом мать
вышивала.
Тотчас крови струя пропитала одежду, и
грустно
Тело покинула жизнь, отлетев по воздуху к
манам.
Сын Анхиза, едва умиравшего очи увидел,
Очи его, и лицо, и уста, побелевшие странно,
Руку к нему протянул, застонал от жалости
тяжко,
Мысль об отцовской любви потрясла его душу
печалью.
«Чем за высокий твой дух и за подвиг, о мальчик
несчастный,
Может тебя наградить Эней, благочестием
славный?
Свой доспех ты любил, — сохрани же его.
Возвращаю
Манам и праху отцов твой прах, коль об этом
забота
Есть хоть кому-то. И пусть одно тебя утешает:
Пал ты, сражённый самим великим Энеем!»
Промолвив,
Медливших Лавза друзей он позвал и юношу
поднял, —
Пряди коротких волос у него уже слиплись от
крови [\[906\]](#).

Это, пожалуй, одна из самых скорбных сцен
«Энеиды»!

Узнав, что сын убит, Мезенций приходит в ужас и отчаяние. Несмотря на раны, он находит в себе силы, чтобы оседлать коня, и мчится к троянскому строю, охваченный безумием и скорбью. Он трижды громко взывает к Энею, желая отомстить за гибель сына, и троянский герой, вознеся мотиву богу Аполлону, вступает с ним в бой. Эней успешно отражает удары Мезенция, а затем убивает под ним коня. Мезенций падает на землю и, придавленный конём, осознает, что проиграл. Он сам подставляет своё горло под меч героя и перед смертью лишь смиренно молит Энея похоронить его вместе с сыном в одной могиле [\[907\]](#).

В одиннадцатой книге продолжается рассказ о кровопролитной войне троянцев и италийцев. Наутро после битвы Эней приносит жертвы божествам и воздвигает трофей богу войны Марсу, украшая его оружием, снятым с трупа царя Мезенция. Затем он обращается к троянцам и этрускам с речью, призывая их готовиться к походу на Лаврент, но прежде достойно похоронить своих убитых товарищей. Вернувшись в дом, Эней горько оплакивает погибшего Палланта и велит с почётом отправить тело юноши к отцу в сопровождении тысячи самых доблестных воинов. Он также посылает Эвандру часть военной добычи, боевых коней и несколько пленников, предназначенных в жертву богам-манам. Тело Палланта кладут на погребальные носилки, одевают в самые дорогие одежды, и скорбная процессия отправляется в путь. Следом несут оружие врагов, побеждённых Паллантом, и ведут его коня, печально понутившего голову [\[908\]](#).

Простившись с Паллантом и проводив погребальное шествие, Эней возвращается в лагерь и видит послов латинов, которые прибыли к нему из Лаврента. Они просят позволения забрать тела убитых италийских воинов, чтобы предать их земле. Эней даёт им

разрешение и спрашивает, зачем они начали эту войну. Он заявляет, что всегда стремился к миру и даже сейчас готов примириться с италийцами, поскольку ведёт борьбу не с ними, а с их нечестивыми царями. Намного справедливее было бы, продолжает он, если бы Турн сошёлся с ним в единоборстве и положился на волю судьбы, нежели заставлял страдать от войны множество неповинных людей. Послов изумляет речь Энея и один из них — престарелый Дранк — обещает, что они передадут эти слова италийцам и сделают всё от них зависящее, чтобы разорвать союз с Турном и примирить Энея с царём Латином. Затем послы заключают с троянцами перемирие на 12 дней и удаляются^[909].

Вечером похоронная процессия с телом Палланта прибывает в город Эвандра. Увидев убитого сына, престарелый царь с рыданиями припадает к нему. Он в отчаянии корит богов за несправедливость, а затем обращается к троянцам, сопровождающим процессию, и требует передать Энею, что тот непременно должен отомстить за смерть Палланта и убить Турна. На следующее утро в троянском лагере начинаются похороны воинов. Этруски и троянцы возводят на побережье огромные погребальные костры и с почестями сжигают на них тела павших в бою. Подземным богам приносятся богатые жертвы^[910].

Погребальные костры для своих погибших воинов сооружают и италийцы. Город Лаврент наполняют стоны и плач женщин, лишившихся своих сыновей, мужей и отцов. Все проклинаят войну и царя Турна. Раздаются требования, чтобы Турн сошёлся в поединке с Энеем и избавил, наконец, италийцев от войны. Когда послы латинов возвращаются от греческого царя Диомеда ни с чем, удручённый царь Латин собирает в своём дворце большой совет. Он велит послам

рассказать, что же ответил им Диомед. Один из них — Венул — сообщает, что греческий царь, устрешённый божественными знаменьями, наотрез отказался участвовать в войне и посоветовал италийцам заключить мир с Энеем. Выслушав посла, Латин предлагает, пока не поздно, помириться с троянцами и послать им богатые дары, а также уступить часть земли для поселения и снабдить всем необходимым. Царя горячо поддерживает Дранк, который вдобавок предлагает немедленно отдать Энею в жёны Лавинию. Он упрекает Турна в кровожадности и требует, чтобы тот, если ему так хочется добыть власть и царевну, сам вступил в поединок с троянским героем, а не заставлял понапрасну гибнуть народ. Взбешённый Турн обвиняет Дранка в трусости и, обращаясь к царю Латину, заявляет, что сил у италийцев ещё много и он будет сражаться до победного конца и скорее умрёт, нежели заключит мир с врагом. Более того, если троянцы вызывают на бой его одного, он сейчас же готов сойтись в поединке с Энеем, чтобы доказать всем свою доблесть![\[911\]](#)

Пока члены совета препираются между собою, Эней с войсками оставляет свой лагерь и движется в сторону Лаврента с целью захватить город. Узнав об этом, Турн немедленно покидает дворец и приказывает воинам готовится к бою. Царица Амата с дочерью Лавинией укрываются в храме Минервы и вместе с другими женщинами молят богиню о победе. Перед боем Турн встречается с девой-воином Камиллой — царицей и предводительницей конного отряда вольсков. Она хочет первой напасть на троянцев и уничтожить их конницу. Царь рутулов одобряет план Камиллы и сообщает ей, что устроил для пехоты Энея засаду в узком горном ущелье, поэтому пусть она уничтожит

конницу врага, а он тем временем разобьёт пехоту троянцев^[912].

В это же время богиня Диана призывает на Олимп свою верную спутницу нимфу Опис и рассказывает ей историю происхождения Камиллы. Богиня покровительствует девушке с детских лет и очень любит её. Она знает, что в предстоящей битве Камилла будет убита, поэтому велит нимфе лететь на землю и поразить священной стрелой того, кто оборвёт жизнь её любимицы^[913].

Конница троянцев и этрусков прибывает к Лавренту и вступает в схватку с конницей италийцев. С необыкновенным мастерством описывает Вергилий конный бой:

Вот на полёт копья сошлись два войска и встали
Строй против строя — и вдруг на врага
кидаются с криком,
Бешеных гонят коней; отовсюду сыплются копья
Густо, как снег, и сияние дня затмевается
тенью.
Мчатся лихой Аконтей и Тиррен друг другу
навстречу,
Выставив пики вперёд, — и с гулким грохотом
оба
Первыми падают в прах, и с разлёта сшибаются
кони,
Грудью ломая грудь. Аконтей, ударом отброшен,
Словно баллисты снаряд или быстрая молния в
небе,
Прочь отлетел далеко, и развеял жизнь его
ветер.
Тут же, смешавши ряды и щиты закинув за
спину,
Вспять погнали коней и помчались к стенам

италийцы.

Тевкры несутся вослед, предводимые храбрым Азидом.

Лишь возле самых ворот италийцы, опомнившись, встали,

Подняли крик и назад скакунов повернули послушных.

Тевкры теперь убегают от них, отпустивши поводья.

Так, прилив и отлив чередуя, пучина морская

То прихлынет к земле и утёсы накроет волною

И на прибрежный песок пошлёт вспенённые струи,

То назад отбежит и, стоячие скалы сшибая,

Катит от берега их и сушу вновь обнажает.

Дважды до самых стен отгоняли рутулов туски,

Дважды, щиты за спиной, убегали, отброшены силой.

В третий раз наконец сошлись враги — и смешались

Между собою ряды, и схватился с воином воин.

Слышен везде умирающих стон, оружие и трупы

В лужах крови лежат, и на груды тел то и дело

Раненый валится конь; закипает бой беспощадный^[914]».

Камилла храбро сражается и без счёта разит вражеских воинов. Увлёкшись преследованием воина Хлорея, бывшего жреца Кибелы, облачённого в золотые доспехи, она забывает об осторожности. И тут юный этрусский всадник Аррунт, улучив момент и заручившись помощью бога Аполлона, настигает царицу и поражает её копьём. Умирая, Камилла обращается к своей подруге Акке и велит ей передать Турну, чтобы

он заменил её на поле боя и отбросил троянцев от стен города. Наблюдающая за битвой нимфа Опис видит гибель Камиллы и, повинуясь велению Дианы, сражает божественной стрелой юного Аррунта^[915].

После гибели Камиллы битва у стен Лаврента разгорается с новой силой. Троянцы и этруски переходят в наступление, а итальянцы в панике бегут:

Лёгкий Камиллы отряд, потеряв царицу,
пустился

В бегство первым, и вслед полетел Атин, убегая,
Рутулы с ним, и без войска вожди, и бойцы в
беспорядке —

Все, коней повернув, спешат за стенами
укрыться.

Нет и мысли о том, чтобы тевкров напор
смертоносный

Стрелами остановить или встретить стойко с
оружьем:

Держат все за спиной с тетивою спущенной
луки,

Только копыта коней потрясают рыхлое поле.

Ближе и ближе к стенам несётся тёмная туча

Пыли, толпа матерей, ладонями в грудь ударяя,

С башен глядит и зубцов, и до неба вопли
взлетают.

Первый отряд беглецов в отворённые рвётся
ворота, —

Но по пятам подлетают враги беспорядочным
строем,

Смерть латинян и здесь настигает — на самом
пороге

Крепких отеческих стен, и среди домов
безопасных

Всадники гибнут от ран. А другие скорей

запирают
Створы ворот и не смеют впустить соратников в
город,
Путь молящим закрыв. Меж своих начинается
сеча:
Рвутся с мечами одни, их мечом отражают
другие.
Вот на глазах матерей и отцов, рыдающих
горько,
Те, что остались вне стен, во рвы срываються с
кручи
Или, узду отпустив и коней погоняя вслепую,
В крепкие балки ворот, как таран, колотят с
разлёта.
Матери, жёны — и те в разгаре схватки
смертельной
(Путь им к отчизне любовь и Камиллы пример
указали)
Стали дубины со стен и в огне заострённые
колья,
Словно копья, метать во врагов рукою
дрожащей;
В битве за город родной погибнуть каждая
жаждет^[916].

Турн, подстерегающий пехоту Энея в горном
ущелье, узнает от прибывшей Акки, что Камилла
погибла, конница вольсков разбита, а троянцы рвутся в
город. Царь рутулов немедленно покидает засаду и со
своими воинами спешит к Лавренту. Тем самым он
делает большую ошибку и позволяет войску Энея без
помех преодолеть ущелье и двинуться следом. Издали
Турн замечает идущих по пятам троянцев, и лишь
близость ночи не даёт вождям начать битву. С

наступлением темноты оба войска останавливаются на ночлег под самыми стенами города^[917].

Последняя, двенадцатая книга «Энеиды» является самой большой по размеру и завершает рассказ о войне в Италии. На следующее утро после конной битвы под стенами Лаврента Турн понимает, что силы италийцев иссякли и «все на него одного глядят с укоризной». Он гневно заявляет Латину, что готов сразиться с предводителем троянцев и пусть всё решит поединок. Царь пытается отговорить Турна от безрассудного шага, предлагая заключить мир с троянцами, но тот остаётся непреклонен, и даже царице Амате не удаётся его переубедить. Турн велит послу Идмону идти в лагерь троянцев и назначить поединок на следующее утро, а затем удаляется в свои покои и начинает подготавливать оружие и доспехи для боя. Эней, получив вызов, тоже готовит оружие и ободряет друзей. Кроме того, он отправляет к Латину послов с условиями мира. На рассвете следующего дня воины расчищают у стен Лаврента поле для поединка и готовят алтари для жертвоприношений. Вожди троянцев и италийцев выводят свои войска и выстраивают их на равнине, а женщины и старики занимают места на стенах Лаврента^[918].

В это же время богиня Юнона, желая помешать поединку и спасти царя рутулов, призывает нимфу озёр, рек и источников Ютурну, сестру Турна. Она просит её защитить брата и отсрочить час его смерти, а также попытаться нарушить договор, заключённый между италийцами и троянцами, и вновь развязать войну^[919].

Цари, облачённые в парадные доспехи, прибывают на поле боя на роскошных колесницах, в сопровождении своих ближайших друзей. Они приносят благодарственные жертвы божествам и готовятся к поединку. Эней взывает к богам и клянётся, что в

случае его смерти троянцы покинут Лаций, уйдут в город Эвандра и никогда более не будут тревожить италийцев. Если же он победит Турна, то не будет насильно подчинять италийцев своей власти и заключит с ними равноправный союз, а для троянцев построит город Лавиний, назвав его в честь дочери царя латинов. В ответ царь Латин клянётся богами, что заключённый мир и союз между италийцами и троянцами нерушим и твёрд, и отныне никакая сила не сможет его разрушить. Договор цари скрепляют обильными жертвоприношениями^[920].

И вот, когда Турн и Эней уже готовятся вступить в единоборство, нимфа Ютурна слышит ропот среди рутулов, которые, видя превосходство троянского героя, начинают сомневаться в справедливости поединка. Тогда она принимает облик доблестного бойца Камерта и начинает ещё более разжигать недовольство воинов. Ютурна стыдит их, обвиняя в трусости, и призывает не допустить несправедливого убийства Турна, ибо в противном случае италийцы станут рабами троянцев. Среди воинов начинается волнение и, чтобы ещё более помутить умы италийцев, хитрая нимфа являет ложное знамение в небе: орёл Юпитера нападает на прекрасного лебедя и впивается в него острыми когтями, но стая лебедей отбивает своего товарища и обращает хищника в бегство. Увидев этот божественный знак, гадатель Толумний призывает италийцев к оружию, первым бросает копье в сторону троянского войска и убивает одного из юных воинов. Возмущённые троянцы, пылая жаждой мести, нападают на италийцев, и начинается жестокий и кровопролитный бой^[921].

Эней безуспешно пытается остановить своих воинов, призывая к миру, но внезапно в него впивается чья-то стрела и он, раненный, покидает поле боя. Турн,

увидев уходящего Энея, зажигается новой надеждой и задумывает уничтожить войско троянцев. Вскочив на колесницу, он устремляется в самую гущу битвы и лишает жизни множество храбрейших троянских воинов[\[922\]](#).

Пока Турн сеет ужас и смерть на поле боя, раненый Эней добирается с помощью друзей до лагеря. Лекарь Япиг пытается извлечь из его раны стрелу, но безрезультатно. Тогда богиня Венера решает помочь сыну и тайно добавляет волшебных трав в чашу с водой, которой Япиг оmyвает рану Энея. Стрела легко выходит из тела, и чудесным образом исцелённый герой вновь берётся за оружие[\[923\]](#).

Эней бросается в битву и ищет на поле боя Турна, чтобы вступить с ним в единоборство. Вергилий сравнивает троянского героя со смерчем, который уничтожает всё на своём пути:

Мчится Эней и чернеющий строй ведёт по
равнине;
Так, если вихрь налетит, — к земле
стремительно мчится
По морю столб водяной, и сердца земледельцев
сжимает
Вещий страх, ибо смерч немало свалит
деревьев,
Много посевов сметёт, на пути своём всё
разрушая;
Грохот меж тем доносят до них предвестники-
ветры.
Смерчу подобна, идёт предводимая мужем
ретейским
Рать на врага...[\[924\]](#)

Нимфу Ютурну охватывает страх и, сбросив возницу Турна с колесницы, она сама берёт в руки вожжи и пытается не допустить встречи брата с троянским героем. А Эней, видя ускользающую колесницу Турна, безуспешно преследует её. Наконец, взбешённый недостижимостью царя рутулов, он вступает в бой с италийскими воинами, многие из которых погибают от его меча. Турн же, не уступая в гневе троянцу, тоже уничтожает множество врагов на своём пути^[925].

Наконец, по внушению Венеры, Эней решает напасть на Лаврент и приказывает своим воинам готовить факелы, чтобы поджечь город. Троянцы устремляются к стенам Лаврента с лестницами и горящими ветками. Эней, шествуя в первых рядах, громко корит царя Латина за повторное предательство, заявляя, что против своей воли ведёт войну. Услышав его слова, жители города приходят в смятение: одни требуют отворить ворота перед троянцами и влекут на стены старца Латина, а другие спешно готовятся к обороне и собирают оружие. Царица Амата, увидев с крыши дворца идущих на приступ троянцев и бездействующих рутулов, решает, что Турн погиб в поединке с Энеем. Охваченная скорбью и безумием, она спускается во дворец, связывает из мантии петлю и вешается. Горько скорбят, потрясённые её смертью, царевна Лавиния и царь Латин, а италийские воины падают духом^[926].

В это же время мчащийся по полю на колеснице Турн слышит шум, доносящийся со стороны города, и пытается направить коней к Лавренту. Но возница, под маской которого скрывается его сестра Ютурна, перечит ему. Узнав свою сестру, Турн с укоризной заявляет ей, что готов скорее погибнуть, нежели оказаться трусом и безучастно смотреть на то, как враг

поджигает родные дома. Внезапно к ним подлетает на коне один из рутулов и сообщает, что Эней с троянцами штурмует пылающий город, царица Амата удавилась, а царь Латин бездействует. Охваченный стыдом и гневом, Турн спрыгивает с колесницы и, покинув Ютурну, устремляется к городским стенам подобно тяжёлому утёсу, сорвавшемуся вниз с горной вершины. Он взывает к италийцам и требует остановить битву, чтобы один на один сразиться с Энеем. Воины повинуются и расчищают пространство для поединка^[927].

Герои выходят на поле и вступают в единоборство, а толпа воинов, собравшихся вокруг, с тревогой и надеждой наблюдает за ними. Эней и Турн долго сражаются, но силой и доблестью они почти равны, поэтому всё должна решить судьба. Их единоборство напоминает поединок гомеровских Ахилла и Гектора. При ударе о доспехи Энея, выкованные богом Вулканом, меч Турна (в начале боя он по ошибке схватил меч своего возницы, а свой забыл) подобно хрупкому льду раскалывается на части. Безоружный рутул в панике бежит от троянца по равнине, призывая столпившихся вокруг воинов дать ему меч. Эней устремляется за ним в погоню и громко грозит смертью всякому, кто осмелится помочь Турну. Преследуя рутула и обежав пять раз поле боя, троянский герой замечает своё копье, вонзённое в пень оливы, некогда посвящённой богу Фавну, и пытается вырвать его, чтобы метнуть в убегающего врага. Турн с мольбой взывает к Фавну и просит его помешать троянцу высвободить копье. Бог внимает его мольбам, и пока Эней медлит, силясь вырвать копье, Ютурна передаёт Турну его настоящий меч, закалённый в волнах Стикса. Венера же, разгневанная тем, что нимфа вмешалась в поединок, своей рукой освобождает копье Энея из дерева^[928].

В это время бог Юпитер обращается к богине Юноне, наблюдающей за поединком героев, и приказывает ей покориться воле рока и более не мешать Энею. Юнона повинуется ему и соглашается прекратить вражду с троянцами^[929], но настойчиво просит:

«Пусть примирятся враги, пусть на счастье
празднуют свадьбу,
Но, с пришлецами союз на любых заключая
условьях,
Древнего имени пусть не меняет племя латинян;
Тевкрами ты не вели иль троянцами им
называться,
Речь ли родную менять, в чужеземное ль платье
рядиться.
Лаций да будет всегда, и веками пусть
царствует Альба,
Римский да будет народ италийской доблестью
мощен.
Трои нет. Так дозволь, чтобы с ней даже имя
исчезло»^[930].

Юпитер охотно соглашается исполнить её просьбу. Затем царь богов, желая изгнать с поля боя нимфу Ютурну, помогающую Турну, посылает на землю злобную фурию, вестницу смерти. Она превращается в небольшую ночную птицу — одну из тех, что сидят по ночам на могильных холмах и поют зловещие песни, и начинает с шумом носиться вокруг Турна и биться о его щит. Рутула охватывает суеверный ужас, а Ютурна, увидев птицу и узнав в ней фурию, понимает, что её брат обречён, и со стенаниями покидает его. Эней

начинает теснить находящегося в смятении Турна и, наконец, ударом копья сбивает его с ног^[931]. Царь рутулов падает на землю и:

Взор смиренный подняв, простирая руку с
мольбою,
Молвил Турн: «Не прошу ни о чём: заслужил я
расплаты.
Пользуйся счастьем своим. Но если родителя
горе
Может тронуть тебя, то молю я — ведь старцем
таким же
Был и отец твой Анхиз — пожалей несчастного
Давна,
Сына старцу верни или тело сына, коль хочешь.
Ты победил. Побеждённый, к тебе на глазах
авзонийцев
Руки простёр я. Бери Лавинию в жёны — и
дальше
Ненависть не простирай». Эней, врага озирая,
Встал неподвижно над ним, опустил занесённую
руку...
Медлит герой, и склоняют его к милосердию всё
больше
Турна слова — но вдруг на плече засверкала
широком
Перевязь. Вмиг он узнал украшения её золотые:
Раной смертельной сразив Палланта юного,
рутул
Снял прекрасный убор и носил на плече его
гордо.
Видит добычу врага, о потере горестной память,
Гневный Эней — и кричит, загораюсь яростью
грозной:
«Ты ли, одетый в доспех, с убитого сорванный

друга,
Ныне уйдёшь от меня? Паллант моею рукою
Этот наносит удар, Паллант за злодейство
взимает
Кровью пеню с тебя!» И, промолвив, меч
погрузил он
С яростью в сердце врага, и объятые холодом
смертным
Тело покинула жизнь и к теням отлетела со
стоном [\[932\]](#).

Эти печальные строки завершают великое творение
Вергилия.

Смерть

Публий Вергилий Марон ушёл из жизни в расцвете творческих сил и в зените своей славы. Смерть настигла его внезапно, вдали от родного дома. Желая лично ознакомиться с теми местами, где совершали подвиги герои его «Энеиды» и улучшить поэму «в угоду зложелателям»^[933], Вергилий в 19 году решил отправиться в длительное путешествие по Греции и Малой Азии, «чтобы три года подряд заниматься только отделкой поэмы, а остаток жизни целиком посвятить философии»^[934].

Поэт уже давно планировал отправиться в путешествие, и ещё в 23 году чуть было не отплыл в Афины, о чём его друг Гораций сочинил полную иронию оду, посвящённую кораблю Вергилия:

Пусть, корабль, поведут тебя
Мать-Киприда и свет братьев Елены — звёзд.
Пусть Эол, властелин ветров,
Всем прикажет не дуть, кроме попутного!
Мы вверяем Вергилия
На сохрану тебе! Берегу Аттики
Сдай его, невредимого:
Вместе с ним ты спасёшь часть и моей души.
Знать, из дуба иль меди грудь
Тот имел, кто дерзнул первым свой хрупкий
чёлн
Вверить морю суровому:
Не страшили его Африк порывистый
В дни борьбы с Аквилонем, всход
Льющих ливни Гиад, ярости полный Нот —

Грозный царь Адриатики,
Властный бурю взмести, властный унять её.
Поступь смерти страшна ль была
Для того, кто без слёз чудищ морских видал.
Гребни вздувшихся грозно волн,
Скал ужасных гряды Акрокеравния?
Пользы нет, что премудрый бог
Свет на части рассёк, их разобшил водой,
Раз безбожных людей лады
Смеют всё ж бороздить воды заветные.
Дерзко рвётся изведать всё,
Не страшась и греха, род человеческий.
Сын Иапета дерзостный,
Злой обман совершив, людям огонь принёс;
После кражи огня с небес,
Вслед чахотка и с ней новых болезней полк
Вдруг на землю напал, и вот
Смерти день роковой, прежде медлительный,
Стал с тех пор ускорять свой шаг.
Высь небес испытал хитрый Дедал, надев
Крылья — дар не людей, а птиц;
Путь себе Геркулес чрез Ахеронт пробил.
Нет для смертного трудных дел:
Нас к самым небесам гонит безумие.
Нашей собственной дерзостью
Навлекаем мы гнев молний Юпитера [\[935\]](#).

Тем не менее что-то помешало поэту отправиться в дорогу, и своё путешествие он предпринял только в 19 году.

К сожалению, планам Вергилия не суждено было осуществиться, и он так и не увидел берега Малой Азии и Трою. Как пишет Светоний, «встретив по дороге в Афинах Августа, возвращавшегося с Востока в Рим, он

решил не покидать его и даже воротиться вместе с ним»^[936]. Почему Вергилий принял такое решение? Поддался ли на уговоры Августа или почувствовал, что длительное путешествие ему не под силу?

Дальнейшие события разворачивались стремительно. При осмотре в сильную жару развалин древнего города Мегары Вергилий почувствовал слабость, скорее всего, вследствие полученного солнечного удара. Заметив, что здоровье поэта, и без того некрепкое, стало быстро ухудшаться, Август настоял на немедленном возвращении Вергилия в Италию. На корабле, плывшем по бурному Адриатическому морю, состояние поэта из-за начавшейся морской болезни ещё более ухудшилось. Возможно, обострился и мучивший его долгое время туберкулёз. Прибыв в калабрийский портовый город Брундизий, Вергилий окончательно слёг^[937]. Попытки врачей спасти жизнь великого поэта оказались бесплодными.

По сообщению Светония, «ещё до отъезда из Италии Вергилий договаривался с Барием, что если с ним что-нибудь случится, тот сожжёт «Энеиду»; но Варий отказался. Уже находясь при смерти, Вергилий настойчиво требовал свой книжный ларец, чтобы самому его сжечь; но когда никто ему не принёс ларца, он больше не сделал никаких особых распоряжений на этот счёт и поручил свои сочинения Варию и Тукке с условием, чтобы они не издавали ничего, что не издано им самим»^[938]. Кроме того, владея, благодаря щедрости друзей, состоянием в десять миллионов сестерциев^[939], «половину имущества он завещал Валерию Прокулу, своему сводному брату, четверть — Августу, двенадцатую часть — Меценату, остальное — Луцию Варию и Плотию Тукке»^[940].

Почему же Вергилий пожелал уничтожить «Энеиду»? На протяжении столетий этот вопрос волновал многих учёных. Одни считали, что умирающий поэт просто не хотел оставлять своё произведение незавершённым, другие полагали, что он разочаровался в политике Августа, и ему было стыдно за то, что он так беззастенчиво восхвалял императора. Некоторые предполагали, что бездетный Вергилий воспринимал свои произведения как своих детей. «Энеида» не была закончена, и поэт, возможно, просто не захотел выпускать своё несовершенное дитя на свет.

По мнению философа и ритора Фаворина, «следующее обстоятельство ...является доказательством того, что этот тончайшего вкуса человек говорил искренне и правдиво. Ибо то, что он оставил, закончено и обработано, и то, к чему он приложил окончательный свой ценз и отбор, цветёт всей славой поэтической красоты. Но то, что он отложил, чтобы обдумать впоследствии, и не смог завершить, поскольку этому помешала смерть, совершенно недостойно имени и вкуса утончённейшего из поэтов. Поэтому, когда он был сражён болезнью и видел, что смерть приближается, то обратился с просьбой и мольбой к своим самым близким друзьям, чтобы они сожгли «Энеиду», которую он ещё недостаточно отделал»^[941]. Плиний Старший считал, что Вергилий велел сжечь поэму в силу своей природной скромности^[942].

Так или иначе, но благодаря вмешательству Августа, запретившему друзьям поэта уничтожать поэму, «Энеида» не погибла в огне и была сохранена для потомков. Поэт Сульпиций Карфагенянин так написал об этом:

Быстрое испепелить должно было пламя поэму
—
Так Вергилий велел, певший фригийца-вождя.
Тукка и Варий противятся; ты, наконец,
величайший
Цезарь, запретом своим повесть о Лации спас.
Чуть злополучный Пергам не погиб от второго
пожара,
Чуть не познал Илион двух погребальных
костров^[943].

Умер Вергилий в Брундизии за 11 дней до октябрьских календ, в консульство Гнея Сентия и Квинта Лукреция, то есть 21 сентября 19 года. Прах его был перевезён друзьями в Неаполь и похоронен в гробнице на второй миле от города по Путеоланской дороге^[944]. Для надгробия поэт перед смертью сам успел сочинить следующую эпитафию:

Мантуей был я рождён, Калабрией отнят.
Покоюсь
В Партенопее. Воспел пастбища, сёла,
вождей^[945].

Гробницу Вергилия с благоговением почитали и навещали многие поэты и поклонники его творчества. Позднее поэт Силий Италик (около 25 — около 103 н. э.), автор эпической поэмы «Пуника», приобрёл одну из вилл Цицерона и место, где находилась гробница Вергилия. По словам Плиния Младшего, у Силия Италика «в одних и тех же местах ...было по несколько

вилл; увлѣкшись новыми, он забрасывал старые. Повсюду множество книг, множество статуй, множество портретов. Для него это были не просто вещи: он чтит эти изображения, особенно Вергилия, чей день рождения праздновал с большим благоговением, чем собственный, особенно в Неаполе, где ходил на его могилу, как в храм»^[946]. Поэт Марциал сочинил по этому поводу две эпиграммы:

Эту гробницу хранит — великого память Марона
—
Силий — хозяин земли, коей владел Цицерон.
Не предпочёл бы других наследников или
владельцев
Праха и ларов своих ни Цицерон, ни Марон.

Всеми почти что уже покинутый прах и Марона
Имя священное чтит лишь одинокий бедняк.
Силий решил прийти на помощь возлюбленной
тени,
И почитает певца ныне не худший певец^[947].

Поэт Публий Папиний Стаций (около 40—96 н. э), автор эпических поэм «Фиваида» и «Ахиллеида», тоже был горячим поклонником Вергилия. В последние годы жизни он проживал в Риме и тосковал по своему милому Неаполю. Лето 95 года н. э. ему посчастливилось провести на родине, вблизи могилы Вергилия. В одном из своих стихотворений Стаций так пишет о посещении гробницы великого поэта:

...неловко нежных касаюсь
струн и, сев на краю святого приюта Марона,
с духом собравшись, пою могиле наставника
славной^[948].

К сожалению, в период Средневековья гробница Вергилия была, очевидно, заброшена. Со временем она исчезла с лица земли, как полагают учёные, в результате оседания почвы или какого-то другого природного катаклизма^[949].

О могиле великого поэта вспомнили только в XIV веке великие писатели Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо. После бесплодных поисков с гробницей Вергилия отождествили весьма пострадавший от времени древнеримский фамильный колумбарий — погребальное сооружение с нишами для урн в стенах внутреннего помещения. Он расположен на окраине Неаполя, у входа в большой туннель, носящий название *Grotta di Posillipo* (или *Crypta Neapolitana*), а отнюдь не на второй миле от города по ПUTEОЛАНСКОЙ дороге. Туннель был пробит через холм Позиллипо ещё во времена Августа и соединял Неаполь с ПUTEОЛАМИ (современный Поццуоли).

Колумбарий представляет собой небольшую, ориентированную по сторонам света квадратную в плане постройку, которую венчает большой цилиндрический купол. Единственный дверной проём, обращённый к северу (к дороге), в настоящее время недоступен. Он вёл в камеру, перекрытую цилиндрическим сводом и освещённую тремя окнами, одно из которых находится над дверным проёмом в торцевой стене, а ещё два — в боковых стенах свода. В толщине стен внутреннего помещения колумбария устроено десять небольших ниш, в которых некогда

стояли погребальные урны с пеплом. Кроме того, одиннадцатая, и самая большая ниша, находилась в центре южной стены, но через неё был пробит использующийся в настоящее время вход. В этой центральной нише размещалась, вероятно, урна с прахом главного владельца колумбария.

Как предполагаемый мавзолей Вергилия этот колумбарий быстро стал местом поклонения для многочисленных ценителей творчества поэта. Петрарка в знак уважения посадил около него лавровое дерево, а Боккаччо, по его собственным словам, здесь впервые посетило вдохновение^[950].

Ещё в XIII—XIV веках в Италии в «Мессу в честь Святого Павла» были вставлены строки, повествующие о том, как этот апостол на пути в Рим в 60 году н. э. посетил могилу Вергилия близ Неаполя. Святой Павел остановился перед гробницей и пролил над ней обильные слёзы, сокрушаясь, что не застал величайшего поэта живым и не успел обратить его в христианство^[951].

В Средние века возникла легенда о перенесении праха Вергилия в Неаполь^[952], в «Замок Яйца» (*Castel dell'Ovo*). Этот замок был построен в конце XII века на маленьком островке напротив набережной Неаполя, на месте руин античной виллы богача Лукулла. Именно на этой вилле скончался последний римский император Ромул Августул, низложенный варварами в 476 году н. э. Со временем «Замок Яйца» был связан народной молвой с именем Вергилия, который почитался в Средние века в качестве волшебника и некроманта. Согласно распространённой легенде прах Вергилия был якобы спрятан в основании замка, и до тех пор, пока он там находится, Неаполь будет защищён от нападений врагов и гибели. По другой версии, сам Вергилий

спрятал в замке волшебное яйцо, охраняющее город.
Отсюда и название — «Замок Яйца»[\[953\]](#).

Бессмертие

«Энеида» была опубликована после смерти Вергилия. По приказанию императора Августа поэт Варий подготовил поэму к изданию, внося при этом «лишь незначительные исправления, так что даже незавершённые стихи он оставил, как они были»^[954]. Тем не менее Светоний сообщает, что якобы «по рассказам стариков, Варий переменял порядок двух книг и теперешнюю вторую поставил на третье место, а также исправил начало первой книги, отбросив следующие строки:

Тот я, который когда-то на нежной ладил
свирели
Песнь и, покинув леса, побудил соседние нивы,
Да селянину они подчиняются, жадному даже
(Труд, земледелам любезный) — а ныне
ужасную Марса
Брань и героя пою...»^[955]

Незаконченность «Энеиды» не бросается в глаза, но при внимательном чтении можно обнаружить мелкие шероховатости, незаконченные строки и сюжетные нестыковки. Например, в третьей книге прорицатель Гелен предсказывает Энею, что будущий город троянцев будет основан в Италии на том месте, где герой узрит большую белую свинью с выводком поросят, а в восьмой книге речной бог Тиберин, явившийся Энею во сне, даёт точно такое же

предсказание. Или в той же третьей книге предводительница гарпий Келено предсказывает троянцам, что они станут возводить город на италийском берегу не раньше, чем начнут поедать столы от голода. В седьмой книге Эней приписывает это предсказание уже своему отцу Анхизу^[956].

Тем не менее «Энеида» стала подлинно национальной эпической поэмой римлян, непревзойдённым шедевром древнеримской литературы. Ни до Вергилия, ни после него римская поэзия не создала ничего лучше и грандиознее. В последующие столетия известные римские эпические поэты, такие как Марк Анней Лукан, Гай Валерий Флакк, Силий Италик, Публий Папиний Стаций безуспешно пытались подражать великому поэту.

Горячим поклонником Вергилия был и Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.), один из выдающихся поэтов «золотого века» римской литературы. В своих стихотворениях он не раз с большим уважением упоминал Вергилия^[957] и сожалел, что в пору молодости ему довелось лишь увидеть его:

Знаться с поэтами стал я в ту пору и чтил их
настолько,
Что небожителем мне каждый казался певец.
Макр был старше меня, но нередко читал мне о
птицах,
Губит какая из змей, лечит какая из трав.
Мне о любовном огне читал нередко Проперций,
Нас равноправный союз дружбы надолго связал.
Славный ямбами Басс и Понтик, гексаметром
славный,
Также были в числе самых любимых друзей.
Слух мне однажды пленил на размеры щедрый
Гораций, —

Звон авзонийской струны, строй безупречных стихов.

Только видеть пришлось мне Марона, и Парка скупая

Времени мне не дала дружбу с Тибуллом свести.

Галл, он тебе наследником был, а Тибуллу — Проперций,

Был лишь по времени я в этой четвёртым чреде.

Младшими был я чтим не меньше, чем старшие мною,

Долго известности ждать Музе моей не пришлось [\[958\]](#).

Историк Веллей Патеркул писал: «Едва ли не глупо было бы перечислять гениев, которых мы ещё помним, среди них выдающегося в нашем веке принцепса поэтов Вергилия...» [\[959\]](#). Позднее Макробий почтительно именовал Вергилия «мантуанским Гомером» или просто «Поэтом» с большой буквы вследствие его высочайшего авторитета [\[960\]](#). Точно так же и в «Институциях» византийского императора Юстиниана I недвусмысленно указано, что когда говорится о поэте без упоминания его имени, то греки подразумевают великого Гомера, а римляне — Вергилия [\[961\]](#). Рукописи великого поэта долгое время с благоговением сохранялись римлянами [\[962\]](#).

«Энеида», как и другие произведения Вергилия, практически сразу вошла в школьную программу. По сообщению Светония, уже при императоре Августе грамматик Квинт Цецилий Эпирот, отпущенник римского всадника Аттика и друг Корнелия Галла, «первый начал без подготовки спорить по-латыни и первый стал читать с учениками Вергилия и других

новых поэтов, о чём свидетельствует и стишок Домиция Марса: «Ты, Эпирот, кормилица новорождённых поэтов!»»^[963]. Уже в конце I века до н. э. «Энеида» была переведена на греческий язык.

С I века н. э. Вергилия стали изучать в школах как самого выдающегося римского писателя, а его стихотворения воспринимались как образец стихосложения. Квинтилиан так писал о школьном чтении: «Весьма благоразумно заведено, чтобы чтение начинать с Гомера и Вергилия, хотя к усмотрению истинных красот в них потребен рассудок гораздо зрелейший. Но сему может пособить время; ибо не должно довольствоваться единокрatным прочтением их творений. Между тем величественность героического стиха возвысит ум и душу, важность предмета придаст охоты и поселит в сердцах самые превосходные понятия»^[964].

Произведения великого поэта часто исполняли на театральных подмостках, поскольку они, очевидно, пользовались большой популярностью у публики. Известно, что император Нерон (54—68 н. э.) в последние дни своего правления даже «открыто поклялся, что если власть его устоит, то на победных играх он выступит сам и с органом, и с флейтой, и с волынкой, а в последний день даже танцовщиком, и пропляшет вергилиевского «Турна»»^[965].

Стихотворения Вергилия были буквально у всех на устах! Император Домициан (81—96 н. э.), желая запретить принесение быков в жертву богам, сослался на один из стихов из «Георгик»: «...раньше, / Чем нечестивый стал род быков для пиров своих резать»^[966]. Некоторые стихи из «Энеиды» даже стали крылатыми словами^[967].

Отдельные строчки из сочинений Вергилия в изобилии можно встретить на предметах

древнеримской утвари, на вывесках, на гробницах в виде эпитафий и даже просто на стенах жилищ, например в Остии или Помпеях^[968]. Героев «Буколик» и «Энеиды» изображали на вазах, светильниках, предметах ювелирного искусства, рельефах, мозаиках и фресках^[969].

Забавная надпись сохранилась на стене помпейского дома, принадлежавшего одному из членов местной коллегии фуллонов (сукновалов, чистильщиков шерстяной одежды): «Фуллонов пою и сову, а не битвы и мужа»^[970]. Автор надписи насмешливо противопоставил начало гимна коллегии фуллонов первой строке «Энеиды» («Битвы и мужа пою...»). Кроме того, на фасаде этого дома красовалась фреска со сценой из «Энеиды». Вероятно, хозяин был большим поклонником творчества Вергилия.

На основе отдельных стихов из произведений великого поэта составляли так называемые «центоны» («лоскутные поэмы»)^[971]. Например, широко известен «Свадебный центон» поэта Авсония (310—395 н. э.), созданный целиком из строчек, взятых из «Буколик», «Георгик» и «Энеиды». Целую трагедию «Медея» составил из стихов «Энеиды» поэт Гозидий Гета (II век н. э.). Появлялись подобные центоны и позднее, в период Средневековья.

«Энеида» широко использовалась и для гадания (*sortes Vergilianae*): гадающий наугад раскрывал книгу и принимал за ответ первые строки, которые попадались ему на глаза. Гадали по Вергилию даже римские императоры — Адриан, Александр Север, Клавдий II^[972].

В античный период появились и весьма объёмистые комментарии к произведениям великого поэта. Самые ранние, но, к сожалению, не сохранившиеся, принадлежали Квинту Цецилию Эпироту, Азинию Поллиону, Гаю Юлию Гитину^[973], Квинту Асконию

Педиану, Луцию Аннею Корнуту, Марку Валерию Пробу, Велию Лонгу, Эмилию Асперу и некоторым другим. На основе трудов этих учёных позднее были составлены дошедшие до нашего времени комментарии Мавра Сервия Гонората (IV век н. э.), Тиберия Клавдия Доната (IV—V век н. э.), Псевдо-Проба (V—VI век н. э.). Сохранились раннесредневековые схолии к произведениям Вергилия, а также комментарии Юния Филаргирия (V век н. э.). Известный грамматик Элий Донат (около 320—380 н. э.), используя сочинение Светония «О поэтах» и некоторые другие труды, написал знаменитую «Жизнь Вергилия». Писали комментарии к произведениям Вергилия и в период Средневековья^[974].

Но оставались недоброжелатели и завистники, которые и при жизни Вергилия, и после его смерти обвиняли поэта в многочисленных заимствованиях у известнейших греческих и римских писателей. По свидетельству Светония, против «Энеиды» Вергилия была «написана книга Карвилия Пиктора под названием «Бич Энея». ...Геренний собрал его погрешности, Переллий Фавст — его заимствования; «Подобия» Квинта Октавия Авита в целых восьми книгах также содержат заимствованные Вергилием стихи с указанием их происхождения. Асконий Педиан в своей книге против хулителей Вергилия излагает лишь некоторые обвинения против него — главным образом те, где речь идёт об истории и о многочисленных заимствованиях у Гомера»^[975]. Даже соратник Августа полководец Марк Випсаний Агриппа, явно ничего не смысливший в поэзии, «обзывал Вергилия подкидышем Мецената, изобретателем новой манерности, не напыщенной и не сухой, но слагающейся из повседневных слов и потому незаметной»^[976]. Но, как справедливо заметил Светоний, «в хулителях у

Вергилия не было недостатка, и неудивительно: ведь были они даже и у Гомера»^[977].

Макробий, очень высоко ценивший творчество Вергилия, привёл в своих «Сатурналиях» не только те стихи, которые были прямо заимствованы поэтом из произведений Гомера, но и те, которые были им существенно переработаны и расширены, а также указал явные сюжетные параллели^[978]. Однако сделал он это из желания показать мастерство и великое дарование поэта. Макробий писал, что Вергилий, по сути дела, позаимствовал «для себя у Гомера даже саму Энеиду: во-первых, скитание — из Одиссеи, затем из Илиады — сражения»^[979]. Кроме того, Вергилий, по его мнению, «почти дословно списал у Писандра (греческий поэт. — *М. Б.*) разрушение Трои вместе с его Синоном и деревянным конём, и всем остальным прочим, что составляет вторую книгу Энеиды»^[980], а «четвертую книгу своей Энеиды почти целиком составил из четвёртой книги Аргонавтики, сочинителем которой является Аполлоний (Апполлоний Родосский. — *М. Б.*), перенося на Дидону и Энея безмерную любовь Медеи к Ясону»^[981]. Однако всё это не умаляет достоинств «Энеиды», ибо, как говорил сам Вергилий, защищаясь от обвинителей, «почему они сами не попробуют совершить такое воровство? тогда они поймут, что легче у Геркулеса похитить палицу, чем у Гомера стих»^[982].

Действительно, уже давно учёными замечено, что, при всех заимствованиях у Гомера, произведение Вергилия очень отличается от «Илиады» и «Одиссеи». Во-первых, поэмы Гомера основаны на народной поэзии, а «Энеида» является произведением писателя, который придерживался определённых литературных канонов и учитывал политическую обстановку. Во-вторых, «Энеида» отражает современное Вергилию понимание

действительности, содержит многочисленные ссылки на римскую историю и римские обычаи, намёки на современные поэту события; в итоге получается чёткое соединение прошлого с настоящим, древнего мифа с современностью. В-третьих, все заимствования Вергилий творчески перерабатывает, расширяет и значительно дополняет применительно к новому сюжету, создавая на их основе совершенно новый материал. В-четвёртых, Вергилий применяет в «Энеиде» блестящие ораторские приёмы, усвоенные им ещё в молодости, когда он обучался в риторической школе и слушал в Риме знаменитых ораторов. Не случайно Макробий посвятил всю четвертую книгу своих «Сатурналий» исследованию ораторского искусства Вергилия и утверждал, «что не меньше, чем поэтом, Вергилия нужно считать оратором, у которого обнаруживается и такая значительная выучка говорить, и столь тщательное соблюдение риторического искусства»^[983]. В-пятых, «Энеиду» от поэм Гомера выгодно отличают глубокий психологизм, раскрытие внутренних переживаний героев и психологических мотивов их действий, а также вытекающий отсюда динамизм действия. Поэма Вергилия пронизана намного большей религиозностью, патриотизмом, мужественностью, милосердием, человечностью, самопожертвованием, доблестью и отвагой. Превозносятся простота жизни, справедливость, благочестие и высокая нравственность. «Энеиду» отличают также изящество, благозвучие и чистота речи. Поэт часто применяет аллитерацию — специальный стилистический приём, позволяющий добиться соответствия звучания стиха его содержанию, но, к сожалению, не всегда раскрывающийся при переводе на русский язык. Много в поэме новых слов,

сравнений, метафор, аффектов, устойчивых поэтических формул и конструкций.

Бесспорно, правы те, кто считал Вергилия не жалким подобием Гомера, а гением, практически стоящим на одном уровне с великим греческим поэтом. Квинтилиан справедливо отмечал: «Как писателей греческих начали мы исчислять с Гомера, так, приступая говорить о римских, лучше всего должно начать с Вергилия, который из всех стихотворцев, писавших в сём роде, отошёл, без сомнения, не далеко от Гомера. Я употребляю здесь те же слова, какие слышал ещё в молодости моей от Афры Домиция; он, на вопрос мой, кто бы, по его мнению, более приближался к Гомеру, отвечал: «Вергилий есть второй, однако ближе к первому, нежели к третьему». И в самом деле, если он должен уступить небесному и бессмертному гению первого, взамен того усматривается в нём более тщания и правильности; что ему большего и труда стоило: и недостаток возвышенности греческого певца вознаграждается в римском неизменяемою ровностью»^[984].

Слава Вергилия гремела и в период Средневековья. Благодаря тому, что латинский язык стал языком Церкви и церковных писателей, сочинения самых известных латинских поэтов продолжали изучаться в школах и не сгинули во тьме веков. По произведениям же Вергилия, которые считались эталонными, изучали грамматику латинского языка. Поэтому в работах многих средневековых писателей можно найти значительное количество цитат из «Энеиды», «Георгик» и «Буколик». Древнегреческих поэтов в странах Западной Европы знали и читали меньше, поскольку знатоков древнегреческого языка было мало. В связи с этим в период Средних веков Вергилия почитали как

величайшего античного поэта, стоящего намного выше Гомера.

Кроме того, считалось, что Вергилий — единственный из язычников, кто подошёл ближе всех к христианской вере. Ведь он предсказал в четвёртой эклоге «Буколик» рождение Иисуса Христа! Поэтому богословы часто стремились связать античного поэта с христианством, интерпретировали его сочинения с христианской точки зрения. Ещё Святой равноапостольный император Константин I Великий (306—337 н. э.), провозгласивший христианство равноправной (наряду с язычеством) — и официальной религией Римской империи, весьма благосклонно относился к Вергилию и называл его «знаменитейшим из поэтов Италии». В своём известном «Слове, написанном к обществу святых», сохранившимся у церковного историка Евсевия Памфила, император рассматривает четвертую эклогу «Буколик» в качестве одного из важных доказательств истинности христианской веры и божественной сущности Иисуса Христа: «Кто вникнет глубже в значение этих стихов, тот увидит в них указание на божество Христа. Но, чтобы какое-либо правительственное лицо в царственном городе не обвинило поэта, что он пишет противное отечественным законам и отвергает древние понятия предков о богах, он прикрывает истину. Я думаю, что поэт знал святую и преславную тайну о Спасителе, и только для избежания от зверской жестокости людей, направлял мысли слушателей согласно с их привычками»^[985].

Христианская церковь вообще достаточно благожелательно относилась к Вергилию, так что со временем образ поэта появился и в христианском искусстве. Например, изображение Вергилия можно видеть в кафедральном соборе XII века в испанском

городе Самора, где оно помещено среди многочисленных персонажей Ветхого Завета^[986]. Образ Вергилия представлен и на фреске в западной галерее Благовещенского собора Московского Кремля.

В народе же Вергилий воспринимался как сверхъестественное существо, чародей и прорицатель. Неаполитанцами было выдуманно и сочинено, особенно на протяжении XII века, огромное количество сказочных и абсолютно баснословных легенд о Вергилии^[987]. Конрад Кверфуртский (? — 1202), епископ Хильдесхайма и канцлер германского короля и императора Священной Римской империи Генриха VI (1165—1197), в своём письме, чудом сохранившемся в «Славянской хронике» Арнольда Любекского, впервые зафиксировал основные неаполитанские легенды о Вергилии. Письмо написано Конрадом в 1195 году во время пребывания в Италии. Неаполь был взят императором Генрихом VI в 1194 году, и уже на следующий год по его приказу были разрушены стены этого величественного города. Конрад пишет: «Мы видели также великолепное творение Вергилия — Неаполь, в отношении которого нам по решению мойр пришлось сделать следующее: мы должны были по приказу императора разрушить стены этого города, которые основал и воздвиг этот знаменитый философ. Жителям этого города ничем не помогло его изображение, которое Вергилий посредством магического искусства заключил в стеклянный сосуд с очень узким горлышком, хотя они возлагали на его целостность большие надежды, веря, что пока этот сосуд цел, их город не сможет претерпеть никакого ущерба. Однако и этот сосуд, и сам город оказались в нашей власти, и мы разрушили его стены, хотя сосуд остался цел. Возможно, впрочем, городу повредило то обстоятельство, что сосуд был слегка надтреснут. В

этом городе находится бронзовый конь, который с помощью магических заклинаний был изготовлен Вергилием таким образом, что пока он цел, ни один конь не может сломать себе позвоночник, хотя этой стране присущ тот недостаток, что до изготовления этого коня и в случае какого-либо его повреждения ни один конь не может провезти всадника в течение какого-либо времени, не сломав себе позвоночник. Там есть также чрезвычайно крепкие ворота, сделанные наподобие крепости и имеющие бронзовые створки, которые ныне держат императорские вассалы. Вергилий вложил в них бронзовую муху, и, пока она цела, ни одна муха не может проникнуть в город. В соседнем замке (в «Замке Яйца» — *М. Б.*), в верхней части этого города, со всех сторон окружённой морем, покоятся кости самого Вергилия. Если они увидят свет, то небо потемнеет, море взволнуется до самых глубин, поднимутся высокие волны и разыграется страшная буря, что мы сами видели и испытали на себе. По соседству расположены Байи, о которых упоминают авторы и где находятся бани Вергилия, помогающие от всех телесных недугов. Среди этих бань есть одна наиболее крупная и значительная, где находятся сильно пострадавшие от времени картины, на которых изображены различные телесные недуги. В каждой из бань имеются гипсовые скульптуры, показывающие, против какого недуга помогает данная баня... Нам вспомнилось также, что в Неаполе есть ворота, которые называются «Железными». Вергилий заключил в них всех змей этого края, которых там из-за многочисленных подземных строений было видимо-невидимо. Среди прочих тамошних ворот только эти внушали нам сильный страх, ибо мы боялись, как бы заключённые там змеи не выползли из своей тюрьмы и не повредили стране и местным жителям. В этом городе есть также мясной рынок, устроенный Вергилием таким

образом, что мясо убитых животных сохраняется там свежим и не пропадает в течение шести недель; если же его вынести оттуда, оно быстро протухает и портится. Прямо перед городом расположена гора Везувий, из которой обычно все десять лет пылает огонь, выбрасывая тучи пепла. Напротив неё Вергилий поставил бронзового человека, державшего натянутый лук с лежавшей на тетиве стрелой. Однажды какой-то крестьянин, удивляясь тому, что тот постоянно грозит своим луком, но никогда не стреляет, спустил тетиву. И вот спущенная стрела попала в устье горы, и из устья тут же вырвалось пламя; оно до сих пор временами вырывается наружу»^[988].

Гервазий Тильберийский (1155—1235), автор известного сочинения «Императорские досуги», написанного для развлечения императора Оттона IV, приводит последнюю легенду в другой редакции: «Поблизости от города Неаполя или прямо напротив расположена гора Девы, на склоне которой, среди ущелья, куда доступ весьма затруднён, Вергилий развёл сад, выращивая там множество трав, и в нём можно обнаружить траву луция, от соприкосновения с которой слепые овцы сразу прозревают. Там же находилась медная статуя, державшая во рту трубу, которая, как только южный ветер попадал туда снаружи, тут же изменяла его направление. Послушайте о том, почему перемена сильного южного ветра была столь благоприятна. Поблизости от города Неаполя стоит высокая, примыкающая к морю гора и вклинивающаяся вглубь земли Лабрии. В месяце мае она извергает ужасный дым, который в это время года заодно с горячим пеплом обрушивается на деревья, выжигая их дотла своим жаром. Утверждают, что там находится отдушина, через которую прорывается пар преисподней. Дуновение южного ветра приносило с

собой горячий дождь, от которого гибли плоды и посевы, и таким образом плодородная земля становилась бесплодной. Когда у Вергилия спросили, как поступить, он на горе, что расположена напротив, поставил, как мы уже рассказывали, статую с трубою, чтобы при первом дуновении она извлекала из рога звук и воздух, проходя через рог, благодаря силе магического искусства, отражал и гасил напор южного ветра. Однако вышло так, что статуя эта одряхлела от старости и была повалена из-за козней завистников, а потому прежняя напасть стала часто повторяться». Далее Гервазий излагает интересную легенду о находке якобы подлинной гробницы Вергилия: «В правление Рожера, короля Сицилии, некий магистр, родом из Англии, отправился к королю, попросив у него какой-нибудь подарок. Считалось, что король на просьбу о подарке отвечал: «Проси дар какой пожелаешь, и я дам тебе». Проситель же был весьма образован, сведущ и силен в тривиуме и квадривиуме, в физике искусен, в астрономии превосходен. Поэтому он сказал королю, что просит не преходящего вознаграждения, а то, чему люди не стали бы придавать значения, то есть кости Вергилия, какие только смогут обнаружить внутри границ его королевства. Король согласился, и тогда магистр, получив королевскую грамоту, отправился в Неаполь, где Вергилий явил многочисленные примеры своих талантов к наукам. Увидев грамоту, народ охотно повиновался ей, ибо считалось, что подобное предприятие неосуществимо. Однако магистр, употребив своё искусство, обнаружил кости в гробнице внутри некой горы, хотя ничто не свидетельствовало о том, чтобы в этой горе что-либо вырубали. В этом месте стали копать и, приложив большие усилия, откопали гробницу, в которой невредимым покоилось тело, а в изголовье лежала книга, где было описано выдающееся

искусство вместе с другими свидетельствами его штудий. Прах и кости были извлечены, и магистр достал книгу. Присутствовавший при этом неаполитанский люд, испытывавший особое почтение к Вергилию, стал опасаться, как бы из-за извлечения костей городу не был причинен невосполнимый ущерб. Народ предпочёл скорее послушаться королевского приказа, чем подвергнуть город опасности. Ведь считалось, что Вергилий потому и повелел устроить себе тайное погребение внутри горы, чтобы извлечение костей не привело к уничтожению его творений. Тогда начальник гарнизона и толпа горожан собрали кости, поместили их в кожаный мешок и доставили в Морской замок («Замок Яйца». — *М. Б.*), находящийся поблизости от этого города, где, накрыв железной решёткой, стали показывать их всем желающим. Когда магистра спросили, что он собирался сделать с костями, он ответил, что с помощью его заклинаний кости смогут раскрыть всё содержание искусства Вергилия, так что будет достаточно, если ему предоставят кости на сорок дней. Похитив только книгу, магистр исчез»^[989].

Средневековый писатель-гуманист Александр Неккам (1157—1217) в сочинении «О природе вещей» упоминает и другие легенды о Вергилии: «Матуанскому певцу-пророку обязан Неаполь; оный, едва не погибший из-за множества пиявок, был спасён Мароном, бросившим на дно колодца пиявку золотую. И вот, когда по прошествии многих лет колодец решили почистить и извлекли её оттуда, город тут же наводнило целое полчище пиявок, и не уgomонилась напасть до той поры, покуда золотая пиявка не была помещена обратно в колодец. Известно также, что на рынке Неаполя мясо не могло находиться долгое время и тухло, так что даже мясники были вынуждены поститься. Но мудрость Вергилия избавила от этого неудобства: он закрыл

мясной рынок и сдобрил мясо незнамо какой травой, так что и по прошествии пятисот лет оно остаётся свежим и обладает приятным запахом, сладость которого достойна всяческой похвалы. А что сказать о том, что этот самый поэт садик свой окружил и обнёс неподвижным воздухом, словно забором или оградой? А что сказать о том, что он построил воздушный мост, по которому обыкновенно отправлялся в соответствии со своим желанием, куда ему нужно было? В Риме же он возвёл знаменитый дворец, в котором стояло деревянное изображение каждой из областей, державшее в руке колокол. И как только какое-нибудь царство решалось поколебать могущество Римской империи, тут же предательское изображение принималось бить в колокол. А медный воин, восседавший на медном коне, находившемся на самой верхушке этого дворца, потрясая копьём, поворачивался в нужную сторону. Эта область, из страха перед римским юношеством, готовым тут же погрузиться на корабли и отправиться по воле сенаторов и родителей воевать против врагов Римской империи, не только отказывалась от задуманного преступления, но и обрушивала свой гнев на тех, кто к нему подталкивал. Когда же прославленного певца спрашивали, до коих пор богами будет сохраняться это знатное строение, он имел обыкновение отвечать: «Простоит, покуда не родит девственница». Слышавшие это философы радовались, рассуждая: «Видно, оно будет стоять вечно». Однако, как утверждают, с рождением Спасителя этот знаменитый дворец внезапно превратился в прах»^[990].

В одном французском манускрипте XIII века, который носит название «Деяния римлян», содержится весьма забавная легенда о проказах Вергилия: «Среди деяний римлян рассказывается о выдающихся чудесах,

совершенных Вергилием, обладавшим всеобъемлющими знаниями в магических искусствах. Он служил Нерону, который в то время был императором города Рима. И вот, проникшись плотской и сердечной любовью к дочери Нерона, прекрасной обликом обладательнице сиятельного титула, он лишь страстностью, без всякого колдовства добился своего: она указала подходящее время и место, где магистр смог бы надлежащим образом осуществить своё стремление. Когда он, распалённый лихорадкой желанием, ночью пробрался к жилищу девы, вышло так, что девица, хитрая и злобная, как это водится среди женщин, поместила достопочтенного магистра, расставшегося со всей своей одеждой, в корзину и продержала его подвешенным на полпути — посередине башни — вплоть до самого восхода солнца. Притом он оказался подвешенным столь искусно, что не мог ни подняться, ни спуститься, не рискуя разбиться насмерть. Молва об этом событии разнеслась среди жителей города Рима и достигла ушей самого императора. Он, разгневавшись на столь неподобающий поступок, принял судебское решение о том, что злодеяние, совершенное при подобных обстоятельствах, по существовавшему в те времена в империи обычаю должно караться смертью. Но поскольку Вергилий обвинялся во многих и самых что ни на есть преступных деяниях, он удостоился милости императора — избрать тот способ исполнения смертного приговора, который ему больше всего по душе. Он, притворившись, что ищет лёгкой смерти, приказал лишить себя жизни в купальне с горячей водой, и вот, оказавшись, согласно своему выбору, в купальне, с помощью магического искусства перенёс себя в Неаполь. Избавившись от угрозы со стороны императора, Вергилий наслал на город Рим полную тьму — потушил все огни, да так, что огонь можно было извлечь только из интимных мест Нероновой девицы. А

по-другому никто и никак в городе Риме не мог зажечь огня. Осознав надвигающуюся опасность, [император] приказал подвергнуть скромность девы всеобщему поруганию и, руководствуясь заботой об общественном благе, созвал народ, чтобы объявить всем: каждый, кто приблизится к дочери императора, получит огонь из её интимных мест. Так с помощью волшебства огонь был добыт оттуда надлежащим образом»^[991]. Со временем легенды о Вергилии, видоизменяясь и дополняясь, распространились практически по всем странам Европы и прочно укоренились в народном сознании.

Великий итальянский поэт Данте Алигьери (1265—1321) в бессмертном произведении «Божественная комедия» изобразил Вергилия в качестве своего проводника в Ад. Почему же именно его выбрал Данте? Дело в том, что Данте воспринимал Вергилия как «учителя», «отца», «вождя»^[992], своего идейного и поэтического предшественника, который создал бессмертный эпос — «Энеиду», — воспевающий Римское государство, и отправил главного героя в подземный мир, где тот обрёл бесценные знания, и смелость. Именно поэтому Вергилий — «знающий путь», «честь и светоч всех певцов земли», символ человеческого разума и античной мудрости, был выбран в качестве проводника Данте в Ад.

Данте начинает свою «Божественную комедию» со слов: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу»^[993]. Иными словами, достигнув тридцатипятилетнего возраста, весной 1300 года поэт заблудился в тёмном и мрачном «жизненном лесу». Он видит гору, освещённую солнечным светом, и желает взобраться на её вершину, но ему преграждают путь рысь (обман и предательство), лев (гордость и насилие) и волчица (стяжательство и эгоизм).

В смятении Данте возвращается в лес, где встречает Вергилия и просит его о помощи:

Ты, мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде произносимый.
Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещий муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил![\[994\]](#)

В ответ Вергилий обращается к Данте с речью и говорит, что необходимо выбрать новую жизненную дорогу, а затем предсказывает ему будущее. Он предлагает Данте следовать за ним следом, чтобы через Ад добраться до вершины горы и попасть на небеса. Там Данте ждёт его возлюбленная Беатриче, по просьбе которой Вергилий и направился к нему. Данте с радостью соглашается, и они отправляются в нелёгкий путь.

По описанию Данте, Ад представляет собой воронку, сужающуюся к центру земли. Ад разделён на девять кругов, в каждом из которых грешники претерпевают различные муки, в зависимости от тяжести своих преступлений. Чем ближе к центру земли, тем ужаснее они мучаются.

В начале пути Данте и Вергилий минуют Преддверие Ада, где казнятся ничтожные и безразличные люди, не принявшие в жизни ничью сторону, и подходят к реке Ахерон. Через эту реку античный старец Харон перевозит на своей лодке души грешников в Ад. Харон вначале отказывается пускать Данте в свою лодку, но затем по требованию Вергилия соглашается на это.

Поэты оказываются в первом круге Ада, так называемом Лимбе, где пребывают души язычников-праведников — великих античных поэтов, мудрецов, полководцев, учёных и философов. Данте видит здесь Гомера, Горация, Овидия, Лукана, Цицерона, Цезаря и других великих мужей. Находящиеся в Лимбе души, в том числе и душа самого Вергилия, обречены вечно скорбеть о недоступной райской жизни.

Покинув Лимб, Данте и Вергилий начинают спускаться вниз. Во втором круге Ада, где суд вершит царь Минос, поэты видят сладострастников, которые несутся в бесконечном бешеном вихре. В третьем круге Ада они встречают чревоугодников, которые обречены вечно сидеть в жидкой вонючей грязи под ледяным дождём, а в четвёртом круге Ада наталкиваются на бесконечные шеренги бесцельно бродящих и сталкивающихся друг с другом людей — это скупцы и расточители. В пятом круге Ада пребывают гневливые, навечно погруженные в Стигийские болота и постоянно сражающиеся друг с другом.

На лодке мифического царя лапифов Флегия Вергилий и Данте минуют Стигийские болота и оказываются у крепостной стены города Дита (Люцифера), которая отделяет пятый круг Ада от шестого. Путь им преграждают бесы, справиться с которыми Вергилий не властен. На стенах города появляются ужасные чудовища, в том числе и знаменитая Медуза Горгона, от смертельного взора которой Вергилий закрывает Данте глаза. На помощь поэтам прибывает грозный ангел, и ворота города Дита отворяются, позволяя путникам следовать дальше.

За стеной города, в шестом круге Ада они видят поле, усеянное пылающими гробницами, в которых поджариваются еретики и атеисты. В седьмом круге Ада путь Вергилию и Данте преграждает кипящая кровавая река Флегетон, в которой варятся тираны и

насильники, а также Лес самоубийц, чьи души стали деревьями, бесплодными и ядовитыми. Затем следует бесплодная пустыня, в которой грешники обречены вечно мучиться под огненным дождём. Добравшись, наконец, до границы седьмого круга Ада, поэты оказываются у края бездны. Вергилий призывает дракона Гериона, олицетворяющего ложь и обман, и пытается, в свою очередь, обмануть его. Герион соглашается перевезти поэтов на своей спине и слетает с обрыва вниз, в восьмой круг.

В восьмом круге Ада находятся девять глубоких рвов — «Злых Щелей», — в которых изощрённые муки претерпевают сводники, льстецы, святокупцы, прорицатели, мздоимцы, лицемеры, воры, лукавые советчики, зачинщики раздора, поддельщики (фальшивомонетчики, алхимики). Когда Данте пытается пожалеть грешников, Вергилий упрекает его в малодушии и обрушивается на них с критикой, в особенности на прорицателей и волшебников. Считается, что Данте таким образом пытался оградить Вергилия от репутации мага и чернокнижника, прочно закрепившейся за ним в Средние века.

По специальным каменным мостам, перекинутым через рвы, поэты с большим трудом добираются до колодца восставших против Юпитера гигантов. На его дне лежит страшное ледяное озеро Коцит — девятый круг Ада, разделённый на четыре пояса. Гигант Антей по просьбе Вергилия переносит поэтов на своей ладони на озёрный лёд первого пояса Коцита — Каины. Здесь находятся убийцы братьев и родных, вмерзшие в лёд по пояс. Во втором поясе — Антеноре — томятся предатели родины, а в третьем — Толомее — предатели друзей, зажатые глыбами льда. Наконец, в Джудекке — четвёртом, последнем поясе — Данте и Вергилий видят грешников, полностью вмерзших в лёд в самых

немыслимых позах, — это те, кто предал своих благодетелей, сделавших им много добра.

На самом дне Ада находится огромный трёхликий Люцифер, по самую грудь вмерзший в лёд. Вергилий именует его на античный манер Дитом. От падения Люцифера с небес на противоположной стороне земли образовалась гора Чистилище, куда и держат путь поэты. В трёх пастях Люцифера находятся терзаемые им Иуда, Брут и Кассий, которые считаются самыми ужасными грешниками.

Вергилий и Данте взбираются на Люцифера, хватаясь за его шкуру, и перевернувшись, переползают через центр земли в другое полушарие. Пройдя по каменному туннелю, они оказываются у подножия высоченной горы — Чистилища, — которую венчает Рай. Вначале поэты попадают в Антипургаторий (Предчистилище), где встречают легендарного римского полководца и борца с тиранией Катона Утического, являющегося стражем Чистилища. В Предчистилище обретаются нерадивые, которые ждут возможности пройти сквозь врата Чистилища.

Поэты минуют врата, которые охраняет ангел, и начинают подниматься по склону горы, чтобы преодолеть семь кругов Чистилища (семь смертных грехов: гордыня, зависть, гнев, уныние, скупость, чревоугодие, сладострастие) и оказаться перед воротами Рая. В пятом кругу они встречают тень поэта Публия Папиния Стация, горячего поклонника великого поэта. Стаций сначала не узнает Вергилия, а потом бросается ему в ноги, но тот отстраняет его со словами:

«Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат».

[Стаций:]

«Смотри, как знойно, — молвил тот, вставая, —
Моя любовь меня к тебе влекла,
Когда, ничтожность нашу забывая,
Я тени принимаю за тела»[\[995\]](#).

После этого поэты все вместе продолжают путь. Достигнув вершины, Данте, Вергилий и Стаций оказываются перед стеной огня, которую они должны пройти, чтобы попасть в Райский сад. Данте медлит, но Вергилий подбадривает его, обещая, что за стеной он встретит Беатриче, и первым проходит через огонь. За ним следуют Данте и Стаций. Проведя ночь на ступенях последней каменной лестницы, поэты входят в Рай. Затем Вергилий замолкает, прощается с Данте и исчезает.

Можно заметить, что Данте очень внимательно изучил шестую книгу «Энеиды» и фактически поставил себя на место Энея, а Вергилию отвёл роль Сивиллы. Поэт в своей «Божественной комедии» показал, насколько хорошо Вергилий знаком со строением Ада, знает прошлое и будущее всех грешников, клеймит грех и проповедует нравственность. Вергилий силён, и бесы не властны над ним, лишь в адский город Дита он бессилён пройти без посторонней помощи. На протяжении всего пути Вергилий защищает и наставляет Данте.

Всё это неудивительно, поскольку описание путешествия Энея в подземное царство производило очень большое впечатление не только на древних римлян. Люди Средних веков, будучи склонными ко

всему мистическому и волшебному, всерьёз полагали, что не только Эней, но и сам Вергилий побывал в Аду.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жаркое южное солнце медленно опускается в тёмные воды Неаполитанского залива, превращая морские волны в расплавленное золото. Августовский вечер вступает в свои права. На улицах, в домах и парках современного Неаполя зажигаются огни. Горожане и туристы собираются в многочисленных кафе и ресторанах, звучит весёлая музыка, по набережной гуляют влюблённые парочки, дети с родителями и зеваки. Город живёт своей неповторимой жизнью.

Проследуем в район Пьедигротта, где между Мерджеллиной и Фуоригротта находится «Парк могилы Вергилия». В далёком 1930 году власти Неаполя решили разбить парк в честь 2000-летия со дня рождения Вергилия. Место для парка выбрали рядом с древнеримским колумбарием, с давних пор считающимся гробницей Вергилия. Позднее в этом же парке перезахоронили прах знаменитого итальянского поэта Джакомо Леопарди (1798—1837) и установили величественный обелиск над его могилой.

В том же 1930 году студенты американского университета штата Огайо подарили Неаполю небольшой мраморный бюст юного поэта, который был установлен в «Парке могилы Вергилия» на невысокой мраморной колонне в уютной нише у подножия холма Позиллипо. Этот бюст, естественно, представляет собой идеализированное изображение Вергилия и не имеет никакого отношения к подлинному облику поэта.

В конце дня в «Парке могилы Вергилия» не часто увидишь туристов, хотя с его террас, сплошь заросших вьющимися южными растениями, открывается

изумительный вид на вечерний Неаполь и Неаполитанский залив. И всё же, благодаря мнимой гробнице Вергилия, этот парк уже много десятилетий является центром притяжения для всех поклонников поэта, посещающих этот великий город.

Тем временем небо над Неаполем темнеет, и последний луч заходящего солнца исчезает в водах залива. В парке становится влажно и очень тихо, лишь неясный гул большого города доносится сюда. Бюст юного поэта одиноко белеет в увитой плющом каменной нише, оставаясь немым стражем этого места.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ЛИЧНЫХ ИМЁН

Авгур — древнеримский жрец-гадатель, предсказывавший будущее по полёту птиц.

Аверн — Авернское озеро (ныне Аверно), вулканического происхождения, расположено восточнее города Кумы в Кампании.

Авзония — древнее наименование Италии.

Аврунки — одно из местных племён, населявших Лаций.

Австр — южный ветер.

Адмет — царь Фер Фессалийских, жена которого — Алкестида, согласилась умереть вместо него.

Адриа залив — Адриатическое море.

Аканф — распространённое в Средиземноморье растение, стилизованные изображения листьев которого широко применялись в античном искусстве.

Аквилон — северный ветер.

Аквитаны — племя, в древности проживавшее на территории Аквитании (Франция).

Акрокеравний — скалистый мыс у входа в Адриатическое море.

Альба Лонга (Долгая Альба) — древнейший итальянский город, основанный Асканием, сыном Энея; столица и культурный центр племени латинов.

Аммом ассирийский — экзотическое благовонное растение.

Амур — древнеримский бог любви, отождествлявшийся с древнегреческим Эротом.

Амфора — 1) большой овальный сосуд с двумя ручками и узким горлом, использовавшийся для хранения и транспортировки жидких и сыпучих продуктов; 2) мера объёма, одна амфора — 26,26 литра.

Анубис — египетский бог смерти, изображавшийся в виде человека с головой шакала.

Аониды — одно из наименований муз.

Аонийская вершина — обиталище муз у горы Геликон в Беотии (Греция).

Аполлон Номий — то есть Аполлон Пастух.

Аппий — Аппий Клавдий Цек (конец IV — начало III века до н. э.), известный римский государственный деятель и военачальник.

Апулия — историческая область на юго-востоке Италии.

Араp — полноводная река в Галлии (Франция), ныне Сона, правый приток Роны.

Аpго — легендарное судно, на котором 50 греческих героев (аргонавтов) отправились под предводительством Ясона в Колхиду за золотым руном волшебного барана.

Аpгос — один из древнейших городов на Пелопоннесском полуострове.

Аристей — сын древнегреческого бога Аполлона и нимфы, древнее земледельческое божество.

Ариций — небольшой городок близ Рима, популярный у нищих.

Арицийский холм — любимое местопребывание нищих.

Аркт Ликаона — созвездие Большой Медведицы. Ликаон — царь Аркадии. Его дочь Каллисто была превращена богиней Юноной в дику медведицу. Когда Каллисто убили охотники, Юпитер перенёс её на небо и сделал созвездием.

Атлант — титан, который в наказание за участие в бунте против богов должен был держать на своих

плечах небесный свод.

Африк — юго-западный ветер.

Ахейцы — одно из древнейших греческих племён.

Ацилий — древнеримский трагический поэт (I в. до н. э.).

Аякс Оилид (или Аякс Младший) — древнегреческий герой, сын царя племени локров; нанёс оскорбление прорицательнице Кассандре, дочери троянского царя Приама.

Байи — знаменитый древнеримский курорт на берегу Неаполитанского залива.

Бактрия — историческая область в Средней Азии.

Беллона — древнеримская богиня войны.

Бельги (белей) — одно из кельтских племён, проживавших на территории современной Бельгии.

Бенак — древнее наименование Гардского озера, самого большого озера в Италии, расположенного у южного подножья Альпийских гор. Из озера вытекает река Минчо (Минций).

Бокх — знаменитый ливийский (мавританский) царь, сотрудничавший с римлянами.

Бонония — этрусский город в Северной Италии (современная Болонья).

Боспорское царство — древнее государство, располагавшееся на восточном и западном побережьях Боспора Киммерийского (ныне Керченский пролив).

Бромий — одно из прозвищ бога Диониса (греч. — шумящий).

Брундизий — портовый город в античной Калабрии, на побережье Адриатического моря; сейчас это порт Бриндизи в провинции Апулии.

Букс — латинское наименование самшита.

Булла — предохраняющий от злых духов амулет, который обычно носили римские мальчики.

Вакх — одно из имён бога Диониса.

Вакханки — почитательницы бога Диониса.

Великая Мать — наименование малоазийской богини Кибелы.

Венера — древнеримская богиня любви и плодородия, отождествлявшаяся с греческой Афродитой.

Венеты — племена, некогда обитавшие в Верхней Италии и Северо-Западной Галлии.

Вертумн — древнеримское божество этрусского происхождения, бог превращений и времён года.

Веста — древнеримская богиня домашнего очага и очага римской общины. Жрицы Весты — весталки — были обязаны поддерживать вечный огонь на алтаре в храме богини, который находился в роще на склоне Палатинского холма близ форума.

Ветераны — legionaries, отслужившие в войсках положенный срок и демобилизовавшиеся. Обычно ветераны получали земельные наделы на территории так называемых «колоний» — поселений, которые специально для этого основывались на территории римских провинций или в Италии.

Винделики — кельтские племена, обитавшие на Верхнем Дунае.

Вольноотпущенники — рабы, отпущенные (или выкупившиеся) на волю. Их гражданские права были ограничены. Часто они продолжали служить своим прежним хозяевам.

Вольсинии — этрусский город, располагавшийся на южном берегу озера Больсена (Италия).

Вольски — италийское племя, населявшее долину реки Лириса на юге Лация.

Восток — территория Передней Азии, включавшая в себя конгломерат государств, часть из которых была превращена в римские провинции.

Всадники — римское сословие, второе после сенаторов. Изначально всадники составляли основу римской кавалерии; позднее именно из них формировался офицерский костяк армии. Всадники были весьма зажиточны, поскольку занимались в основном финансовыми делами: государственными подрядами и откупам, сбором податей, арендой казённых земель, банковским делом и торговлей. Нередко всадники становились юристами, судьями; занимали достаточно высокие административные должности. Политическое влияние всадников было весьма значительным, особенно в провинциях.

Вулкан — древнеримский бог огня, отождествлявшийся с греческим Гефестом.

Габии — город в древнем Лации, к востоку от Рима.

Галез — река близ итальянского города Тарента (ныне Таранто).

Галлия — римское наименование большой исторической области в Европе; территория современной Северной Италии, Франции, Бельгии, Люксембурга, части Нидерландов и части Швейцарии.

Галлы-ценоманы — большое галльское племя, обитавшее в древности на территории Верхней Италии.

Гамадриады — лесные нимфы.

Гараманты — древнее племя, некогда обитавшее в Ливии.

Гаронна — река в Галлии.

Гаруспик — член этрусской коллегии жрецов, предсказывающих будущее по внутренностям жертвенных животных.

Геката — древнегреческая богиня лунного света, колдовства и подземного царства.

Гекзаметр — стих, состоящий из шести метров (стоп).

Геликон — гора в Беотии (Греция), место обитания муз.

Гелоны — сарматское племя, населявшее степи Северного Причерноморья.

Гельветы — кельтское племя, населявшее часть территории современной Швейцарии.

Гемонийский — то есть фессалийский.

Герм — река в Малой Азии (ныне Гедиз).

Гермес — вестник богов, древнегреческий бог-покровитель скотоводства и странствий, торговли и рынков, воровства и красноречия, проводник душ умерших в подземное царство.

Геспер — вечерняя звезда (Венера).

Гесперия — древнегреческое наименование Италии.

Гиადы — 1) нимфы, дочери титана Атланта, превращённые Зевсом в звёзды; 2) звёздное скопление в созвездии Тельца.

Гиблейские пчёлы — пчёлы с сицилийской горы Гибла, широко известной своим мёдом.

Гидра — ужасное чудовище, якобы обитавшее в окрестностях греческого города Лерны.

Гипокауст — форма отопления, при которой горячий воздух из печи пропусклся через систему каналов и труб под полом или внутри стен помещения.

Горгона — Медуза Горгона, чудовище у древних греков, крылатая дева со змеями вместо волос, её взгляд обращал всё живое в камень.

Гортина — древний город на острове Крит.

Греческое сено — пажитник сенной, растение из семейства бобовых.

Даги — древний народ, обитавший на территории Передней Азии.

Далмация — регион, расположенный на северо-западе Балканского полуострова.

Данай — ливийский правитель, отец пятидесяти дочерей. Перебрался в Грецию и стал царём Аргоса. Он получил пророчество, что будет убит зятем, поэтому его дочери (Данаиды) убили своих мужей. После смерти они в качестве наказания были обречены наполнять водой бездонный сосуд в подземном царстве.

Данайцы — одно из древних наименований греков.

Дардан — царь, сын греческого бога Зевса и нимфы Электры, родоначальник троянцев, которые в честь него назывались дарданцами.

Дарданиды — династия троянских царей.

Диадема — подразумевается особая головная повязка, знак царского достоинства.

Диана — древнеримская богиня животного и растительного мира, охоты, плодородия, отождествлялась с греческой богиней Артемидой.

Диктейский — то есть критский. Название происходит от горы Дикта на Крите.

Дионис — древнегреческий бог виноградарства и виноделия.

Диры — то же, что и фурии.

Дит — одно из имён бога подземного царства Плутона.

Долий — большой глиняный сосуд для хранения жидких и сыпучих продуктов.

Долопы — племя, в древности обитавшее на территории Фессалии.

Домиций Афр — древнеримский оратор и теоретик красноречия (14 до н. э. — 59 н. э.).

Драхма — весовая и денежная единица, одна драхма — 3,411 грамма.

Дриады — нимфы, живущие в деревьях.

Зенодот — известный александрийский грамматик (III век до н. э.).

Зефир — западный ветер.

Иапет — один из титанов, участвовавший в бунте против богов, отец Атланта.

Иберы — древнее население Пиренейского полуострова.

Игры — культовые празднества, устраивавшиеся в определённые сроки. В период игр граждане не работали, устраивали жертвоприношения богам, торжественные процессии, сценические представления, конные бега и гладиаторские бои.

Ида Фригийская — горная цепь на северо-западном побережье Малой Азии (ныне Каз-Даг).

Идалийская — эпитет богини Венеры; Идалий (Идалион) — город и гора на острове Кипре, где некогда родилась богиня.

Идумейские пальмы — термин происходит от названия Идумеи, одной из исторических областей Израильского нагорья, богатой пальмами.

Иды — середина месяца в римском календаре. В марте, мае, июле и октябре иды приходились на 15-е число, а в остальных месяцах — на 13-е.

Илерда — древний город в Испании (современная Лерида).

Иллирийская война — военная кампания Октавиана Августа против иллирийских и альпийских племён (35—33 до н. э.).

Иллирик — наименование римской провинции, занимавшей территорию бывшего Иллирийского царства (северо-западная часть Балканского полуострова).

Иллирия — историческая область в северо-западной части Балканского полуострова.

Император — высший римский военный титул. Титул «император» присваивали полководцу его солдаты после одержанной им крупной победы. Никакой реальной власти он не давал и лишь

предоставлял возможность полководцу претендовать на триумф. Впоследствии этот титул приобрёл чисто монархический характер. **Империя** — это, соответственно, территория, на которую распространяется империй высшего магистрата (императора).

Империй — вся полнота исполнительной власти; высшая военно-административная власть. Империем от имени народа Рима наделялись только высшие магистраты (консулы, преторы, диктаторы).

Иония — историческая область, лежащая на западном побережье Малой Азии.

Ир — один из малоизвестных персонажей древнегреческой мифологии.

Ирида — древнегреческая богиня радуги, крылатая вестница богов, прислужница богини Геры (Юноны).

Исида — египетская богиня, управляла человеческой судьбой, защищала детей и покровительствовала материнству.

Кавсия — македонский головной убор.

Калабрия — в древности так назывался плодородный полуостров на юго-востоке современной провинции Апулии.

Календы — первый день месяца в римском календаре.

Камилл — имеется в виду Марк Фурий Камилл (около 447—364 до н. э.), знаменитый римский политик и военачальник.

Кампания — историческая область на западном побережье Италии.

Кантабры — племена, населявшие северное побережье Пиренейского полуострова.

Каппадокия — историческая область в Малой Азии.

Карийцы — племя, обитавшее на юго-западном побережье Малой Азии.

Карнуты — племя, обитавшее в Центральной Галлии.

Карфаген — могущественный город, располагавшийся на территории современного государства Тунис. Был основан финикийцами в IX-VIII веках до н. э. и достаточно быстро превратился в крупнейший торговый и политический центр всего Западного Средиземноморья. Вёл долгую борьбу с сицилийскими греками, а позднее и с римлянами за господство в этом регионе.

Квадрантал — римская мера объёма, равна одной амфоре — 26,26 литра.

Квестор — должностное лицо, заведовавшее финансами и казной города Рима. Существовали также провинциальные квесторы, отвечавшие за казну той или иной римской провинции.

Квирин — древний бог племени сабинов, впоследствии — имя обожествлённого Ромула, основателя города Рима.

Келесирия — общее наименование Южной Сирии и Палестины.

Кельты — группа племён индоевропейского происхождения, занимавшая в древности обширную территорию в Западной Европе.

Кибела — богиня фригийского происхождения, Великая мать, богиня плодородия и материнской силы.

Киликия — историческая область на юго-восточном побережье Малой Азии.

Кимеры (кимбры) — германское племя, обитавшее на территории Западной Европы.

Киники (от греч. куон — собака) — представители знаменитой древнегреческой философской школы. Из них наибольшую известность получил философ Диоген Синопский (412—323 до н. э.). Киники считали, что человек должен стремиться к добродетели, для чего необходимо научиться довольствоваться малым

«подобно собаке» и таким образом обрести независимость, при этом отринув государство, общество, семью, культуру и пр. В большинстве своём киники вели бродячий образ жизни и существовали за счёт подаяний. Длинная борода, посох и нищенская сума были отличительными признаками киников на протяжении всего античного периода.

Киприда — одно из имён древнегреческой богини любви Афродиты, происходит от названия острова Кипр, являвшегося одним из крупнейших центров её культа.

Кирена — крупная античная колония, располагавшаяся на территории современной Ливии.

Китара — высокий остроконечный головной убор персидских царей.

Киферон — горный массив в Беотии (Греция).

Клибаны — особой конструкции печки, предназначенные для выпекания хлеба.

Клиент (клиентела) — зависимый человек. Клиентела как форма социальной зависимости была весьма распространена в Риме. Клиент всегда и везде сопровождал своего патрона, даже в дальних поездках; защищал его с оружием в руках, если в этом была необходимость; поддерживал его кандидатуру на выборах. Кроме того, клиент был обязан каждое утро являться в дом своего патрона и приветствовать его. Часто клиенты принимались в род патрона и брали его родовое имя.

Клитумн — река в Южной Умбрии.

Колокасия — красивоцветущее растение, корневище которого в древности употребляли в пищу.

Колония — поселение, основанное на завоёванной территории и населённое римскими гражданами, в основном земледельцами, ветеранами и неимущими.

Колоны — свободные арендаторы земельных участков.

Колхида — историческое наименование современной Западной Грузии.

Колхидская ведьма — прозвище волшебницы Медеи, дочери колхидского царя, которая помогла Ясону похитить золотое руно из Колхиды.

Коммагена — эллинистическое государство, область в Северо-Восточной Сирии.

Компиталии — религиозный праздник в честь божеств ларов.

Консул — высшее должностное лицо Римской республики. Всего было два консула, которых избирало народное собрание 306 сроком на один год. Консулы обладали высшей военной и гражданской властью (империем), имели право созывать сенат и народное собрание, председательствовали в них; в период войны командовали армиями. Должность консула не мог занимать человек моложе сорока лет. По окончании срока должности консул получал звание проконсула и право управлять одной из римских провинций. Консулам были приданы особые знаки власти: тога с широкой пурпурной каймой, курульное кресло из слоновой кости. Кроме того, каждого консула в качестве охраны сопровождали 12 служителей (ликторов) с фасциями (связанными пучками прутьев с воткнутыми в них топориками). В соответствии с римской системой летоисчисления годы обозначались по именам консулов текущего года.

Консул-суффект — консул, которого избирали в текущем году вместо умершего или отстранённого от власти консула.

Коракесий — древний город, располагавшийся на границе Киликии и Памфилии.

Кормовая смесь (остит) — смесь кормовых растений (бобы, вика и др.), скошенных зелёными и не успевших завязать семена.

Кратер — сосуд для смешивания вина с водой.

Кратес (Кратет) — известный древнегреческий философ (III век до н. э.).

Ксанф — река в Ликийи, на юге Малой Азии.

Ксеркс — знаменитый персидский царь Ксеркс I (486—465 до н. э.), организовавший грандиозный военный поход в Грецию.

Кумы — одна из самых древних греческих колоний на побережье Италии.

Купидон — древнеримский бог любви, отождествлявшийся с греческим богом Эротом.

Курия — 1) место заседаний римского сената; 2) древнейшее подразделение римского народа по родовому, а позднее и по территориальному принципу.

Курульное кресло — один из знаков власти римских высших должностных лиц (магистратов). Представляло собой особое кресло без спинки, с загнутыми ножками, выполненное из слоновой кости, бронзы, золота и др.

Куш — древнее царство, существовавшее на территории современного Судана (Африка).

Лаомедонт — троянский царь, отец царя Приама.

Лалифы — мифическое племя гигантов, обитавшее в Северной Фессалии.

Ларий — древнее наименование озера Комо, третьего по величине в Италии, расположенного к северу от города Милана.

Лары — духи умерших предков у римлян, боги-покровители семьи, дома (домашнего очага) и земли, на которой он стоит. Верховным жрецом культа ларов считался глава фамилии. Кроме того, ларов почитали в качестве покровителей соседской общины и добрососедских отношений и поэтому сооружали для них особые святилища на перекрёстках дорог, где соединялись владения нескольких общин или участки ряда усадеб.

Латины — италийское племя, населявшее Лаций.

Лацерна — прятка ящерица, употреблявшаяся римлянами в пищу.

Лаций — историческая область в Центральной Италии.

Левката — мыс острова Левкада (Ионическое море).

Леда — супруга спартанского царя Тиндара, мать Елены и Диоскуров, возлюбленная бога Зевса, который соблазнил её, превратившись в лебедя.

Лелеги — древнее догреческое племя, обитавшее в Малой Азии, островах Эгейского моря и на юге Балканского полуострова.

Леней — одно из имён бога Диониса.

Лентиск — фисташка мастиковая.

Лидер — древнеримский бог виноградарства и виноделия, отождествлявшийся с Дионисом.

Ливийское море — древнее наименование части Средиземного моря, расположенной между южным побережьем острова Крит и Северной Африкой.

Лигер — самая длинная река Галлии (ныне Луара).

Лигурийцы (лигуры) — племена, обитавшие на территории Лигурии.

Лигурия — историческая область на северо-западе Италии.

Лидия — историческая область на западе Малой Азии; наименование древнего государства.

Лукания — историческая область на юге Италии.

Лукрин — Лукринское озеро (ныне Лукрино), расположено в Кампании.

Магистраты — высшие должностные лица в Римской республике, избиравшиеся обычно на год и исполнявшие свои функции безвозмездно. Были курульные магистраты (консулы, преторы, цензоры, курульные эдилы) и некурульные (квесторы, трибуны, плебейские эдилы). Первые обладали большими

полномочиями и имели право на особое курульное кресло (лат. sella curulis), являвшееся символом их власти. Это кресло без спинки и с гнутыми ножками изготовлялось, как правило, из слоновой кости и драгоценных металлов.

Магон — известный карфагенский агроном, автор большого трактата о сельском хозяйстве.

Манто — провидица, итальянская нимфа, мать основателя Мантуи.

Маны — добрые духи загробного мира у римлян, обожествлённые души предков, хранители гробниц.

Марий — знаменитый римский полководец Гай Марий (156—86 до н. э.).

Марс — древнеримский бог войны, плодородия, сельского хозяйства, частично отождествлявшийся с греческим Аресом.

Марсы — итальяское племя, обитавшее в Центральной Италии в районе Фуцинского озера (ныне Фучино, осушено в XIX веке).

Мегалезские игры — ритуальные празднества в честь богини Кибелы, проводившиеся в апреле.

Мегара — древний торговый город в Средней Греции.

Менады — спутницы бога Диониса, впадавшие в экстаз и безумие; то же, что и вакханки.

Менений — Менений Агриппа, римский политический деятель и полководец (VI — начало V века до н. э.).

Меотийское болото — древнее наименование Азовского моря.

Меркурий — древнеримский бог торговли и прибыли, вестник богов, отождествлявшийся с греческим Гермесом.

Мидийская трава — люцерна, растение из семейства бобовых.

Мидия — историческая область на западе Ирана; наименование древнего восточного царства.

Мизен — северный мыс Неаполитанского залива.

Миля — древнеримская мера длины, одна миля — около 1480,00 метра.

Минерва — древнеримская богиня мудрости, покровительница ремёсел и искусства, отождествлявшаяся с греческой Афиной.

Минций — река в северной Италии (ныне Минчо).

Мирмидоняне — мифическое племя, проживавшее на территории Фессалии.

Мирон — знаменитый древнегреческий скульптор (V век до н. э.).

Митридатовы войны — наименование войн, которые вёл с римлянами знаменитый понтийский царь Митридат VI Евпатор в 89-84, 83-82, 74-63 годах до н. э.

Модий — древняя мера объёма сыпучих тел, у римлян один модий — 8,754 литра.

Морины — племя, обитавшее в Галлии.

Мунда — древний город в Южной Испании.

Муниципий — самоуправляющийся итальянский город, жители которого имели ограниченные права римского гражданства.

Навлох — гавань на северо-восточном побережье Сицилии (ныне Спадафера).

Нарбонская Галлия — римская провинция, располагавшаяся на территории современных южных французских областей Лангедок и Прованс.

Народное собрание (комиции) — верховный орган власти в Риме. Народное собрание объединяло всех римских граждан, но верховной властью обладало лишь формально. В Римской республике существовали комиции куриатные — собрания по куриям, центуриатные — по центуриям (сотням) и трибутные — по территориальным округам (трибам). Комиции

различались по своим компетенциям и функциям, но в основном избирали государственных магистратов и принимали законы. Созывать те или иные комиции имели право лишь магистраты. В I веке до н. э. народные собрания уже начали терять своё значение.

Народный трибун — одна из высших государственных должностей в Риме. Всего было десять народных трибунов, избравшихся сроком на один год и являвшихся главными защитниками интересов плебса — римского населения, не принадлежавшего к римской родовой аристократии (свободные ремесленники, крестьяне, торговцы, беднота). Народные трибуны обладали правом законодательной инициативы, могли созывать народное собрание и председательствовать в нём. Кроме того, каждый из трибунов имел право отменить любое решение сената или магистратов, если оно было направлено против плебеев. Власть, а также личность народных трибунов считалась священной и неприкосновенной.

Нептун — древнеримский бог морей, отождествлявшийся с греческим Посейдоном.

Нереиды — морские нимфы, дочери Нерея.

Нерей — древнегреческое морское божество, мудрый старец, обладавший даром перевоплощения и прорицания.

Нимфей — небольшое святилище нимф, сооружённое над источником. Обычно включало в себя грот, алтарь и небольшой бассейн или водоём. Иногда при нимфеях сооружался павильон с нишей, где помещался медленнотекущий фонтан.

Нимфы — низшие греческие божества, духи природы, девушки, олицетворявшие различные силы природы, природные объекты и явления. Различали нимф лесов, рощ, деревьев, лугов, гор, пещер, водных источников, морей, рек, озёр и пр.

Номент — древний город в Италии неподалёку от Рима (ныне Ментана).

Ноны — девятый день месяца перед идами в римском календаре.

Норик — область обитания кельто-иллирийских племён, занимавшая часть территории современной Австрии.

Нот — влажный южный ветер, приносящий дождь и туманы.

Нумидия — историческая область в Северной Африке.

Одеон — специальное здание для проведения музыкальных состязаний.

Окн — легендарный этрусский полководец, основатель Мантуи.

Оке — Амударья, крупная река в Средней Азии.

Орест — известный древнегреческий герой, сын микенского царя Агамемнона, убивший свою мать Клитемнестру из мести за смерть отца.

Орк — древнеримский бог смерти.

Ортигия — древнее наименование острова Делос.

Орфей — мифический древнегреческий певец, который своим пением зачаровывал людей, животных и растения. Был растерзан менадами за пренебрежительное отношение к ним.

Оски — итальянское племя, обитавшее в Южной Италии.

Осса — лесистая гора в Фессалии, недалеко от горы Олимп.

Пакувий — Марк Пакувий (220—130 до н. э.), знаменитый древнеримский драматург.

Палее — древнеримское божество скотоводства.

Палестра — специальное сооружение (помещение) с открытыми площадками для занятий спортом.

Паллада — эпитет древнегреческой богини Афины.

Пан — древнегреческий бог дикой природы, лесов и пастбищ, защитник пастухов и скота, изображался как получеловек с козлиными ногами, рогами и длинной бородой.

Панхайя — мифический остров в аравийских морях, славившийся своими благовониями.

Парасит (паразит) — наименование бедного, но свободного гражданина, который зарабатывает себе угощение за столом, развлекая хозяина дома.

Парки — три богини судьбы, равнозначны греческим Мойрам, прядущим нить человеческой жизни: Клото прядёт нить, Лахесис тянет нить, наматывая её на веретено и распределяя судьбу, и, наконец, Атропос перерезает нить, обрывая жизнь человека.

Парнас — горный массив в Центральной Греции, обиталище бога Аполлона и муз.

Парфины — одно из племён, обитавших в Иллирии.

Парфия — историческая область, расположенная к юго-востоку от Каспийского моря; наименование древнего восточного царства.

Пасифая — жена критского царя Миноса. Воспылав страстью к быку, она родила Минотавра — чудовищного человекобыка.

Патрон — обычно богатый аристократ, бравший под свою опеку лицо более низкого достатка и положения — клиента. Патрон должен был всячески опекать своего клиента, защищать его интересы в суде, помогать деньгами и время от времени приглашать к своему столу. Практиковалось и наделение клиентов участками из земельного фонда патрона.

Пафлагония — историческая область на севере Малой Азии, на южном побережье Чёрного моря.

Пелион — горный хребет на юго-востоке Фессалии.

Пенаты — домашние боги у римлян, хранители домашнего очага и хозяйства, домашних припасов и кладовой.

Пенфей — мифический фиванский царь, препятствовавший установлению культа Диониса. Он преследовал почитателей бога и даже хотел убить самого Диониса, за что был разорван на куски впадшими в буйство вакханками, в числе которых была и его мать.

Пергам — здесь подразумевается центр Трои, акрополь (крепость), где возвышался дворец царя Приама.

Передник Акка — передник являлся атрибутом артиста, изображавшего вакханта. Акк — имя популярного римского актёра.

Персефона — древнегреческая богиня подземного царства и плодородия.

Пиериды — музы, обитавшие на берегах пиерийских ручьёв во Фракии.

Пиренеи тарбельские — Пиренеи, горный массив на границе Испании и Галлии. Тарбеллы — племя, обитавшее у Пиренеев.

Пистория — древний город в Этрурии (современная Пистоя).

Пифагорейцы — приверженцы древнегреческой философской школы, основанной философом Пифагором (ок. 540—500 до н. э.). Пифагорейцы вели аскетический образ жизни, активно занимались математическими исследованиями, а также разработали оригинальное учение о переселении душ.

Пифийский бог — то есть бог Аполлон.

Пицен — историческая область на восточном побережье Италии.

Платоники — последователи знаменитого древнегреческого философа Платона (427—347 до н. э.).

Провозглашали бессмертие бестелесной души и реальность не только мира вещей, но и мира идей.

Плебейские игры — общественные празднества, проводившиеся в ноябре и посвящённые Юпитеру.

Плебс (плебеи) — римские граждане, не принадлежавшие к родовой аристократии (патрициям). В основном это были ремесленники, земледельцы, торговцы, учителя, врачи, бедняки.

Плетр — мера длины, один плетр — 29,63 метра.

Плеяды — 1) нимфы, сёстры Гиад, дочери титана Атланта, превращённые Зевсом в звёзды; 2) звёздное скопление в созвездии Тельца.

Плутон — одно из имён бога подземного царства у греков и римлян.

Понт — 1) древнее название Чёрного моря (Понт Эвксинский); 2) историческая область на северо-востоке Малой Азии, примыкавшая к Понту Эвксинскому; древнее царство.

Портик — галерея с колоннадой, открытая с одной стороны.

Пренесте — древний город в Лации (ныне Палестрина).

Претор — одна из высших римских государственных должностей. Избирались преторы на один год; число их в разные периоды истории Рима колебалось. Обладали широкими судебными полномочиями; в отсутствие консулов в городе замещали их должности. Могли командовать войском или осуществлять управление провинцией.

Примипил — самый старший по рангу центурион легиона, возглавлявший первую центурию первой когорты.

Принцепс — самый старший и уважаемый сенатор, формально стоявший во главе сената. Он имел право высказываться первым по любому вопросу и первым

подавать голос при голосовании, ибо его имя стояло первым в списке сенаторов.

Принципат — условный термин в научной литературе, обозначающий форму государственного строя, который существовал 312 в Риме более трёх веков (27 до н. э. — 284 н. э.) и сочетал в себе черты монархии и республики.

Провинция — завоёванная и подчинённая Риму область, находящаяся вне Италии и управляющаяся римскими наместниками.

Прозерпина — латинское наименование древнегреческой богини Персефоны.

Проконсул — государственная должность, которую имели право занимать только бывшие консулы. Проконсулы обычно назначались наместниками римских провинций и обладали всей полнотой власти консулов на их территории.

Прометей — титан, сын титана Иапета, похитил огонь у богов и передал его людям, научив их пользоваться им. В наказание за это Прометей был прикован к скале на Кавказе, куда ежедневно прилетал орёл и клевал его печень.

Пропретор — государственная должность, которую имели право занимать только бывшие преторы. Пропретор осуществлял управление преторской провинцией и командовал войсками.

Пунийцы — латинское наименование жителей Карфагена и других североафриканских городов, основанных финикийцами.

Рем — брат-близнец первого царя римлян Ромула, основателя города Рима.

Реты — древние племена, обитавшие в долинах Альпийских гор.

Робиг — древнеримский бог, охраняющий от болезней урожай на полях.

Родан — крупная река в Галлии (Франция), ныне Рона.

Ромул — основатель города Рима, первый римский царь (753 — ок. 716 до н. э.).

Ростральная трибуна (Ростры) — ораторская трибуна на римском форуме, украшенная деревянными носами (рострами) трофейных вражеских кораблей.

Сабины — италийское племя, обитавшее в Центральной Италии севернее Рима.

Савское (Сабейское) царство — древнее царство, располагавшееся в южной части Аравийского полуострова.

Салласы — одно из альпийских племён.

Сантонское море — древнее название части Бискайского залива, которое происходит от галльского племени сантонов, живших к северу от реки Гаронны.

Сапа — уваренный виноградный сок.

Сатиры — низшие лесные божества у греков, изображались как полулюди с козлиными ногами и рогами. Они похотливы, часто преследуют нимф и любят вино. Выступают как спутники Диониса или Пана.

Сатурн — древнеримский бог земледелия, земли и посевов, плодородия и времени, отождествлявшийся с греческим Кроносом.

Свевы — большая группа полукочевых германских племён.

Секстарий — римская мера объёма, один секстарий — 0,547 литра.

Сенат — совет старейшин, высший орган государственной власти в Риме. В состав сената пожизненно входили все бывшие магистраты, а также аристократы (нобили). Во главе сената формально стоял принцепс — самый старый и самый уважаемый сенатор. Сенат имел достаточно широкие полномочия: утверждал законы и результаты выборов, следил за

деятельностью магистратов, решал важнейшие вопросы внешней и внутренней политики, контролировал государственные финансы и религиозную деятельность. Постановления сената имели силу закона наравне с постановлениями народного собрания.

Сестерций — древнеримская монета; чеканилась из серебра, а при Августе — из бронзы.

Сивилла — ясновидящая, предсказательница. Самой известной была Сивилла из Кум.

Сигния — древний город в Лации (современный Сегни).

Сидон — древний портовый город на территории современного Ливана (современная Сайда).

Сиканское море — то есть Сицилийское море. Название происходит от одного из древних племён — сиканов, населявших некогда Сицилию.

Сикион — древний город на северном побережье Пелопоннеса.

Силен — божество природы у древних греков, изображался как пьяный старик с лошадиными ногами, ушами и хвостом. Воспитатель и спутник бога Диониса.

Сильван — древнеиталийский бог лесов, полей, садов и усадеб, отождествлявшийся с греческим Паном.

Сильский лес — лес в южной части Апеннин.

Симоент — река в древней Троаде (Малая Азия).

Синуэсса — древняя римская колония на побережье Тирренского моря (современный Мондрагоне).

Систр — древнеегипетский ударный музыкальный инструмент типа трещотки.

Сполеций — древний город в Умбрии (современный Сполето).

Стадий (римский) — мера длины, один стадий — 185 метра.

Стена — место у городской стены в Риме, где собирались женщины лёгкого поведения.

Стигийские тени — то есть относящиеся к реке подземного царства Стиксу; тени умерших.

Стикс — мифическая река подземного царства.

Стоики — представители известной древнегреческой философской школы. Название происходит от греч. stoa poikile — Пёстрый портик (место в Афинах, где собирались adeпты этой школы). Основатель школы — Зенон Китионский (ок. 335 — ок. 262 до н. э.). Стоики считали, что все люди равны и должны стремиться к добродетели, для чего необходимо упорно трудиться над собой. Характерными чертами стоицизма являлись фатализм и требование полной невозмутимости в чрезвычайных обстоятельствах.

Сцилла — мифическое морское чудовище у древних греков.

Тайгет — горный хребет на Пелопоннесском полуострове.

Талант — мера массы, один римский талант — 26,2 килограмма.

Тантала дочь — то есть Ниоба, дочь царя Тантала, сына Юпитера, передавшего людям секреты, услышанные на пиру богов. В наказание Тантал был обречён вечно томиться голодом и жаждой, хотя пища и вода находятся рядом. Ниоба, гордая своими многочисленными детьми, посмеялась над титанидой Лето (Латоной), родившей всего двоих детей — богов Аполлона и Артемиду. Обиженная Лето пожаловалась своим детям, и те уничтожили всех детей Ниобы.

Тане — древний город, располагавшийся южнее Карфагена (современный Тунис).

Тарент — портовый город на границе античной Калабрии и Апулии (современный Таранто).

Тарпейская скала — 1) древнее наименование Капитолийского холма; 2) отвесная скала с западной

стороны Капитолийского холма в Древнем Риме, с которой сбрасывали осуждённых на смерть преступников.

Тартар — 1) наименование нижней части подземного царства; 2) у Вергилия так называется город в подземном царстве, где грешники претерпевают мучения.

Тевкры — одно из наименований троянцев. Дочь Тевкра, первого царя Трои, стала женой Дардана, а их потомок Трос дал имя Трое.

Тевтоны — древнее германское племя.

Темпейская долина — живописная долина в Фессалии, расположенная между горами Осса и Олимп.

Тиара — головной убор персидских царей.

Тиберин — древнеримский бог реки Тибра.

Тибур — древний город в Лации (современный Тиволи).

Тир — древний финикийский портовый город, располагавшийся на территории современного Ливана (современный Сур).

Тирс — деревянный жезл, увенчанный сосновой шишкой, а также увитый виноградными листьями и плющом; являлся атрибутом бога Диониса.

Титаны — древнегреческие боги, дети Урана (неба) и Геи (земли), поднявшие бунт против богов-олимпийцев и в наказание за это низвергнутые в Тартар.

Тифис — кормчий корабля Арго.

Тифон — супруг Авроры, богини утренней зари, сын троянского царя Лаомедонта.

Трагея — сельскохозяйственное орудие в виде деревянной рамы с зубьями, применявшееся для молотьбы.

Трансальпийская Галлия — римская провинция, занимавшая в древности территории современной

Франции, Бельгии, Люксембурга, части Нидерландов и части Швейцарии.

Трапет — специальное механическое устройство для выдавливания масла из маслин.

Триарии — старые, опытные легионеры, становившиеся в третьем ряду боевого порядка и часто решавшие исход сражения.

Триба — древнеримский территориальный и избирательный округ.

Трибула — специальное приспособление для обмолота хлеба.

Тривиум и квадривиум (лат. трёхпутье и четырёхпутье) — в целом это семь свободных искусств (наук), изучавшихся в средневековых университетах. Тривиум включал в себя грамматику, логику и риторику, а квадривиум — арифметику, геометрию, астрономию и музыку.

Тринакрия — древнегреческое наименование Сицилии.

Тритон — древнегреческое морское божество.

Трос (Трой) — троянский царь, внук Дардана, основатель Трои.

Умбрия — историческая область в Центральной Италии.

Фавн — древнеиталийский бог плодородия, лесов и полей, скотоводства и земледелия, часто отождествлялся с греческим Паном.

Фавны — низшие лесные божества у римлян, сходные с греческими сатирами.

Фалерн — один из самых лучших и дорогих сортов вина, производился в Северной Кампании.

Фацелитида (или Фацелина) — один из эпитетов богини Дианы; в переводе с греч. «доставленная (Орестом) в пучке хвороста».

Фаэтон — сын Гелиоса, бога солнца. Он не сумел справиться с запряжёнными в солнечную колесницу огнедышащими конями, которые устремились к земле, отчего она загорелась. Поражённый молнией бога Зевса, Фаэтон упал с неба и разбился.

Феб — один из эпитетов древнегреческого бога Аполлона.

Феретрий — один из эпитетов бога Юпитера (лат. Податель добычи).

Фессалия — историческая область на северо-востоке Греции.

Фесценнины — итальяские народные песни, носившие шуточный и непристойный характер.

Фетида — морская нимфа, дочь Нерея.

Флора — древнеримская богиня растительности, цветов, весны и цветения.

Фортуна — древнеримская богиня счастья, удачи и счастливого случая.

Фракия — историческая область на юго-востоке Балканского полуострова.

Фригия — историческая область в западной части Малой Азии.

Фунт (римский) — мера массы, один фунт — 327,45 грамма.

Фурии — древнеримские богини мщения, обитающие в подземном царстве.

Фут (римский) — мера длины, один фут — 29,57 сантиметра.

Халибы — племя, обитавшее на юго-восточном побережье Чёрного моря и славившееся своими изделиями из железа.

Хариты — три древнегреческие богини красоты, изящества и женской прелести.

Химера — мифическое огнедышащее чудовище.

Цензор — римский магистрат, избиравшийся раз в пять лет на срок 18 месяцев из числа бывших консулов (консуляров). Цензор проводил перепись населения с целью установления состава и имущественного положения граждан, ревизию списков сенаторов (вычёркивал недостойных и вписывал имена новых), а также осуществлял надзор за нравственностью граждан. Кроме того, он контролировал государственный бюджет и следил за использованием государственного имущества.

Церера — древнеримская богиня плодородия, земледелия, полей и урожая, отождествлявшаяся с греческой Деметрой.

Цизальпинская Галлия — римская провинция, занимавшая территорию между Альпами, Апеннинскими и рекой Рубикон на севере Италии.

Циклады — скалистые острова в Эгейском море.

Эвр — восточный ветер.

Эдил — одна из высших государственных должностей в Риме. Эдилы следили за состоянием улиц, храмов и общественных зданий, обеспечивали снабжение города хлебом, надзирали за рынками, устраивали различные общественные празднества и игры. Число эдилов в разные периоды римской истории колебалось.

Элизий — часть подземного царства, райские поля, где обитают праведные души.

Энкелад — один из гигантов, восставших против богов-олимпийцев. Был повержен Зевсом и придавлен вулканом Этна.

Эол — мифический повелитель ветров.

Эпидавр — древний портовый город, расположенный на северо-востоке Пелопоннесского полуострова.

Эпикур — знаменитый древнегреческий философ (341-271 до н. э.). Считал, что целью человеческой жизни является удовольствие, которое рассматривал не как чувственное наслаждение, а как избавление от боли, страданий, страхов и пр. Чтобы достичь такого рода удовольствия, человеку нужно удалиться от мира и жить в уединенном месте, наслаждаясь покоем и природой. По мнению Эпикура, человеческая душа умирает вместе с телом и, соответственно, загробной жизни не существует, поэтому получить удовольствие можно только при жизни.

Эпир — историческая область на северо-западе Греции.

Эпод (от греч. припев) — стихотворение, написанное ямбом, где второй стих короче первого и напоминает припев.

Эргастул — специальное подвальное помещение, где содержали закованных рабов.

Эридан — древнегреческое наименование реки По на севере Италии.

Эрот — древнегреческий бог любви.

Этрурия — историческая область в Центральной Италии.

Этруски — древний народ, некогда населявший Этрурию.

Югер — древнеримская мера площади, один югер — 2523,30 квадратных метра.

Юнона — древнеримская богиня брака, семьи, материнства и родов, супруга верховного бога Юпитера, отождествлявшаяся с греческой Герой.

Юпитер — верховный бог древних римлян, бог неба, света и грозы, отец богов, отождествлявшийся с греческим Зевсом.

Ямб — 1) стихотворная стопа, состоящая из короткого и долгого слогов; 2) насмешливое стихотворение.

Япигия — древнее название Апулии.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУБЛИЯ ВЕРГИЛИЯ МАРОНА

70, 15 октября — день появления на свет Публия Вергилия Марона.

63 — заговор Каталины.

60 — Помпей, Красс и Юлий Цезарь образуют «первый триумвират».

58 — Вергилий поступает в грамматическую школу в Кремоне.

55 — Вергилий достигает совершеннолетия и отправляется учиться в риторическую школу в Медиолане.

53 — Вергилий приезжает в Рим и поступает в риторическую школу Эпидия.

49, январь — переход Юлия Цезаря через реку Рубикон. Начало гражданской войны между Помпеем и Цезарем.

48, 9 августа — победа Юлия Цезаря в битве при Фарсале. Возможно, в битве участвовал Вергилий.

45, весна — Вергилий отправляется в Неаполь, где поступает в школу философа-эпикурейца Сирона.

44, 15 марта — убийство Юлия Цезаря.

43, осень — совещание Октавиана, Марка Антония и Лепида близ Бононии. Образование «второго триумвирата».

42, лето-осень — Вергилий покидает Неаполь и возвращается в имение своего отца, где начинает работу над «Буколиками».

Октябрь — Битва при Филиппах.

41 — имение отца Вергилия конфисковывают. Поэт с родителями и братьями находит приют на вилле покойного философа Сирона близ Неаполя.

40 — отцовское имение Вергилия конфисковывают повторно.

Октябрь — Брундизийский договор, заключённый Октавианом и Марком Антонием.

40-39 — знакомство Вергилия с Меценатом и поэтом Горацием.

39, лето — Мизенский мир, заключённый триумвирами и Секстом Помпеем.

37/36 — Вергилий на своей вилле близ Неаполя начинает работу над поэмой «Георгики».

36, 3 сентября — морская битва при Навлохе и поражение Секста Помпея.

32, июль — объявление войны египетской царице Клеопатре.

31, 2 сентября — морская битва при Акции. Бегство Клеопатры и Марка Антония в Египет.

30, 1 августа — Октавиан захватывает Александрию Египетскую. Марк Антоний кончает жизнь самоубийством. Позднее кончает с собой и Клеопатра.

29, лето — Вергилий читает перед Октавианом «Георгики» в итальянском городе Ателла. В этом же году начинает работу над грандиозной поэмой «Энеида».

27, 13 января — Октавиан «отказывается» от верховной власти.

16 января — Октавиан получает имя «Август». Начинается период «принципата Августа» (27 до н. э. — 14 н. э.).

23 — Вергилий читает перед Августом и его семьёй вторую, четвёртую и шестую книги «Энеиды».

19 — Вергилий отправляется в путешествие по Греции и Малой Азии, но из-за болезни возвращается в Италию.

21 сентября — смерть Вергилия в Брундизии.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Авл Геллий. *Аттические ночи. Книги I-X* / Пер. колл. авт. СПб., 2007.

Авл Геллий. *Аттические ночи. Книги XI-XX* / Пер. колл. авт. СПб., 2008.

Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. *Славянские хроники*. М., 2011.

Аппиан Александрийский. *Римская история* / Пер. С. П. Кондратьева, С. А. Жебелева, С. И. Ковалева и др. М., 1998.

Варрон. *Сельское хозяйство* / Пер. с лат. и комм. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1963.

Великие некроманты и обыкновенные чародеи / Под ред. Н. С. Горелова; Пер. Н. Масловой, Н. Горелова. СПб., 2006.

Веллей Патеркул. *Римская история* / Пер. с лат. А. Немировского, М. Дашковой // *Малые римские историки*. М., 1995.

Вергилий. *Буколики. Георгики. Энеида* / Пер. с лат. С. Шервинского, С. Ошеров. М., 1979.

Вергилий. *Приложение (Appendix Vergiliana). Раннее и сомнительное* / Пер. С. Шервинского, Е. Рабинович, С. Ошеров, М. Гаспарова // *Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида* / Пер. с лат. М., 1979.

Гораций, Квинт Флакк. *Оды. Эподы. Сатиры. Послания* / Пер. с лат. Н. Гинцбурга, М. Гаспарова, М. Дмитриева, А. Семёнова-Тян-Шанского и др. М., 1970.

Данте. *Божественная комедия* / Пер. М. Лозинского. М., 1967.

Дионисий Галикарнасский. Римские древности: В 3 т.: Т. 1 / Пер. с др. — греч. Н. Г. Майорова, И. Л. Маяк. М., 2005.

Евсевий Памфил. Сочинения: В 2 т. / Пер. с др. — греч. Санкт-Петербургская духовная академия. СПб., 1849. Т. 2.

Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI-LXIII / Пер. с др. — греч. А. В. Махлаюка. СПб., 2014.

Катон, Марк Порций. Земледелие / Пер. с лат. и комм. М. Е. Сергеенко. М., 1950.

Квинтилиан, Марк Фабий. Риторические наставления / Пер. с лат. А. Никольского. СПб., 1834. Ч. 1-2.

Колумелла. Сельское хозяйство // Учёные земледельцы древней Италии / Пер. с лат. и прим. М. Е. Сергеенко. Л., 1970.

Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. В. Т. Звиревича. М., 2013.

Марциал, Марк Валерий. Эпиграммы / Пер. с лат. Ф. А. Петровского и М. Л. Гаспарова. СПб., 1994.

Овидий, Публий Назон. Элегии и малые поэмы / Пер. с лат. колл. авт. М., 1973.

Отрывки из поэтов-лириков — современников Катулла / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова // Катулл. Книга стихотворений. М., 1986.

Письма Марка Туллия Цицерона: В 3 т. / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М., 1994.

Письма Плиния Младшего / Пер. с лат. М. Е. Сергеенко и А. И. Доватура. М., 1982.

Плиний Старший. Естественная история. Книги XIV-XV // Учёные земледельцы древней Италии / Пер. с лат. и прим. М. Е. Сергеенко. Л., 1970.

Плиний Старший. Естественная история. Книги XVII-XVIII // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. Катон. Земледелие. Рязань, 2009.

Плиний Старший. [Естественная история]. Естествознание. Об искусстве. Книги XXXIII-XXXVII / Пер.

с лат. Г. А. Тароняна. М., 1994.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. / Пер. С. П. Маркиша и др. М., 1994.

Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат. колл. авт. М., 1982.

Проперций. Элегии / Пер. с лат. Л. Остроумова // Катулл. Тибулл. Проперций. М., 1963.

Светоний. Божественный Август // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей/Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

Светоний. Божественный Юлий // Гай Светоний Транквилл.

Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

Светоний. Вергилий // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

Светоний. Гораций // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

Светоний. О грамматиках // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

Светоний. О риториках // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

Сенека, Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Пер. с лат. С. А. Ошеров. М., 1977.

Сенека. О гневе // Луций Анней Сенека. Философские трактаты / Пер. с лат. Т. Ю. Бородай. СПб., 2000.

Сервий. Предисловие к «Буколикам» / Пер. с лат. Т. А. Миллер // Очерки истории римской литературной критики. М., 1963.

Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия (фрагменты) / Пер. с лат. Н. А. Фёдорова // Вергилий.

Энеида. Сервий. Комментарии к Энеиде Вергилия. М., 2001.

Тацит. Анналы // Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т.: Т. 1. Анналы. Малые произведения / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М., 1969.

Тацит. Диалог об ораторах // Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т.: Т. 1. Анналы. Малые произведения / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М., 1969.

Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. М., 1989-1994.

Ювенал. Сатиры / Пер. с лат. Д. Недовича и Ф. Петровского // Римская сатира. М., 1989.

Commentarii in Virgilium Serviani; sive commentarii in Virgilium, qui Mauro Servio Honorato tribuuntur. Gottingae, 1826. Vol. I-II.

Diehl E. Die Vitae Vergilianae und ihre antiken Quellen. Bonn, 1911.

Marti Valerii Probi in Vergilii Bucolica et Georgica commentarius. Halis, 1848.

Servii Grammatici, qui feruntur in Vergilii carmina commentarii. Lipsiae, 1881-1887. Vol. I-III.

Tiberi Claudii Donati. Interpretations Vergilianae. Aeneidos libri I-XII. Lipsiae, 1905-1906. Vol. I-II.

Ziolkowski J. M., Putnam M. C. J. The Virgilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years. New Heaven; London, 2008.

Литература

Аверинцев С. С. Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Поэтика древнеримской литературы. М., 1989.

Аверинцев С. С. Две тысячи лет с Вергилием // Аверинцев С. С. Поэты. М., 1996.

Александров В. Г. *Растениеводческие и растениеведческие проблемы две тысячи лет тому назад (по дидактической поэме Вергилия «Георгики»)* // *Природа*. 1944. № 4.

Альбрехт, фон М. *История римской литературы*. Т. 2. М., 2004.

Бондаренко М. Е. *Меценат*. М., 2016 (серия «ЖЗЛ»).

Борухович В. Г. *Из истории плагиата (литературные нравы Рима эпохи Августа)* // *Античный мир и археология*. 1977. Вып. 3.

Борухович В. Г. *Гражданские эподы (VII, XVI) Горация и IV эклога Вергилия (К проблеме относительной хронологии)* // *Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития*. Л., 1987.

Борухович В. Г. *Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время*. Саратов, 1993.

Буассье Г. *Виргилий. Из последней археологической поездки*. Оренбург, 1893.

Буассье Г. *Римская религия от времён Августа до Антонинов*. М., 1914.

Бударагина О. В. *О судьбе зачина «Энеиды»* // *Мнемон*. 2008. Вып. 7.

Винничук Л. *Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима*. М., 1988.

Вулих Н. В. *Поэзия и политика в «Энеиде» Вергилия* // *Вестник древней истории*. 1981. № 3.

Гаспаров М. Л., Рузина Е. Г. *Вергилий и вергилианские центоны* // *Памятники книжного эпоса: стиль и типологические особенности*. М., 1978.

Гаспаров М. Л. *Вергилий — поэт будущего* // *Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида*. М., 1979.

Гвоздева И. А. *Агоны и спортивные зрелища эпохи Августа в «Энеиде» Вергилия* // *Олимпийские игры: история и современность*. М., 2012.

Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1995.

Грабарь-Пассек М. Е. Вергилий // История римской литературы. Т. 1. М., 1959.

Дератани Н. Ф. Вергилий и его «Энеида» // Вергилий. Энеида. М.; Л., 1933.

Дератани Н. Ф. Вергилий и Август // Вестник древней истории. 1946. № 4.

Дератани Н. Ф. Публий Вергилий Марон // История римской литературы / Под общ. ред. проф. Н. Ф. Дератани. М., 1954.

Дуров В. С. Поэзия Вергилия // Вергилий. Собрание сочинений. СПб., 1994.

Дуров В. С. Римская поэзия эпохи Августа. СПб., 1997.

Егоров А. Б. Юлий Цезарь. Политическая биография. СПб., 2014.

Забулис Г. К. *Saturniatellus* Вергилия (К вопросу о формировании идеологии эпохи Августа) // Вестник древней истории. 1960. № 2.

Забулис Г. К. К вопросу о композиции «Георгик» Вергилия // Учёные записки Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса. XXXI. Литература (*Literature*). 1960. Т. 2.

Забулис Г. К. Сравнения в «Георгиках» Вергилия // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. Языкознание (*Kalbotyra*). 1961. Т. 3.

Забулис Г. К. «Георгики» Вергилия. Место поэмы в творческом пути поэта. Автореферат кандидатской диссертации. Вильнюс, 1962.

Забулис Г. К. Философские взгляды Вергилия // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. Литература (*Literature*). 1962. Т. 5.

Забулис Г. К. Вопрос о традиции и новаторстве в творчестве Вергилия // Научные труды высших учебных

заведений Литовской ССР. Литература (Literature). 1965. Т. 8.

Забулис Г. К. Поэтическая модификация философии индивидуализма накануне и в эпоху Августа. Автореферат докторской диссертации. М., 1983.

Звиревич В. Т. Вергилий — философ в представлении Макробия // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общ. науки. 2016. № 1.

Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. М., 2008.

Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. Очерки. М., 1986.

Коллинз Л. *Виргилий*. СПб., 1876.

Кропоткина Т. А. Фольклорно-бытовые корни буколического состязания // Вестник древней истории. 1948. № 2.

Кузищин В. И. Очерки по истории земледелия Италии. 11 в. до н. э. — I в. н. э. М., 1966.

Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье. 11 в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.

Кузищин В. И. Крестьянское хозяйство Древнего Рима как экономический тип // Вестник древней истории. 1973. № 1.

Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.

Лосев А. Ф. Эллинистическо-римская эстетика. М., 2010.

Маршалков Г. П. Концепция царской власти в «Энеиде» // Норция. 1978. Вып. 2.

Машкин Н. А. *Принципат Августа*. М.; Л., 1949.

Мелихов В. А. Взгляд Вергилия на божественность императора // Гермес. 1912. № 20 (106).

Мелихов В. А. *Виргилий и его эклоги*. Харьков, 1912.

Мелихов В. А. *Виргилий и его «Георгики»*. Очерк из истории римской поэзии. Харьков, 1913.

Миллер Т. А. Литературная критика поэзии Вергилия в период «языческого Возрождения» // Очерки истории римской литературной критики. М., 1963.

Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888.

Морева-Вулих Н. В. Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация. СПб., 2000.

Нагуевский Д. И. Виргилий и его эклоги. Очерки из истории римской поэзии. Часть 1. Казань, 1895.

Нагуевский Д. И. История римской литературы. Т. 2. Век Августа. Казань, 1915.

Немировский А. И. Каталог этрусских кораблей в «Энеиде» // Вестник древней истории. 1978. № 1.

Ошеров С. А. Титир и Мелибей (К вопросу об идейном содержании первой эклоги Вергилия) // Acta Antiqua. Т. 5. Budapest, 1957. Fas. 1-4.

Ошеров С. А. История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия // Античность и современность. М., 1972.

Ошеров С. А. Крестьянский быт в поэме «Moretum» // Быт и история в античности. М., 1988.

Покровский М. М. Виргилий // Покровский М. М. История римской литературы. М.; Л., 1942.

Полонская К. П. Виргилий // Полонская К. П. Римские поэты эпохи принципата Августа. М., 1963.

Робер Ж. — Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. М., 2006.

Рубцова Н. А. Люди и боги в стилистике «Энеиды»: элементы гимна в эпизодах поэмы // Поэтика древнеримской литературы. М., 1989.

Сергеев Д. Д. Представления о государстве и государственной власти римских писателей эпохи Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. СПб., 1998.

Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.;Л., 1958.

Сергеенко М. Е. *Простые люди древней Италии.* М.;Л., 1964.

Сергеенко М. Е. «Георгики» Вергилия как трактат по сельскому хозяйству // *Вестник древней истории.* 1974. № 3.

Сергеенко М. Е. *Жизнь Древнего Рима.* 2-е изд. СПб., 2000.

Сергеенко М. Е. *Помпеи.* 2-е изд. СПб., 2004.

Старостина Н. А. «Буколика» Вергилия. Некоторые особенности жанровой структуры // *Вопросы классической филологии.* 1971. Т. 3-4.

Тахо-Годи А. А. Хтонические мотивы в «Энеиде» Вергилия как один из принципов стиля // *Вопросы классической филологии.* 1973. Т. 5.

Топоров В. Н. Эней — человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Часть 1. М., 1993.

Турчинович А. А. «Энеида» Вергилия. Историко-литературный очерк. СПб., 1914.

Урушадзе А. В. IV эклога Вергилия // *Алексею Фёдоровичу Лосеву. К 90-летию со дня рождения.* Тбилиси, 1983.

Фёдорова Е. В., Лесницкая М. М. *Неаполь и его окрестности: века, люди, искусство.* М., 2005.

Ферреро Г. *Величие и падение Рима: В 2 кн.* СПб., 1997-1998.

Хлодовский Р. И. *Данте и Вергилий // Античное наследие в культуре Возрождения.* М., 1984.

Цивьян Т. В. *Verg. Georg. IV. 116-148: к мифологеме сада // Текст: семантика и структура.* М., 1983.

Чернышов Ю. Г. Три концепции «Сатурнова царства» у Вергилия // *Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии.* Л., 1986.

Чернышов Ю. Г. *Брундизийский мир и «загадка» IV эклоги Вергилия // Государство, политика и идеология в античном мире.* Л., 1990.

Чернышов Ю. Г. *Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1-2. Новосибирск, 1994.*

Чистякова Н. А. *Эллинистическая поэзия. Л., 1988.*

Шервинский С. В. *Буколики и Георгики Вергилия // Вергилий. Сельские поэмы. Буколики. Георгики. М.; Л., 1933.*

Шервинский С. В. *Вергилий и его произведения // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.*

Шервинский С. В. *Из второй книги «Георгик» Вергилия // Античность и современность. М., 1972.*

Штаерман Е. М. *История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996.*

ЭргонЖ. *Повседневная жизнь этрусков. М., 2009.*

Эррен М. *«Георгики» Вергилия и политика Августа // Греколатинский кабинет. 2000. № 3.*

Beatty H. M. *Dante and Virgil. London, 1905.*

Berg W. *Early Virgil. London, 1974.*

Bowe P. *Gardens of the Roman World. Los Angeles, 2004.*

Bilchner K. *P. Vergilius Maro. Munchen, 1978.*

Comparetti D. *Vergil in the Middle Ages. London, 1895.*

Distler P. F. *Vergil and Vergiliana. Chicago, 1966.*

DeWitt N. W. *Virgil at Naples // Classical Philology. Vol. 17. 1922. № 22.*

DeWitt N. W. *Virgil's Biographia Litteraria. Toronto, 1923.*

Duckett E. S. *Hellenistic influence on the Aeneid. Northampton, 1920.*

Enciclopedia Virgiliana. Roma, 1984-1991. Vol. 1-5.

Farrell J. *Vergil's Georgics and the Traditions of Ancient Epic. New-York; Oxford, 1991.*

Fowler H. N. *Portraits of Virgil //The School Review. Vol. 6. 1898. № 8.*

Frank T. *Vergil: A Biography. New York, 1922.*

Hardie P. *Virgil. Oxford, 1998.*

- Holzberg N. *Virgil: der Dichter und sein Werk*. Munchen, 2006.
- Knight W. F. J. *Roman Vergil*. London, 1944.
- Leach E. W. *The Social Life of Painting in Ancient Rome and on the Bay of Naples*. Cambridge, 2004.
- Leland C. G. *The Unpublished Legends of Virgil*. London, 1899.
- Levi P. *Virgil: A Life*. London; New York, 2012.
- Milnor K. *Graffiti and the Literary Landscape in Roman Pompeii*. Oxford, 2014.
- Morwood J. *Virgil: a poet in Augustan Rome*. Cambridge; New York, 2008.
- Nettleship H. *Virgil*. New York, 1880.
- Putnam M. C. J. *Virgil's Aeneid*. London, 1995.
- Schmidt E. A. *Poetische Reflexion. Vergils Bukolik*. Munchen, 1972.
- Sellar W. Y. *The Roman Poets of the Augustan Age: Virgil*. Oxford, 1897.
- Thomas R. E. *Virgil and the Augustan Reception*. Cambridge, 2001.
- Williams R. D. *Virgil*. Oxford, 1967.
- Zarmakoupi M. *Designing for Luxury on the Bay of Naples. Villas and Landscapes (100 BCE—79 CE)*. Oxford, 2014.

---

notes

Примечания

В качестве названий глав использованы цитаты из произведений Вергилия: Глава 1 — Комар. 70; Глава 2 — Буколики. VII. 47; Глава 3 — Георгики. II. 521; Глава 4 — Энеида. III. 285. Здесь и далее античные авторы цитируются по публикациям, указанным в списке источников, за исключением специально оговоренных случаев.

См. «Словарь терминов, географических названий и личных имен» в конце книги.

Светоний. Вергилий. 2.

Здесь и далее все годы приводятся до нашей эры, кроме особо оговоренных случаев.

Эргон Ж. Повседневная жизнь этрусков. М., 2009. С. 71-72.

Светоний. Вергилий. 3.

Боккаччо Джованни. Жизнь Данте. XVIII // Боккаччо Джованни. Малые произведения. Л., 1975. С. 545.

Светоний. Вергилий. 5.

9

Там же. 1.

Сервий. Комментарии к Энеиде. I. Предисловие; *Проб.* Комментарии к Буколикам. Предисловие; *Фока.* Жизнь Вергилия. 11. По другим данным, мать Вергилия звали Майя (*Vita Gudiana I. Praef.; Vita Monacensis I. Praef.; Vita Noricensis I. Praef.*).

Вергилий. Буколики. I. 20-21.

Там же. I. 46-58.

Вергилий. Буколики. I. 1, 17, 38-39, 46-58, 76; См. также: Буколики. VII. 11 -13; IX. 7-10, 40-43; Георгики. II. 198-199; III. 13-15.

Светоний. Вергилий. 14.

О быте крестьянских семей см: *Вергилий*. Георгики.
I. 291-295, 343, 390-393; II. 458-474.

Там же. I. 47-49, 71-72, 79-81.

Там же. I. 64-66, 67-70, 94-95; 1. 80-81.

Там же. I. 94-98, 155, 157, 162-175, 264.

Там же. I. 73-78, 210-219, 227-228.

Вергилий. Георгики. I. 65; II. 206, 237; III. 49-71, 286-338, 384-473; Завтрак. 67, 121.

Катон. 83; 134; 139-140.

Вергилий. Георгики. II. 299-302, 354-368.

Вергилий. Георгики. II. 420-428; IV. 142-145; Завтрак.
111.

Колумелла. XII. 14. Перевод М. Е. Сергеенко.

Вергилий. Завтрак. 58, 60-89.

Вергилий. Энеида. VII. 378-383.

Светоний. Вергилий. 17; *Сервий.* Комментарии к Энеиде. I. Предисловие.

Марциал. IX. 68.

Вергилий. Буколики. I. 20-25, 47-58; IX. 27-29; Георгики. II. 198-199; III. 10-15; Смесь. VIII. 6; X. 3; Ср.: *Овидий.* Любовные элегии. III. 15. 7.

Вергилий. Энеида. X. 198-203.

Плиний Старший. III. 19. 130.

О Мантуе как родине Вергилия см.: *Марциал.* I. 61. 2; XIV. 195.

Светоний. Вергилий. 6.

Вергилий. Смесь. VIII. 5-6.

Светоний. Вергилий. 6-7.

Светоний. Вергилий. 7; Vita Bernensis I. Praef.

Светоний. О риторках. 28.

Светоний. Вергилий. 15; Вергилий. Георгики. II. 475-482.

Ювенал. III. 243-259.

*Вергилий. Смесь. XIII. 23-26; Марциал. IV. 64. 20-24;
Ювенал. III. 234-238.*

Марциал. XII. 57.

Ювенал. III. 284-309.

Страбон. География. V. 3. 7.

Витрувий. II. 8. 17. Перевод Ф. А. Петровского.

Ювенал. III. 190-196.

Там же. III. 197-202.

Марциал. IX. 18.

Ювенал. III. 270-277.

Там же. III. 166, 224-225.

Ювенал. III. 203-207; Марциал. XI. 56. 3-8.

Марциал. XII. 32.

Вергилий. Энеида. I. 282.

Марциал. XI. 84.

Сенека. Письма. LVI. 1-2.

Гораций. Сатиры. II. 8. 20-23.

Гораций. Оды. III. 19. 10-12.

Петроний. Сатирикон. 31-70.

Гораций. Сатиры. I. 6. 115-116; II. 2. 71-80; II. 6. 63-76; Эподы. 2.49-60; *Плиний Младший*. Письма. I. 15; III. 12. 1; IX. 17; *Марциал*. XII. 48.

Гораций. Эподы. 2. 49-60.

Ювенал. XI. 64-76.

Плиний Младший. Письма. I. 15.

Марциал. V. 78. 1-24.

Там же. X. 48.7-22.

Дионисий Галикарнасский. III. 68.

Марциал. X. 50.

Вергилий. Георгики. I. 512-514; III. 103-117.

Тит Ливий. [Периохи]. XVI; Валерий Максим. II. 4. 7.

Тит Ливий. XXIII. 30. 15. Перевод М. Е. Сергеенко.

Теренций. Свекровь. Пролог. 31-33. Перевод А. В. Артюшкова.

*Светоний. Божественный Юлий. 10. 2; См. также:
Плутарх. Цезарь. 5.*

Сенека. Письма. XXXVII. 1; Ср.: Ювенал. XI. 5-8.

Там же. LXX. 20, 23.

Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. Изд. 2-е.
СПб., 2000. С. 227.

Тит Ливий. VII. 2. 4-12. См. также: Валерий Максим. II. 4. 4.

Цицерон. Брут. 71-72.

Ювенал. VI. 63-70.

Плутарх. Помпей. 42,52; Плиний Старший. XXXVI. 24.114-115; Дион Кассий. XXXIX. 38.

Аппиан. Гражданские войны. 1. 121.

Плутарх. Помпей. 24.

Там же. 26.

81

Там же. 28.

Саллюстий. О заговоре Катилины; Плутарх. Цицерон. 10-23; Аппиан. Гражданские войны. II. 2-7.

Вергилий. Энеида. VIII. 668-669.

Аппиан. Митридатовы войны. 116-117; *Плутарх.*
Помпей. 43-45.

Поплавский В. С. Культура триумфа и триумфальные арки Древнего Рима. М., 2000. С. 46-56.

Плутарх. Помпей. 45.

Аппиан. Гражданские войны. II. 9; Плутарх. Помпей. 47; Цезарь. 13.

Плутарх. Помпей. 48.

Аппиан. Гражданские войны. II. 10-13; Плутарх. Помпей. 47,48; Цезарь. 14.

Аппиан. Гражданские войны. II. 14-16; Плутарх. Помпей. 48; Цезарь. 14.

Плутарх. Помпей. 48.

Плутарх. Цезарь. 18-20.

Плутарх. Помпей. 51, 52; Цезарь. 21; Аппиан. Гражданские войны. II. 17-18.

Плутарх. Цезарь. 22-23.

Плутарх. Красс. 24.

Там же. 25.

Там же. 23-33.

Вергилий. Георгики. IV. 312-314.

Плутарх. Цезарь. 27.

Аппиан. Гражданские войны. II. 19-20; *Плутарх.*
Помпей. 53.

Плутарх. Помпей. 54; Аппиан. Гражданские войны. II. 23-24.

Аппиан. Гражданские войны. II. 23.

Аппиан. Гражданские войны. II. 27-32; Плутарх. Помпей. 58; Цезарь. 30-31.

Плутарх. Помпей. 60; Аппиан. Гражданские войны. II. 33-35.

Плутарх. Цезарь. 32.

Плутарх. Помпей. 60-62; Цезарь. 33-35; Аппиан. Гражданские войны. II. 36-38, 40.

Плутарх. Помпей. 63, 65; Цезарь. 35-36; *Аппиан.*
Гражданские войны. II. 40-43, 44-46.

Плутарх. Помпей. 65; Цезарь. 37-39; Аппиан. Гражданские войны. II. 48, 54-62.

Плутарх. Помпей. 66-68; Цезарь. 41; Аппиан. Гражданские войны. II. 64-67.

О битве при Фарсале подробнее см.: *Цезарь*. Гражданская война. III. 92-96; *Плутарх*. Помпей. 68-72; *Цезарь*. 42-46; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 68-82.

Плутарх. Цезарь. 45.

Плутарх. Помпей. 73-80; Аппиан. Гражданские войны. II. 83-86.

Плутарх. Помпей. 80.

Вергилий. Смесь. XIII. 1-6.

Вергилий. Буколики. V. 56-80; Георгики. I. 466-488.

Цезарь. Галльская война. VIII. 51. Перевод М. М. Покровского.

Светоний. Вергилий. 8.

Плутарх. Цезарь. 39, 40.

Плутарх. Цезарь. 48-49; Аппиан. Гражданские войны. II. 89-90.

Плутарх. Цезарь. 50; Аппиан. Гражданские войны. II.
91.

Плутарх. Цезарь. 52-54; Аппиан. Гражданские войны. II. 92-94, 95-100.

Плутарх. Цезарь. 56; Аппиан. Гражданские войны. II. 103-105.

Аппиан. Гражданские войны. II. 104.

Плутарх. Цезарь. 60-61; Аппиан. Гражданские войны. II. 107-110.

Аппиан. Гражданские войны. II. 110.

Плутарх. Цезарь. 62; Аппиан. Гражданские войны. II. 111-114.

Плутарх. Цезарь. 63.

Плутарх. Цезарь. 63-66; Брут. 17; Аппиан. Гражданские войны. II. 115-117, 149; Светоний. Божественный Юлий. 81-82.

Плутарх. Цезарь. 66.

Цицерон. Письма к Аттику. VII. 2. 1. Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы. III. 45; Цицерон. Оратор. 161.

Светоний. О грамматиках. 11.

Светоний. О грамматиках. 11; Катулл. 56.

Светоний. Божественный Юлий. 73.

Катулл. 10; 28; 101.

Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Пер. с лат. С. В. Шервинского. М., 1986.

136

Катулл. 14; 50; 53; 96.

Тацит. Диалог об ораторах. 21.0 Кальве см. также:
Цицерон. Брут. 283; *Квинтилиан.* X. 1. 115; *Тацит.*
Диалог об ораторах. 25, 34; *Овидий.* Скорбные элегии. II.
431-432.

Отрывки из поэтов-лириков — современников
Катулла / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова // *Гай Валерий
Катулл Веронский*. Книга стихотворений. М., 1986. С.
142-143.

Катулл. 10. 28-31; 95. 1-6. См. также: *Овидий.* Скорбные элегии. II. 435; *Сервий.* Комментарии к Буколикам. IX. 35.

Вергилий. Буколики. IX. 35-36.

*Плутарх. Брут. 20; См. также: Плутарх. Цезарь. 68;
Светоний. Божественный Юлий. 85.*

Отрывки из поэтов-лириков — современников
Катулла ... С. 144-145

Катулл. 38; *Макробий.* Сатурналии. VI. 4. 12; VI. 5. 13;
Овидий. Скорбные элегии. II. 436; *Сервий.* Комментарии
к Георгикам. I. 55.

144

Катулл. 11; 16; 23; 26.

Отрывки из поэтов-лириков — современников
Катулла... С. 146.

Светоний. Вергилий. 17-19.

Там же. 17.

Вергилий. Коментар. 1, 8-10, 24-26, 37-41.

Там же. 25-26.

Светоний. О риторях. 28; Vita Bernensis I. Praef.

Вергилий. Комар. 398-414.

Светоний. Лукан. I. Перевод М. Л. Гаспарова.

Марциал. XIV. 185. «Брани и мужа» — первая строка «Энеиды» Вергилия. См. также: Марциал. VIII. 55 (56). 19; Стаций. Сильвы. II. 7. 73.

Вергилий. Кирис. 12, 44-47, 54.

Там же. 533-541.

Сервий. Комментарии к Энеиде. I. Предисловие.

Вергилий. Трактирщица. 5-22.

Там же. 35-38.

Вергилий. Завтрак. 71-84.

160

Там же. 113-122.

Вергилий. Проклятия. 89-103.

Вергилий. Энеида. III. 570-582.

Гораций. Сатиры. I. 4. 70-71; Послания. I. 20. 1-2;
Наука поэзии. 345-346, 373.

Марциал. I. 117.

Цицерон. Письма к близким. I. 6. 1; Тацит. Диалог об ораторах. 34.

Плутарх. Цезарь. 32, 46, 52; Помпей. 72; Катон. 53; Светоний. Божественный Юлий. 30. 4; 55. 4; Аппиан. Гражданские войны. II. 40, 45, 82.

Аппиан. Гражданские войны. III. 46, 74, 81, 97; V. 20, 32, 50; Веллей Патеркул. II. 63. 3; 76. 2.

Светоний. Вергилий. 19; *Сервий.* Комментарии к Буколикам. II. 1; VI. 6.

Аппиан. Гражданские войны. V. 64.

Гораций. Оды. II. 1. 15-16; Флор. II. XXV. 11.

Светоний. Божественный Август. 29. 5; Плиний Старший. VII. 31. 115; XXXV. 2. 10.

Плиний Старший. XXXVI. 4. 23, 33, 34.

Веллей Патеркул. II. 86. 3.

Сенека. О гневе. III. 23.

Макробий. Сатурналии. II. 4. 21.

176

Катулл. 12. 6.

Плиний Младший. Письма. V. 3. 5; Цицерон. Письма к близким. X. 32. 5; Вергилий. Буколики. VIII. 10; III. 86; Гораций. Оды. II. 1. 9-12; Сатиры. I. 10. 42; Тацит. Диалог об ораторах. 12, 21.

Квинтилиан. 1.8. 11; IV. 1. И; VI. 1. 21; X. 2. 25; XII. 11.28; *Веллей Патеркул.* II. 36. 2; *Тацит.* Диалог об ораторах. 15, 17, 21, 25, 38; *Анналы.* XI. 6.

Сенека. Письма. С. 7-9.

Тацит. Диалог об ораторах. 21.

Квинтилиан. X. 1. 113.

Сенека Старший. Сватории. VI. 14-15, 24-25;
Светоний. О грамматиках. 10; *Тацит.* Анналы. IV. 34.

Гораций. Оды. II. 1. 1-8.

Плутарх. Помпей. 72; Цезарь. 46; Светоний. Божественный Юлий. 30. 4; 55. 4; 56. 4; Аппиан. Гражданские войны. II. 82; Тацит. Анналы. IV. 34; Валерий Максим. VIII. 13. 4.

Светоний. О грамматиках. 10; Авл Геллий. X. 26; Квинтилиан. I. 5. 56; VIII. 1. 3; XII. 1. 22; Сенека Старший. Контroversии. IV. Предисловие. 3.

Светоний. Божественный Юлий. 56. 4.

Цицерон. Письма к близким. X. 31-33; Ср.: Цицерон. Письма к Аттику. XII. 38. 2.

Там же. X. 31. 3.

Сенека Старший. Свазории. VI. 27; Контroversии. IV.
Предисловие. 2.

Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян.
СПб., 1995. С. 243-245.

Плиний Младший. Письма. 1. 13. 1-2.

Вергилий. Буколики. VI. 3.

Сервий. Комментарии к Буколикам. VI. 3; См. также:
Светоний. Вергилий. 19.

Цицерон. Письма к Аттику. XII. 32. 2.

Цицерон. Письма к Аттику. XV. 17. 2; Письма к Бруту.
1. 12. 1; I. 15. 1.

Аппиан. Гражданские войны. IV. 38.

*Плутарх. Брут. 40-41, 45; Тацит. Анналы. IV. 34;
Аппиан. Гражданские войны. V. 113.*

Аппиан. Гражданские войны. IV. 38.

Там же. V. 102-103, 109-110, 112.

Аппиан. События в Иллирии. 17; Дион Кассий. XLIX. 38.

Аппиан. Гражданские войны. IV. 38.

Дион Кассий. Л. 7.

203

Плутарх. Брут. 53.

Тацит. Анналы. VI. 6. 11.

Фронтин. О водопроводах Рима. 99.

Светоний. Тиберий. 70; Веллей Патеркул. II. 36. 2; Квинтилиан. X. 1. 22, 23, 113; XII. 11. 28; IV. 1. 8; Тацит. Диалог об ораторах. 17, 18, 20, 21.

Цицерон. Письма к Бруту. I. 15. 1.

Тацит. Диалог об ораторах. 18.

Квинтилиан. X. 1. 113.

Вергилий. Смесь. IX. 13-20; Плиний Младший. Письма. V. 3. 5; Квинтилиан. X. 5. 2.

Светоний. Божественный Август. 74; Плутарх. Брут. 40, 42, 45; Аппиан. Гражданские войны. IV. 38.

Квинтилиан. I. 7. 35; I. 6. 42; Светоний. О грамматиках. 4; Плиний Старший. XXXV. 2. 8.

Овидий. Письма с Понта. II. 3. 77; I. 7. 27-30.

Тибулл. Элегии. I. 3. 1-2; I. 7. 1-12, 55-64; II. 1. 31-36;
II. 5. 115-120.

Тибулл. Элегии. I. 7. 1-12. Перевод Л. Остроумова.

Вергилий. Кирис. 12, 44-47, 54.

Овидий. Скорбные элегии. IV. 10. 43-44; Квинтилиан. X. 1. 56; XII. 11.27.

Овидий. Скорбные элегии. IV. 10. 51-54.

Проб. Комментарии к Буколикам. Предисловие.

Дион Кассий. Ц. 9; Плутарх. Антоний. 79.

Светоний. Божественный Август. 66. 1-2; Дион Кассий. LIII. 23; Аммиан Марцеллин. XVII. 4. 5.

Сервий. Комментарии к Буколикам. X. 1; *Овидий.* Скорбные элегии. II. 445.

Квинтилиан. X. 1. 93.

Сервий. Комментарии к Буколикам. X. 1, 50; VI. 72;
Проб. Комментарии к Буколикам. X. 50; *Вергилий.*
Буколики. X. 50-51.

Сервий. Комментарии к Буколикам. IX. 10.

Цицерон. Письма к близким. X. 32. 5.

Сервий. Комментарии к Буколикам. X. 1;
Комментарии к Георгикам. IV. 1.

Светоний. Вергилий. 15-16.

Вергилий. Смесь. V; Ср.: Сервий. Комментарии к Георгикам. IV. 219.

Подробнее см.: *Фёдорова Е. В., Лесницкая М. М.* Неаполь и его окрестности: века, люди, искусство. М., 2005. С. 87-91.

Цицерон. Письма к близким. VI. 11. 2; О пределах добра и зла. II. 119; Учение Академиков. II. 106.

Сервий. Комментарии к Буколикам. VI. 13; Комментарии к Энеиде. VI. 264; *Проб.* Комментарии к Буколикам. Предисловие.

Гораций. Сатиры. I. 3. 130-131.

234

Катулл. 10; 22; 30.

Сервий. Комментарии к Буколикам. IX. 35.

Thomas R. E Virgil and the Augustan Reception.
Cambridge, 2001. P. 60-62.

Эпикур. (III) Письмо к Менекею. 131-132. Перевод М.
Л. Гаспарова.

Макробий. Сатурналии. V. 17. 18.

Плутарх. Цезарь. 67; Брут. 18; Аппиан. Гражданские войны. II. 119-120, 121-123.

Аппиан. Гражданские войны. II. 118, 124.

Плутарх. Брут. 19; *Антоний.* 14; *Аппиан.*
Гражданские войны. II. 127-129, 130, 135.

Светоний. Божественный Юлий. 83. 1-2; *Аппиан.*
Гражданские войны. II. 136, 143.

Светоний. Божественный Юлий. 84. 1-4; См. также: *Плутарх*. Цезарь. 68; Брут. 20; Антоний. 14; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 144-148.

Плутарх. Цезарь. 68; Брут. 20; *Светоний.*
Божественный Юлий. 85.

*Аппиан. Гражданские войны. И. 125; III. 5, 17;
Плутарх. Антоний. 15.*

Аппиан. Гражданские войны. III. 9-11.

Аппиан. Гражданские войны. III. 12-14; Дион Кассий. XLV. 6.

Плутарх. Антоний. 16; Аппиан. Гражданские войны.
III. 14-20.

Аппиан. Гражданские войны. III. 21-23.

Плутарх. Антоний. 16; Аппиан. Гражданские войны.
III. 27, 28-29, 30, 31-39.

Плутарх. Антоний. 16; Аппиан. Гражданские войны.
III. 40, 42, 43-44.

Аппиан. Гражданские войны. III. 41-42, 45-46.

253

Там же. III. 46, 49.

Плутарх. Цицерон. 45; Аппиан. Гражданские войны.
III. 50, 51, 61.

Плутарх. Антоний. 17; Аппиан. Гражданские войны.
III. 51, 62-65.

Аппиан. Гражданские войны. III. 67-72.

Там же. III. 73-74, 80.

Плутарх. Антоний. 18; Аппиан. Гражданские войны.
III. 83-84.

259

Плутарх. Цицерон. 45-46.

Светоний. Божественный Август. 26.

Аппиан. Гражданские войны. III. 88-92.

Там же. III. 94-96.

Там же. IV. 8; Ср.: *Плутарх. Антоний*. 19.

Там же. IV. 2-3.

265

Там же. IV. 5, 7.

266

Там же. IV. 13.

Там же. IV. 36, 84-85.

Плутарх. Брут. 36; Ср.: Плутарх. Цезарь. 69.

Аппиан. Гражданские войны. IV. 110-114; Плутарх. Брут. 41-44.

270

Плутарх. Брут. 48.

271

Там же. 49-50.

Аппиан. Гражданские войны. IV. 128.

Там же. V. 3.

Там же. V. 8-11.

Плутарх. Антоний. 26.

Аппиан. Гражданские войны. V. 12.

Там же. V. 12, 14-15, 18, 19-24, 27-30.

Там же. V. 31-49.

Там же. V. 51-52, 53.

Там же. V. 56-59.

Плутарх. Антоний. 30-31; Аппиан. Гражданские войны. V. 64-65.

Элий Донат. Жизнь Вергилия. 61-62; *Сервий.* Комментарии к Буколикам. Предисловие; IX. 28; Комментарии к Энеиде. I. Предисловие.

Вергилий. Буколики. IX. 28.

Элий Донат. Жизнь Вергилия. 63; *Сервий.* Комментарии к Буколикам. Предисловие; I. 47; III. 94; IX. 1.

Проб. Комментарии к Буколикам. Предисловие.

Вергилий. Буколики. IX. 3.

Вергилий. Смесь. VIII.

Вергилий. Проклятия. 8-13, 15-18.

289

Там же. 2, 3.

Там же. 20-24, 23.

Там же. 26-44, 46.

Там же. 48-62, 50, 60.

Там же. 64-73, 71.

Там же. 75-77, 81-85.

Там же. 20-21, 26-43, 48-61, 65-73, 86-94.

Светоний. Вергилий. 19; *Сервий.* Комментарии к Буколикам. Предисловие; II. 1; Комментарии к Энеиде. 1. Предисловие.

Сервий. Комментарии к Буколикам. Предисловие; III. 94; *Элий Донат*. Жизнь Вергилия. 63.

Сервий. Комментарии к Буколикам. IX. 1.

Проб. Комментарии к Буколикам. Предисловие.

Сервий. Комментарии к Буколикам. IX. 1.

Светоний. Вергилий. 14.

Вергилий. Буколики. IX. 27-29; Сервий. Комментарии к Буколикам. VI. 6; IX. 10, 27.

Светоний. Вергилий. 20; Проб. Комментарии к Буколикам. Предисловие; Элий Донат. Жизнь Вергилия. 63; Марциал. VIII. 55 (56).

Об имени близ Нолы см.: *Авл Геллий*. VI. 20.1;
Филаргий. Комментарии к Георгикам. II. 225.

Светоний. Вергилий. 25; *Сервий.* Комментарии к Энеиде. 1. Предисловие; Комментарии к Буколикам. Предисловие.

Макробий. Сатурналии. V. 2. 1.

Вергилий. Буколики. VIII. 11 -12; Ср.: Сервий.
Комментарии к Буколикам. Предисловие.

Сервий. Комментарии к Буколикам. Предисловие;
Ср.: *Элий Донат.* Жизнь Вергилия. 51-57.

Элиан. Пёстрые рассказы. X. 18.

На это намекает сам Вергилий: Буколики. IV. 1; VI. 1; См. также: *Сервий*. Комментарии к Буколикам. Предисловие; VI. 1; *Элий Донат*. Жизнь Вергилия. 58.

Нагуевский Д. И. История римской литературы. Т. 2.
Век Августа. Казань, 1915. С. 60.

Сам Вергилий об этом: Буколики. V. 86-87; VI. 12;
Георгики. IV. 565-566.

Сервий. Комментарии к Буколикам. Предисловие.

О названиях эклог см.: *Элий Донат*. Жизнь Вергилия.
68.

Вергилий. Буколики. I. 3,4.

Там же. I. 8-9, 13-15, 20-21, 33-35, 37, 46-50, 68-74, 80-81.

Сервий. Комментарии к Буколикам. 1.1. Перевод Т. А. Миллер.

Вергилий. Буколики. I. 6-10.

319

Там же. I. 43.

320

Там же. 1.64-78.

321

Там же. 1.82-83.

Светоний. Вергилий. 9; *Сервий*. Комментарии к Буколикам. II. 1, 15; См. об этом также: *Марциал*. V. 16. 12; VI. 68. 6; VII. 29. 7; VIII. 56 (55). 12-16; VIII. 73. 10; *Апулей*. Апология. 10.

Светоний. Вергилий. 9. Цебета Вергилию подарил
Меценат: *Сервий.* Комментарии к Буколикам. II. 15.

Светоний. Вергилий. 22.

Вергилий. Буколики. III. 58-59.

326

Там же. III. 84-89.

Там же. III. 84-89.

Там же. IV. 4-10.

Луциной часто именовали Юнону как богиню родов (Юнона Луцина), но в данном случае имеется в виду всё же богиня Диана.

Вергилий. Буколики. IV. 11-14.

331

Там же. IV. 49.

Там же. IV. 60-61, 26-27.

Там же. IV. 15-17,49-52.

Там же. IV. 18-45.

Макробий. Сатурналии. III. 7. 1.

Сервий. Комментарии к Буколикам. IV. 11.

Лактанций. Божественные установления. VII. 24. 11-12.

Библия. Книга пророка Исаии. 7. 14-15.

339

Там же. 11. 6-8.

Вергилий. Буколики. IV. 21-22.

341

Там же. IV. 24-25.

342

Светоний. Божественный Август. 31.

Гораций. Эподы. XVI. 43-52.

344

Вергилий. Буколики. V. 86-87.

345

Светоний. Вергилий. 14.

346

Вергилий. Буколики. V. 20-44.

347

Там же. V. 56-68.

Вергилий. Буколики. VI. 3-12.

350

Проперций. II. 1. 17-42.

Сервий. Комментарии к Буколикам. VI. 13.

Вергилий. Буколики. VI. 31-40.

Сервий. Комментарии к Буколикам. VII. 21.

Вергилий. Буколики. VIII. 51-53, 57-58.

Сервий. Комментарии к Буколикам. IX. 10.

356

Вергилий. Буколики. IX. 27-29.

Сервий. Комментарии к Буколикам. IX. 1, 16.

Вергилий. Буколики. IX. 7-10.

359

Там же. IX. 11-13, 17.

360

Там же. IX. 23-25, 27-29, 39-43, 46-50.

Светоний. Божественный Юлий. 88; Плиний Старший. II. 23. 93-94.

Вергилий. Буколики. X. 47.

363

Там же. X. 62-64, 69.

364

Там же. X. 1.

365

Там же. X. 70-71,75-77.

366

Гораций. Сатиры. I. 10. 44-45.

Светоний. Вергилий. 26; *Сервий.* Комментарии к Буколикам. VI. 11.

368

Тацит. Диалог об ораторах. 13.

369

Проперций. II. 34. 67-72.

Вергилий. Буколики. III. 90-91; См. также: Исидор Севильский. Этимологии. I. 37. 30; Сервий. Комментарии к Буколикам. III. 90; VII. 21; Сервий. Комментарии к Георгикам. I. 210.

Филаргий. Комментарии к Буколикам. III. 90;
Иероним. Хроника. 186-я Олимпиада. 2.

Гораций. Эподы. 10. К Мевию.

373

Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

374

Светоний. Вергилий. 43.

375

Авл Геллий. VI. 20. 1.

376

Светоний. Вергилий. 13.

*Тит Ливий. X. 3. 2; Гораций. Оды. I. 1. 1; III. 29. 1;
Сатиры. I. 6. 1-2; Проперций. III. 9. 1.*

Цицерон. Речь в защиту Авла Клуенция Табита. 153.

Николай Дамасский. О жизни Цезаря Августа и о его воспитании. 117. XXXI. 133.

380

Гораций. Оды. III. 16. 20; Проперций. II. 1.73; III. 9. 1.

Аппиан. Гражданские войны. V. 64, 112; Дион Кассий. XLIX. 16. 2; LV. 7. 1; Веллей Патеркул. II. 88. 2.

Проперций. III. 9. 1-2, 23-30; Веллей Патеркул. II. 88. 2; Дион Кассий. LV. 7. 4.

Дион Кассий. LIV. 3. 4-6; *Светоний.* Божественный
Август. 66.3.

Светоний. Божественный Август. 69. 2.

385

Дион Кассий. LIV. 19. 3.

386

Сенека. О провидении. 111. 10-11; Дион *Кассий*. LV. 7. 5.

Юстиниан. Дигесты. XXIV. 1. 64; Сенека. Письма. CXIV. 6; Плутарх. Моралии. Об Эроде. 16.

388

Сенека. О провидении. III. 10-11.

389

Плиний Старший. VII. 51. 172.

390

Дион Кассий. LV. 7. 5.

Сенека. О благодеяниях. VI. 32. 2.

Сенека. Письма. CXIV. 6-7; Гораций. Сатиры. I. 6. 56-61; Дион Кассий. LV. 7. 4.

Дион Кассий. LV. 7. 2.

Сенека. Письма. CXIV. 4, 6-8.

395

Гораций. Оды. III. 29. 9-10; Эподы. 9. 5.

Светоний. Божественный Август. 72. 2.

Гиро П. Указ. соч. С. 146-155; *Сергеенко М. Е.* Жизнь Древнего Рима. С. 60-63.

398

Колумелла. I. 8. 2.

399

Сенека. О гневе. III. 40.

400

См.: *Harder Fr.* Über die fragmente des Maecenas.
Berlin, 1889.

Сенека. Письма. CXIV. 8; Тацит. Диалог об ораторах.
26.

Сенека. Письма. CXIV. 5.

Светоний. Божественный Август. 86. 2.

Марциал. 1. 107. 3-4; XI. 3. 9-10; XII. 3 (4). 1-2;
Ювенал. VII. 62, 69-71, 93-95.

Светоний. Горацій. 1, 8.

Гораций. Сатиры. I. 6. 6, 45-46, 71; Послания. I. 20. 20; *Светоний*. Гораций. 1.

Гораций. Сатиры. I. 6. 71-82.

Светоний. Гораций. 1; Гораций. Сатиры. I. 6. 86.

Гораций. Послания. II. 2. 43-45.

Светоний. Гораций. 1; Гораций. Сатиры. I. 6. 48.

Гораций. Послания. I. 11. 1-4.

Гораций. Оды. II. 7. 9-14.

Светоний. Гораций. 1.

Гораций. Послания. II. 2. 46-52.

415

Гораций. Сатиры. I. 6. 52-64.

Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1998. Т. 2.
С. 198-199.

417

Гораций. Сатиры. I. 5. 39-44.

Там же. I. 5. 48-49.

Светоний. Гораций. 7.

Гораций. Сатиры. I. 6. 111-128.

421

Там же. I. 4, 10; II. 1.

422

Там же. I. 5, 9.

423

Там же. I. 1, 2, 3, 6, 7, 8; II. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Гораций. Эподы. 2, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 17.

425

Там же. 7, 16, 9.

426

Там же. 1,3, 14; 11, 13, 15.

Гораций. Оды. I. 1, 3, 4, 7, 9, 11, 18, 22, 28, 31, 32, 34, 38; II. 2, 3, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 20; III. 16, 21, 24, 29, 30; IV. 3, 7, 8, 9, 12.

428

Там же. I. 10; II. 19; III. 13, 18, 22, 23, 25; IV. 6.

429

Там же. I. 2, 12, 14, 15, 21, 35, 37; III. 1,2, 3,4, 5,6, 14;
IV. 2, 4,5, 14, 15.

430

Там же. I. 5, 8, 13, 16, 17, 19, 23, 25, 27, 30, 33; II. 4, 5, 8; III. 7,9, 10, 11, 12, 15, 19, 20, 26, 27, 28; IV. 1, 10, 11, 13.

431

Там же. I. 1, 20; II. 12, 17, 20; III. 8, 16, 29.

432

Там же. I. 2; III. 3, 5; IV. 5, 14, 15.

433

Там же. II. 1.

434

Там же. I. 6, 7, 18, 22, 24, 26, 29, 33, 36; II. 2, 6, 7, 9, 10, 11, 14, 16; III. 17; IV. 2, 7, 8, 9.

435

Иероним. Хроника. 189-я Олимпиада. 2.

436

Гораций. Оды. I. 24. 1-12.

437

Гораций. Послания. I. 1. 1-10.

Светоний. Гораций. 3.

439

Там же. 4.

440

Там же. 5.

441

Там же.

442

Там же.

443

Там же. 6.

Гораций. Послания. II. Наука поэзии. 1-152, 153-294, 295-476.

445

Там же. 455-476.

Гораций. Оды. III. 8. 2; Светоний. Гораций. 6-7.

Светоний. Горацій. 6; См. также: Горацій. Сатиры. II. 3. 309.

Гораций. Послания. I. 20. 24.

449

Там же. 1.7. 26; I. 14. 32.

Светоний. Горацій. 2.

451

Там же. 8.

Ювенал. VII. 226-227.

453

Проперций. I. 22. 10; IV. 1. 63-64, 121-126.

Там же. II. 24. 37-38; II. 34. 55-56.

455

Там же. IV. 1. 127-128, 131-132; II. 20. 15-16.

456

Там же. I. 21; I. 22.

457

Там же. IV. 1. 128-130.

Апулей. Апология. 10.

459

Проперций. I. 7. 11; I. 2. 27-28; I. 3. 42; I. 4. 13; II. 1. 9;
II. 3. 17-22; II. 11.6; III. 20. 7.

460

Там же. I. 12. 19-20.

461

Там же. 1.2, 3, 8, 11, 15, 17, 18, 19.

462

Там же. III. 23. 24.

463

Там же. II. 34. 61-66.

464

Там же. II. 1. 17-26,41-46.

465

Там же. II. 10. 1-8.

466

Там же. II. 2, 3, 5, 6, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 26, 29, 30, 31, 32, 33.

467

Там же. II. 1; II. 34; II. 4, 8, 22, 23, 25, 27; II. 12, 28.

468

Там же. III. 3. 39-50.

Там же. III. 9. 1-8, 21-34, 35-46, 59-60.

470

Там же. 111.6,8, 10, 15, 16, 19, 20,21,24, 25.

471

Там же. III. 1,2,4, 5,7, 11, 13, 14, 17, 18,23.

472

Там же. III. 3,9; III. 12, 22.

473

Там же. III. 25. 3-16.

474

Там же. IV. 1,2,4, 9, 10.

475

Там же. IV. 7. 93-94.

Овидий. Скорбные элегии. IV. 10. 45-46; 53-54.

Марциал. VIII. 73. 5; XIV. 189. 1; См. о Проперции: Квинтилиан. X. 1. 93; Плиний Младший. Письма. VI. 15. 1; IX. 22. 1; Стаций. Сильвы. I. 2. 253.

*Гораций. Оды. I. 6. 2; Вергилий. Буколики. IX. 35;
Марциал. VIII. 55 (56). 21.*

479

Гораций. Сатиры. I. 10. 43-44.

Макробий. Сатурналии. VI. 1. 39-40; VI. 2. 19-20.

Гораций. Послания. I. 16. 27-29.

482

Там же. 11. 1.247.

483

Квинтилиан. X. 3. 8.

*Тацит. Диалог об ораторах. 12; Квинтилиан. X. 1.98;
Марциал. VIII. 18. 7; Макробий. Сатурналии. II. 4. 2.*

485

Квинтилиан. III. 8. 45.

Гораций. Сатиры. I. 5. 40-44; См. также: Сатиры. I. 5. 93; I. 10. 81; *Вергилий*. Буколики. IX. 35.

487

Марциал. VII. 29. 7-8.

488

Там же. 11.71. 3; II. 77. 5; V. 5. 6; VII. 99. 7; VIII. 55
(56). 24.

489

Марциал. IV. 29. 8; VII. 29. 8; Квинтилиан. VI. 3. 102.

490

Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

Светоний. О грамматиках. 21.

Овидий. Письма с Понта. IV. 16. 30.

493

Гораций. Сатиры. I. 10. 82.

Гораций. Оды. II. 9.

495

Авл Геллий. ХП. 3. 1.

Квинтилиан. III. 1. 18.

497

Гораций. Сатиры. I. 5. 40-44; I. 10. 81.

Светоний. Вергилий. 37, 40.

О Варе см.: *Гораций*. Оды. I. 24; О Фуске см.: Там же. Оды. I. 22; Сатиры. I. 9. 61, 67; I. 10. 83; Послания. I. 10. 1; О Фундании см.: Там же. Сатиры. I. 10. 40-41; II. 8; О Гелиодоре см.: Там же. Сатиры. I. 5. 2.

Аппиан. Гражданские войны. V. 71-72.

Плутарх. Антоний. 32; Ср.: Аппиан. Гражданские войны. V. 73.

Аппиан. Гражданские войны. V. 77-78, 80.

Аппиан. Гражданские войны. V. 81-91, 92. Веллей Патеркул. II. 79; Фёдорова Е. В., Лесницкая М. М. Указ. соч. С. 13.

Аппиан. Гражданские войны. V. 93, 95; Плутарх. Антоний. 35.

Аппиан. Гражданские войны. V. 97-99, 106-108, 109-112.

Там же. V. 114-117.

507

Там же. V. 118.

Там же. V. 119-120.

509

Там же. V. 121, 144.

Там же. V. 123-126.

511

Там же. V. 130, 132.

Плутарх. Антоний. 37-50.

513

Там же. 53.

514

Там же. 54.

515

Там же. 57.

516

Там же. 58, 60.

Дион Кассий. Л. 1. 1.

Плутарх. Антоний. 66.

Вергилий. Энеида. VIII. 671-713.

Плутарх. Антоний. 66, 68.

Дион Кассий. II. 6. 4-6; Плутарх. Антоний. 72-73.

Дион Кассий. II. 9. 5-6; 10. 1-9; 11. 1; *Плутарх.*
Антоний. 74-77.

Подробнее см.: *Дион Кассий*. II. 11-14; *Плутарх*.
Антоний. 83-86.

524

Плутарх. Антоний. 85-86.

Вергилий. Георгики. II. 485-486; Ср.: Тацит. Диалог об ораторах. 13.

Гораций. Послания. II. 2. 65-76.

527

Плиний Младший. Письма. I. 9. 1-6.

Квинтилиан. X. 3. 8.

Вергилий. Смесь. VIII.

Авл Геллий. VI. 20. 1; Светоний. Вергилий. 13.

Вергилий. Буколики. I. 1, 17, 38-39, 46-58, 76, 83; См. также: Буколики. VII. 11 -13; IX. 7-9,40-43; Георгики. II. 198-199; III. 13-15; Проклятия. 20-21, 26-43, 48-61, 65-73, 86-94.

Гораций. Послания. I. 14. 2-3; I. 16. 5-16; Сатиры. II. 6. 1-5; II. 7. 120; См. также: *Гораций*. Послания. I. 16. 5-16.

Bowe P. Gardens of the Roman World. Los Angeles, 2004. P. 46-47.

Марциал. III. 58. 1-28.

См. например: *Сергеенко М. Е.* Помпеи. Изд. 2-е. СПб., 2004. С. 238-264; *Zarmakoupi M.* Designing for Luxury on the Bay of Naples. Villas and Landscapes (100 BCE - 79 CE). Oxford, 2014.

536

Гиро П. Указ. соч. С. 287; Колумелла. I. 6. 1-21.

537

Катон. 14. 4.

Варрон. I. 12. 1; I. 13. 1-3; Ср.: Витрувий. VI. 6. 1-5.

539

Колумелла. I. 5. 1-2; Ср.: Варрон. I. 11. 2; I. 13. 3.

Авл Геллий. VI. 20. 1.

Вергилий. Георгики. II. 412-413.

542

Катон. 1.7.

543

*Колумелла. I. 2. 3-5; Ср.: Варрон. I. 7. 1; I. 12. 1;
Колумелла. 1.4. 10.*

544

Катон. 135. 1-2.

545

Варрон. I. 22. 1.

546

Там же. I. 17. 1.

547

Катон. 39. 1-2; 2. 3-4.

Катон. 10-11; Сергеенко М. Е. Помпей. С. 257, 261.

549

Варрон. I. 17. 2.

Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990. С. 233.

См. например: *Варрон*. 1. 18; *Колумелла*. II. 12.1-8.

552

Катон. 10-11; Ср.: Колумелла. I. 9. 1-8; III. 3. 8.

553

Катон. 10. 4; 14. 2.

554

Колумелла. I. 6. 3; См. также: Катон. 14. 2.

555

Катон. 56.

556

Вергилий. Буколики. II. 10-11.

Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. С. 108-113.

558

Катон. 56-58.

Все расчёты приведены по изданию: *Катон, Марк Порций. Земледелие* / Пер. с лат. и комм. М. Е. Сергеенко. М., 1950. С. 179-180.

560

Варрон. I. 13. 1,2; *Колумелла.* I. 6. 3; I. 8. 12; XI. 1. 19;
XI. 2. 90-92.

561

Колумелла. I. 6. 3.

562

Там же. 1.6. 20.

Катон. 59; См. также: *Сергеенко М. Е.* Жизнь древнего Рима. С. 91-94.

564

Колумелла. I. 8. 9.

565

Вергилий. Георгики. I. 299.

566

Катон. 2. 4, 7; Колумелла. XII. 1. 4-5.

567

Варрон. I. 2. 14.

Катон. 5. 1-5. См. также: *Катон.* 142; *Варрон.* I. 17. 4-7.

569

Колумелла. I. 8. 3.

570

Катон. 143; Ср.: Варрон. I. 17. 5; Колумелла. I. 8. 5.

Колумелла. XII. 3. 7. Перевод Б. С. Ляпустина.

572

Катон. 2. 1-2.

573

Колумелла. I. 1. 18.

574

Там же. I. 4. 8.

575

Там же. I. 7. 6-7.

Подробнее см.: *Кузищин В. И.* Очерки по истории земледелия Италии. II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1966. С. 84-167.

577

Варрон. l. 22. 1; l. 23. 6.

578

Катон. 5. 8; 29; 36; 37. 2; 38. 4; *Варрон.* I. 38; I. 23. 3;
I. 29. 1.

579

Катон. 2. 3; 37. 3.

580

Варрон. 1. 13. 4; Ср.: Катон. 5. 8; Колумелла. I. 6. 21.

Катон. 5. 6; Колумелла. II. 2.22-28; Плиний Старший. XVIII. 176-179.

*Варрон. I. 29. 2; Вергилий. Георгики. I. 169-175;
Колумелла. II. 2. 22-28; Плиний Старший. XVIII. 171-180.*

583

Варрон. I. 30; I. 32. 1; I. 29. 1.

Варрон. I. 29. 2; Ср.: Колумелла. II. 4. 1 -11; Плиний Старший. XVIII. 174-181.

585

*Варрон. I. 34; Колумелла. II. 8. 2-4; Плиний Старший.
XVIII. 226.*

586

Вергилий. Георгики. I. 193-199.

Катон. 37. 3; Ср.: Колумелла. XI. 2. 90-92; Варрон. I. 35-36.

Плиний Старший. XVIII. 233, 236.

*Катон. 37. 5; Варрон. I. 29. 1; I. 30; I. 31. 5; Ср.:
Колумелла. II. 11. 1-9.*

590

Катон. 50. 2; 83; 131-132; 134; 139-141.

591

Варрон. I. 1. 5-6.

Гиро П. Указ. соч. С. 332.

*Варрон. I. 50. 1-2; См. также: Варрон. I. 32. 1;
Колумелла. II. 20. 1-3; Плиний Старший. XVIII. 296-297.*

См. о римских серпах: *Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958. С. 65-72.

Катон. 10. 3; Варрон. I. 33; Колумелла. XI. 2. 54; VI. 3.1; Плиний Старший. XVIII. 261-262, 300.

Катон. 5. 7; 54. 2; 151. 4; Варрон. I. 13. 4; Колумелла. VI. 3. 1; Плиний Старший. XVII. 16, 71; XVIII. 300.

См. подробнее: *Катон*. 91; 129; *Вергилий*. Георгики. I. 178-186; *Варрон*. I. 51; *Колумелла*. I. 6. 23; II. 19.

598

Варрон. I. 52. 1-2.

599

Колумелла. 11. 20. 3-5.

600

Варрон. l. 57. 1; Ср.: Колумелла. l. 6. 10; Варрон. 1. 13. 5.

601

Плиний Старший. XVIII. 105.

602

Катон. 7. 1; 32. 1.

603

Плиний Старший. XIV. 3. 10.

Катон. 32-33; 41; 49; *Варрон.* I. 8; I. 25-26.

Плиний Старший. XIV. 3. 15. См. также: Плиний Старший. XIV. 4. 20-43 (о сортах виноградных лоз); XIV. 8. 59-71 (о сортах вин); Ср.: Колумелла. III.

606

Катон. 23. 1.

Там же. 19. См. также о сборе винограда и виноделии: *Катон*. 23-26; *Варрон*. I. 54. 1-3.

Плиний Старший. XIV. 27. 136.

609

Катон. 105-115.

610

Плиний Старший. XIV. 8. 61-65.

611

Апиций. I. 1. 1-2, 4.

612

Катон. 25; Варрон. I. 54. 3.

613

Катон. 104.

Варрон. I. 2. 6; Ср.: Колумелла. VII. 9. 8.

Катон. 7.3; 8; 127; 133.2; Варрон. 1.59; Плиний Старший. XV. 10-31; О сортах фруктов подробнее см.: Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству... С. 108-118, 223-230.

616

Варрон. I. 59. 2.

Марциал. I. 43. 8; IV. 46. 12; IV. 88. 7; VII. 53. 5; XI. 52. 11; XIII. 36.

Колумелла. XII. 49-51.

619

Катон. 117.

Вергилий. Георгики. II. 420-424.

621

Катон. 6.1; 7.3; 28; 44-45; 51; 93; 133; *Колумелла.* V.
9.1-17.

622

Катон. 144-146; Варрон. I. 55.

Катон. 6. 1-2; Колумелла. V. 8. 4; XII. 51; Плиний Старший. XV. 1-4; Марциал. XIII. 36.

624

Катон. 3. 2-5; 18. 1-8; 20-22; 64-69; 144-145.

625

Варрон. I. 2. 6; Марциал. XIII. 101.

Катон. 5. 8; 6. 1; 6. 4; 8. 2; 35. 2; 38. 4; 47; 70. 1; 117; 119; 132. 2; 149. 2; 156-157; 158. 1; 161; *Колумелла.* II. 10. 22-24; XI. 3. 20-62; *Плиний Старший.* XVIII. 50; 53; 59; 126-132; 229; XIX. 9; 54; 64-70; 81; 108-110; 136-138; 120; 140-141; 145-151; 166; 168; 170; XX. 218.

627

Вергилий. Завтрак. 58, 60-89.

628

Варрон. II. 5. 3.

629

Подробнее см.: Там же. I. 19-20; II. 5. 6-18.

630

Там же. II. 5. 11.

Катон. 6. 3; 27; 30; 54; Плиний Старший. XVI11. 133-136, 137-138, 143; О кормовых культурах см. также: Колумелла. II. 10. 24-35.

Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству... С. 233; См. также о производстве сыра: *Варрон*. 11. 11. 3-4; *Колумелла*. VII. 8.

633

Вергилий. Завтрак. 57-58.

634

Марциал. I. 43. 7; III. 58. 35; XIII. 30; 31; 32; 33.

635

Варрон. II. 2. 9.

636

Там же. II. 10. 3.

Варрон. II. 1. 26; II. 10. 6-7; *Сергеенко М. Е.* Рабы-пастухи древней Италии // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 130-135.

638

Варрон. II. 2. 20; II. 10. 2-3, 5, 10; Колумелла. I. 9. 1-2.

*Варрон. II. 2. 3-4; Колумелла. VII. 2. 3-4; 3. 3,7; 4; Ср.:
Плиний Старший. VIII. 190-191.*

640

Варрон. II. 10. 1.

641

Там же. II. 2. 10-11.

Катон. 6. 3; 30; Варрон. II. 2. 7-8, 19; Колумелла. VII. 3. 2-22.

643

Варрон. II. 11. 11.

644

Там же. II. 1. 16; II. 3. 2-10; Ср.: *Колумелла*. VII. 6.

645

Вергилий. Георгики. I. 399-400; II; 520.

646

Варрон. II. 4. 3.

647

Варрон. II. 4. 6, 16; Колумелла. VII. 9.4, 9.

Колумелла. VII. 9. 8. Перевод М. Е. Сергеенко.

649

Варрон. II. 4. 5-6, 14-15.

650

Там же. II. 7. 15.

651

Там же. I. 19.3; II. 6-8.

652

Там же. I. 21; См. также: *Варрон*. II. 9.

Катон. 89; 143. 3; См. о курицах также: *Варрон.* III. 9;
Колумелла. VIII. 2.

654

Варрон. III. 3. 6.

655

Подробнее см.: *Варрон*. III. 5-11; *Колумелла*. VIII.

656

Варрон. III. 15.

657

Варрон. III. 23; Колумелла. IX. 4. 6-7.

658

Вергилий. Георгики. III. 41.

Светоний. Вергилий. 25; *Сервий.* Комментарии к Энеиде. I. Предисловие.

Вергилий. Георгики. IV. 559-564.

Светоний. Вергилий. 22; Ср.: Квинтилиан. X. 3. 8.

662

Авл Геллий. XVII. 10. 2-3.

663

Светоний. Вергилий. 27.

664

Там же. 28, 29.

665

Там же. 20.

666

Вергилий. Георгики. 1. 1-5; II. 39-41; III. 41-43; IV. 1-7.

Вергилий. Георгики. II. 176; Макробий. Сатурналии. V. 2. 4; Сервий. Комментарии к Георгикам. Предисловие.

Макробий. Сатурналии. V. 2. 4.

669

Квинтилиан. X. 1. 56.

670

Колумелла. I. 1. 13.

671

Сервий. Комментарии к Георгикам. I. 43.

Авл Геллий. I. 21. 7; IX. 9; Сервий. Комментарии к Георгикам. Предисловие.

673

Светоний. Вергилий. 6.

674

Сенека. Письма. LXXXVI. 15.

675

Вергилий. Георгики. I. 41.

676

Там же. I. 1-5.

677

Там же. I. 5-23.

678

Там же. I. 24-39, 40-42.

679

Там же. 1.43-70 (пахота); 71-78 (севооборот); 79-93 (удобрение поля); 94-99 (боронование); 104-105 (посев); 106-110 (полив поля); 111-112 (обтравливание поля); 113-117 (устройство дренажа); 118-121, 150-159 (о вредителях, сорняках и прополке).

680

Там же. I. 121-146.

681

Там же. I. 160-168, 169-175.

682

Там же. I. 176-186.

683

Там же. 1. 187-192.

684

Там же. I. 193-203.

685

Там же. 1. 204-310.

686

Там же. I. 311-464.

687

Там же. 1.466-488.

688

Там же. 1.498-514.

689

Там же. II. 1-8.

690

Там же. II. 9-38.

691

Там же. 11.39-46.

692

Там же. 11.47-82.

Там же. II. 83-88.

694

Там же. II. 89-108.

695

Там же. II. 109-135, 177-258.

Там же. II. 259-322, 346-419.

Там же. II. 420-457.

Там же. II. 136-175.

699

Там же. II. 323-345 (Гимн в честь весны).

700

Там же. II. 458-474.

701

Там же. II. 490-518.

702

Там же. 11.519-540.

703

Там же. 1.505-511.

704

Там же. III. 1-8.

705

Там же. III. 10-39.

Там же. III. 41-48.

Там же. III. 49-218, 242-283.

Там же. III. 286-338, 384-473.

Там же. III. 339-383.

710

Там же. III. 219-241.

Там же. III. 474-566.

712

Там же. IV. 1-7.

713

Там же. IV. 8-50.

714

Там же. IV. 51-115.

715

Там же. IV. 149-218.

716

Там же. IV. 228-280.

Там же. IV. 93-94.

Там же. IV. 220-227.

Там же. IV. 116-148.

720

Там же. IV. 130-146.

Там же. IV. 281-314; Ср.: *Варрон*. III. 2. 11; III. 16.4.

722

Там же. IV. 315-558.

723

Там же. IV. 555-558.

724

Там же. IV. 559-566.

725

Сервий. Комментарии к Буколикам. X. 1;
Комментарии к Георгикам. IV. 1.

726

Гораций. Сатиры. 1.10. 44-45.

См. например: *Колумелла*. I. 1. 12; I. 3. 8; I. 4. 4; II. 2. 4; II. 2. 18-20; II. 8. 1,3; 11.9. 12; II. 10. И; II. 13.3; III. 1. 1,9; III. 9.4; III. 10. 18, 20; III. 12. 5; III. 15. 4; III. 21.4; *Плиний Старший*. I (см. по главам); VII. 114; VIII. 162; XI. 70; XII. 17; XIII. 83; XIV. 7; 18; 35; 39; 67; 128; XV. 4; 56-57; XVI. 127; XVII. 19-20; 29; 56; 100; 105; XV11I. 35; 120; 157; 181; 187; 202; 206; 209; 242; 295; 300; 321; 340; XIX. 59; XXII. 160; XXVIII. 19; XXIX. 28.

728

Светоний. Вергилий. 43.

729

Там же. 4.

730

Там же. 11.

731

Там же. 12. См. также: *Donatus Auctus*. 65-67.

Светоний. Вергилий. 11; *Сервий.* Комментарии к Энеиде. I. Предисловие.

Сервий. Комментарии к Буколикам. 11. 15; Ср.:
Сервий. Комментарии к Буколикам. III. 20.

734

Светоний. Вергилий. 9-10.

735

Там же. 8.

736

Гораций. Сатиры. I. 3. 29-34.

Светоний. Вергилий. 8. См. также: *Гораций*. Сатиры. I. 5. 48-49.

738

Там же. 9.

739

Авл Геллий. XVII. 10. 2.

Ювенал. VII. 225-227; Сенека. Письма. LVIII. 20.

741

Марциал. XIV. 186.

742

Светоний. Калигула. 34. 2.

Элий Лампридий. Александр Север. XXXI. 4.

Fowler H. N. Portraits of Virgil // The School Review. Vol. 6. 1898. № 8. P. 598-605.

745

Mackendrick P. The North African Stones Speak. Chapel Hill, 1980. P. 78-79.

Подробнее обо всех известных изображениях Вергилия см.: *Ziolkowski J. M., Putnam M. C. J. The Virgilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years. New Heaven; London, 2008. P. 427-462.*

747

Дион Кассий. LIL 41. 3-4.

748

Там же. LIII. 3-11, 12-13.

Гораций. Послания. II. 1. К Августу. 247; *Тацит*. Диалог об ораторах. 13; *Секст Аврелий Виктор*. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. I. Октавиан Август. 18.

Светоний. Вергилий. 31; Макробий. Сатурналии. 1. 24. 11; Клавдий Клавдиан. XL (XLI). Послание к Олибрию. 23-24; Присциан. Грамматические наставления. X. 43.

Donatus Auctus. 69-70; См. также другие позднеантичные легенды о Вергилии: *Donatus Auctus.* 8-18; 71-79.

Перевод В. Г. Боруховича. См.: *Борухович В. Г.* Из истории плагиата (литературные нравы Рима эпохи Августа) // Античный мир и археология. 1977. Вып. 3. С. 148.

Donatus Auctus. 70. Перевод В. Г. Боруховича с исправлениями.

754

Вергилий. Георгики. III. 46-48.

Светоний. Вергилий. 25; *Сервий.* Комментарии к Энеиде. I. Предисловие.

756

Светоний. Вергилий. 23-24.

757

Макробий. Сатурналии. I. 24. 16-19; III. 1-12.

Сервий. Комментарии к Энеиде. VI. Предисловие.

759

Светоний. Вергилий. 31.

Макробий. Сатурналии. I. 24. 11.

Светоний. Вергилий. 33-34.

Проперций. II. 34. 61-66; См. также: *Светоний*.
Вергилий. 30.

763

Светоний. Вергилий. 32.

764

Дион Кассий. LI 11. 28. 3-4; 30. 1-4; 31. 2-4.

765

Вергилий. Энеида. VI. 868-885.

Светоний. Вергилий. 32; *Сенека*. Утешение к Марции. II. 3-5; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. VI. 861; *Donatus Auctus*. 47— 48.

Гомер. Илиада. V. 311 сл.; 445 сл.; XX. 290 сл.

Гомер. Илиада. XX. 302-303, 307-308. Перевод Н. И. Гнедича.

Об иконографии Энея см. например: *Топоров В. Н.* Эней — человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии. Часть 1. М., 1993. С. 142-149, с литературой.

Дионисий Галикарнасский. I. 72. 2.

Сервий. Комментарии к Энеиде. IV. 620; VI. 760; XI. 316; *Тит Ливий*. I. 1-4; *Дионисий Галикарнасский*. I. 55-66, 70-71.

Вергилий. Энеида. 1. 257-277.

Дионисий Галикарнасский. I. 64. 5; Ср.: Плиний Старший. III. 9.56.

Вергилий. Энеида. V. 117, 121-123, 568.

Тит Ливий. I. 3. 2; Дионисий Галикарнасский. I. 70. 4.

Сервий. Комментарии к Энеиде. 1. Предисловие.

777

Вергилий. Энеида. I. 286-296.

778

Плутарх. Нума. 20.

Вергилий. Энеида. VI. 792-800.

780

Там же. VIII. 714-728.

781

*Плиний Старший. XXXVI. 4. 13,24,25, 32; XXXVI 1.5.
11.*

782

Проперций. 11. 31.

Вергилий. Энеида. VI. 851-853.

Сервий. Комментарии к Энеиде. I. 286. Перевод Т. А. Миллер.

Светоний. Вергилий. 21; Ср.: Ювенал. XI. 180-181.

786

Вергилий. Энеида. I. 1-7.

Там же. I. 8-11.

788

Там же. I. 12-83.

789

Там же. 1.84-91.

790

Там же. 1.92-123.

791

Там же. I. 124-147.

Там же. I. 148-156.

793

Там же. I. 157-222.

Там же. I. 223-253, 254-296.

795

Там же. I. 261-283.

796

Там же. I. 297-304.

797

Там же. 1.305-417.

798

Там же. 1.418-642.

799

Там же. 1.643-756.

800

Там же. II. 1-198.

801

Там же. II. 201-224.

802

Там же. II. 225-267.

803

Там же. II. 268-297.

804

Там же. II. 298-437.

Там же. II. 438-452.

806

Там же. II. 453-546.

Там же. II. 547-558.

Там же. II. 559-631.

Там же. II. 632-679.

810

Там же. II. 680-698.

Там же. II. 699-734.

812

Там же. II. 735-775.

Там же. II. 776-789.

Там же. II. 790-804.

815

Там же. III. 1-12.

816

Там же. III. 13-72.

817

Там же. III. 73-191.

818

Там же. III. 192-246.

819

Там же. III. 247-257.

820

Там же. III. 258-267.

821

Там же. III. 268-293.

822

Там же. III. 294-462.

823

Там же. III. 389-393.

824

Там же. III. 463-505.

825

Там же. III. 506-681.

826

Там же. III. 682-718.

827

Там же. IV. 1-67.

828

Там же. IV. 68-89.

829

Там же. IV. 90-172.

830

Там же. IV. 173-197.

831

Там же. IV. 198-392.

832

Там же. IV. 393-438.

833

Там же. IV. 438-449.

834

Там же. IV. 450-583.

835

Там же. IV. 607-629.

836

Там же. IV. 584-705.

837

Там же. V. 1-41.

838

Там же. V. 42-103.

839

Там же. V. 104-603.

840

Там же. V. 604-686.

841

Там же. V. 687-699.

842

Там же. V. 700-778.

843

Там же. V. 779-871.

844

Там же. VI. 1-41.

845

Там же. VI. 43-44.

846

Фёдорова Е. В., Лесницкая М. М. Указ. соч. С. 10.

847

Вергилий. Энеида. VI. 42-82.

848

Там же. VI. 83-97.

849

Там же. VI. 98-155.

850

Там же. VI. 156-263.

851

Там же. VI. 237-241.

852

Фёдорова Е. В., Лесницкая М. М. Указ. соч. С. 8-9, 13.

853

Вергилий. Энеида. VI. 264-416.

854

Там же. VI. 417-636.

855

Там же. VI. 637-702.

856

Там же. VI. 703-723.

857

Там же. VI. 724-751.

858

Там же. VI. 752-885.

859

Там же. VI. 886-901.

860

Там же. VII. 1-36.

861

Там же. VII. 37-45.

862

Там же. VII. 46-106.

863

Там же. VII. 107-147.

864

Там же. VII. 148-285.

865

Там же. VII. 286-340.

866

Там же. VII. 341-355.

867

Там же. VII. 356-405.

868

Там же. VII. 406-455.

869

Там же. VII. 456-474.

870

Там же. VII. 475-622.

871

Там же. VII. 586-590.

872

Там же. VII. 623-817.

873

Там же. VII. 783-788.

874

Там же. VIII. 1-17.

875

Там же. VIII. 18-50.

876

Там же. VIII. 51-65.

877

Там же. VIII. 66-85.

878

Варрон. II. 4. 18.

Вергилий. Энеида. VIII. 86-183.

880

Там же. VIII. 184-305.

881

Там же. VIII. 306-368.

882

Там же. VIII. 369-453.

883

Там же. VIII. 416-438.

884

Там же. VIII. 454-519.

885

Там же. VIII. 520-607.

886

Там же. VIII. 608-627.

887

Там же. VIII. 628-731.

888

Там же. VIII. 675-710.

889

Там же. IX. 1-76.

890

Там же. IX. 77-167.

891

Там же. IX. 168-313.

892

Там же. IX. 314-424.

893

Там же. IX. 425-445.

894

Там же. IX. 446-502.

895

Там же. IX. 475-497.

896

Там же. IX. 503-818.

897

Там же. IX. 603-613.

898

Там же. X. 1-117.

899

Там же. X. 118-146.

900

Там же. X. 147-165.

901

Там же. X. 166-214.

902

Там же. X. 215-307.

903

Там же. X. 308-605.

904

Там же. X. 606-688.

905

Там же. X. 689-795.

906

Там же. X. 796-832.

907

Там же. X. 833-908.

908

Там же. XI. 1-99.

909

Там же. XI. 100-138.

910

Там же. XI. 139-202.

911

Там же. XI. 203-444.

912

Там же. XI. 445-531.

Там же. XI. 532-596.

914

Там же. XI. 608-635.

915

Там же. XI. 597-867.

916

Там же. XI. 868-895.

917

Там же. XI. 896-915.

918

Там же. XII. 1-133.

Там же. XII. 134-160.

920

Там же. XII. 161-215.

921

Там же. XII. 216-310.

922

Там же. XII. 311-382.

923

Там же. XII. 383-440.

924

Там же. XII. 450-457.

925

Там же. XII. 441-553.

926

Там же. XII. 554-613.

927

Там же. XII. 614-696.

928

Там же. XII. 697-790.

Там же. XII. 791-842.

930

Там же. XII. 821-828.

Там же. XII. 843-929.

932

Там же. XII. 930-952.

933

Светоний. Вергилий. 46.

934

Там же. 35.

935

Гораций. Оды. I. 3.

936

Светоний. Вергилий. 35.

937

Там же. 35.

Там же. 39-40; Ср.: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. Предисловие.

939

Там же. 13.

940

Там же. 37.

941

Авл Геллий. XVII. 10. 4-7.

Плиний Старший. VII. 31. 114; См. также: *Макробий*.
Сатурналии. I. 24. 6-7.

943

Светоний. Вергилий. 38.

944

Там же. 35-36; Ср.: *Иероним. Хроника. 190-я Олимпиада. 3.*

Светоний. Вергилий. 36. Перевод С. В. Шервинского. Город Брундизий, где умер Вергилий, находился на территории античной Калабрии (ныне итальянская провинция Апулия). Партенопейя — древнее греческое наименование города Неаполь. В последней строке эпитафии содержится намёк на три главных произведения Вергилия — «Буколики» (пастбища), «Георгики» (села), «Энеида» (вожди).

946

Плиний Младший. Письма. III. 7. 8.

947

Марциал. XI. 48; XI. 50 (49).

948

Стаций. Сильвы. IV. 4. 53-55. Перевод Ю. А. Щичалина.

Gunther R. T. Pausilypon the imperial villa near Naples.
Oxford, 1913. P. 201-204.

Ziolkowski J. M., Putnam M. C. J. Op. cit. P. 414-416,418-420.

Comparetti D. Vergil in the Middle Ages. London, 1895.
P. 98; *Ziolkowski J. M., Putnam M. C. J.* Op. cit. P. 412-413.

Боккаччо Джованни. Жизнь Данте. XVIII... С. 545.

953

Фёдорова Е. В., Лесницкая М. М. Указ. соч. С. 36, 90-91.

Светоний. Вергилий. 41. В работе по редактированию поэмы участвовал и Плотий Тукка: Там же. 37.

Там же. 42; Ср.: *Сервий*. Комментарии к Энеиде. I. Предисловие.

*Вергилий. Энеида. III. 390-393; VIII. 43-46; III. 255-257;
VII. 124-127.*

Овидий. Лекарство от любви. 395-396; Любовные элегии. I. 15. 25-26; *Псевдо-Овидий*. Изложение Энеиды. Предисловие. 1-4.

958

Овидий. Скорбные элегии. IV. 10. 41-56.

959

Веллей Патеркул. II. 36. 3.

Макробий. Сатурналии. I. 16. 43; III. 2. 7.

Юстиниан. Институции. I. 2; Ср.: *Кассиодор.*
Институции. II. Предисловие. 4.

Авл Геллий. 1. 21. 2; II. 3. 5; Плиний Старший. XIII. 26. 83; Квинтилиан. I. 7. 20.

963

Светоний. О грамматиках. 16.

Квинтилиан. 1. 8. 5; Ср.: Ювенал. VII. 227; Макробий. Сатурналии. I. 24. 5-7; Августин. О граде божием. I. 3.

965

Светоний. Нерон. 54.

966

Вергилий. Георгики. II. 536-537; *Светоний.*
Домициан. 9.

См., например: *Вергилий. Энеида*. I. 203; II. 49; III. 56; IV. 569; V. 710; X. 467; XI. 283; XII. 153.

См. подборку помпейских граффити с цитатами Вергилия из Corpus Inscriptionum Latinarum: *Milnor K. Graffiti and the Literary Landscape in Roman Pompeii*. Oxford, 2014. P. 263-272.

См., например: *Leach E. W.* The Social Life of Painting in Ancient Rome and on the Bay of Naples. Cambridge, 2004. P. 226, 228, 239, 278.

970

Corpus Inscriptionum Latinarum. IV. 9131. Перевод
автора.

Образцы центонов см.: *Ziolkowski J. M., Putnam M. C. J.*
Op. cit. P. 471-485.

Элий Спартиан. Адриан. II. 8; *Элий Лампридий.*
Александр Север. XIV. 5; *Треbelлий Поллион.*
Божественный Клавдий II. X. 4-6.

Авл Геллий. I. 21. 2; Макробий. Сатурналии. VI. 9. 7.

Подробнее см.: *Ziolkowski J. M., Putnam M. C. J.* Op. cit.
P. 623-824.

Светоний. Вергилий. 44-46; О заимствованиях у различных греческих и римских поэтов см. также: *Макробий*. Сатурналии. V. 17-22; VI. 1-5; *Авл Геллий*. IX. 9; *Сервий*. Комментарии к Энеиде. V. 1; IX. 1.

976

Светоний. Вергилий. 44.

977

Там же. 43.

Макробий. Сатурналии. V. 3-10; V. 11-14; V. 15-16.

979

Там же. V. 2. 6.

980

Там же. V. 2. 4.

981

Там же. V. 17.4.

Светоний. Вергилий. 46; Ср.: Сенека Старший.
Контroversии. 7. 1. 12.

983

Макробий. Сатурналии. V. 1. 1.

984

Квинтилиан. X. 1. 85-86.

Евсевий Памфил. Сочинения: В 2 т. / Пер. с др. — греч. Санкт-Петербургская духовная академия. СПб., 1849. Т. 2. С. 331.

Comparetti D. Op. cit. P. 102-103; *Ziolkowski J. M.*,
Putnam M. C. J. Op. cit. P. 456.

См. подборки средневековых легенд о Вергилии: Великие некроманты и обыкновенные чародеи / Под ред. Н. С. Горелова, Пер.Н. Масловой, Н. Горелова. СПб., 2006; *Leland C. G. The Unpublished Legends of Virgil.* London, 1899. *Ziolkowski J. M., Putnam M. C. J.* Op. cit.

Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 403-408.
Перевод И. В. Дьяконова.

Великие некроманты и обыкновенные чародеи... С.
11-17.

990

Там же. С. 7-8.

991

Там же. С. 19-20.

Данте. Божественная комедия. Ад. I. 85; II. 140.
Чистилище. XXX. 50.

993

Там же. Ад. 1. 1-2.

994

Там же. Ад. I. 85-90.

995

Там же. Чистилище. ХХІ. 132-136.